

Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық
университеті
Казахский национальный педагогический
университет имени Абая
Kazakh National Pedagogical University Abai

LingvLit

Научный альманах

Выпуск 2

Алматы, 2018

УДК 811.161.1
ББК 81.2 Рус
L 75

Рекомендовано к публикации ученым советом КазНПУ им. Абая

Редакторский коллектив:

д.ф.н., профессор КазНПУ имени Абая В.В. Савельева,
д.ф.н., профессор КазНПУ имени Абая М.Ш. Мусатаева,
доктор PhD, ст. преп. КазНПУ имени Абая А.А. Джундубасва

L 75 LingvLit: Научный альманах. К 90-летию КазНПУ имени Абая
/Под ред. д.фил.н., проф. КазНПУ им. Абая С.Д. Абишевой. – Выпуск 2.
– Алматы: ТОО «КОПИТЕК». – 2018. – 300 с.

«LingvLit. Научный альманах» – научный филологический журнал кафедры русского языка и литературы КазНПУ им. Абая. Издание ориентировано на презентацию научных направлений кафедры и вовлечение в современную лингвистику и литературоведение молодых исследователей из числа бакалавров, магистрантов и докторантов PhD. Приоритет отдается статьям, выполненным в соавторстве ученых-ученик, написанным на русском, казахском и английском языках и посвященным проблемам лингвистики, билингвизму, изучению литературы России и Казахстана, методике преподавания филологических дисциплин. Журнал может быть интересен не только университетскому сообществу, но и учителям, журналистам, школьникам старших классов. Периодичность – один раз в год.

«LingvLit. Ғылыми альманах» – Абай атындағы ҚазҰПУ-дың орыс тілі және әдебиеті кафедрасының филологиялық ғылыми журнал. Басылым кафедраның ғылыми бағыттарымен таныстыра отырып, бакалаврлар, магистрлер және PhD докторлар санынан қазіргі замануи лингвистика мен әдебиеттану мәселелерін зерттеуге тарту үшін бағытталған. Басымдық орыс, қазақ және ағылшын тілдерінде жазылған, лингвистика, көптілдік, Ресей мен Қазақстан әдебиеттерін зерттейтін, филологиялық пәндерді оқыту әдістемесіне арналған ғалым – шәкірт бірлескен авторлық мақалаларға беріледі. Журнал тек университет қауымын емес, мектеп мұғалімдері, журналистер, жоғарғы сынып оқушыларын да қызықтыра біледі. Мерзімділігі – жылына 1 рет.

УДК 811.161.1
ББК 81.2 Рус

ISBN 978-601-298-689-1

© КазНПУ им. Абая, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЛИНГВИСТИКА	6
<i>Мусатаева М.Ш., Кожасметова А.С.</i> Проблемы номинации в современном языкознании	6
<i>Мусатаева М.Ш., Мухтаржанкызы Л.</i> Гендерная лингвистика как новая отрасль языкознания.....	12
<i>Аманов А.Ш., Эглим Л.В.</i> Специфика живой неформальной речи современной молодежи	19
<i>Губайдуллаева А.А., Эглим Л.В.</i> Особенности функционирования заимствований-тюркизмов в современной казахстанской прессе (на материале газетных заголовков).....	25
<i>Мусатаева М.Ш., Есиркеева Д.А.</i> ВОЗРАСТ как один из доминантных концептов в когнитивном пространстве казахстанской прессы	32
<i>Егорова Т.В., Аптина К.В.</i> Пространственные маркеры языковой картины мира (на материале казахского и русского языков).....	39
<i>Мусатаева М.Ш., Божбанбаева М.М.</i> Роль категоризации перцептивной информации в языковой картине мира (на материале глаголов зрительного и слухового восприятия в русском и казахском языках)	48
<i>Абаева М.К., Батаева А.Н.</i> ВЕТЕР в русской языковой картине мира	54
<i>Еркабылова Н.Н.</i> Психологические и психолингвистические аспекты исследования переключения кодов	63
<i>Абаева М.К., Адильбекова М.М.</i> Образ мужчины в русской и казахской культуре	72
<i>Оразбаева Э.С.</i> Сын есімдердің қатысуымен жасалған тілдік бірліктердің пропозициялық-танымдық құрылымы.....	76
<i>Мусатаева М.Ш., Нуржаубаева М.О.</i> Контрарные концепты как объект лингвистических исследований	82
<i>Медюк В.В.</i> Эмоциональный концепт «страх» в русских пословицах и поговорках	88
<i>Шакир Ж.Б., Шайбакова Д.Д.</i> Образы сравнений со значением «высокий» во фразеологии русского языка	96
<i>Абаева М.К., Нуртажиева А.Ж.</i> Цветообозначение в разноструктурных языках (универсальное и национальное).....	105
<i>Сагинтаев Э.Б.</i> Обозначение компьютерной клавиатуры в славянских языках (сопоставительный аспект)	113

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ.....	126
<i>Лебедева А.В., Джундубаева А.А.</i> Два пути «маленького человека» в повести Н.В. Гоголя «Невский проспект».....	126
<i>Айтмаганбетова А.Ж., Джундубаева А.А.</i> Своеобразие поэтики сказок Л.Н. Толстого	135
<i>Карамшук Д.Т., Джундубаева А.А.</i> Рассказ «О любви» в структуре «Маленькой трилогии» А.П. Чехова.....	145
<i>Суманиева С.Т., Джундубаева А.А.</i> Нарративная презентация мотива «другой жизни» в рассказе А.П. Чехова «Невеста».....	154
<i>Жумажанова Е.О.</i> Компоненты визуальности в описании предметного мира рассказа Н.С. Лескова «Жемчужное ожерелье»	164
<i>Минамутдинова Н.М.</i> Неименные номинации персонажей свиты Воланда в романе «Мастер и Маргарита».....	169
<i>Кикенова Б.Н.</i> Образная система повести А. и Б. Стругацких «Улитка на склоне»	176
<i>Арукенова О.А.</i> Генезис травмы рождения в повести Владимира Маканина «ЛАЗ»	182
<i>Абишева С.Д., Белоусова А.</i> Стратегические универсалии группы «Московское время».....	189
<i>Алдиярова М.</i> Поэтика корейских рассказов 1910-х гг.	197
<i>Меметова Л.А.</i> Поэтический синтаксис произведений Усеина Шамиля Тохтаргазы.....	203
<i>Рахимгалиева А.М.</i> «Абай жолындағы» Абай бейнесін проблемалап оқыту.....	208
<i>Поляк З.Н., Наршаева Г.Ш.</i> Полижанровая структура раздела «Голоса друзей» в «Книге про себя и про всех» В.В. Бадикова.....	214
<i>Поляк З.Н., Ермек Н.С.</i> Мотив чуда в рассказах Н. Верёвочкина.....	220
<i>Жанысбекова Э.Т.</i> Мифологема грехопадения как осколок эсхатологического мифа (А. Алтай).....	226
<i>Афанасьева А.М., Джундубаева А.А.</i> Мифологический контекст в рассказе И. Одегова «Врата рая».....	232
<i>Джундубаева А.А., Аскарбай Ж.</i> Роль художественного пространства в рассказе И. Одегова "Ловушка"	239
<i>Абишева С.Д., Жексембина М.О.</i> Типология композиционных форм поэзии Р. Буркитбаевой-Нукеновой в лирическом сборнике «Пристань грез».....	243
<i>Бейсен Г.Б.</i> Қазіргі жастар поэзиясының жаңашылдық өрісі	249

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ	255
<i>Жумағали Г.</i> Роль мультимедийных технологий в методике обучения младших школьников.....	255
<i>Кожакеева Ш.Т., Мамыт М.Н.</i> Развитие критического мышления школьников в процессе обучения русской литературе.....	264
<i>Мусатаева М.Ш., Нусупбекова А.С.</i> Роль школьного учебника по русскому языку и литературе в формировании гуманитарной культуры учащихся.....	269
<i>Кожакеева Ш.Т., Нургалиева-Бердалина С.</i> Формирование читательской деятельности студентов-филологов	278
<i>Карипова А.З.</i> Жаңартылған білім беру негізінде қазақ тілі мен әдебиеті пәнінен оқушылардың шығармашылық қабілеттерін арттыру	285
<i>Асқарова Г.Б.</i> Қазақ тілін деңгейге бөліп оқытуда жаңа технологиялық әдіс-тәсілдерді пайдалану және бағалау жүйесі	289
НАШИ ЮБИЛЕИ.....	296
ПОСЛЕСЛОВИЕ ОТ РЕДАКЦИИ.....	298

ЛИНГВИСТИКА

ПРОБЛЕМЫ НОМИНАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

М.Ш. Мусатаева

д.ф.н., проф. КазНПУ им. Абая

А.С. Кожаметова

докторант КазНПУ им. Абая

Аннотация. Языковая картина мира представляет собой результат процессов категоризации и концептуализации этноса посредством номинативных средств своего национального языка. По мере того, как человек познает мир, образы, представления и понятия его о предметах и явлениях, фиксируются с помощью языковых единиц. И этот сложный речемыслительный процесс, именуемый номинацией, обладает способностью при помощи ограниченных средств фиксировать и передавать всю безграничность человеческого опыта и описывать мир в соответствии с законами создания и функционирования собственной системы наименований. Многогранная природа номинации вызывает большой исследовательский интерес, благодаря чему этому феномену посвящено большое количество работ. Накопленный арсенал научных исследований по номинации требует осмысления и систематизации, что, безусловно, будет способствовать выявлению круга наиболее актуальных проблем современной теории номинации. Этим обусловлен выбор темы данной статьи.

Ключевые слова: теория номинации, номинативные средства, категоризация, концептуализация, познавательная деятельность, первичная номинация, вторичная номинация, форма, содержание.

Түйіндеме. Әлемнің тілдік бейнесі ұлттық тілдің номинативтік құралдары арқылы этностың категориялау және концептуалдау үдерістерінің нәтижесі болып табылады. Адам әлемді, бейнелерді, ұғымдарды және оның объектілері мен құбылыстарын тани бастағаннан оларды тіл бірліктері арқылы атайды. Номинация деп аталатын осы күрделі сөйлеу-ойлау үдерісі өзінің шектеулі ресурстарын пайдалана отырып, адамның шексіз тәжірибесін қамтып және әлемді өз атаулар жүйесінің құру және пайдалану заңдарына сәйкес сипаттайтын мүмкіндігі бар. Номинация құбылысының көп қырлылығы үлкен ғылыми-зерттеу қызығушылық тудырады, сондықтан осы феноменға көптеген еңбектер арналған. Осыған орай, номинация бойынша жиналған ғылыми зерттеулер тереңінен ой салып, жүйелеуді талап етеді. Осы бағытта жүргізілген

жұмыстар номинацияның қазіргі заманғы теориясының ең өзекті мәселелерін анықтап, осы саладағы ізденістердің келешегін айқындауға мүмкіншіліктер туғызады.

Түйінді сөздер: номинация теориясы, номинативтік құралдар, категориялау, концептуалдау, танымдық іс-әрекет, алғашқы номинация (аталым), екінші номинация(аталым), форма, мазмұн.

Abstract. The language picture of the world is the result of the processes of categorization and conceptualization of the ethnos through the nominative means of its national language. As a person learns the world, images, concepts of him about objects and phenomena are fixed with the help of linguistic units. And this complex process of thought is called the nomination which has the ability by means of limited means to convey the vastness of human experience and describe the world in accordance with the laws of the creation and functioning of its own system of names. The multifaceted nature of the nomination is of great research interest due to which a large number of works are devoted to this phenomenon. The accumulated arsenal of scientific research on nomination requires comprehension and systematization, revealing a range of the most urgent problems of the modern theory of nomination. This is the reason for choosing the topic of this article.

Keywords: nomination theory, nominative means, categorization, conceptualization, cognitive activity, primary nomination, secondary nomination, form, content.

Еще с древности человека интересовала природа именования, о чем свидетельствуют работы античных мыслителей Аристотеля, Диогена Вавилонского, Варрона и др. в которых наблюдается попытка выявления сути механизма именования. В Средние века исследовательский интерес вызывает вопрос об искусственной или естественной природе именования вещей, в связи с чем следует отметить известную работу А.Ф. Лосева «Вещь и имя» [1].

В середине XX столетия в советском языкознании наблюдается номинативный «бум», связанный с активизацией исследований феномена *номинации*, в которых систематизируется, стандартизируется и унифицируется понятийный аппарат, уточняются дефиниции. Этот период ознаменован целой серией работ Э.С. Азнауровой, Н.Д. Арутюновой, В.Г. Гака, Н.Д. Голева, Г.В. Колшанского, Е.С. Кубряковой, Б.А. Серебrenникова, В.Н. Телии, А.А. Уфимцевой, Д.Н. Шмелёва и др.

Бесконечность познания и познавательной деятельности способствует появлению новых понятий, которые нуждаются в новых языковых обозначениях. Углубленное изучение речемыслительного процесса человека позволило ученым выявить специфику номинативной системы, характеризующуюся внутренним единством когнитивной,

номинативной, коммуникативной деятельности языкового коллектива, что проявляется в соотношении формы и содержания наименований, а также речевых намерений говорящего.

Большое количество работ, посвященных теории номинации, позволяет говорить о ней как достаточно разработанной отрасли языкознания. Тем не менее, терминологическая система данной отрасли все еще находится на стадии формирования, о чем позволяет судить отсутствие общепринятой дефиниции самого термина *номинация*. Так, Е.С. Кубрякова рассматривает номинацию как продукт классификационно-познавательной деятельности человека в выбранной области знания или общественного опыта [2, 6]; В.Г. Гак – как обозначение всего отражаемого человеческим сознанием, всего сущего или мыслимого: предметов, лиц, действий, качеств, отношений и событий» [3, 233-234]; Г.В. Колшанский – как закрепление за языковым знаком понятия – сигнификата, отражающего определенные признаки денотаты [4, 101]; А.А. Уфимцева, рассматривая данный термин в гносеолого-семиотическом аспекте, определяет его как «процесс обращения фактов внеязыковой действительности в достояние системы и структуры языка, в языковые значения, отражающие в сознании носителей языка их общественный опыт» [5, 13]. Несмотря на различные формулировки, они пересекаются. Обобщенная формулировка представлена В.Н. Телией: 1) образование номинативных единиц..., характеризующихся номинативной функцией; 2) совокупность проблем..., рассматриваемых в теории референции, в противоположность семантике; 3) суммарное обозначение лингвистических проблем..., рассматриваемых в номинативном аспекте [6, 336].

В последние десятилетия XX века наблюдается формирование нового этапа исследований, характеризующегося как человеческий фактор в языке и язык в человеке.

Актуальность исследования проблем номинации определяется не только классическими вопросами о роли номинации в системе и структуре языка, о «языковой технике» номинативных процессов, но и возросшим интересом к степени влияния человеческого фактора на процесс образования языковых единиц, служащих для называния и вычленения фрагментов объективного мира. Разработка вопросов, связанных с теорией номинации, предоставляет возможность постичь суть взаимоотношений и охарактеризовать степень взаимовоздействия в триаде «мир-язык-человек». Лексика как самая подвижная часть языковой системы наиболее подвержена изменениям. В современном мире наряду с научно-техническими и культурными изменениями происходят социальные и политические перемены, которые отражаются в языковой системе.

Очевидно, что актуальность исследования динамики номинации обусловлена не только внутренними потребностями теории номинации, но

и повышением интереса к функциональной стороне языка в целом и сменой прежних задач лингвистики новыми. Очень емко эти задачи отмечены Н. Хомским: "описать свойства конкретных языков и дать точную характеристику вычислительной системы, задающей форму и смысл языковых выражений" – желанием сосредоточиться "на природе языковой способности, ее принципах и параметрах, определяющих ее вариативность" [7, 103].

На современном этапе развития науки наибольший интерес представляют исследования проблем номинации в рамках антропоцентрического направления «на стыке» лингвистики и других гуманитарных наук. Теория номинации получает новый импульс, исследуется в двух направлениях: в когнитивном и в дальнейшей разработке вопроса роли человеческого фактора. Теория номинации связана, прежде всего, с выяснением того, как соотносятся между собой понятийные формы мышления, каким образом создаются, закрепляются и распределяются наименования за разными фрагментами объективной реальности. Поэтому объектом изучения теории номинации являются единицы языка, наделенные основными свойствами как обозначать, служить наименованием, т.е. выделять в акте номинации объект с помощью языковых средств и сообщать ему соответствующее имя в речепроизводстве. В свете теории номинации исследуются вопросы системности слов не только в их прямых, но и переносных значениях.

Одной из центральных проблем теории номинации до сих пор остается ее типология. Общая типология языковых номинаций представлена одним из создателей общей теории номинации В.Г. Гаком:

- ✓ иерархия номинаций: первичная – вторичная номинация;
- ✓ по функции номинаций: языковая – речевая номинация
- ✓ по объекту: элементная – событийная номинация
- ✓ по внешней форме: самостоятельная – несамостоятельная номинация
- ✓ по способу наименования:
 - а) по связности или обособленности обозначения;
 - б) по внутренней форме;
 - с) по степени мотивированности.
- ✓ по субъекту и адресату;
- ✓ по соотношению с другими номинациями в парадигматическом плане;
- ✓ по соотношению с другими номинациями в синтагматическом плане:
 - а) автономные номинации;
 - б) неавтономные номинации [8, 7-97].

Для ученых-лингвистов наибольший интерес представляет *прямая* или *первичная* (перевод материального в идеальное, реального

материального предмета в предмет номинации) и *косвенная* или *вторичная* (вторичное использование существующих языковых форм в роли названия).

Существует множество определений первичной номинации:

- отражает то, что стало предметом реальной и мыслимой действительности при помощи человека, охватывающего все его этапы социального опыта и трудовой деятельности [2, 13];

- акт присвоения имени объекту, который ещё не имеет названия [9];

- обозначение элементов действительности (как на предметном, так и на событийном уровне) с помощью непроеизводных слов [10].

Новые слова появляются только в тех случаях, когда создаётся артефакт (т.е. предмет деятельности человека) или открывается, обнаруживается неизвестный. Первичной номинацией является первое упоминание конкретного явления в речи, оно генерируется текстом и определяется коммуникативными установками. Как отмечает В.Г. Гак, при первичной номинации языковая форма используется в своей первичной функции для обозначения данного объекта в данных условиях [8, 321].

Некоторыми учеными (А.А. Уфимцева, Э.С. Азнаурова, Е.С.Кубрякова, В.Н. Телия и др.) термин *первичная номинация* понимается как и *прямая* номинация. Ими отмечается, что прямая (первичная) номинация возможна только тогда, когда появляется возможность с помощью какой-либо формы (элемента) языка воссоздать в сознании тот или иной предмет в пространстве [5, 25].

Следствием постоянно действующего в языке закона языковых средств и экономии речевых усилий является *вторичная номинация*, которая номинирует предметы и явления внеязыковой действительности по сходству, сообразно ассоциациям и образным представлениям. К недостаточно изученным вопросам вторичной номинации относятся ее типология и функции, выполняемые в языке.

В научной литературе существует множество определений вторичной номинации, что свидетельствует об отсутствии общепризнанного определения данного термина. Приведем наиболее емкие дефиниции, учитывающие, существенные признаки данного понятия:

- 1) это использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения, использование имеющихся номинативных средств языка в новой (вторичной) для них функции именования, т.е. применение «старых» словесных знаков (лексем и словосочетаний) для обозначения новых реалий и смыслов [11, 129];

- 2) это переосмысление готовых языковых единиц, выступающих во вторичной для них функции [12, 20].

3) вторичная номинация может иметь как языковой, так и речевой характер. В первом случае вторичная номинация предстает как принятые языком, закрепленные значения словесных знаков. Во втором – как случайное употребление лексических единиц в несобственной для них номинативной функции. При этом в самих процессах вторичной номинации принимают участие три звена: язык – языковой знак, номинация; человек – познающий субъект; реальная действительность – познаваемый объект [12, 11].

4) при вторичной номинации во всевозможных словоупотреблениях могут сохраняться не только существенные, но и второстепенные признаки, а это в свою очередь создает сдвиг в значении слова, благодаря этому возникает явление образности [9, 143].

5) недостаточность систем первичных обозначений компенсируется системой вторичной номинации. Возможности выражения мыслей и оценок при этом неизмеримо возрастают без увеличения числа средств выражения, без количественного роста словаря, но ценой меньшей определенности вторичных значений [5, 237-238].

Как видно, ученые единодушны во мнении, что в основе вторичной номинации лежит ассоциативный характер человеческого мышления, который позволяет устанавливать сходства и различия на основе признаков, приписанных новым именам. В образовании вторичной номинации человек использует одну из граней нашего мышления – лингвокреативную – вследствие собственной интерпретации продуцирует новое значение. Особый лингвистический интерес к проблемам вторичной номинации во многом обусловлен тем, что они фиксируют наблюдения, опыт и знания ряда поколений, отражают специфику познавательной деятельности народа.

Таким образом, следует отметить ряд проблем, которые стоят перед исследователями для дальнейшего изучения:

- отсутствие в лингвистике единого толкования самого термина *номинация*;

- отсутствие единой типологии номинаций. Наиболее детальной и многосторонней является, на наш взгляд, разработка типологии номинации В.Г. Гака, где центральным моментом классификации номинации оказывается противопоставление первичной – вторичной, прямой и косвенной номинации;

- наименее изученным остается феномен вторичной номинации. Первичная номинация осуществляется однократно, вторичная же может происходить как один раз, так и несколько. Необходимость его дальнейшего изучения требуется с целью более глубокого проникновения в мир реальной действительности, отраженный в сознании человека.

Проведенный обзор проблем *номинации* показывает, что каждый этап развития языковедческой науки ставит перед исследователями новые

задачи, решение которых открывает новые грани процесса номинации. На данном этапе антропоцентрированная лингвистика изучает процессы номинации с лингвокогнитивных, лингвопрагматических, психо-лингвистических и других контаминированных подходов, что открывает новые возможности выявления скрытых аспектов природы номинации.

Список литературы:

1. Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М., «Советская энциклопедия», 1990. – С. 336 – 337.
2. Кубрякова Е.С. Части речи в ономазилогическом освещении. – М.: Наука, 1978. – 116 с.
3. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация. Общие вопросы. – М., 1977.
4. Колшанский Г.В. Лингвогносеологические основы языковой номинации // Языковая номинация (Общие вопросы). – М.: Наука, 1977. – С. 99-146.
5. Уфимцева А.А., Азнаурова Э.С., Кубрякова Е.С. Лингвистическая сущность и аспекты номинации // Языковая номинация (Общие вопросы). – М.: Наука, 1977. – С. 7-98.
6. Лосев А. Ф. Вещь и имя [Текст] / А. Ф. Лосев. – М., 1929.
7. Хомский Н. Язык и проблема знаний // Вестник Московского университета. Серия филол. – 1996. – № 2. – С.103-121.
8. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М., 1998. – 768 с.
9. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / Ахманова О.С. – 2-е. – М.: КомКнига, 2007. – 571 с.
10. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.
11. Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация (Виды наименований). – М., 1977. – С. 129-221.
12. Лобанов И.Б. Русский язык и культура речи [Текст]: учеб. пособие для вузов / И.Б.Лобанов. – М.: Академический проект, 2007. – 325с.

**ГЕНДЕРНАЯ ЛИНГВИСТИКА
КАК НОВАЯ ОТРАСЛЬ ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

М.Ш. Мусатаева

д.ф.н., проф. КазНПУ им. Абая

Л. Мухтаржанкызы

магистрант КазНПУ им. Абая

Аннотация: Антропоцентрическая научная парадигма способствовала возникновению целого ряда новых направлений, к числу

которых относится и гендерная лингвистика. Социальная сущность языка предполагает изучение гендерных отношений, в которых заключаются системные характеристики говорящих субъектов. Поскольку каждый говорящий субъект является носителем конкретного национального языка, культуры, конфессии и др., то эти особенности находят отражение в их речи. Специфика этих проявлений в речи разнополых индивидов становится предметом изучения гендерной лингвистики. Этой проблеме посвящено множество научных исследований, анализ которых позволит выявить определенные тенденции в современной лингвистической гендерологии. С этой целью в данной статье проводится обзор работ в области гендерной лингвистики.

Ключевые слова: гендерная лингвистика, говорящий субъект, гендерные исследования, эмоциональность, дифференциация, половой признак.

Андатпа: Антропоцентрилік ғылыми парадигма бірқатар жаңа бағыттардың пайда болуына ықпал болды, оның санында гендерлік лингвистика да бар. Тілдің әлеуметтік маңызы сөйлеуші субъектілердің жүйелі сипаттамаларымен қатар гендерлік қатынастарын зерттеуді қамтиды. Әрбір сөйлеуші субъект белгілі бір ұлттық тілдің, мәдениеттің, конфессияның өкілі болғандықтан, бұл ерекшеліктер олардың сөйлеу барысында көрініс табады. Сөйлеуші тұлғалардың жыныс тарапынан айқындалатын айырмашылықтары лингвистикалық гендерологияның зерттеулік пәні болып табылады. Осы мәселеге қатысты жүргізілген ғылыми зерттеулерді талдау нәтижесі заманауи лингвистикалық гендерлік үрдістерді анықтауға мүмкіншілік береді. Осы мақсатты көздей отырып, мақалада гендерлік лингвистика саласындағы ізденістерге шолу жүргізілген..

Кілт сөздер: гендерлік лингвистика, сөйлеу субъектісі, гендерлік зерттеулер, эмоционалдылық, дифференциация, жыныстық ерекшелік.

Summary: Anthropocentric scientific paradigm contributed to the emergence of a number of new directions, including gender linguistics. The social essence of language involves the study of gender relations, which are the system characteristics of speaking subjects. Since each speaking subject is the bearer of a specific national language, culture, confession, etc., these features are reflected in their speech. The features of these manifestations in the speech of heterosexual individuals are the subject of the study of gender linguistics. A lot of scientific research is devoted to this problem, the analysis of which will reveal certain trends in modern linguistic genderology. To this end, this article reviews the work in the field of gender linguistics.

Key words: gender linguistics, speaking subject, gender studies, emotionality, differentiation, gender.

Со второй половины 20-го столетия доминантой научного познания становится антропоцентризм, который охватывая все сферы человеческого бытия, открывает новые исследовательские горизонты. Так, одной из актуальных проблем становится разграничение биологического и социального пола, в связи с чем возникает термин *гендер*. Он был введен в научный обиход Р.Столлером, согласно концепции которого гендер, в отличие от биологического пола, формируется в социуме в соответствии с принятыми в нем этическими и моральными нормами и призван выполнять возложенные на него социальные роли. Проблема гендера (социально *мужское* и *женское*: черты, нормы, стереотипы, роли, типичные и желаемые и др.) является общегуманитарной и изучается с различных позиций: философской, социологической, психологической, исторической, культурологической, когнитивной, литературоведческой, лингвистической и др.

В зарубежной лингвистике исследованием проблемы *мужское – женское* занимались такие ученые, как: E. Mauthner; O. Jespersen; F. Miko; I. Horecky; R. Lakoff; E. Borneman; J.W. Scot; D. Cameron и др.

Обозначим проблемы в работах отдельных зарубежных гендерологов: J. Batsleer (*cultural policy of sex and class – о культурной политике пола и класса*), M. Black (*linguistic, social and sexual relations – о соотношении понятий лингвистическое, социальное и сексуальное*), P. Brown (*how and why women are more polite: some data from the Mayan community – как и почему женщины более вежливы: некоторые данные из сообщества майя*), D. Cameron (*language and gender interface: complex cooperation – о сложной кооперации языкового и гендерного интерфейса*), K. Clark (*linguistics of guilt: representations of women in the reports of the Sun on crime and sexual violence – лингвистика вины: представления женщин в сообщениях...*), F. Christie (*sex and language: to feminist pragmatics – пол и язык: к феминистской прагматике*), P. Eckert (*communities of Practice: where all languages, gender and power live – сообщества практики: где все языки, пол и власть живут*), R. Herbert (*differences in behavior with compliments – о различиях в поведении с комплиментами*), J. Holmes (*language and gender Issues: gender in discourse – язык и гендерные вопросы: гендер в дискурсе*), K. Goffman (*language in the workplace – язык на рабочем месте*), S. Philips (*gender Ideologies in discourse – гендерные идеологии в дискурсе*); E. Goodwin, S. Romaine, C. West и др.

В российской лингвистике лингвистическая гендерология связана с именами ученых: А.А. Леонтьев, Е.С. Кубрякова, Н.В. Уфимцева, В.Н.Телия, Д.О. Добровольский, Г.Г. Слышкин, И.А. Стернин, Г.Е.Крейдлин, И.Г. Ольшанский, О.С. Иссерс, А.В. Кирилина и др.

В гендерных исследованиях можно выделить следующий круг проблем, рассматриваемых на различном языковом материале:

✓ языковая категоризация гендерных стереотипов (Н.В. Уфимцева, А.В. Кирилина, Е.И. Горошко, Е.С. Ощепкова – в языковом сознании, З.А.Манзуллина – в сопоставительном аспекте, Е.С. Ожигина – на материале рекламного текста, А.А. Трубченинова – на материале газетного спортивного дискурса, М.В. Томская – на материале социальной рекламы, Е.И. Горошко – вербальные ассоциации, А.П. Мартынюк – в речи авторов-мужчин и женщин и др.);

✓ репрезентации гендера, в том числе этнокультурной специфики концептов «мужественность» и «женственность» (В.Н. Телия, Д.Я.Малишевская, А.В. Артемова, И.В. Зыкова, А.А. Григорян, Г.Г.Слышкин, Г.И. Кульдеева, Ф.Ф. Фатыхова – в системе языка: лексике, фразеологии, ономастике);

✓ эмоциональный уровень мужской и женской языковой личности и средства его выражения (С.К. Табурова – на материале пленарных дебатов Бундестага, А.Ю. Беляева – на материале русской разговорной речи, Г.В. Барышниковой – на материале французской литературы 17-20 вв., Е.Н. Токарева – выражение оценки в гендерном дискурсе, В.И. Жельвис – стратегия и тактика брани и др.);

✓ язык как средство конструирования гендера (Е.С. Гриценко – сопоставительный аспект, В.В. Потапов – на материале английского языка, С.А. Коновалова – предикативные отношения в гендере, И.В.Зыкова – на материале английской фразеологии, Е. Здравомыслова – феминистская теория, И.А. Гуссейнова – на материале коммерческих дескриптивных рекламных текстов, Б. Барон – на материале академической профессиональной коммуникации, В.В. Демичева – в русском литературном языке 18-го века; М.В. Томская, М.Д. Городникова, Е.В. Милосердова, Л.В. Полубиченко и др.);

✓ коммуникативное поведение мужчин и женщин (И.В.Коноваленко – гендерный фактор, Е.Ю. Гетте – проблемы теории и методики описания, Р.К. Потапова – секслект в криминалистике; Л.В.Кузниченко, Т.Б. Крючкова, С.Ф. Гончаренко, И.Л. Савкина, Т.В.Гречушникова, Г.В. Иванченко, Н.А. Фатеева и др.);

✓ гендерный аспект возрастных категорий (Ф.Ф. Фатыхова – на материале башкирского языка и др.);

✓ терминологические вопросы в гендерных исследованиях (Е.И.Трофимова – с позиции триады *язык-культура-коммуникация* и др.);

✓ проблема идентичности в гендере (И.Л. Савкина – модель женственности; М.Д. Городникова, О.А. Максименко, Л.И. Гришаева, И.Г.Ольшанский – на материале текстов брачных объявлений, К.Клингсайс – русско-австрийский опыт, Т.В. Барчунова – на материале символического дискурса националистической прессы и др.);

✓ гендерные аспекты межкультурной коммуникации (О.В. Рябов – социально-философский анализ и др.);

✓ теория языковой личности – инструмент гендергетики (О.Л.Каменская и др.);

✓ экспериментальные исследования особенности использования русского языка мужчинами и женщинами (И.А. Стернин, Г.Е. Крейдлин, В.В. Ганина, Е.И. Горошко, Карташкова, Т.Б. Крючкова и др.);

✓ отражение гендера в лексикографии (М.С. Колесникова, И.Г.Ольшанский и др.);

✓ психология гендерных отношений (И.С. Клецина – как предметное поле социальной психологии, И. Жеребкина – феминизм и психоанализ и др.)

Как видно из этого не совсем исчерпывающего обзора, гендерная лингвистика переживает этап становления, на котором самой приоритетной является проблема выявления социокультурных характеристик мужчин и женщин, отраженных в системе языка и речи, актуальных для гендерной дифференциации. Так, С. Вест и Д.Зиммерман, анализируя современное состояние гендерной лингвистики, в ее развитии выделяют два аспекта: диахронический и синхронный. В свою очередь, диахронный аспект, они подразделяют на два периода:

1. «The first period is connected with the identification of biological factors, which greatly affect the speech communication process. This period is mostly known as the period of irregular studies. The studies conducted during this period have not been connected with adjacent sciences, and mainly they have been focused on the observation of odd facts in science» [1, 98]. *Первый период связан с идентификацией биологических факторов, которые в значительной степени влияют на процесс речевой связи. Этот период в основном известен как период нерегулярных исследований. Исследования, проведенные в течение этого периода, не были связаны со смежными науками, и в основном они были сосредоточены на наблюдении нетипичных фактов в науке.*

2. «The second period is distinguished by conducting the serious gender-based studies relating to the pragmatic aspects of linguistics as well as the development of sociolinguistics and the essential changes in distribution of male and female roles in the society» [1, 98]. *Второй период характеризуется проведением серьезных гендерных исследований, связанных с прагматическими аспектами лингвистики, а также развитием социолингвистики и существенными изменениями, произошедшими в распределении мужских и женских ролей в обществе.*

В казахстанской русистике проблемы гендерной лингвистики разрабатываются сравнительно недавно. Поскольку гендерология соотносит системы гендерных отношений с другими социальными иерархиями, эта проблема в той или иной степени рассматривается в работах социолингвистов. Так, ведущий казахстанский социолингвист Э.Д. Сулейменова отмечает, что «В основе лингвистических концепций

лежит понимание пола как культурной репрезентации гендера, конструируемой соответствующими дискурсивными практиками при помощи выразительных средств языка» [2, 47].

Отдельные социально значимые для казахстанского общества проблемы гендерологии затрагиваются в работах Б.Х. Хасанұлы (2001, 2003), Р.А. Османовой (2001), Д.Е. Масалимовой (2005), Г.И. Исиной (2007), Г. Шокым (2007), З.К. Сабитовой (2007) А.Р. Даировой (2008), В.Д.Нарожной (2008), З.Ж. Туйебековой (2008), Т.Ж. Токтаровой (2014) и др.

Перечислим основные проблемы, рассматриваемые в работах казахстанских гендерологов, Б.Хасанұлы рассматривает факторы гендерной дифференциации языка [3] и проблемы женского языка [4], Р.А.Османова – гендерный анализ национально-культурной семантики [5], Д.Е. Масалимова – когнитивно-прагматическое описание речевого общения [6], Г.И. Исина – соотношение стереотипа и ЯКМ [7], Г. Шокым – об истоках гендера в казахском языкознании [8], З.К. Сабитова – проблемы выражения гендерной оппозиции в древнерусском языке посредством описания лексических, семантических, словообразовательных, грамматических явлений [9], А.Р. Даирова – о некоторых вопросах гендерологии [10], З.Ж. Туйебекова [11], В.Д. Нарожная – гендерный аспект МКК [12], Т.Ж. Токтарова – стереотипные формы поведения мужчин и женщин, а также национально-культурная специфика определенных форм и средств вербальной и невербальной коммуникации у представителей этнических культур [13]. В этой связи следует отметить и выход коллективной монографии, подготовленной на базе Павлодарского государственного университета имени Торайгырова [14].

Одним из перспективных направлений этой отрасли представляется сопоставительная *гендерная лингвоконцептология*, поскольку результаты этих исследований позволят понять специфику проявлений мужского и женского в разных национальных языковых картинах мира: поведения, в том числе и речевого, как в той или иной степени производного национальных менталитетов. Как справедливо отмечает З.К. Сабитова, «Представления о мужественности (маскулинность) и женственности (женственности) различаются в разных культурах, что приводит к вариативности норм речевого поведения мужчин и женщин» [9, 14]. В каждой национальной языковой картине мира, с точки зрения ценностного восприятия, существуют свои представления об идеальном участнике коммуникации, мужчине и женщине. В научный обиход введен термин *коммуникативный идеал*, который Ю.Е. Прохоров и И.А. Стернин дефинируют как «стереотипное представление об идеальном собеседнике, присутствующее в коммуникативном сознании народа. Коммуникативный идеал является важной составляющей национального коммуникативного сознания и во многом определяет рецептивное коммуникативное поведение народа» [14, 227].

В связи с этим актуальность представляет лингвоаксиологический аспект гендера. Наличие гендерных стереотипов поведения, в т.ч. речевого, предполагает оценку по шкале +/-, которая у этносов имеет как универсальные, так и культурно обусловленные черты. Это обстоятельство позволяет предположить о перспективности сопоставительных лингвогендерологических исследований в аксиологическом аспекте.

Вышеприведенный краткий обзор научных исследований, посвященный гендерным проблемам, позволяет судить о том, что гендерная лингвистика становится одной из значимых отраслей современной лингвистики, поскольку само поведение социально, в том числе и речевое. Соответственно существуют определенные гендерные стереотипы и образцы мужского и женского поведения, речевого общения, навязываемые обществом индивиду. Соблюдение этих норм и стереотипов способствуют комфортной социализации личности.

Список литературы:

1. West C., Zimmerman D. Doing Gender // Gender and Society Magazine. – 1987. – P. 84-124.
2. Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж., Смагулова Ж.С., Аканова Д.Х. – Словарь социолингвистических терминов: Изд-е 2. – Алматы: Қазақ университеті, 2007. – 330 с.
3. Хасанұлы Б.Х. Женский язык и факторы гендерной дифференциации языка // Проблемы гендера в контексте трансформации казахстанского общества: Материалы международного круглого стола. – Алматы, 2001. – С. 48-52.
4. Хасанұлы Б.Х. Проблемы развития гендерных исследований в казахстанском языкознании и вопросы женского языка // Язык и культура: функционирование и взаимодействие. – Шымкент, 2003. – С.47-58.
5. Османова Р.А. Национально-культурная специфика образов сознания русских и казахов: (Гендерный анализ на материале слов семантического поля «Дом, Семья»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2001. – 24 с.
6. Масалимова Д.Е. Когнитивно-прагматическое описание гармонии и дисгармонии речевого общения коммуникантов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Алматы, 2005. – 26 с.
7. Илина Г.И. Стереотипы и национальная языковая картина мира. – Караганды: Изд-во КарГУ, 2007. – 396 с.
8. Шокым Г. Қазақ тіл білімінің гендерлік тұғыры. – Алматы, 2007. – 312 б.
9. Сабитова З.К. Гендерная оппозиция в языке. Диахронический аспект. – Алматы: Қазақ университеті, 2007. – 158 с.

10. Даирова А.Р. Некоторые вопросы гендерной лингвистики // Языковое пространство Казахстана в новом тысячелетии и проблемы мировой лингвистики. – Алматы, 2008. – Т.1. – С.875-881.
11. Туйебекова З.Ж. Некоторые вопросы гендерной лингвистики // Языковое пространство Казахстана в новом тысячелетии и проблемы мировой лингвистики. – Алматы, 2008. – Т.1. – С.183-189.
12. Нарожная В.Д. Межкультурная коммуникация в гендерном аспекте // Языковое пространство Казахстана в новом тысячелетии и проблемы мировой лингвистики. – Алматы, 2008. – Т.1. – С.868-875.
13. Токтарова Т.Ж. Гендерные исследования в современном казахстанском обществе // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 2.
14. Гендерная лингвистика. Коллективная монография. – Павлодар, 2012.
15. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. – 4-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 328 с.

СПЕЦИФИКА ЖИВОЙ НЕФОРМАЛЬНОЙ РЕЧИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ

А.Ш. Аманов

магистрант КазНПУ им. Абая

Л.В. Эглит

к.ф.н., проф. КазНПУ им. Абая

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей речи современной молодёжи; описанию и характеристике молодёжного сленга; выявлению причин, указывающих на успешное функционирование сленгизмов.

Ключевые слова: макросистема, сленгизмы, синтагматические отношения, молодежная культура, лексический пласт.

Түйіндеме. Мақала қазіргі жастардың сөйлеу ерекшеліктерін зерттеуге арналған; жастар сленгінің толық анықтамасы мен сипаттамасы; сленг сөздердің жастардың сөйлеу менерінде қолданылу себептерін анықтау.

Түйін сөздер: макросистема, сленгизм, синтагматикалық қатынас, жастар мәдениеті, лексикалық қабат.

Abstract. The article is devoted to the study of the features of modern youth speech; a detailed description and description of youth slang; Identify the reasons for the successful functioning of slang.

Keywords: macrosystem, slengizmy, syntagmatic relations, youth culture, lexical layer.

О динамике языка говорят многие ученые, справедливо отмечая, что нельзя сводить национальный язык только к литературному, поскольку общенародная основа национального языка воплощается во всех его разновидностях – территориально-социальных диалектах, внелитературном просторечии и жаргонах, создающих единую макросистему, в которой границы между разновидностями языка подвижны.

Новые формы общественных отношений в определенной мере отразились на молодежи – социально наиболее перспективном слое общества, языковая компетенция и речевое поведение которого во многом определяет направление развития и других социальных подсистем языка, в том числе разговорной речи и литературного языка.

Сленг занимает особое место среди социальных диалектов. Под это понятие нередко подводятся самые разнородные явления лексикологического и стилистического плана.

Сленг, как лингвистическое явление, был предметом исследования многих ученых. Культурологический и лингвистический аспекты сленга были изучены ведущими языковедами, такими как В.Г. Вилюман, Р. Спирс, И.Г. Гальперин, В.В. Девкин, В.А. Хомяков, А.Т. Липатов, М.В. Фролова, О.А. Анищенко, В.М. Абдуллаева и др.

В своих работах они дали определение понятия сленг, рассмотрели его основные лингвистические характеристики, показали употребление единиц сленга в художественном тексте.

В английском, казахстанском и российском языкознании существуют различные трактовки, касающиеся термина «сленг». Так, широкое определение принадлежит Р. Спирсу, автору словаря сленга и эвфемизмов [1]. Р. Спирс пишет, что термин *сленг* ранее использовался для определения британского криминального жаргона (синоним к слову «кэнт» (cant). Позже *сленг* расширил свою семантику и на сегодняшний день включает в себя различные виды неканонической лексики: жаргон, просторечие, диалект и даже вульгарные слова [2].

Достаточно развернутым представляется нам определение сленга, данное одним из ведущих ученых-сленгологов В.А. Хомяковым: «Сленг – это относительно устойчивый для определенного периода, широко употребительный, стилистически маркированный (сниженный) лексический пласт (имена существительные, прилагательные и глаголы, обозначающие бытовые явления, предметы, процессы и признаки), компонент экспрессивного просторечия, входящего в литературный язык, весьма неоднородный по своим истокам, степени приближения к литературному стандарту, обладающий пейоративной экспрессией» [3, 43-44].

Изучив существующие в отечественной и зарубежной лингвистике весьма противоречивые, а в ряде случаев взаимоисключающие дефиниции сленга, проведя собственное исследование, мы пришли к следующему определению данного явления: сленг – генетически неоднородный слой лексики и фразеологии, бытующий в разговорной неформальной речи и находящийся за пределами литературной нормы, который служит целям коммуникации и является средством эмоционально-экспрессивного выражения, способом самоутверждения, своеобразным выражением протеста против обыденности и стандартности в кругу отдельных социальных и возрастных групп общества.

Молодежная культура – это свой, ни на что не похожий мир. Он отличается от мира взрослых своей экспрессивной, порой даже резкой и грубой, манерой выражать мысли, чувства, неким словесным абсурдом, который характерен только молодым людям, смелым и решительным, настроенным против всего и всех, и создавшим свой неповторимый мир. Как следствие этого – возникновение молодежного сленга.

Молодежный сленг имеет целый ряд особенностей и отличий от других имеющихся разновидностей национального языка. К их числу, прежде всего, можно отнести быструю изменчивость молодежного сленга, объясняемую тем, что не прекращающийся «приход» в молодежь подрастающих детей и «уход» из нее во взрослую жизнь приобретающих статус взрослых молодых людей сопровождается постоянной обновляемостью молодежного сленга [4].

Обладея определенным коммуникативным статусом, сленг является прямым отражением психологии среднего носителя языка и ситуаций повседневной жизни. Таким образом, применение сленга представителями молодежи имеет различное социально-психологическое, культурологическое, лингвистическое (лексическое, семантическое, стилистическое, коммуникативное) значение.

Среди причин, указывающих на успешное функционирование сленгизмов в речи современной молодёжи, можно отметить:

1. Попытку особым образом конспирировать свою речь, сделать неясной для сторонних наблюдателей (к примеру, для родителей). Например: *Она не любит **флексить** ('танцевать')*; *Твоя идея **заишквар** ('что-то тупое, потерявшее актуальность')*; *Его **забрали в могилу** ('кабинет директора')*.

2. Желание специфического выражения своих эмоций. Многие сленговые слова-эмотивы непереводимы на литературный язык одним словом: ***облом*** – когда действительное не совпало с ожиданием; ***рофл***, ***рофлить*** (англ. ROFL – Rolling On Floor Laughing – данная фраза переводится так: *катаюсь по полу от смеха*) – 'очень громко смеяться или хохотать'.

Очень часто в сленговый подъязык включается слово, обозначающее новую реалию молодёжной действительности и не имеющее аналогов в литературном языке. И в этом случае происходит порождение новой лексической единицы. В качестве примера приведем лексему «**Вайпер**» ('персонаж из игры Dota 2'). *В его способностях присутствует яд и он отравляет всех именно им. Вайперами называют представителей новой субкультуры молодёжи, пользующихся электронными сигаретами.* В данном случае заимствованная из английского лексема *Viper* является примером прямой транслитерации английского слова при сохранении основного значения лексемы.

3. Желание идентификации в той или иной компании. В каждой отдельной референтной группе, например: рокеры (*драмс, драмсист* (англ.) – 'ударные инструменты, ударник'), панки (*собака* – 'электричка'; *блохи* – 'контроллеры'; *цивил* – 'обычный человек'), готы (*катафалк* – 'насмешливое обозначение наземного транспорта'), *эмо* (*тоннели* – это 'круглые дыры в ушах и сережки вставленные в них'), учащаяся молодёжь (*забодяжить котячий сунчик* – 'заварить себе китайскую лапшу, а потом смачно пережёвывать её'; *база* – 'главный корпус учебного заведения'; *джунгли* – 'плохо поддающийся усвоению предмет') кроме общего сленга существует свой словарь, идентифицирующий данную группу носителей социолекта. [5].

Эмоциональная насыщенность сленгизмов проявляется в форме иронически-пренебрежительной или шутливой, карнавальной образности, в формах грубоватой экспрессии, которые, в отдельных случаях, бывают даже жестокими в своих намекающих суждениях, например: *яга* – 'мать'. Сравним с толкованием этого слова в толковом словаре Т. Ф. Ефремовой: «яга – злая старуха колдунья как персонаж русских народных сказок; баба-яга; злая сварливая женщина» [6].

Ироничность заложена в самой природе сленга, предполагающего отстранённый, новый взгляд, переосмысление расхожих слов и штампов. Например, психолог А.И. Мазурова полагает, и с ней трудно не согласиться, что «ироничность преследует как эстетическую цель оживить избитые языковые средства, так и психологическую. Можно предположить, что «стёб» – это своеобразный механизм защиты от «невкайфов», т.е. неприятных жизненных ситуаций. Он снимает страх, трагичность переживания, экзотичностью своего звучания как бы отвлекает от стоящего за этим символом понятия» [5, 123]

Приведем в качестве примера выражение «*Всем вам крышка (труба)!*». Оборот означает '*предстоящие неприятности*', '*вас будут наказывать*', '*всем вам конец*', '*будет вам плохо*'. В данном случае вместо слова «наказание» употребляется «крышка», что создает своеобразный механизм защиты от последствий.

Стихия, питающая молодежный сленг, – все новое, нетрадиционное или отвергаемое: речь музыкальных фанатов и речь наркоманов, компьютерный жаргон и городское просторечие, английский язык и воровское арг.

Продолжается активное пополнение сленга путем заимствования слов из жаргонов, однако роли различных жаргонов изменились. Жаргон наркоманов, воровское и тюремное арг (*взросляк* – ‘тюрьма для взрослых’; *малолетка* – ‘колония для несовершеннолетних’; *дурка* – ‘психиатрическая больница’, *крот* – ‘вор, работающий в метро’), по данным исследователей, значительно меньше стал пополнять сленг.

В современной лингвистике особый интерес вызывают исследования в области функционирования единиц языка в условиях информационно-коммуникативного пространства. *Нельзя обойти вниманием компьютерный сленг, возникший и развивающийся в среде казахстанской молодежи. Технический прогресс: компьютеры, планшеты, смартфоны, которые именуются гаджетами (от англ. gadget – «приспособление», «устройство», «безделушка»), оказывают сильнейшее давление на трансформацию речи молодых людей.*

Исследователь Н.В. Виноградова пишет: «В основном пополнение словарного состава компьютерного сленга идет за счет заимствований из американского варианта английского языка. Поскольку компьютеры пришли из Америки, люди в других странах должны либо принять английский язык как необходимый лингвистический компонент данной технологической структуры, либо вообще отказаться от ее использования в своей деятельности» [7].

Данная тематическая группа молодежного сленга состоит из английских словосочетаний, использующихся среди русскоязычной молодежи. Краткость становится уже не «сестрой таланта», но наиболее быстрым способом передачи неких смыслов от человека к человеку.

Можно выделить несколько способов формирования словаря компьютерного сленга:

1. Прямая транслитерация английского слова при сохранении основного значения лексемы (*хард-драйв*, *хард-диск*, (от англ. *hard drive* – жёсткий диск); *коннект* (от англ. *connecting* – соединение, подключение).

2. Группа слов представляющие примеры, относительно которых можно говорить уже не о транслитерации, а о фонетическом и грамматическом “искажении” оригинала (русификация) (*гама* (от “*game*” – игра) – компьютерная игра; *зиповать*, *зипованный*, *зиповский* (от англ. *zip* – формат сжатия данных)).

3. Слова, имеющие омонимы в составе литературного языка (*мылить* (от англ. “*mail*”) – ‘писать или передавать сообщение по сети’).

4. Данная группа слов представлена акронимами. Это английские по происхождению и по способу образования сложносокращенные слова, пока еще не вовлеченные в процесс освоения их русским языком (**AFAIK** – (англ. *as far as I know*) – ‘насколько я знаю’; **AFAIR** – (англ. *as far as I remember*) – ‘насколько я помню’) [7].

Как показывает практика наблюдений, использование подобных трансформаций распространено в основном в среде казахстанских студентов и магистрантов, школьниками используется значительно реже.

Сленг представляет собой развивающуюся, динамическую систему. Со сменой одной модной реалии на другую старые слова забываются, их место занимают новые.

Судьба сленговых слов и выражений неодинакова: одни из них с течением времени настолько приживаются, что переходят в общеупотребительный язык; другие существуют лишь какое-то время вместе со своими носителями, а затем забываются даже ими, не доживая до физической смерти последних; и, наконец, третьи сленговые слова и выражения так и остаются сленговыми на протяжении длительного времени и жизни многих поколений, никогда полностью не переходят в общеупотребительный язык, но в то же время и совсем не забываются. Так, ранее сленговые слова «*мариновать*» (‘намеренно задерживать кого-либо, откладывать надолго решение, исполнение чего-либо’), «*острить*» (‘шутить’) перешли в общеупотребительную разговорную речь, и мы редко задумываемся об их сленговом прошлом; такие сленговые слова второй половины XX века, как «*гроб*» (‘гражданская оборона’), «*сачок*» (‘прогульщик, отлынивающий от чего-либо человек’) и другие, хотя еще временами и употребляются, но практически уходят в прошлое; такие же слова как *стебаться*, *лабать*, *кайфовать* так и остаются на протяжении длительного времени сленговыми, но вряд ли когда-либо войдут в общеупотребительную речь [7].

Таким образом, сленг – это своеобразная адаптация человека, прежде всего молодого, к динамике современной жизни, к постоянно меняющимся условиям и требованиям, которые присущи времени кардинальных перемен в жизни социума. Сленг отражает речевые предпочтения молодого поколения и является свидетельством социально-культурной и лингвистической обусловленности этих предпочтений.

В сленге находят непосредственное отражение приоритеты сленгоносителей, те личностные качества, которые они ценят прежде всего – быстрота реакции, раскрепощенность, коммуникабельность, образно-эмоциональная активность, здоровое чувство юмора, остроумие и т.п.

Сленг – это источник новых средств выражения. Экспрессивность сленговых слов создается за счёт разрушения старых и установления новых синтагматических отношений, что вызывает эффект окказиональности, сверхобразности, необычности. Неясность, вроде бы

абсурдная для непосвящённых сочетаемость слов в сленге, – одна из отличительных особенностей сленгизмов, их своеобразная маркировка.

В то же самое время нельзя не отметить, что современная молодежь, формируя свой субязык, часто забывает об уважении к реалиям прошлого и настоящего. В культурологическом аспекте мы можем отметить поражающее воображение переосмысление молодыми людьми действительности в совершенно циничном, негативном потоке.

Сленговый неологический «бум» (засилие сленгизмов в речи молодых людей) следует рассматривать не только как динамичное шествие «в ногу со временем», но и как тревожащее филологическую общественность лингвистическое явление.

Сленг, который в прежние десятилетия был кодифицированным субязыком, принимает сегодня невообразимые формы выражения, оказывая влияние на многие культурные сферы и жизнь современного социума, при этом информационно-коммуникативное пространство *оказывает сильнейшее давление на трансформацию речи молодых людей.*

Список литературы:

1. Spears R.A. Slang and Euphemism / R.A. Spears. – N. Y., 1982. – 320 с.
2. Fries. Ch. Introduction to American College Dictionary / Ch. Fries. N.Y. – 1947. – 358 с.
3. Хомяков В.А. Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1980. – 22 с.
4. Левикова С.И. Молодежный сленг как своеобразный способ вербализации бытия // Бытие и язык. – 2004. – С. 167-173.
5. Мазурова А.И. Сленг хип-системы // По неписаным законам улицы. – М.: Юридическая литература. – 1991. – С. 123.
6. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000.
7. Виноградова Н. В. Компьютерный сленг и литературный язык: проблемы конкуренции // Исследования по славянским языкам. – № 6. – Сеул, 2001. – С. 203-216.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ-ТЮРКИЗМОВ В СОВРЕМЕННОЙ КАЗАХСТАНСКОЙ ПРЕССЕ (на материале газетных заголовков)

А.А. Губайдуллаева
магистрант КазНПУ им. Абая
Л.В. Эглит
к.ф.н., проф. КазНПУ им. Абая

Аннотация. Актуальность предпринятого исследования состоит в выявлении роли тюркизмов в заголовках современных русскоязычных республиканских средств массовой информации. Задачи исследования состоят в том, чтобы на материале заголовков казахстанских газет установить пути и способы освоения тюркизмов в современной периодике Казахстана.

Ключевые слова: заимствование, освоение заимствованных слов, СМИ, тюркизм, казахизм, лингвокультуры, функция воздействия.

Түйіндеме. Зерттеу жұмысының өзектілігі орыс тілді қазақстандықтардың сөйлеу тіліндегі және заманауи бұқаралық ақпарат құралдарындағы түркі сөздерін меңгеру тәсілдерінің ролдерін анықтау. Зерттеу жұмысының міндеттерін орыс тілді қазақстандықтардың сөйлеу тіліндегі және Қазақстанның заманауи периодикасындағы түркі сөздерін меңгерудің жолдарын, тәсілдерін және әдістерін анықтауды құрайды.

Түйін сөздер: кірме, кірме сөздерді меңгеру, түркі сөз, БАҚ, сөз жасам амалы, этимологиялық талдау.

Abstract. The actuality of the undertaken research is in revealing a role of various methods of adaptation of turkisms in speech of Russian-speaking Kazakhstanis and in present-day republican mass media. The research tasks are to establish ways, techniques and methods of adaptation of turkisms in the speech of Russian-speaking Kazakhstanis and present-day periodicals in Kazakhstan.

Keywords: borrowing, mastering of borrowed words, turkism, mass media, word – forming means, etymological analysis.

Изучение заимствованной лексики в последние годы приобретает всё большую актуальность в связи со стремительным проникновением слов иноязычного происхождения в русскую речь. Большое влияние на их распространение оказывают экстралингвистические факторы: во-первых, расширение межгосударственных контактов, в результате чего увеличивается поток информации; во-вторых, всесторонние изменения в общественно-политической сфере страны, которые затронули все стороны жизни современного Казахстана, в-третьих, активизация процессов глобализации и интеграции в мировом экономическом пространстве, что обуславливает интернациональный характер многих понятий и терминов, активно функционирующих в указанной области.

Типичное для настоящего времени и набирающее силу явление – обусловленное проблемой «языкового дефицита» (которая связана с нехваткой языковых средств для нормального функционирования языка в определенной сфере) регулярное функционирование в речи русскоязычных казахстанцев и текстах массовой коммуникации

лексических единиц казахского языка. Связано это, прежде всего, с тем, что действительность, окружающая носителя языка, требует употребления адекватных для ее отражения средств.

Единая коммуникативная среда, особенности социально-политических и экономических условий жизни не могут не оказать влияния на языковую ситуацию в Республике, языковая же личность на рубеже культур испытывает определенное инокультурное влияние.

Взаимосвязь культур играет решающую роль в формировании специфической концептуальной картины мира русскоязычных казахстанцев. «Собственная совокупность ценностей» субкультуры предполагает, что лингвокультурами местного жителя в одинаковой степени становятся и русские, и казахские концепты, что можно проиллюстрировать строками из стихотворения казахстанского поэта В.Плутина:

Мы поделимся славными песнями,
 Что звучат под гармонь и домбру,
 И которые грустно и весело
 Учат мудрости, чести, добру.
 Мы поделимся домом и юртою,
 Мы разделим и хлеб, и кумыс,
 Чтобы дети не стали манкуртами,
 И от прошлого не отреклись.

Использование тюркских заимствований в микротекстах русскоязычной прессы свидетельствует о языковой интерференции на уровне восприятия окружающей действительности человеком другой национальности, в частности, русским, прикоснувшимся к национальной культуре тюрков. Познание русским человеком языковой картины мира другого народа, по мнению исследователей, способствует не только совершенствованию его творческих способностей, но и более глубокому пониманию духовных ценностей родного народа и народа-носителя второго языка.

Журналистская информация является уникальным культурно-семиотическим конструктом, позволяющим осуществить многовариантный процесс производства и передачи социально значимых смыслов. Субъекты этого производства – авторы сообщений – онтологизируют фрагменты реальности, интерпретируя образы-факты, образы-события, образы-модели с точки зрения их социальной значимости. В то же время социальный контекст в процессе опредмечивания реальности, как правило, обусловлен энергией личностного видения и субъективного выражения смысла.

Процесс становления медиасобытий, в который он включается, является особо привлекательным для автора публикации и оказывается в

высшей степени нужным для получателя этой информации, ожидающей не просто фактов, а представленность их в определённой системе взглядов и оценок [1, 29].

Казахстанские журналисты разных национальностей совершенно свободно используют тюркизмы, что вполне естественно для людей образованных, выросших в среде казахов, их языка и культуры. В репортажах обязательно отражаются особенности речи русскоязычных казахстанцев. Различны и способы введения тюркизмов в газетный текст: переводной способ, прием текстурального пояснения, прием подбора синонимов, прием стихийной лексикографии, прием толкования через контекст, посредством перифраз и др.

Взаимодействие, взаимовлияние русской и казахской лингвокультуры охватывает различные стороны жизни и проявляется в сочетании различных атрибутов традиционной духовной и материальной культуры казахского и русского народов. В связи со сказанным, нельзя не отметить и тот факт, что на сегодняшний день «есть основания утверждать, что в республике формируется функциональный вариант русского языка, нормы которого отличает влияние казахского языка и казахской культуры, а также меняющиеся условия экономической и социальной жизни» [2, 50].

Язык казахстанских СМИ – это язык власти и язык оппозиции, язык науки, образования, дипломатии, искусства и культуры. Рассчитанные на широкую аудиторию, средства массовой информации отражают интересы и языковые вкусы самых разнообразных социальных групп, и, нередко, авторы публицистических текстов сами стремятся говорить на этом же языке, чтобы расположить к себе разную в национальном отношении читательскую аудиторию.

Нельзя не отметить, что жанры публицистики в последнее время значительно изменились. Отмечается усиление информативного начала, резкая активизация личностной тенденции, утверждение диалогичности как фундаментального качества газетной речи. Активизация личностной тенденции отразилась в распространении таких жанров, как эссе, комментарий, прогноз, исповедь. Усиление информационной функции в газете способствует распространению жанров журналистского расследования, версий, связанных со специфическим получением информации. Большое распространение получают жанры, в основе которых лежит диалог: беседа, экспресс-интервью, экспресс-опросы, эксклюзивные интервью.

Все это позволяет журналисту шире использовать выразительные средства, к числу которых, безусловно, относятся и заголовки.

Заголовок – важная составляющая любого текста, определяющая конкурентоспособность передаваемой информации. Особенно актуален заголовок в публицистике, поскольку, представляя тот или иной текст и выделяя его из всего газетного материала, он служит активным средством

привлечения внимания читателя, своеобразной рекламой, способствующей реализации в широких масштабах публикуемой информации, а также достаточно сильным средством воздействия. К тому же, выполняя информационную и поисковую функции, «заголовок ориентирован на последующий текст и выступает его первым знаком; он «автоцентричен» в большей мере, чем другие элементы текста, выражая авторскую интенцию, авторское видение мира, специфику и реализацию особенностей в разных лингвокультурных социумах» [3, 119].

Как известно, общение в СМИ носит социально-ориентированный характер, который предполагает изменение в социально-психологической или социальной структуре общества через воздействие на психику членов данной группы или общества в целом (в отличие от предметно-ориентированного общения, которое протекает в процессе совместной деятельности, и личностно-ориентированного, т.е. общения непосредственно между коммуникантами). При этом текст социально-ориентированного общения решает три основные психологические задачи. Это, во-первых, привлечение внимания к тексту, во-вторых, оптимизация его восприятия, в-третьих, принятие его содержания реципиентом.

Таким образом, функция воздействия, важнейшая для газетно-публицистического стиля, обуславливает острую потребность публицистики в оценочных средствах выражения, которые заимствуются из литературного языка. Прежде всего, публицистика использует для выражения оценки уже существующий, готовый материал: многозначные слова, фразеологические единицы, архаизмы и историзмы, лозунги старой и новой риторики и, конечно же, заимствования, в том числе и тюркизмы.

Приведем примеры из современных русскоязычных казахстанских газет, где в заголовках используются тюркизмы разной тематической, структурно-семантической и функциональной принадлежности:

- 1) использование тюркизмов с архисемой 'власть':
 - Браво, Елбасы! (Казахстанская правда 26.09.2017г.);
 - «Мәңгілік Ел» – основа государственно-правовой культуры (Казахстанская правда 31.10.2017г.);
 - «Мәңгілік Ел» поезд социального назначения («Мир качества» 10.05.2017г.);
 - Казахстанские женщины выразили готовность поддержать идею «Мәңгілік Ел» (Литер 3.11.2017г.) и др.

Нами отмечается высокая частотность употребления тюркизма *Елбасы*, который употребляется наравне с такими лексемами, как Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев, глава государства, главнокомандующий и др.

- 2) использование тюркизмов при описании реалий прошлого:
 - Казахскому ханству посвящается (Казахстанская правда 26.05.2017г.);

– ...А впереди Жанибек и Керей (Казахстанская правда 26.09.2017г.);

– Подвиг батыров Великой степи! (Казахстанская правда 26.09.2017г.);

– «Феномен Төле-би» (Литер 30.10.2017г.);

3) использование тюркизмов при описании повседневной жизни казахстанцев:

– Волшебный казан (Казахстанская правда 30.10.2017г.);

– Баурсак и Баурсакджан (Казахстанская правда 26.09.2017г.);

– Актобе – город на белом холме (Казахстанская правда 26.02.2017г.);

– На рыбалку с «балычками» (Время 26.02.2017г.);

– Победитель «Жас каната – 2016» (Литер 28.05.2017г.);

– Арал – двадцать лет возрождения (Литер 12.05.2017г.);

– «Сарбаз» уходит в плавание (Казахстанская правда 30.04.2017г.);

– «Сергею» поможет «Ырыс» (Время 26.02.2017г.);

– Асық ату – меткость, тактика, хладнокровие (Экспресс К 12.05.2017г.);

– Аксакал с красивой душой! (Экспресс К 30.10.2017г.);

4) использование тюркизмов в исконной графике:

– Олжасу Сулейменову присвоили звание «Қазақстанның Еңбек Ері» (Литер 5.06.2017г.);

– Браво, Рахат-би! (Казахстанская правда 6.02.2017г.);

– «ВІ-Жұлдызай» ищет таланты (Казахстанская правда 26.09.2017г.);

– «Халық маркасы» приглашает (Экспресс К 26.09.2017г.);

– Ветераны ВОВ станцевали танец «Қара жорға» (Литер 10.05.2017г.);

– Фильм «Әйгерім» выходит в прокат (Казахстанская правда 3.05.2017г.);

5) использование тюркизмов в латинской графике:

– Made in Semey (Казахстанская правда 27.02.2017г.);

– Air Astana дает посадку (Казахстанская правда 27.02.2017г.);

– Члены экипажа ВекAir удостоены госнаград и др.

Приведенные примеры наглядно демонстрируют, с одной стороны, несовпадение «культурного компонента», национально-специфических дифференциальных сем и, с другой стороны, общность семантической темы сопоставляемых понятий.

В первой группе приведены заголовки, имеющие ярко выраженную экспрессивную окраску, передающие одобрение политической деятельности Главы Республики Казахстан Нурсултана Абишевича Назарбаева и его социальным программам. Данные заголовки в лице журналиста указывают на поддержку общественности политических,

экономических, национальных, социальных и религиозных программ, которые затрагивают не конкретную личность, а всё общество в целом.

Вторая группа заголовков наполнена чувством почтения к великим сынам Казахстана – Жанибеку, Керею, Айтике би, Толе би, Чокану Валиханову, к великим свершениям прошлого. Неслучайно используется графическое средство «многоточие» перед заголовком: «...А впереди Жанибек и Керей», которое как бы указывает на то, что современное поколение являются продолжателями дел и подвигов батыров Великой степи.

Третья группа заголовков освещает вопросы, связанные с повседневными делами казахстанцев, они показывают, чем живут, что волнует, о чем думают и мечтают жители многонационального Казахстана.

Четвертая группа заголовков демонстрируют степень освоения, знания казахстанцами казахского языка, а, что самое главное, укрепление позиций государственного языка. Определяющим является смысловая функция таких сообщений, поддерживающих употребление слов-казахизмов в виде знаков семиосферы казахского языка.

Отметим, что отдельные тюркизмы в речи носителей русского языка и языке СМИ употребляются не как чужеродные вкрапления, а как единицы, оформленные по нормам русского литературного языка. Грамматическое и семантическое освоение тюркизмов облегчает общение, а также восприятие публицистического текста русскими читателями. Нельзя не согласиться с исследователями, отмечающими тот факт, что, «когда носители языка перестают ощущать непривычность иноязычного слова, оно теряет сопроводительные сигналы и комментарии и начинает употребляться «на равных» с другими словарными единицами родного языка» [4, 58].

В текстах периодики достаточно представлены и тюркизмы-казахизмы, оформленные в соответствии с нормами казахского языка. Такое количество словоупотреблений из казахского языка, на наш взгляд, не нарушает общепринятые нормы функционирования русского языка, а служит пополнению его новыми лексическими единицами, связанными с реалиями Казахстана.

Журналисты используют подобные заголовки с целью формирования у читателя современного представления о неразрывной связи двух языков, русского и казахского.

Пятая группа заголовков связана с процессом глобализации и стремлением Казахстана войти в мировую тридцатку наиболее конкурентоспособных стран мира.

Таким образом, современные СМИ Казахстана быстро и чутко реагируют на происходящее в обществе процессы, в том числе и в области языковой политики, что позволяет им не только отражать эти самые процессы, но и нередко принимать в них непосредственное участие.

Казахстанские журналисты широко используют воздействующие возможности такой коммуникативной единицы газетного текста, как заголовок, где одним из главных средств номинации являются тюркизмы, при этом у читателя формируется представление о неразрывной связи двух языков, русского и казахского. Расширение перечня употребляемых в русскоязычных казахстанских СМИ тюркизмов идет за счет общественно-политической лексики, и демонстрирует процесс создания духовных и нравственных ценностей жителей Республики Казахстан, в то же время казахизмы являются реалиями, отражающими процесс перехода на государственный язык во всех сферах жизнедеятельности.

Список литературы:

1. Солганик, Г.Я. Газетные тексты как отражение важнейших языковых процессов в современном обществе (1990-1994) // Журналистика и культура русской речи. – 1996. – Вып. 1. – С. 29.
2. Плюрицентрические языки в исследовательских моделях /Монография/ Под ред. Д.Д. Шайбаковой. – Алматы: ТОО «КОПИТЕК». – 2017. – С. 50.
3. Аймагамбетова М.М. Прецедентные тексты как источник газетных заголовков (на материале русскоязычных казахстанских газет) /Медиалингвистика // Международный научный журнал. – № 3 (13) // <http://medialing.spbu.ru/part10/>.
4. Мирзоян С. В. Адаптация заимствованных слов // История языкознания, литературоведения и журналистики как основа современного филологического знания. Вып. 2: История. Культура. Язык. – Ростов– на-Дону, 2008. – С. 58.
5. Республиканская газета «Казахстанская правда». – 2015-2017 г.
6. Ежедневная общественно-республиканская газета «Экспресс К». – 2015-2017 г.
7. Республиканская общественно-политическая газета «Литер». – 2015-2017 г.
8. Республиканская газета «Мир качества». – 2015-2017 г.
9. Еженедельная информационная газета «Время». – 2015-2017 г.

ВОЗРАСТ КАК ОДИН ИЗ ДОМИНАНТНЫХ КОНЦЕПТОВ В КОГНИТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАЗАХСТАНСКОЙ ПРЕССЫ

М.Ш. Мусатаева

д.ф.н., проф. КазНПУ им. Абая

Д.А. Есиркеева

докторант КазНПУ имени Абая

Аннотация. На современном этапе развития общества колоссальную помощь в популяризации духовно-нравственных и морально-этических ценностей казахстанского общества играют информационные и телекоммуникационные технологии, генеральной стратегией которых являются манипуляция и влияние. Анализ языка казахстанской прессы позволяет утверждать, что одним из доминантных концептов, отражающих эти ценности, является концепт *возраст*. В связи с этим в предлагаемой статье анализируются подтверждающие данное утверждение материалы.

Ключевые слова: пресса, концепт, возраст, репрезентация, когнитивное пространство, социальная действительность, языковые единицы.

Түйіндеме. Қазақстандық қоғамның қазіргі кезеңінде рухани және моральдық-этикалық құндылықтарды ілгерілету жолында әсерлік ресурстары мол ақпараттық және телекоммуникациялық технологиялардың рөлі зор екені айқын. Қазақстандық баспасөз материалдары талдай келе, рухани және моральдық-этикалық құндылықтарды көрсететін үстем ұғымдардың бірі *жас* концептісі екені анық. Сондықтан ұсынылып отырған мақала осы тұжырымды негіздеуге арналған.

Түйінді сөздер: баспасөз, түсінігі, жасы, өкілеттік, танымдық кеңістік, әлеуметтік шындық, тіл бірліктері.

Abstract. At the present stage of the development of society, information and telecommunication technologies overall strategy of which is manipulation and influence, are helping tremendously in the popularization of the spiritual, moral and ethical values of the Kazakh society. Analysis of the language of the Kazakh press allows us to state that one of the dominant concepts that reflect these values is the concept *age*. In this regard the proposed article analyzes the materials confirming this statement.

Keywords: press, concept, age, representation, cognitive space, social reality, language units.

Термин *четвертая власть*, впервые использованный Томасом Карлейлем, обоснованно прочно закрепился за прессой, поскольку медиасреда представляет собой искусственно созданную социальную реальность, в которой методами манипулятивного воздействия на массовое сознание осуществляется программирование определённых мнений, ориентированное не на отдельного индивида, а на общество в целом. В результате формируется общественное мнение, представляющее собой систему отражения социально-психологических тенденций в современном обществе, и его изучение в качестве объекта позволяет

установить состояние социальной действительности и ее отражение в психике субъектов. Учитывая установку публицистики на заданную оценку, нельзя не согласиться с тем, что язык может рассматриваться в качестве эффективного средства внедрения в когнитивную систему человека. Как отмечают Е.С. Кубрякова и Л.В. Цурикова, «Язык выступает как социальная сила, как средство формирования взглядов, и в этом отношении газетный язык, а значит, и газетные тексты представляют собой мощное средство управления поведением и сознанием людей» [1, 126-159]. Соответственно медиатекст является одним из источников, обогащающих наше познание о человеке и значительно расширяющих представление о его адаптационной природе. Кроме того, медиатекст отражает менталитет общества, волнующие его проблемы, имплицитно или эксплицитно формирует настроение.

Общеизвестно, что в основе любой культуры и этнической идентичности лежит система ценностных, т.е. морально-этических и духовно-нравственных концептов. В полинациональном, поликультурном и поликонфессиональном Казахстане казахская идентичность является консолидирующим ресурсом и гарантом его устойчивого и динамичного развития. Достоянием государства являются все члены общества независимо от пола, возраста, национальности и исповедуемой веры. Важность этой проблемы для нашего государства подтверждается «Концепцией укрепления и развития казахстанской идентичности и единства», принятой Указом Президента Республики Казахстан от 28 декабря 2015 года. Принятие данного документа способствует решению задач Стратегии «Казахстан – 2050» и Плана нации Президента РК «100 конкретных шагов: современное государство для всех». В данном документе представлен исчерпывающий анализ ситуации, мировой практики в сфере формирования идентичности и единства, цель и задачи Концепции, механизмы ее реализации и ожидаемые результаты.

Идея казахстанской идентичности и единства неразрывно связана с духовно-нравственными и морально-этическими ценностями казахстанского общества. Эти ценности заложены в доминантных концептах, к числу которых относится и концепт *возраст*. В соответствии с казахстанской реальностью данный ценностный концепт отмечается практически во всех формациях институционального дискурса. Например:

- в политическом дискурсе – в связи с разработкой законодательных основ пенсионной реформы и др.;
- в экономическом дискурсе – в связи с экономическими ресурсами для успешного проведения пенсионной реформы;

- в педагогическом дискурсе – в связи с переходом на 12-илетнее среднее обучение, на кредитную технологию обучения в вузе и др.;
- в медицинском дискурсе – в связи с внедрением скрининга и др.,
- в социологическом дискурсе – в связи с демографическими проблемами и т.д.

Как видно, эксплицитно во всех дискурсах обращение к концепту *возраст* обусловлено социальными факторами, но имплицитно в нем заложены духовно-нравственные и морально-этические ценности казахстанского общества, когнитивная семантика которых заключается в уважении к старшему поколению и заботе об его достойной старости, забота о здоровом духе молодого поколения, о физическом и морально-нравственном здоровье общества и т.д. [1].

Картина мира при реализации концепта «возраст» имеет ярко выраженный антропоцентрический и аксиологический характер. В картине мира человека постоянно присутствуют три мира: мир детства, мир молодых и мир пожилых людей. Само слово *возраст* вызывает контрастные ассоциации: *старый* – *молодой*, *старший* – *младший*. Основными когнитивными категориями, определяющими содержание концепта *возраст* в национальных языковых картинах мира, являются категории времени, развития, градуальности. Возраст предстает как осязаемое и осознаваемое воплощение процесса развития индивида, измерение его движения во времени, осуществляемого поэтапно в соответствии с членением возрастного континуума. Когнитивно-семантическая модель концепта *возраст* строится на основе категорий градуальности, оппозитивности, нормативности, оценочности, образности, стереотипизированности, репрезентирующих устойчивые, структурированные коллективным сознанием значения и смыслы единиц языка и речи.

Следует отметить, что в казахстанской прессе в равной степени уделяется внимание каждому периоду возраста. Приведем примеры, касающиеся детства и молодости, представители возрастных категорий которых олицетворяют будущее страны.

Так, сегмент *детство* является объектом обсуждения в различных статьях, касающихся дошкольных образовательных учреждений. Приведем примеры:

а) *Таким образом, в настоящее время 95% юных граждан в возрасте от трех до шести лет охвачены дошкольным воспитанием.* (Каз. правда, статья Мерцалова В. «От «Кентрона» до «Титана»», 9 января 2016, с. 8. О церемонии открытия детского сада в Северо-Казахстанской области. Рубрика: Регионы. Человек и его дело).

Данный пример показывает:

- 1) заботу государства о детях дошкольного возраста;
- 2) полное понимание того, что именно в этом возрасте в детях проявляются их способности, которые впоследствии нужно развивать;
- 3) для развития способностей детей этого возраста необходимы соответствующие условия и квалифицированные специалисты.

б) – *Этому можно научить любого ребенка, – говорит А. Жусипбекова. – Но быстрее всего результата достигают в возрасте от 4 до 12 лет.* (Каз. правда, статья Ныгмета К. «Данияр – повелитель абакуса», 1 января 2016, с. 3. Рубрика: Праздник – о математических способностях одаренного мальчика).

Приведенные отрывки позволяют судить о заботе государства по отношению к детям дошкольного возраста, о необходимости дифференцированного подхода к формированию знаний по той или иной дисциплине, учет интересов и наклонностей детей. Имплицитно проявляется глубокое понимание государством того, что квалифицированное развитие одаренных детей сегодня – это залог успешного формирования будущего интеллектуального потенциала страны.

Главная газета государства «Казахстанская правда» тщательно «отслеживает» информацию о благотворительных акциях, адресованных детям. При этом особое внимание уделяется воспитанникам детских домов. Подобные акции становятся достоянием общественности через прессу не только с информативной целью, но и с целью популяризации благотворительности по отношению к слабозащищенным слоям населения. Приведем примеры:

1) *Военнослужащие Главного управления военной полиции вооруженных сил РК поздравили с Новым годом воспитанников детского дома Астаны. Воспитанникам детского дома и его сотрудникам они подарили бытовую технику* (Каз. правда, статья Ныгмета К. «В подарок детям». Рубрика: Мониторинг (Панорама событий), 9 января 2016, с. 9).

2) *Море улыбок и радости подарили детям из малообеспеченных семей представители Илийского районного филиала партии «Нур Отан»* (Каз. правда, статья Калымова А. «Неделя добрых дел», 1 января 2016, с.4).

3) *У нас большой район, поэтому праздники проходят сразу во всех его уголках, – подчеркнул аким района Владимир Устюгов, который пришел поздравить детей на утренник в спорткомплексе «Абылай-хан», где зажглись огни центральной елки. – Новый год, пожалуй, самый любимый праздник детей. В это волшебное время ни один ребенок не должен остаться без внимания* (Каз. правда, статья Юсуповой Д., посвященной организованному для детей из малообеспеченных, многодетных семей празднику «В сказочном хороводе», 1 января 2016, с.4).

4) *Смешные интерпретации сорвали у **детворы** бурю оваций.* (Каз. правда, статья Калымова А. о благотворительных мероприятиях ряда государственных органов «Неделя добрых дел», 1 января 2016, с. 4).

В масс-медиа освещается благотворительность в адрес детей не только чиновников, представителей каких-либо организаций, но и частных лиц. Тем самым в сознание читателей имплицитно внедряется мысль о том, что каждый человек способен подарить детям радость.

Например: *Театр кукол, который Александр устраивает для соседских ребят, завораживает **детвору*** (Каз. правда, статья Шүлембаевой Р. «Любовь с... первого стежка», 1 января 2016, с. 5).

Воздействие государства на информационный рынок играет исключительную роль в современном постиндустриальном обществе и совершенно очевидно, что одним из действенных инструментов в решении разного уровня проблем, в том числе и детства, являются СМИ. Различные технологии манипулятивного воздействия играют важную роль в конструировании единой глобальной медиасреды и искусственно созданной социальной реальности. Они оказывают скрытое влияние на сознание читателей с целью популяризации адресной благотворительности детям – будущему страны.

Обратимся к казахстанским медиатекстам о молодежи. Так, в казахстанской центральной общественно-политической газете «Казахстанская правда» только в номерах за 10 дней января 2016 года проблемы молодежи затрагиваются в 137 статьях, что свидетельствует об особой приоритетности для казахстанского общества молодежи.

Приведем несколько примеров, отражающих представление казахстанцев о современной молодежи и имплицитно выражающих их отношение к представителям данной возрастной категории:

1) Состязание среди *молодежи в возрасте до 35 лет* проводится ежегодно с целью поиска, поддержки и стимулирования талантов для профессионального роста в различных сферах: науке, культуре и спорте (Каз. правда, Тё М. «Подарки талантливым и одержимым», 1 января, 2016, с. 4). – О наградах для лучших журналистов, представителей творческой интеллигенции и молодежи.

2) Военного образования коснулись значительные изменения: были внедрены новые правила на военных кафедрах, начался набор *девушек* по 26 специальностям, введены новые психологические тесты (Каз. правда, Серов А. «Буду я точно командиром», 9 января 2016, с. 7). – О военном образовании в рубрике «Панорама событий».

3) Ну и стоит немного посочувствовать нашим *девушкам*. Во втором матче в рамках чемпионата мира в I дивизионе квалификационного турнира в группе «А» по хоккею среди молодежных женских команд (18 лет) сборная Казахстана с разгромным счетом 15:0 обыграла сверстниц из Румынии (Каз. правда, Бейсенбаев А. «Вести с

ледовых арен», 12 января 2016, с. 12). – Об участии казахстанских команд в высшей хоккейной лиге в рубрике «Калейдоскоп».

4) В свои 18 лет он спас жизнь годовалому малышу (Каз. правда, Бержанова И. «Проявили мужество», 1 января, 2016, с. 3).

5) И главные ударные отряды, и главные жертвы, как всегда в истории, рекрутируются из *молодежной* среды. Надо ли говорить, что это отбрасывает общество еще дальше от цели процветания, благополучия и стабильности! А последнее как воздух необходимо в первую очередь молодым, чтобы расти и развиваться, чтобы реализовать себя на поприще творчества и созидания. (Каз. правда, Молотов-Лучанский В. «Слышать голос каждого», 9 января, 2016, с. 3). – Ответ на статью Главы государства «План нации...» руководителя научно-экспертной группы Карагандинской области, председателя Карагандинского центра еврейской культуры» в рубрике «Акцент».

6) Современные фольклористы «отошли» от «классики». Ими изучается детская, *молодежная*, женская (материнская), армейская, криминальная субкультура (Каз. правда, Курпякова Н. «Раз в крещенский вечерок...», 9 января, 2016, с. 10). – О святочных традициях... в рубрике «Субботнее чтение».

7) Управление по вопросам *молодежной* политики Алматинской области совместно с МК «Жас Отан» уже третий год подряд организует интеллектуальное состязание среди молодых ученых, учащихся вузов, колледжей и профессионально-технических школ. (Каз. правда, Калымов А., Подземная оранжерея, 9 января, 2016, с. 10). – О подведении итогов конкурса в рубрике «Регионы».

Приведенные выше примеры из газетных текстов, на наш взгляд, в полной мере характеризуют отношение государства и общества к молодежи:

- поощрение и создание условий для раскрытия ее потенциальных ресурсов;
- расширение образовательного пространства за счет ранее гендерно непопулярных сфер;
- гордость за ее достижения,
- популяризация проявленного ею героизма,
- забота об ее правильных жизненных ориентирах;
- образы молодых людей в современном фольклоре как героев своего времени;
- выявление интеллектуального потенциала страны и мн. др.

Таким образом, можно утверждать о позитивном отношении казахстанского государства и общества к молодежи, об оптимизме и глубокой вере в ее созидательную силу. И это вполне обоснованно, поскольку будущее государства связано с молодым поколением казахстанцев.

В каждом социуме существует определенное представление о разных возрастных группах и соответствующая ему оценка, в том числе и о молодости. Соответственно, можно предположить наличие не только универсальных, но и этнокультурных стереотипов по отношению к той или иной возрастной категории. Очевидно, что семантическое и этнокультурное содержание сегментов, отражающих разные периоды возраста, не является стабильным. Оно может меняться под воздействием таких экстралингвистических факторов, как политические, социальные, смена экономической формации и др., ведущих к смещению ценностных ориентиров.

Аксиологические параметры той или иной возрастной категории, в некотором отношении являющиеся константными, заложены в языковых средствах разных уровней: лексических, фразеологических, пословицах и поговорках, крылатых выражениях, которые зафиксированы в словарях различных типов.

Список литературы:

1. Кубрякова Е.С., Цурикова Л.В. Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования. М.: Изд-во МГУ, 2004. – С.126-159.
2. Мусатаева М.Ш. Имиджеобразующие стратегии и технологии (на материале казахстанских онлайн-изданий) // Екшембеева Л.В., Нуршаихова Ж.А., Мусатаева М.Ш. Технологии и методики дискурсного воздействия. Монография. – Алматы, 2017. – С. 127-147.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ МАРКЕРЫ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (на материале казахского и русского языков)

Т.В. Егорова

к.ф.н., проф. АФ СПбГУП

К.В. Антипа

студентка АФ СПбГУП

Аннотация. Данная статья посвящена анализу компонентов пространственной концептосферы, отражающей национально-культурную специфику языкового сознания представителей русского и казахского лингвокультурных сообществ. В работе проанализированы детерминирующие основания пространственных представлений двух этносов; описаны маркеры моделей языковой картины мира русского и

казахского народов в многоплановых параметрах физического, биогенетического, социального, этноязыкового пространств, показан лингвокультурологический потенциал единиц лексико-фразеологического фонда, номинирующих пространственные отношения.

Ключевые слова: концепт, этнически маркированный компонент, культурно-национальная информация, гештальт, фоновое знание.

Түйіндеме. Аталған мақала қазақ және орыс лингвомәдени қоғамдастық өкілдерінің тілдік санасындағы ұлттық-мәдени ерекшеліктерін көрсететін кеңістіктік концептосфера компоненттерін талдауға арналған. Еңбекте екі этностың кеңістіктік ұғымдарының детерминациялық негіздемелеріне талдау жүргізілген; орыс және қазақ халықтарының физикалық, биогенетикалық, әлеуметтік, этнотілдік кеңістіктеріндегі көпжүйелі параметрлерінің әлемдік тілдік бейнесінің модельдері сипатталған; кеңістіктік қарым-қатынасты атайтын лексика-фразеологиялық қорының бірліктерінің лингвомәдени әлеуеті көрсетілген.

Түйін сөздер: концепт, этникалық белгіленген компонент, ұлттық-мәдени ақпарат, гештальт, орта туралы білім.

Abstract. This article is devoted to the analysis of components of spatial conceptosphere reflecting the national and cultural specific of language consciousness of Russian and Kazakh lingvocultural associations representatives. In this paper the determining grounds of spatial presentations of two ethnic groups are analysed; the markers of models of language picture of the world of Russian and Kazakh people in multiple parameters of physical, biogenetic, social, ethno-linguistic spaces are described; linguistic and cultural potential of units of lexico-phraseological fund, nominating spatial relations, is also shown in this article.

Keywords: concept, ethnically marked component, cultural and national information, geshtalt, background knowledge.

Как известно, пространство, являясь универсальной категорией и необходимой формой всякого познания, имеет исключительно важное значение в формировании языковой картины мира. Оно закреплено в лексемах, материализовано в планировке человеческих поселений и организации внутреннего пространства жилищ, воплощено в мифах, в обрядах и ритуалах, отражено в системе религиозных представлений. Исследования проблем пространственной концептосферы, с одной стороны, имеют давнюю традицию, связанную с изначально известным интересом науки к ее универсальности и самобытности, взаимодействию и взаимосвязи ее компонентов. С другой стороны, несмотря на наличие большого количества научных работ, темы заявленной проблематики продолжают привлекать внимание ученых в связи с их недостаточной

разработанностью как в общетеоретическом плане, так и в прикладных аспектах, особенно при сопоставлении двух и более языков. В связи с этим актуальность данной работы определяется неослабевающим интересом лингвистов к вопросам организации пространственной концептосферы в условиях межкультурной коммуникации и языковой компетентности личности в моно– и поликультурном пространстве.

Предметом нашего исследования являются языковые единицы с пространственной семантикой в русском и казахском языках.

Анализ научной литературы показал, что в лингвистике долгое время категория пространства рассматривалась с точки зрения соотношения языкового выражения и языкового значения. Инновациями в постановке проблемы, в определении последовательностей исследовательской траектории можно считать разработки по установлению универсалий и специфики национально-культурного отражения пространственных представлений в различных языковых картинах мира. В последних работах пространство, его основные свойства и единицы параметристики представляются в целостной модели универсальных (инвариантных) и этнических (вариантных) составляющих [1, 98-100].

Целью работы стало выявление этнических пространственных маркеров языковой картины мира русского и казахского народов.

Доказано, что человек, как активная преобразующая составляющая всех уровней материи, обладает физическими, биогенетическими, социальными и этноязыковыми параметрами пространства. Физическая параметристика – это описание данных по весу, росту, объему; биологическое пространство – среда обитания человека: атмосфера, географический ландшафт, климатические условия; принадлежность к определенному генотипу – это генетическое пространство человека, семьи, рода; особое место в многомерном пространственном концепте занимают отнесенность личности к определенной социальной группе, этническое положение и языковая среда, где в неразрывной связи биологической и социальной основ проявляются способности человека к пространственной ориентации и к категоризации пространственных представлений [2, 100-103].

Большим лингвокультурологическим потенциалом в этом полифункциональном корпусе языковых единиц обладают обозначения русских линейных измерений, таких как *аршин, верста, вершок, пядь, локоть, сажень* и др. Хотя данные единицы измерения и не входят в современную метрическую систему, для носителей русского и других языков знание прямых значений этих русских единиц является основой для правильного понимания всей системы пространственных измерений (например, вершок = 4,4 см, аршин = 0,71 м). Исторические факты таковы: современная система мер внедрялась в торговый и научный обиход России

довольно медленно: за ее внедрение Российская Академия наук выступила еще в 1869 году, но лишь в 1899 году эта система была допущена к применению, окончательное же и бесповоротное утверждение этой системы произошло только после Октябрьской революции. Известно, что 11 сентября 1918 года по указанию В.И. Ленина был принят декрет «О введении Международной метрической десятичной системы мер и весов» [3, 125-127]. На смену пядям, верстам, аршинам и сажням пришли сантиметры, метры, километры. Однако старые метрические единицы долго существовали в языке как варианты элементы, привлекая своей привычностью и понятностью. В современном мире произошла окончательная замена национальных мерок интернациональными метрическими эталонами, и язык, в сущности, остался единственной сферой, где многие исторические мерки продолжают и еще долго будут продолжать свою активную жизнь. Здесь они оказываются намного конкурентоспособнее новых метрических терминов, ведь последние довольно стойко сохраняют свою однозначность, в то время как у традиционных русских наименований мер появилась масса дополнительных коннотаций, необходимых для фразеологического употребления.

Действительно, они широко используются в своих вторичных семантических функциях в виде самых разных обозначений. Покажем примеры в их соответствиях в казахском языке. Это, прежде всего, физические характеристики человека: *от горика два вершка* (очень низкого роста, маленький человек) – *шөптен аласа, бетегеден биік, жусаннан аласа*; *косая сажень в плечах* (широкоплечий, могучего телосложения человек) – *екі ығына екі кісі мінгендей*; *коломенская верста* (очень высокий человек) – *түйе бойына сеніп, жылдан құр қалыпты, дәу*. Подобные наименования являются часто коннотативной характеристикой свойств и способностей человека: *семи пядей во лбу* (об умном, талантливом человеке) – *сегіз қырлы бір сырлы, он саусағынан өнер тамған*; а также служат характеристикой способа действия, оценки, субъективного подхода к чему-либо: *мерить на свой аршин* (оценивать односторонне, со своей точки зрения) – *өзім білемін деген өрге баспас, астар болмайды*.

Анализ фактического материала показывает, что важным компонентом системы пространственных отношений издревле являлись соматизмы. Действительно, еще в древности человек измерял окружающий мир частями своего тела. Такие лексемы-соматизмы, как *рука, нога, нос, бок, пуп* и др. являются активными маркерами пространственных отношений: *рукой подать* (совсем близко) – *қол созым (ұсыным) жер, тиіп тұрған жер*; *бок о бок* (рядом, близко) – *қатар, қоян-қолтық*; *море по колено* (все нипочем, ничего не страшно) – *жұрт не десе о демейді, менің басым қам жемейді*; *пуп земли* (центр, сосредоточие) –

жер құдайы; короче воробыного носа (очень мал, короток) – *ұсақ, майда, қысқа* и др.

Этнически маркированные параметрические единицы казахского языка со значением измерения можно представить в следующем виде: меры длины (*аламан бәйге* – 35-45 км, *ат шаптырым* – 25 км, *тер алатындай* – 10-15 км, *құнан шаптырым* – 8-10 км, *тай шаптырым* – 3-5 км, *қарасы шалынбайтын* – 3-4 км) и измерение пути (*алты айшылық* – кажылық сапар (хадж), *айшылық жер* – 2500-3200 км, *атпен ара қонып жетерлік* – 200-250 км, *бір күншілік сапар* – 90-100 км, *түстік жер* – 40-50 км, *бір лау жер* – 30 км, *қозы көш жер* – 20-30 км). Этническое своеобразие языковых средств, выражающих пространственные параметры, обусловлено особенностями мировидения казахского этноса, в котором основной единицей измерения является параметризация бытийности: расстояние, которое может пройти лошадь или жеребенок за определенное время, или периодизация бытийности: не 2500 километров, а время, за которое можно преодолеть это расстояние – *айшылық жер*. Аналогичного смысла языковые единицы существуют и в русском языке (месяц пути), в которых соединены значения пространства-времени.

Большую роль в системе пространственных отношений играет жилище, в котором человек через расположение предметов быта, мебели, комнат постигает и дифференцирует пространство. В плане сравнения языковых единиц, репрезентирующих пространство русского дома и казахской юрты, выявлены такие этнически маркированные элементы, как угол: *красный угол, икона в углу, встань в угол, загнать в угол, угол зрения, пятый угол; потолок: плевать в потолок, прыгать от радости до потолка, брать с потолка; стена: сидеть в четырех стенах; как за каменной стеной, китайская стена, порог: вот бог, а вот порог; добрая слава до порога, а худая за порог; стоять на пороге, обивать пороги, не пускать на порог, не переступать порог, через порог руки не подают; тор: қақ тор, тор ортасы, төрдің өзінде, оң жағында; төбе: үй төбесі; үйдің қабырғасы; босаға: босағаларың берік болсын; ақ босаға, алтын босаға.*

Анализ подобных языковых единиц позволил увидеть, что в распределении пространства русского дома и казахской юрты имеется следующее семантическое различие: пространство казахской юрты в большинстве своем имеет положительную характеристику: *почетное место (төр), граница новой жизни (алтын босаға), место любимой дочери (оң жағы)*; в пространстве же русского дома больше отрицательных характеристик: *в четырех стенах (заперт), не пускать на порог (недруга), искать пятый угол (безысходность, ненужность, отчаяние), плевать в потолок (лень)*. Положительные коннотации в обоих языках связаны со значением «граница прежней и новой жизни»: ожидание счастья, большие надежды (*стоять на пороге*).

Наряду с предметами быта в своей повседневной жизни человек сталкивается с географическим пространством, где он селится, постепенно узнает и использует его, все более расширяя освоенные им территории.

К ядерным именам, номинирующим концепт *пространство* в русской языковой картине мира, относятся лексемы: *земля, сторона, место, дорога, путь, направление, вода, море, лес, болото, гора, камень, небо, бог, мир, свет, ад, рай и др.*

Основными именами казахского концепта *кеңістік* являются следующие: *жер, тайпа, ел, ауыл, үй, орда, мазар, жақ, орын, жол, отбасы, қонақ, аспан, су, орман, тау, үйір, бағыт, тас, әлем, жұмақ, тозақ, қоныс и др.*

В русском самосознании «природа-мать» всегда была великой, а расстояния обширными. Такое понимание отразилось и в пространственных измерениях: *за тридцать земель, семимильными шагами, за семь верст киселя хлебать, куда Макар телят не гонял, на седьмом небе от счастья*, где актуализируется значение высшей степени признака, действия, состояния.

Стремление «покорить» или «господствовать» над громадными пространствами было чуждо менталитету этноса, ибо это не соответствовало естественной гармонии человека и природы, что эксплицитно выражается в пословицах и поговорках: *Рыбам вода, птицам воздух, а человеку вся земля; Родная сторона – мать, чужая – мачеха; Не поклонясь до земли, и гриба не подымеешь; Какова земля – таков и хлеб; Добрая земля – полная мошина, худая земля – пустая мошина.*

В формировании казахской системы пространственных отношений также важное место занимает природно-географический фактор. Как известно, основной отраслью хозяйства казахского народа являлось кочевое скотоводство, что привело к становлению особых форм языка и культуры. В понимании кочевника пространство было бесконечным, он его осваивал, опустошал и двигался дальше, создавая обширнейшую территорию обитания и хозяйствования. В связи с этим измерение пространства зачастую происходило измерением времени, необходимого для перегона скота, времени кочевков, когда расстояние приблизительно исчислялось количеством затраченного времени на кочевой переход с одной стоянки на другую в зависимости от сельскохозяйственного сезона (*жайлау, күздеу, қыстау, көктеу*) и вида перегоняемого стада (*қозы көш жер*). Кроме этого, единицей измерения часто являлись параметры быта. Так, например, происходило маркирование топонимов, которое сохранилось по настоящее время (*Шымкент, Жаркент, Кызылкум, Карақұл*), где морфемы *шым* – дерн, *құл* – песок указывают на строительный материал или географическое окружение. В названиях древних городов активно входят и антропонимы – имена племен и руководителей феодальной знати: *Оғузкент, Чигилкент, Түймекент, Барачикент* [4, 121].

Расширение внешних территориальных границ, начатое с освоения обширных пастбищ и захвата «чужих» земель, требовало укрепления защитных рубежей и поселений. Обозначение военных сооружений известно под названием *курган / қорған* (оборона, защита). Группу однокоренных слов составляет следующий ряд: *қорық* (охраняемое место, заповедник), *қоругчи* (охрана, защита, караул). Погребальные, поминальные сооружения назывались *барқын, кешен* (комплекс), сигнальная башня – *қырғу*.

Изучение языкового материала показало, что культурную информацию труднее всего получить из внутренней формы фразеологизмов, пословиц, поговорок, потому что в них наличествуют следы культуры – мифов, архетипов, обычаев и традиций, исторических событий и элементов материальной культуры. Естественно, что не все фразеологические единицы являются носителями культурно-национальной информации. В русском и казахском языках много фразеологизмов, которые связаны с общечеловеческим знанием о свойствах реальных, вошедших в образное основание: *где иголка, там и нитка* – *ине өткен жерден жіп өтер*; *посадить на трон* – *таққа мінгізу*; *пусть ваши ряды пополнятся* – *орталарың толсын*. Однако и в этом случае, хотя подобные фразеологические единицы и близки по значению, утверждать их абсолютную эквивалентность нельзя, так как *тақ* – это не только *трон*, а *орта* – не только *ряд*.

Во внутренней форме большинства фразеологизмов содержатся такие смыслы, которые придают им культурно-национальный колорит. Например, фразеологизм *сбоку прилеку* (о чем-то ненужном, необязательном) возник из реальной ситуации печения хлеба, когда сбоку основного каравая возникают наплывы из теста, которые в пищу не употребляются. При интерпретации семантики таких фразеологизмов учитываются национально детерминированные ценностные квалификации и, соответственно, используются термины национальной культуры.

Покажем некоторые примеры фразеологических единиц в их соответствиях в русском и казахском языках: *иголку некуда воткнуть* – *ине ианышар орын (жер) жоқ*; *исчезать с глаз (из вида)* – *көзден таса болу*; *идти ко дну* – *су түбіне кету*; *сходить со сцены* – *тұғырдан таю*; *стереть с лица земли* – *(жер бетінен) тұқымын құрту (қыру)*; *ставить на колени* – *тізе бүктіру*; *сесть на трон* – *таққа міну*; *посадить на трон* – *таққа мінгізу*; *рай земной* – *жер жәннаты*.

Как видим, специфика фразеологических единиц выражена в направленности на субъект – человека: важно не описание пространственного фрагмента, а его интерпретация, оценка человеком и для человека. Образно-метафорические смыслы фразеологических единиц отражены в языковом сознании носителей языка, следовательно, они участвуют в формировании языковой картины мира, универсальной и оригинальной одновременно.

Прозрачный историко-культурный контекст наличествует в тех фразеологизмах, в значении которых большую роль играет денотативный аспект. Это единицы, в составе которых есть национальные имена собственные (*Мамаево побоище, Как швед под Полтавой, Балқан тау, Қасымханның қасқа жолы, Есімханның ескі жолы* и др.). В них содержатся страноведческие знания, а их понимание связано со знанием конкретных исторических фактов. Нарращение коннотативных, дополнительных смыслов, трансформирует первичное значение слов в прототипной ситуации, прикрепляя его к внутренней форме, в которой и содержится основная культурно маркированная информация. Например, культурно-историческая информативность фразеологизмов *ақ киізге көтерді* или *Күлтөбенің басында күнде кеңес* чрезвычайно велика, и для понимания смысла «утверждение в статусе хана» необходимо знание ритуала поднимания избранного хана на белой кошке. Это можно увидеть в примерах, взятых из произведений: *Қос қолы қызыл қанға боялғанына қарамай, он жеті жасар Әбілқайырды азулы тілектестері 1427 жылы Дешті Қыпшаққа хан етіп, ақ киізге көтерді* (Ильяс Есенберлин); *Қазақ аңыз-әңгімесінде: «Тәуке хан қазақтың басын жиып, Күлтөбенің басында кеңес құрып, атақты жеті жарғысын» тізген екен деген аңыз бар. Бұл фраза бертін келе жалпылық мәңге ие болды. Бұған бұрынғы «Қасым ханның қасқа жолын, Есімханның ескі жолын» Әз Тәуке ханның Күлтөбенің басындағы күнде кеңес болғанда «жеті жарғысын» білмек керек* (Абай) [4, 245].

Лингвострановедческая маркированность пространственных отношений ярко проявляется и в паремиях, где национально-культурный компонент языка отражается единым синтаксическим комплексом. Например, в пословице *В Тулу со своим самоваром не ездят* недостаточно знаний о значении топонима *Тула* и реалии *самовар*, понимание самой фразы основывается на фоновом знании того факта, что до революции все лучшие самовары изготовлялись в городе Туле; а для использования в речи пословицы *Күлтөбенің басында күнде кеңес* (букв.: на вершине Культобе каждый день совет) – иметь фоновые знания о том, что важные для казахов решения во времена Таукехана принимались на Күлтөбе – месте недалеко от Ташкента.

Говоря об этнически маркированных компонентах пространственных отношений, невозможно обойти стороной вопрос о сочетаемости языковых единиц, которая со стороны изучающего другой язык выглядит хаотично и неупорядоченно. Системность, последовательность, упорядоченность языковой картины немыслима без понимания способа презентации совокупности пространственных представлений, который выражается в лингвистике в понятии гештальт. Интересным с точки зрения маркированных элементов пространственных отношений представляется нам анализ фактического материала по

концептам *сторона* и *шет* (*жақ, сырт*), где выделенный нами гештальт отражает включение данных лексем в грамматические отношения, участие в категоризации значений: *на все четыре стороны (дүниенің төрт бұрышы), со всех сторон (жан-жақтан) – множественность сторон; быть в стороне (алишақ тұру), находиться в стороне (шет жүру), гулять на стороне (басқа жерде көңіл көтеру, сырттай маз болу), казаться со стороны (сырттан тон пішіті, сырттан баға беру) – за пределами локума; увести в сторону (алып кету басқа жол сілтеу), уйти в сторону (аулақ кету), отодвинуть в сторону (кейінгіге қалдыру), говорить в сторону (теріс қарап сөйлеу) – движение за пределы локума; приглашать со стороны (сырттан шақыру, басқа жерден шақыру) – движение по направлению к локуму.* Как видим, в таком анализе обнаруживаются оппозиции «внутри – снаружи», «свой – чужой», «дружественный – враждебный». И тогда мы можем говорить о потенциальной категоризации, т.е. «подведении вещи, явления, процесса и любой анализируемой сущности под категорию как определенную рубрику опыта или знания и признание ее сущности членом этой категории» [5, 25].

Таким образом, пространство имеет исключительно важное значение в формировании этнической картины мира. Каждое новое поколение получает в наследство определенную модель пространственного мироздания, которая служит опорой для построения индивидуальной картины мира каждого отдельного человека и одновременно объединяет людей как этнокультурную общность. Языковая репрезентация специфичной картины мира обуславливает наличие определенных барьеров в межкультурной коммуникации и в ситуативных переводах, на преодоление которых должно быть нацелено активное изучение способов взаимодействия этносов в условиях мобильного мироустройства на основе инвариантного и национального компонентов в структуре контактирующих языковых личностей.

Список литературы:

1. Карлинский А.Е. Основы теории взаимодействия языков. – Алма-Ата, 1990. – 181 с.
2. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М.: 1994. – 180 с.
3. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы). – М., 1997. – 331 с.
4. Артыкбаев Ж. Этнология и этнография. – Астана, 2001. – 304 с.
5. Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка. – М., 1997. – Т. 56. – № 3. – С. 22-31.

РОЛЬ КАТЕГОРИЗАЦИИ ПЕРЦЕПТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

(на материале глаголов зрительного и слухового восприятия
в русском и казахском языках)

М.Ш. Мусатаева

д.ф.н., проф. КазНПУ им. Абая

М.М. Божбанбаева

магистрант КазНПУ им. Абая

Аннотация. В данной статье предпринята попытка выявления когнитивной семантики глаголов зрительного и слухового восприятия в русском и казахском языках, являющихся компонентами общей системы восприятия мира человеком. Обращение к данным семантическим группам слов обусловлено их большой ролью в категоризации мира. Языковая объективация зрительного и слухового восприятия представляет собой процесс последовательного перехода результатов отражения, осознания, моделирования и означивания денотативных ситуаций с уровня концептуальной структуры на уровень семантической структуры языковых знаков. В связи с этим очевидно, что предпринятая нами попытка находится в русле активно исследуемой проблемы языковой категоризации системы восприятия.

Ключевые слова: восприятие, глагол, русский язык, казахский язык, когнитивные структуры, зрение, слух, сопоставление, языковая картина мира.

Аңдатпа. Бұл мақала орыс және қазақ тілдеріндегі қабылдаудың жалпы жүйесінің құрамдас бөлігі болып табылатын адамның *көру* және *есту* қабілетін білдіретін етістіктердің танымдық семантикасын анықтауға арналған. Аталмыш семантикалық сөз топтарына көңіл беру себебі олардың ғаламның тілдік бейнесіндегі үлкен рөліне байланысты. Адамның *көру* және *есту* қабілетін тіл ретінде репрезентанттау дегеніміз адам санасындағы бейнелеу, сезу, модельдеу процестерінің концептуалдық дәрежеден дәйекті түрде тіл белгілерінің семантикалық құрылымына айналуын білдіреді. Осыған орай, біздің көздеген әрекетіміз тіл білімінде белсенді түрде зерттеліп жатқан тілдік категориялау мәселесіне сай екені күмән тудырмайтыны анық.

Кілт сөздер: қабылдау, етістік, орыс тілі, қазақ тілі, когнитивті құрылымдар, көру, есту, салыстыру, әлемнің тілдік бейесі.

Summary. In this article an attempt is made to identify the cognitive semantics of verbs of visual and auditory perception in Russian and Kazakh languages that are components of the overall system of perception of the world

by man. The appeal to these semantic groups of words is due to their great role in the categorization of the world. Linguistic objectification of visual and auditory perception is a process of a gradual transition of the results of reflection, awareness, modeling and denotation of denotative situations from the level of the conceptual structure to the level of the semantic structure of linguistic signs. In this regard, it is obvious that our attempt is in the mainstream of the actively researched problem of language categorization of the perceptual system.

Key words: perception, verb, Russian language, Kazakh language, cognitive structures, sight, hearing, juxtaposition, language picture of the world.

Антропоцентрическая направленность современной лингвистики выражается в обращении внимания ученых не только на изучение формы, но и на содержание языковых знаков. Это обстоятельство требует выхода за пределы языковой системы, поскольку семантическое наполнение языковых единиц связано с психофилологическими особенностями человека, субъекта и творца коммуникации. В связи с этим возникает необходимость обращения к личностным, социальным и другим аспектам деятельности человека, чем и обосновано появление множества лингвистических направлений. Одним из таких направлений является когнитивная лингвистика, позволяющая изучать языковые единицы в тесном единстве с человеком, включая его разум, интеллект, все осуществляемые им мыслительные и познавательные процессы. Становится очевидным, что только при таком подходе можно выявить когнитивные структуры, лежащие в основе лексического значения слова. Как известно, каждое слово относится к той или иной семантической группе: ЛСГ, ТГ, СГ и др., объединенных по семантической общности. Изучение же данной проблемы в сопоставительном аспекте позволяет выявить присущие различным языкам и культурам как универсальные, так и уникальные в каждом конкретном языке и культуре черты моделей мира.

Проблемам восприятия большое внимание уделяется в российской русистике – системные связи в лексике чувственного восприятия (В.А.Барабанчиков, А.Х. Мерзлякова, И.Г. Рузин и др.); микрополя, входящие в лексико-семантическое пространство «Восприятие» (Н.А.Гунина, С.А. Моисеева, И.А. Котенева, Н.А. Николина и др.); роль категоризации перцептивной информации в языковой картине мира (Ю.Д.Апресян, Н.Д. Арутюнова, Е.В. Урысон С.М. Толстая, А. Вежица, Г.И. Кустова, М.В. Ясинская и др., в казахстанской русистике – А.Б.Уразымбетовой, Р. Ашимбетовой и др.).

Как видно, в русистике существует обширная литература по глаголам восприятия, среди которых обращают на себя внимание исследования Л.М. Васильева, выделившего в группе глаголов физического восприятия пять основных микрогрупп [1]; кандидатская

диссертация Т.В. Кузнецовой, посвященная анализу семантики глаголов физического восприятия [2]; работа Е.В. Урысон, в которой автор на основе глаголов физического восприятия анализирует модель восприятия в русском языке [3], работы Ю.Д. Апресяна [4], В.В. Лещенко [5] и многие другие.

В тюркологии глаголы восприятия рассматриваются в работах А.А.Юлдашева [6], Г. Кулиева [7]. Так, А.А. Юлдашев выделяет две важные группы глаголов чувственного восприятия:

1) глаголы чувственного восприятия, выделяемые на основе общих семантических признаков, т.е. относящиеся к органам чувств человека – зрением, слухом, осязанием, обонянием, вкусом: *кор-*, *эшит*, – *сез*, – *тила-*;

2) глаголы чувственного восприятия, выделяемые по семантическим признакам и по своей структуре, т.е. имеющие отношение к восприятиям ощущений физиологического порядка [6, 294-321].

Данная проблема находит дальнейшее развитие в работах Г.Кулиева, в которых он эти глаголы дифференцирует по девяти группам: глаголы действия, глаголы речи, глаголы мышления, глаголы движения, глаголы психического состояния, глаголы состояния, образные глаголы, глаголы, обозначающие явления природы с внутренним членением их на 3 подгруппы: а) зрительного восприятия: *gor-* *gara-*; б) слухового восприятия: *esit-*, *dinle-*; в) вкусового восприятия и обоняния: *dad-*, *y: sda-*. Автор отмечает, что «количество глаголов чувственного восприятия в тюркских языках невелико» [7, 12].

В казахском языкознании опыт семантической классификации приведен в работе М. Оразова, в которой глаголы восприятия разделены на 12 разрядов и описаны их особенности: глаголы действия, движения, отношения, состояния, речи, чувства, мышления, эмоции, роста и развития, звучания; глаголы, которые обозначают явления природы; глаголы, выражающие субъективные оценки [8].

В казахстанской русистике глаголам восприятия в русском и казахском языках посвящены диссертации: А.Б. Уразымбетовой, в которой анализируется семантическая структура денотативного значения глаголов физического восприятия казахского и русского языков в сопоставительном аспекте, проводится анализ оригинальности перевода этих глаголов в художественном произведении [9]; в работе Р. Ашимбетовой уделяется большое внимание коннотативной семантике глаголов восприятия в русском и казахском языках [10].

Объектом нашей статьи являются лексико-семантические группы глаголов зрительного и слухового восприятия русского и казахского языков, а предметом – выявление когнитивной семантики в данных ЛСГ глаголов. Исходя из этого, цель заключается в выявлении универсальных и этнокультурных компонентов в когнитивной семантике глаголов зрительного и слухового восприятия в сопоставляемых языках, для

достижения которой используются такие методы, как: *сопоставительный* (при сопоставительном анализе глаголов русского и казахского языков) и *лингвокогнитивный анализ* (при выявлении когнитивной семантики глаголов восприятия). Источниками извлечения материала послужили словари различной типологии русского и казахского языков.

На существование бесспорной связи между ментальными репрезентациями и миром, в котором живет человек, указывают Т.Клознер, У. Крофт и др. Так, У. Крофт отмечает активное участие разума в создании семантических структур, концептуализации полученного из внешнего мира опыта определенными способами. По его мнению, гипотеза когнитивной семантики заключается в том, что языковые средства представляют собой некие закодированные единицы концептуализированного опыта [11].

На сегодняшний день ни у кого не возникает сомнений в том, что процессы концептуализации, предложенные лингвистами, неразрывно связаны с психологическими процессами, описываемыми когнитивными психологами и феноменологами. В связи с этим российский лингвокогнитолог С.Д. Воркачев отмечает, что, если лингвистические процессы имеют когнитивную природу, то они должны быть связаны или идентичны когнитивным процессам, которые постулируются психологами. Тем самым подтверждается гипотеза, выдвинутая в когнитивной лингвистике, о том, что язык является одной из когнитивных способностей человека [12, 45].

Учитывая то обстоятельство, что каждый национальный язык и культура, менталитет этноса неповторимы, уникальны, то очевидно, что мировосприятие, мироощущение и миропонимание их носителей тоже различны. Уникальность каждого национального языка в отражении окружающей действительности заключается в том, что все увиденное, услышанное, осязаемое, ощущаемое человеком он оформляет сообразно своей собственной системе. В результате формируется единая система взглядов этноса, что отражается в зафиксированной словарями семантике слова и становится обязательной нормой для всего языкового коллектива.

Процесс восприятия отличается от ощущения целостностью, поскольку при этом человек воспринимает целостный и вполне определенный образ, связывая увиденное со своим опытом, знаниями о мире. Восприятие обладает такими свойствами, как *константность*, заключающейся в относительном постоянстве образа воспринимаемого объекта, и *структурность*, благодаря чему тот или иной предмет каждый раз узнаваем нами. Поскольку значение процессуального признака присуще категории глагола, в данной работе для анализа взяты единицы именно этой части речи. Как известно, Л.М Васильев в своей работе «Семантика русского глагола» подразделяет глаголы зрительного восприятия на *целенаправленные* (смотреть) и *нецеленаправленные*

(видеть), *активные и пассивные, результативные и нерезультативные* глаголы, а также их *отрицательные и каузативные* корреляты [1].

То, что зрительное восприятие является когнитивным процессом, подтверждается следующим высказыванием И.Ю. Колесова: «... это прежде всего сенсорный процесс, это формирование изображения, его острота, ясность, ясность того, что видимо глазу, а зрительное восприятие является когнитивным процессом, способностью осмыслить то, что видит глаз [13, 11].

Исходя из этого, в когнитивной семантике слов *видеть, смотреть* отражается то, как носитель того или иного языка и культуры логически осмысливает, чувствует и оценивает то, что видит в окружающем его концептуальном мире. Также очевидно, что в любом национальном языке способ концептуализации не может быть всецело уникальным, в нем имеется определенная доля универсальных черт. Соответственно становится актуальной проблема выявления универсальных и уникальных черт в языковой объективации восприятия мира представителями различных этносов, в реализации которой трудно переоценить роль сопоставительных исследований.

Фактический материал данной статьи представлен репрезентантами *видеть, смотреть, глядеть, зреть, замечать, различать, следить, любоваться* в русском и *байқау, бақылау көру, қарау* – в казахском языках. Эти репрезентанты являются базовыми, однако этот ряд расширяется лексемами, имеющими интегральные семы *смотреть, видеть*, но дифференцирующимися разными нюансами, в том числе коннотациями. Приведем примеры из казахского языка:

✓ агрессивное поведение, выражающееся во взгляде: *ақыраю, ажыраю, адаю, адыраю, едіреу, бажыраю, бадыраю, бедірею, бағжшо, тесірею, аларту, ақилану*;

✓ проявление осторожности взглядом: *абайлау*,

✓ проявление внимательности: *уңілу* (всматриваться),

✓ видимость: *көріну*,

✓ представление (воображаемое, воспоминание): *елестеу*,

✓ различать (зрительно): *айыру*,

✓ обзор: *шолу*,

✓ нацеленность: *көздеу*.

В коннотативном ряду репрезентантов зрительного восприятия *ақыраю, ажыраю, адаю, адыраю, едіреу, бажыраю, бадыраю, бедірею, бағжшо, тесірею, аларту, ақилану* отражается культурная маркированность, связанная с четко регламентированным этикетным поведением в зависимости от половозрастной принадлежности, социального и материального положения, запрещающим открыто и дерзко смотреть в лицо мужчинам, людям старшего возраста, а также лицам высокого социального статуса.

Как известно, для человека достоверно только то, что он видит сам, и менее достоверно то, о чем он знает по слухам. Подтверждением тому служит поговорка: «Лучше один раз увидеть, чем десять раз услышать».

Для выражения слухового восприятия в русском языке используются базовые глаголы *слушать*, *слышать*, *внимать*, которые имеют большой словообразовательный потенциал, каждый аффиксальный дериват которых передают те или иные семантические нюансы. В казахском языке семантическое ядро глаголов слухового восприятия так же, как и в русском языке, составляют 2 слова, которые являются базовыми: *тыңдау* (слушать) и *есту* (слушать), которые располагают очень ограниченным словообразовательным потенциалом. Производными от них являются глаголы *тыңдату* (дать послушать), *естірту* (сообщить), *тыңдалу* (быть услышанным), *естілу* (слышаться). Эти лексемы с различными оттенками значений слухового восприятия адекватно отражают многообразные ситуации взаимодействия между субъектом и объектом этого процесса. Следует отметить, что центробежные процессы репрезентантов слухового восприятия в другие семантические поля более активны, нежели центростремительные.

В глаголах слухового восприятия также отражается культурный компонент. Так, глагол *естірту* связан с такими понятиями, как *даланың ұзын құлағы* (дословно: степное длинное ухо), созвучное с русским фразеологизмом *сарафанное радио*. Степной *ұзын құлақ* молниеносно доносит до ушей степняка новости безо всяких средств связи.

В семантике же другого глагола *естірту* заключен обычай сообщать близким о смерти родственника. Уважаемый человек в иносказательной форме говорит о бренности жизни, ее скоротечности, о необходимости покориться законам бытия, тем самым психологически подготавливая живых родственников к восприятию вести о кончине близкого человека.

Таким образом, при сопоставлении казахского и русского языков вырисовываются их особенности на уровнях языкового функционирования. Глаголы со значениями зрительного и слухового восприятия в русском и казахском языках представляют фрагменты языковой картины мира их носителей, соответственно отражая культуру и менталитет данных этносов.

Список литературы:

1. Васильев Л.М. Семантика русского глагола. – М.: Высшая школа, 1981. – 184 с.
2. Кузнецова Т.В. Семантическая структура глаголов физического восприятия: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1983. – 24 с.
3. Урысон Е. В. Языковая картина мира vs Обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания, № 2. – 1998. – С. 3-21.

4. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным язык: попытка системного описания // Вопросы языкознания, №2. – 1995. – С. 7-15.
5. Лещенко В.В. Принципы организации и структурирования лексико-семантического поля восприятия в современном русском языке. – Киев, 1990.
6. Юлдашев А.А. Глаголы чувственного восприятия в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. – М.: Наука, 1961. – 320 с.
7. Кулиев Г. К. Сравнительно-исторический анализ лексико-семантического развития глаголов зрения в тюркских языках огузской группы // Сов. тюркология, № 4. – 1976. – С. 4-11.
8. Оразов М. Семантика казахского глагола (опыт семантической классификаций) / Дисс. ... докт. филол. наук. – А., 1983. – 313 с.
9. Уразымбетова А.Б. Глаголы физического восприятия казахского и русского языков и некоторые аспекты их перевода/ Дисс. ... канд. филол. наук. – А., 1998. – 175 с.
10. Ашимбетова Р. Глаголы физического восприятия и их место в языковой картине мира / Дисс. ... канд. филол. наук. – А., 2000. – 193 с.
11. Крофт У. Язык и средство общения. // М.: Наука и общество, 2001. – С.12.
12. Воркачев С.Д. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. – Вып. 24. – М., 2003. – С. 5–12.
13. Колесов И.Ю. Актуализация зрительного восприятия: когнитивный аспект. Автореф. Дисс. ... д-ра филол. наук. – Барнаул, 2009. – 467 с.

ВЕТЕР В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

М.К. Абаева

к.ф.н., доцент КазНПУ имени Абая

А.Н. Батаева

магистрант КазНПУ имени Абая

Аннотация

Статья посвящена смысловому диапазону и особенностям образного содержания такого явления природы как «Ветер». Рассматривается весь языковой спектр от толкования, синонимии, эпитетов, фразеологии до сочетаемостных возможностей слова «ветер».

Ключевые слова: картина мира, концептосфера, ветер.

Түйіндеме. «Жел» деп аталатын түсіндірме сөздігінің ауқымы мен әсері. Барлық тілдерден, синонимиядан, эпитетовтан, фразеологтардан «жел» сөзінің мүмкіндіктері мен мүмкіндіктеріне байланысты.

Түйін сөздер: әлемнің картиналары, концептосфера, ветер.

Abstract

Article is devoted to the semantic range and features of figurative maintenance of such natural phenomenon as "Wind". All language range from interpretation, synonymies, epithets, phraseology and the possibilities of the word "wind" are exposed.

Keywords: picture of the world, concept, spheres.

Каждый язык формирует определенный комплекс представлений об окружающей действительности, не совпадающий или частично совпадающий с представлениями мира носителей другого языка, представителей иной культуры. Этот комплекс представлений именуется как картина мира. «Если мир – это человек и среда в их взаимодействии, то картина мира – результат переработки информации о среде и человеке» [1, 64]. Языковая картина мира, с одной стороны, формирует, а с другой – отражает систему мыслительных образов, представлений об объектах действительности, создаваемую как объективными, так и субъективными факторами, или, другими словами, концептуальную систему [1, 37]. Картина мира, отражаемая единицами национальной концептосферы «Явления природы» сочетает в себе природные, географические, бытовые, религиозные и другие особенности, выделяющие ее из совокупности культурных концептов.

Рассмотрим средства объективизации концепта «ветер» в русском языке, входящее в концептосферу «Явления природы».

Природа – это окружающий нас материальный мир, всё существующее во вселенной, зримое, вещественное. Таким образом, в определенной ситуации природа может мыслиться живым существом, способным создавать, изменять, наделять какими-либо качествами, а природные явления персонифицировались.

Персонификация природы отражена, в частности, в поверьях, мифах, сказках, указывающих на одушевление природы, что показывает связь с мифологическими представлениями. Образы ветра, дождя, снега, грозы (грома) являются антропоморфными. В образной системе русского языка образ ветра связан с целым рядом ассоциаций, на основе которых возникают метафорические образы.

Отношение людей к явлениям природы часто находит отражение в пословицах, поговорках, идиомах. Они передают социально-историческую, эмоциональную информацию конкретного национального характера.

В составе фразеологических единиц русского языка наиболее частотным словом является «ветер». С.С.Кузьмин ставит ветер, точнее – его направление, частую сменяемость на одной и той же территории, в ряд тех физических условий, «которые оказали наиболее сильное действие на ход исторической жизни России» [2; 127]. Отсюда, как нельзя кстати, метафорическое выражение «ветер перемен». Важная жизнеорганизующая роль этого природного явления находит разностороннее отражение: русский человек связан прочными узами с природой, которую он воспринимает как целостность, находящуюся в движении и взаимопроникновении частей. Также это природное явление отождествляется с живым существом, обладающим свободой, быстротой, силой; характеризуется как жизненно-важный объект, который можно взять, можно отнять, им человек может управлять, но он может быть и опасен. Кроме того, ветер отождествляется с необузданной стихией, с природным явлением, как силой, перемещающей что-либо в пространстве.

Рассмотрим значение слова «ветер» в Толковых словарях:

ВЕТЕР, ветр муж. движение, течение, теча, ток, поток воздуха. По силе своей ветер бывает: ураган, кавк. бора: шторм, буря (обычно с бурей соединены гроза и дождь), жестокий, сильный, ветрища: средний, слабый, тихий ветер или ветерок, ветерочек, ветерек, влтришка; по постоянству силы: ровный порывистый, шквалистый или голомянистый, ветер духами, архан; по постоянству направления: пассатный или полосовой; по стоянный, вондулук; изменчивый, шаткий или переходный; смерч, вихорь или заверть, т.е. круговой. По направлению вообще, ветры именуются странами света, для чего овидь делится на 32 части, по осьми в четверти (см. компас, матка). На устьях рек, принято вообще два главных вида ветров: морской, моряна, нагон, назовой, и береговой, матерой, горыч, сухмень, сгон, выгон, верховой. Русский ветер, с Руси, архан, южный, сиб. западный. Ветер с Руси потянул. Русский ветер тепла принес. На Белом море называют ветры: сивер, север, С; лето, летний, летник, Ю; восток. В; з апад, З; полуночник, заморозник или рекостав, СВ; обедник, ЮВ; глубник, голоменник, в Коле побережник. СЗ; шалоник в Мезени паужник, ЮЗ. Промежные страны или ветры называются там межниками, и обозначаются словами: стрик и меж, напр. в СВ четверти: север стрик севера к полуночнику, меж севера полуночник, стрик полуночника к северу, полуночник, стрик полуночника ко востоку, меж восток полуночник, стрик востока к полуночнику, восток. Ветры на Онеге: продольный или столбище, С; ребровский, Ю; восток, восточный, В; средний, З; галицкие ерши, ЮВ; шалоник, ЮЗ. На Ильмене: спверяк, С; зимняк, В; мокрик, З; подсеверяк, СВ; шалонак, ЮЗ (столбняк? меженец? озерник, от Старой русы? крестовый-запад, ЮЗ?); подсиверный запад, СЗ. На Селигере: север, С; полуден, Ю; восток, В; запад, З; меженец, межни к, На Псковском озере:

северик, С; полуденник, Ю; теплик, В; запад, З; сточей (всточий), СВ; мокрик, ЮЗ. На Волге: хилок или сладимый, Ю; моряна, СВ; гнилой, ЮЗ; вешняк, ЮВ; горыч, нагорный, ЮЗ; луговой, СВ. На Каспийском море компас рыбаков флотский, т.е. голландский. На Байкале: север или гора, С; полуденник, Ю; восток, В; култук, З; баргузин, СВ; горный, горыч, горыня, СЗ; глублик, ЮЗ; шелоник, ЮВ. На Дунае: полночь, С; полуденка, Ю; карасль, ЮЗ; обаза, В. В вологод. белозер, С. По направлению ветра в паруса: фордак, фордевинд, прямой, в корму, байкал. обетонь; попутный: поветерь, бакштэг, полный; поперечный: поперечень, галфвинд, полветра, боковой, байкал. покачень, колышень; круче полветра: косой, бейдевинд, круть, крутой, астрах. рейковый, архан. покосной, беть, байкал. битезь; встречный; противень, противный, в лоб, лобач, лобовой.

| Пирожное ветер, французский ветер, крем, битые сливки, иногда на яйцах.

| * Ветер, говорят о человеке: ветрогон, ветренный, скорохват; непостоянный, непоседный, ненадежный, опрометчивый. Ветром подбитый, то же. Ветром делать что: ходить ветром, делать все как ни попало, опрометчиво. Ветер ходит в (по) комнате, дует, несет, сквозит. Как на ветер, попусту. Вей по ветру, а впротив (а всупротив) глаза запорошишь, с силою не спорь. Выше ветра головы не носи, не забывайся. С ветра пришло, на ветер и пошло. За ветром в поле не угоняешься. Ведами ветра не смеряешь. Спроси у ветра совета, не будет ли ответа? Кто ветром служит, тому дымом платят. Французский ветер, ветрогон. Откуда ветер подует, угодничает; куда подует, не стоек. Против ветра не надуеться. Не с ветра говорится то-то. Все пошло на ветер, промотался. Стрелять на ветер. Не верь ветру (коню) в море (в поле), а жене на воле (в доме). На ветер надеяться, без помола быть. От хозяина чтоб пахло ветром, от хозяйки дымом. Ветры дули, шапку сдули, кафтан сняли, рукавицы сами спали, о пьянчуге. Не подуйте на нас холодным ветром, будь милосерд. На ветру хорошо блох ловить, смирыны. Ветер взбесится, и с бобылей избы крышу сорвет. Откуда ветер? С завтрака (или: с полдника, с обеда). Ветер шелоник по Онеге разбойник, юго-западный, опасный для судов. На Астафья (20 сентября) примечай ветер северный, к стуже; южный, к теплу; западный, к мокроте; восточный, к ведру. На Евлампия (10 октября), рога месяца кажут на ту сторону, откуда быть ветрам. Киргиз в степи – ветер! [3].

ВЁТЕР, ветра, мн. ветры (ветра прост.), ветров-ветров, муж.

1. Движение потока воздуха. Сильный ветер. Порывистый ветер. Слабый ветер. Западный ветер. Поднялся ветер. Дуновение ветра. Сквозной ветер. Попутный ветер.

2. *только мн.* Газы, образующиеся в желудке или кишках (спец.).

❖ Ветер в голове у кого (разг. пренебр.) – о пустом, легкомысленном человеке. Стоять на ветру (разг.) где дует сильный ветер. Пойти до ветру (обл. прост.) для отправления естественной нужды. Бросать слова на ветер – говорить что-нибудь необдуманно, без ответственности за свои слова.

«Диктатура есть большое слово. А больших слов нельзя бросать на ветер.» Ленин. Держать нос по ветру (разг. ирон.) – принаравливаясь к господствующим вкусам. Подбитый ветром (разг. шутил.)

1) ветренный, легкомысленный (о человеке);

2) без подкладки, холодный, плохой (о верхнем платье). Итти, куда в етер дует (разг. ирон.) неиметь твердых убеждений, подчиняться в каждый данный момент господствующей идеологии, моде [3].

Рассмотрим синонимию слова «ветер»:

Дуновение, бриз, буря, буран, вихрь, заверть, вьюга, метель, мятьель; (пассаты, самум, сирокко, смерч, тайфун, ураган, циклон, шторм, аквилон, борей, зефир).

В окно несет, дует; сквозной ветер. См. легкомысленный.

бросать деньги на ветер, в голове ветер ходит, на ветер, с ветру... [3].

Ветер

ветр, дуновение, бриз, буря, буран, вихрь, заверть, вьюга, метель, мятьель; пассаты, самум, сирокко, смерч, тайфун, ураган, циклон, шторм, аквилон, борей, зефир; несёт, дует; легкомысленный; фен, зюйд, хамсин, гарматан, роза, ветреница, ветрище, верхогляд, антипассат, вялища, ветреник, ветерок, завирюха, сухмень, мистраль, суховей, вертушка, ветерочек, памперо, ибэ, ветряга, шквал, афганец, голубой огонь, вьюговей, ветрина, вихорь, санташ, норд-вест, норд-ост, бора, улан, муссон, моряна, эвр, норд, голубой уголь, баргузин, ветренная голова, ветродуй, ветрюга, фордевинд, торнадо, сарма, гармсиль, чинук, трамонтана, свистун, сквозняк, пустельга, этезий, сивер, евр, биза, вертопрах, гармсин, харматан, зюйд-ост, вест, зюйд-вест, пустышка, солано [3].

ветер

1. ветр (*трад.-поэт.*)

/ сильный: вихрь; вихорь (*устар. и прост.*)

/ лёгкий: ветерок; зефир (*трад.-поэт.*)

/ как источник энергии: голубой уголь

2. см. ветреник (ветреница) [3].

ветер

сущ.

- вихрь
- ураган

- ветер
- вихорь
- зефир [3].

Интерес представляют также эпитеты со словом «ветер»:

Ветер

ароматный (Фофанов); безвольный (Гиппиус); бездонный (Бальмонт); безмятежный (Бальмонт); беспокойный (Гиляровский, Суриков); безучастный (Сологуб); бесприютный (Башкин); благовонный (Майков); буйный (Гиляровский, Бальмонт, Бунин, Белоусов, Суриков, К.Р. Фофанов, Хомяков); бурный (Гиляровский); бысролетный (Брюсов); быстрый (Бальмонт); белый (Гиппиус); бешеный (Федоров-Давыдов); властный (Гиппиус); влюбленный (Бальмонт); вольный (Белоусов, Мельн. Печерский, Скиталец); воющий (Козлов); дикий (Радимов, Зайцев); душисто-теплый (Бальмонт); душистый (Барыкова); жадный (Городецкий); жестокий (Бунин); заунывный (Мей, Коринфский); звенящий (Бальмонт); звонкий (Лохвицкая, Шмелев, Эртель); «Звонкий, как тонкое стекло» (Шмелев); злобный (Гиляровский); злой (Фет); играющий (Бальмонт); игривый (Веневитинов); крепкий (Надсон); ласковый (П.Я.); легкокрылый (Дрожжин); летучий (Фет); мимолетный (Ратгауз, Эртель); мятежный (Гиляровский); неверный (Бальмонт); непокорный (Гиляровский); неприветный (Башкин); необузданный (Козлов); нестерпимый (Григорович); неудержимый (Гиппиус); неугомонный (Потапенко); неукротимый (Гиляровский); нежный (П.Я.); озорник-ветер (Чапыгин); онемевший (Лермонтов); очаровательный (Бунин); перелетный (Бальмонт, Никитин); полувлюбленный (Бальмонт); полусонный (Бальмонт); порывистый (Зорин, Надсон); порывный (Рылеев); привольный (Халатов); прихотливый (Бальмонт, Буренин, Фет); пробужденный (Бальмонт); пронзительный (Арцыбашев, Серафимович); пьяный (Блок); режущий (Гофман); резкий (Зорин, Муйжель, Серафимович, Тургенев); свиреподышащий (Бальмонт); свободный (Гиляровский, Маковский, Некрасов); своенравный (Халатов); сердитый (Белоусов, Белый); сладкий (Бунин); слепой (Гиппиус); сонный (Башкин); тиховойный (Брюсов, Полежаев); тонкий (Шмелев); тоскливый (Гиляровский); унылый (Гиляровский, Жемчужников); упругий (Арцыбашев, Муйжель); шаткий (Белый) [4].

Данные эпитеты позволяют сделать нам следующие выводы: ветер в своем непосредственном значении (порывистый); ветер имеет вкус (ароматный, душисто-теплый, душистый, сладкий), запах (благовонный), в значении коня (необузданный, неукротимый, своенравный), по частотности преобладающий персонифицированный характер ветра (беспокойный, безучастный, буйный, бешеный, властный, влюбленный, вольный, жадный, жестокий, злой, играющий, игривый, неверный,

непокорный, неприветный, неугомонный, озорник-ветер онемевший, очаровательный, полувлюбленный, полусонный, пьяный, свободный, сердитый).

Сочетаемость возможности слова «ветер» представлены следующим образом:

ветер бьёт • действие, субъект, продолжение

ветер воет • действие, субъект, способ

ветер гудит • действие, субъект, способ

ветер гуляет • действие, субъект

ветер дул • действие, субъект

ветер дунул • действие, субъект

ветер завывает • действие, субъект, способ

ветер затих • действие, субъект, окончание

ветер играет • действие, субъект

ветер идёт • действие, субъект, продолжение

ветер крепчает • изменение, субъект, много

ветер налетает • действие, субъект

ветер переменялся • изменение, субъект

ветер поднялся • действие, субъект, начало

ветер подул • действие, субъект, начало

ветер пронизывает • действие, субъект

ветер разогнал • действие, субъект

ветер свистит • действие, субъект, способ

ветер свищет • действие, субъект, способ

ветер стих • действие, субъект, прерывание

ветер ударил • действие, субъект, много

ветер усиливается • изменение, субъект, много

ветер усилился • изменение, субъект, много

ветер утих • действие, субъект, окончание

ветер шевелит • действие, субъект

ветер шумит • действие, субъект, способ

гудит ветер • действие, субъект, способ

дует ветер • действие, субъект

дует пронизывающий ветер • действие, субъект

дует свежий ветер • действие, субъект

дует северный ветер • действие, субъект

дует сильный ветер • действие, субъект

дует тёплый ветер • действие, субъект

дует холодный ветер • действие, субъект

дунул ветер • действие, субъект

завывает ветер • действие, субъект, способ

задувает ветер • действие, субъект

налетает ветер • действие, субъект

налетел ветер • действие, субъект, начало
 относить ветром • действие, субъект
 переменялся ветер • изменение, субъект
 поднялся ветер • действие, субъект, начало
 поднялся сильный ветер • действие, субъект, начало
 подул сильный ветер • действие, субъект, начало
 унести ветром • действие, субъект[5].

Фразеологизмы играют особую роль в создании языковой картины мира. Они приписывают объектам признаки, которые ассоциируются с картиной мира, подразумевают целую дескриптивную ситуацию, оценивают её, выражают к ней отношение. Мир отражается сквозь призму вторичных ощущений, запечатленных в метафорах, сравнениях, символах – это главный фактор, который определяет универсальность и специфику любой конкретной национальной языковой картины мира.

Ветер в голове у кого (разг. пренебр.) – о пустом, легкомысленном человеке.

Ветер в голове ходит, ему только бы гулять.

Стоять на ветру (разг.) – где дует сильный ветер.

Дед стоял на ветру.

Пойти до ветру (обл. простореч.) – для отправления естественной нужды.

Бросать слова на ветер – говорить что– н. необдуманно, без ответственности за свои слова.

Язык мой нем; на нем звук праздный не горит. И слова тщетного о н на ветер не бросит. В. Бенедиктов.

Держать нос по ветру (разг. ирон.) – приноравливаться к господствующим вкусам.

Держи нос по ветру, и все пойдёт как по маслу.

Подбитый ветром (разг. шутл.)

1) ветреный, легкомысленный (о человеке).

Гильоме, француз, подбитый ветерком.

2) без подкладки, холодный, плохой (о верхнем платье).

На нем пальто холодное, подбитое ветром.,

Идти, куда ветер дует (разг. ирон.) – не иметь твердых убеждений, подчиняться в каждый данный момент господствующей идеологии, моде.

Люди без твердых убеждений, идут, куда ветер дует [6].

Ветер

Бросать... деньги на ветер

В (чьих-л) карманах гуляет ветер

Ветер гуляет в голове (чьей-л/у ког-л.)

С ветром в голове

Ветер в спину (кому-л.)

Знать..., откуда/куда ветер дует

Не бросать слов/слова на ветер
 Попутный ветер
 Свободен как ветер; свободный как ветер
 Собака лает – ветер носит
 Чувствовать ветер в своих парусах
 с ветерком
 ища как ветра в поле
 попутного ветра
 ссать/плевать... против ветра
 ветром качает (кого-л.); под ветром качаться
 ветром надуло
 как ветром сдуло (кого-л./что-л.куда-л.)
 выйти/сходить... до ветру
 держать нос по ветру
 пустить по ветру (что-л.)
 пускать ветры
 Движение
 Приход, приезд, появление
 Речевая формула каким ветром занесло [(ког-л./ что-л. Куда-л.)]? [7,

31].

Анализируя весь языковой спектр слова «ветер» (лексемы, синонимы, эпитеты и фразеологические единицы русского языка), мы выяснили следующее: большинство исследуемых единиц антропоцентричны, то есть тем или иным образом связаны с человеком, его качествами, поступками.

Список литературы:

1. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений / В. А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
2. Фаткуллина Ф.Г. Категория деструктивности в современном русском языке. Дисс... докт. филол. наук. – Уфа, 2002. – 343 с.
3. Толковый словарь Даля. В.И. Даль. 1863-1866.
<https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc2p/>
4. Эпитеты литературной русской речи. <https://epithets.academic.ru/>
5. Глагольной сочетаемости непредметных имён. Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Национальный корпус русского языка. Составители: О.Л. Бирюк, В.Ю. Гусев, Е.Ю. Калинина. 2008.) <https://abstrnoun.academic.ru/>
6. Фразеологический словарь русского языка. Под редакцией Т.Волковой. 2014. https://phrasebook_ru.academic.ru/150/ветер
7. Словарь-тезаурус современной идиоматики: около 8 000 идиом современного русского языка. – М.: Мир энциклопедий Аванта +, 2007. – 1135 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ КОДОВ

Н.Н. Еркабылова

магистрант КазНПУ им. Абая

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению психологических и психолингвистических аспектов переключения кодов. В частности, в центре внимания находится психологическая основа общения и билингвизма, а также нейролингвистические аспекты переключения кодов. Широкое распространение переключения кодов (прежде всего с русского языка на казахский и наоборот) среди казахстанцев-билингвов обуславливает актуальность предпринятого исследования.

Ключевые слова: переключение кодов, двуязычие, общение, психологические и психолингвистические аспекты.

Түйіндеме. Мақала код ауыстырудың психологиялық және психолингвистикалық аспектілерін қарастыруға арналған. Атап айтқанда, қарым-қатынас және билингвизмнің психологиялық негіздері, сондай-ақ код ауыстырудың неролингвистикалық аспектілері қарастырылған. Қазақстандық-билингвтер арасында код ауыстырудың (ең алдымен орыс тілінен қазақ тіліне және керісінше) кең таралуы зерттеу жұмысының өзектілігінің шарты болып табылады.

Түйін сөздер: код ауыстыру, кәсіптік, қарым-қатынас, психологиялық және психолингвистикалық аспектілер.

Abstract. This article is devoted to the consideration of psychological and psycholinguistic aspects of code switching. In particular, the focus is on the psychological basis of communication and bilingualism, as well as the neurolinguistic aspects of code switching. The wide spread of code switching (primarily from Russian to Kazakh and vice versa) among Kazakhstani bilinguals determines the relevance of the research undertaken.

Keywords: code switching, bilingualism, communication, psychological and psycholinguistic aspects.

Переключение кодов, т.е. «смена участниками коммуникации одного языка (или варианта языка) другим языком (или вариантом) в пределах одного коммуникативного акта» [1, 78], как и билингвизм, выступающий необходимым условием его осуществления, в значительной степени является психологическим и психолингвистическим явлением, «поскольку до своего формального выражения в языке при помощи лингвистических средств и категорий оно подчиняется определенному алгоритму порождения в сознании говорящего» [2, 1].

Сосредоточиваясь в данной статье только на психологических и психолингвистических аспектах данного явления, мы исходим из того, что в нем имеют место закономерности, свойственные общению вообще и билингвальному общению в частности. Кроме того, в нашем описании учтены результаты отдельных нейролингвистических исследований билингвизма и переключения кодов. Такой подход, как нам кажется, позволяет более глубоко и последовательно изучить переключение кодов в рамках выбранных аспектов.

Необходимо отметить, что на данный момент нет общего взгляда на психологическую и психолингвистическую природу переключения кодов. Исследователями были предложены различные теории для описания процессов получения, обработки, передачи информации из двух разных языковых систем. Психолингвисты выделяют функции языка, которые связаны с: а) хранением и б) представлением лингвистических единиц, в) нейрологической активацией и г) подавлением, определяющими то, как эти единицы приходят на поверхность сознания [3, 55].

Для достижения поставленной задачи мы хотим рассмотреть структуру и особенности общения как психологической деятельности, в которой реализуется переключение кодов.

Общение – сложный многоплановый процесс установления и развития контактов между людьми (межличностное общение) и группами (межгрупповое общение), порождаемый потребностями совместной деятельности. Во всякой деятельности, в том числе и в общении, можно выделить субъект и объект этой деятельности, а также ее содержание и используемые в ней средства. В деятельности общения объектом являются наше сознание, система мотивов, эмоциональная сфера, наши установки и ценности. В зависимости от того, что именно в психике человека подвергается изменению, психологическое содержание деятельности общения будет различным. В одном случае это будет сообщение новых знаний (информирование), в другом – изменение системы мотивов или ценностей (убеждение), в третьем – непосредственное побуждение к действию [4, 213].

Когда человек вступает в общение с другим, то они оба фиксируют особенности внешнего облика друг друга, "прочитывают" переживаемые состояния, воспринимают и истолковывают тем или иным образом поведение, так или иначе, расшифровывают цели и мотивы этого поведения. Внешний облик, состояние, поведение и приписываемые человеку цели и мотивы всегда вызывают у общающейся с ним личности какие-то отношения.

Психологическое содержание обуславливают используемые средства в общении (знаковое, смысловое и т.д.). Мы непосредственно остановимся на речевом общении – это частный случай общения знакового, когда средством общения выступает язык (два языка). Процесс

использования языка для общения называют речевой деятельностью.

Как было отмечено выше, процесс переключения кодов имеет место только при условии владения двумя языками. Е.М. Верещагин, разделяя первичную и вторичную языковые системы, утверждает: «...носитель двух систем общения (т.е. человек, способный употреблять для общения две языковые системы) называется билингвом (буквально: двуязычным), ...умения, присущие соответственно билингу, называют билингвизм» [6, 19]. Отметим, что Е.М. Верещагин, Э. Хауген, А.А. Леонтьев и ряд других ученых считали, что при изучении билингвизма психологический аспект должен быть основным.

Характеристики билингвизма разделяют на качественные и количественные. При изучении качественной характеристики билингвизма, т.е. его интенсивности, главное внимание уделяется степени владения двумя языкам, характеру их взаимодействия в мышлении и речевой деятельности. Количественная характеристика билингвизма, т.е. его экстенсивность, связана с исследованием сфер и функций использования взаимодействующих языков в речевой деятельности индивида или языкового коллектива [7, 27].

В силу сложившихся условий в современном казахстанском обществе широко распространены такие типы билингвизма, как смешанный, естественный, массовый. Именно эти типы, на наш взгляд, способствуют частому переключению кодов.

Психологи отмечают качественно иное общение билингвов, по сравнению с общением одноязычных индивидов. Так, нередко отмечается тонкое умение билингвов идентифицировать собеседника при общении. Е. Ю. Бекасова, как и многие ученые, приходит к выводу о большей развитости способностей у билингвов, чем у монолингвов, поскольку мышление билингвы с младенчества «тренируется» постоянной сменой двух языков, что обуславливает:

- остроту реакции – билингвы в большей степени, чем монолингвы обладают умением быстро «переключаться» с одного языка на другой, подстраиваться под окружающую среду;
- абстрактность и креативность мышления – было выявлено, что билингвы обладают большими способностями к нестандартному походу, творческому мышлению;
- тонкое коммуникативное восприятие – эмпирические исследования доказали, что билингвы в большей степени «слушают» – настраиваются на собеседника, более внимательны к его речи [5, 181].

Как показывают исследования Н.И. Жинкина, прежде чем построить высказывание, мы при помощи особого кода (предметно-образительного, т.е. представлений, образов и схем) строим смысловой

косяк. Это механизм программирования речевого высказывания. Затем следует группа механизмов, связанных с переходом от плана (программы) к грамматической (синтаксической) структуре предложения; сюда относится механизм грамматического прогнозирования синтаксических конструкции, механизм обеспечивающий запоминание, хранение и реализацию грамматических характеристик слов, механизм перехода от одного типа конструкции к другому типу (трансформации), механизм разветвления элементов программы в грамматические конструкции и т.д. Далее следуют механизмы, обеспечивающие поиск нужного слова по семантическим (смысловым) и звуковым признакам, и механизм моторного программирования синтагмы (синтаксической интонационно-смысловой единицы) [4, 216].

Основные вопросы по изучению двуязычия включают вопросы отдельного и совместного хранения языков, кодирования и производства речи. Важным аспектом при изучении билингвизма является изучение механизмов хранения языков. Если языки в двуязычном мозге были бы расположены отдельно, невозможны были бы ни кодовое переключение, ни перевод; если два языка были бы интегрированы полностью, то билингвы, возможно, переключали коды все время и не смогли бы разговаривать только на одном языке. Ранние исследования по билингвизму предлагали один лексический резервуар в двуязычном мозге либо два лексических резервуара. Последующие исследования показали, что билингвы не могут полностью переключиться на один язык, следовательно, вопрос следует сформулировать так: каким образом билингв «имеет доступ» к словарю, состоящему из единиц двух языков, для выполнения текущих задач? В таких исследованиях акцент делается на лексический уровень. Предположение о том, что лексический уровень имеет превосходство над остальными уровнями, известно как «лексическая гипотеза». Психолингвисты предпринимали попытки определить, когда в процессе производства речи отбирается язык кодирования, в какой момент решение о переключении кодов становится релевантным. Р. Мютер считает, что все лексические единицы активизируются позднее в процессе отбора и существует четыре основных фактора выбора языка:

- 1) общая отмена выбора нежелательного языка: однако ученые не уверены, происходит ли отмена языка глобального или она влияет только на значимые части,
- 2) эффект языка (овладения): было доказано в разных экспериментальных исследованиях, что коммуниканту сложнее подавлять Я1, чем Я2, но если коммуникант говорит на Я2, переключение на Я1 требует больше времени, чем продолжить на Я2 (различия в миллисекундах),
- 3) факторы, которые инициируют кодовое переключение,

- 4) способность контроля языка, который позволяет поддерживать выбранный язык [3, 49].

Эти процессы в большинстве случаев происходят на подсознательном уровне, так как коммуниканты не всегда осознают переключение кодов в своей речи.

Тем самым отметим, что психологические исследования не могут игнорировать данные нейролингвистических исследований.

Исследования по переключению кодов в нейролингвистическом аспекте проводились в русле локализации и латерализации языков билингва в мозге и восходят к ранней афазии. Одними значимых исследований в области определения локализации языковых функций, давшим толчок развитию данной науки в целом, явились исследования П.Брока и К. Вернике. Более ста лет назад (1861) П. Брока открыл, что при поражении определенного участка коры (задняя треть нижней лобной извилины левого полушария) у больных появляются нарушения речевой артикуляции (произношения). Брока сделал вывод, что этот участок есть «центр моторных образов слов», которые локализуются именно в данной области мозга. Несколько позже (1874) К. Вернике, описав случай нарушения понимания речи при поражении задней трети верхней височной извилины левого полушария, заключил, что в этом участке коры локализуются «сенсорные образы слов» [4, 215]. Данные исследования легли в основу нейролингвистической науки в целом и нейропсихологическим аспектам билингвизма в частности. Учеными предпринимались попытки определения локализации и латерализации языков билингва в мозге. При этом основная задача заключалась в определении локализации языков: хранятся ли разные языки в разных областях мозга либо в одной области мозга?

О совместной локализации речевых механизмов свидетельствуют наблюдения над восстановлением речи на двух языках при афазии. Дело в том, что независимо от места поражения коры больших полушарий, как правило (знающее, впрочем, исключения), восстановление речи идет по принципу, установленному А. Питром (1895). А. Питр применил к афазии при билингвизме общий закон Т. Рибо (сформулированный в 1881 г.), по которому функции, приобретенные поздно, в старости или в патологических условиях выпадают легче и восстанавливаются труднее, чем функции, приобретенные рано («новое умирает раньше старого»). Поэтому думали, что язык, на котором человек говорил в детстве, при обратном развитии афазии восстанавливается раньше, чем язык, изученный в более позднем возрасте, т.е. что родной язык восстанавливается в первую очередь. А. Питр показал, что в первую очередь восстанавливается не родной язык, а тот язык, на котором больной преимущественно говорил, т.е. язык доминантный [6, 31].

Большинство ученых считало, что языки отделены друг от друга только нервными механизмами. Примеры из реальной жизни часто недостаточно точны для подтверждения этих позиций. Также предпринимались попытки определения места механизма переключения. К примеру, Ф. Фаббро, ссылаясь на наблюдение О. Пётзл, исследовавшего пациента с мозговыми нарушениями, который потерял способность переключения языка перед инсультом, считал, что способность переключения с одного языка на другой локализована в теменной части левого полушария. Согласно ученому, именно теменная часть позволяет сохранять равновесие между разными языками, позволяя при этом использовать только один язык, в то время как другие языки остаются в глубине.

По М. Паради, каждое слово и каждый язык имеет определенный порог активации, зависящий от частности использования языка или слова, уровня владения языком, времени, которое прошло от последней активации, от эмоционального вовлечения говорящего. Д. Грин считает, что порог активации для понимания языка ниже порога активации для его выражения. Ученый объясняет этим причину того, почему люди, страдающие афазией, могут понимать язык, но не говорить на нем [3, 51].

Одной из важных характеристик клеток головного мозга является использование электрических сигналов для передачи информации. Группа нейронов образует нейронные цепи, которые могут вовлекать различные зоны мозга. Чем чаще нейронная цепь используется, тем меньше порогов необходимо для повторной активации. Таким образом, понижение порогов активации является важной функциональной характеристикой нейронов. При этом длительная активация определенной нейронной цепи во время выполнения функционального задания улучшает передачу информации среди нейронов.

Работы, посвященные психологическим аспектам кодового переключения, составляют незначительную часть исследований. Поскольку многие ученые рассматривают переключение кодов как спонтанное, неформальное, часто самопроизвольное явление, его сложно исследовать с помощью специальных психологических и психолингвистических методов. Но мы, хотели бы рассмотреть переключение кодов не только как спонтанный, но и еще как ситуативный переход билингва на другой язык. Для выявления и анализа психологических аспектов переключения кодов оптимальным методом являются наблюдение, реже – лонгитюдное исследование в виде дневниковых записей.

Одним из комплексных вопросов переключения кодов в психологическом аспекте являются подсознательные факторы, которые недоступны прямому наблюдению. Как утверждают исследователи, в качестве одного из таких факторов можно привести неосознаваемую

склонность говорящего к использованию того или иного языка. В данном случае говорящий использует тот код, который первый происходит ему в сознание. Иначе говоря, бессознательное переключение кодов с языка X на язык У осуществляется, когда определенные слова более употребительны в языке.

Ниже мы приведем ряд причин, психологического характера, которые обуславливают переключение кодов.

Психологические исследования, проведенные в области переключения кодов, выявили, что говорящие переключают код для экономии речевых усилий. В основе принципа экономии лежит представление о том, что человеческая деятельность носит целенаправленный характер, предполагает достижение конечной цели с наименьшей затратой усилий.

Принцип экономии носит универсальный характер, так как он выступает в качестве одной из основных причин изменений в языках и речи. Принцип экономии в языке был сформулирован французским лингвистом А. Мартине. Согласно этому принципу изменение языка – компромисс между потребностями коммуникации и стремлением человека к минимизации усилий [8, 138]. Если учесть сказанное выше высказывание «о порогах активации», данная причина вполне уместна.

Многие ученые считают, «что культурно окрашенные слова также способствуют переключению кодов у говорящих. Коммуниканты переключают код, когда точное значение культурно окрашенного слова нельзя передать средствами другого языка» [9, 126].

Г.С. Суюнова выделяет группы факторов кодового переключения, носящих скорее психологический характер и сильно связанных с ситуацией общения. К таковым она относит:

а) скрытие содержания разговора от окружающих. Билингвы переключаются на казахский язык.

б) ориентация на окружающих, среди которых есть не только казахи. Билингв переключается на русский язык.

в) изменение эмоционального настроения билингва вызывает переключение на казахский язык. Часто такое переключение происходит бессознательно, так как эмоциональный подъем может характеризоваться снижением или снятием контроля индивида за поведением. В целом в эмоциональной жизни билингвов родной язык занимает приоритетное положение

г) необходимость сделать логический вывод на родном языке.

д) переключение на казахский язык может происходить при идентификации национальной принадлежности собеседника, которого билингв не видел в лицо. Переход на родной язык часто призван подчеркнуть принадлежность коммуникантов к одному этносу и может изменить тональность общения незнакомых собеседников.

е) автоматический переход на тот или иной язык при изменении речевого поведения собеседника. Происходит своего рода цепная реакция на такое изменение.

ж) сознательная установка на использование родного языка, связанная с формированием языкового сознания. Это явление характерно для молодых казахов-билингвов [10, 186].

Переключение кодов в полиэтническом обществе, может обуславливаться этнопсихологической защитой. Субъектом психологической защиты могут выступать конкретный человек, внутриличностные целостные психологические структуры (например, «Я»), государство, нация. А главным средством «защиты» является язык. Человек в процессе своей социализации, овладевая родным языком, обучается также тем формам, механизмам и стратегиям психической защиты, которые создавались предыдущими поколениями и зафиксировались в языке (а также в фиксируемой языком культуре). Каждый индивид, усваивая структуру (синтаксис) и словарный запас языка, не только усваивает определенные формы, механизмы и даже стратегии психологической защиты [11, 47]. В нашем случае средством защиты выступает родной язык, человек как бы показывает свою этническую принадлежность. Как уместно отметила С.Г. Тер-Минасова, «язык – это не только барьер, разделяющий народы, но и щит, защищающий национальную идентичность и самобытность...» [12, 324].

Таким образом, мы выяснили, что изучение психологических и психолингвистических аспектов переключения кодов находится на стадии интенсивного развития. Однако стоит отметить, что существующие психологические и психолингвистические исследования еще далеки от исчерпывающего и непротиворечивого объяснения феномена переключения кодов.

Теоретический анализ показал важность комплексного изучения билингвизма для установления причин и закономерностей переключения кодов. Описание психологических и психолингвистических аспектов переключения кодов дает возможность выявить причины и закономерности проявления данного феномена в речи билингвов.

Исследование переключения кодов особенно актуально для объективного описания языковой ситуации в современном Казахстане. С анализом этого явления на казахстанском материале связаны перспективы нашей исследовательской работы.

Список литературы:

1. Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж. Словарь социолнгвистических терминов. – Алматы: Қазақ университеті, 2002. – 170 с.

2. Бабушкина В.В. Психологические аспекты языкового переключения [Электронный ресурс] // Сайт Саратовского Социально-экономического института РЭУ имени Г.В. Плеханова http://www.seun.ru/upload/iblock/a26/psikhologicheskie_aspekty_yazykovogo_pereklyucheniya_variant_dlya_pechati.pdf (дата обращения: 25.11.2017).
3. Акынова Д.Б. Казахско-английские языковые контакты: кодовое переключение в речи казахстанцев-билингвов: дисс д-ра фил.наук. – Астана, 2014. – 227 с.
4. Общая психология. Учебник для студентов пед. ин-тов. Под ред. проф. Петровского А. В. Изд. 2-е, доп. и перераб. – М., «Просвещение», 1976. – 479 с.
5. Бекасова Е.Ю. Психологические аспекты формирования билингвальной личности // Международный виртуальный форум – Стамбул 2016: гуманитарные аспекты в геокультурном пространстве (Стамбул, 1-6 окт. 2016 г.). – Стамбул, 2016. – 833 с.
6. Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). Тематический план. Издательство Московского университета. – Москва, 1969 г. – 159 с.
7. Цейтлин С. Н., Чиршева Г. Н., Кузьмина Т. В. Освоение языка ребенком в ситуации двуязычия: научная монография / отв. ред. М. Б. Елисеева. – СПб.: Златоуст, 2014. – 140 с.
8. Головач О. Ф. Принцип экономии в лингвистике. Вектор науки ТГУ №3 (17). – Тольятти, 2011.
9. Проценко Е. А. Проблема переключения кодов в зарубежной лингвистике (краткий обзор литературы за последние десятилетия) // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2004. – № 1.
10. Суюнова Г.С. Речевое поведение казахов-билингвов: дисс. канд.фил. наук. – Алматы, 1996.
11. Барабанова Е. И. Социально-психологические особенности проявления защитных механизмов психики казахов и русских в моно– и полиэтнических группах (на примере Республики Казахстан): дисс. канд. психол. наук. – М., 2010. – 163 с.
12. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур. Вопросы теории и практики межкузыковой и межкультурной коммуникации. – М.: «СЛОВО/SLOVO», 2008. – 342 с.

ОБРАЗ МУЖЧИНЫ В РУССКОЙ И КАЗАХСКОЙ КУЛЬТУРЕ

М.К. Абаева

к.ф.н., доцент КазНПУ им. Абая

М.М. Адильбекова

магистрант КазНПУ им. Абая

Аннотация. В этой статье рассматриваются репрезентируемые в русских и казахских паремиях особенности характера, поведения мужчины. Статья посвящена сопоставительному анализу понятий «мужчина» в русской и казахской языковых культурах. Гендер, являясь сложным и многоаспектным направлением, занимает в современной науке определенную нишу. Исследование гендера представляется весьма актуальным и перспективным.

Ключевые слова: гендер, паремия, стереотип, семантика.

Түйіндеме. Аталмыш мақалада қазақ және орыс тілдеріндегі мақал-мәтелдерде кездесетін ер адамның бойындағы қасиеттер мен бет-әлпеті қарастырылған. Қазақ және орыс елдерінің мәдениетін салыстыру арқылы «ер адам» бейнесіне талдау жасалынған. Жалпы, гендер және гендерлі лингвистика қазіргі уақытта көп аспектілі, әрі қиын бағыттардың бірі ретінде танымал. Сол себепті, гендер мәселесі актуалды болып отыр.

Түйін сөздер: гендер, паремия, стереотип, семантика.

Abstract. The article is the characteristics of a character, behavior of a man, represented, are considered in Russian and Kazakh proverbs. The article is devoted to the comparative analysis of the concepts "man" in Russian and Kazakh language cultures. Gender, being a complex and multidimensional direction, occupies a certain niche in modern science. The study of gender seems very relevant and promising.

Keywords: gender, proverbs, stereotype, semantics.

Наука и культура с давних времен проявляет интерес к гендерным отношениям. В современной гендерологии доминируют женские исследования. В начале 90-х годов XX века русские исследователи начали писать работы по гендерологии в двух направлениях: women's studies (женские исследования) и men's studies (мужские исследования) [1, 26]. Однако men's studies в настоящее время в российской и в казахской науке заметно отстают по количеству исследований и по количеству публикаций. Мужские исследования в мировой гендерологии находятся на начальном этапе.

Пословицы и поговорки хранят в языке народную мудрость. В паремиях отражается история и мировоззрение народа, традиции народа, обычаи народа.

В русском и казахском языках живут сотни пословиц и поговорок. Они создавались несколькими поколениями, развивались. В статье мы хотели показать, что пословицы и поговорки являются хорошим средством выражения восприятия мира народов. Они наглядно показывают нам представление о мужчине и женщине двух народов.

При изучении пословиц на русском языке мы нашли очень большое количество пословиц о женщине, а также достаточное количество пословиц о мужчине. Паремии только о мужчине по количеству меньше. Во многих пословицах о мужчине затрагивают женщину. Это показывает нам, что образ женщины в русских пословицах раскрыт намного шире, чем образ мужчины.

«Мужское и женское» воспринимается как «правильное – неправильное»:

- *Муж пашет, а жена пляшет;*
- *Не петь курице петухом, не быть бабе мужиком;*
- *Курице не быть петухом, а бабе мужиком [2].*

В некоторых паремиях мужчине приписывают ответственность за поведение женщины:

- *Ты от жены не пядень, а уж она от тебя сажень;*
- *Муж за рюмочку, а жена за стаканчик[2].*

Еще в русских паремиях отражена зависимость мужа от жены:

- *Мужик без бабы пуще малых деток сироты;*
- *Рассыпался бы дедушка, кабы его не подпоясывала бабушка;*
- *Бабушка не может, дед семь лет костей не гложет;*
- *Без женичины мужчина, что вода без плотины;*
- *Без мужа – что без головы, без жены – что без ума;*
- *За каждым великим мужчиной стоит великая женщина[2].*

В русском языке есть паремии, которые показывают характер, поведение и внешность мужчины. Паремии о положительных качествах мужчины встречаются редко. Главным положительным качеством мужчины является терпеливость:

- *Мужика семь лет в котле варить;*
- *Мужик деревенский хоть сер, да стойлив;*
- *Мужик что мешок: что положишь, то и несет;*
- *Мужик – деревянная рогатина[2].*

На втором месте из положительных качеств мужчины является честность:

- *Правдивому мужу лукавство не под нужу;*
- *Честность мужу честен и поклон [2].*

Самым отрицательным качеством мужчины в русских паремиях является **лень**:

- *Лень мужика не кормит;*
- *Видел ленивый хомут во сне, не видать ему кобылки до смерти;*
- *Ему разжуй да в рот положи;*
- *Кабы мужик на печи не лежал, корабли бы за море снаряжал;*
- *Ехал воевать, да лень вставать;*
- *Кобылка бежит, а Ивашка лежит;*
- *Ленивого мужчину узнаешь по плетню;*
- *Мужик работает плачучи, а собирает хлеб скачучи;*
- *Мужику не наносить мешком, что баба натаскает горшком [2].*

В паремиях русского языка имеется очень много высказываний про отношения русского мужчины к алкоголю:

- *Мужик умен – пить волен, мужик глуп – пропьет и тулуп;*
- *Мужик год не пьет, два не пьет, а бес прорвет – все пропьет;*
- *Мужик напьется – с барином дерется, проспится – свиньи*

боится;

- *Мужик пришел, наливай на стол;*
- *Мужик только пиво заварил, а уж пол с ведром;*
- *Мужику одна рюмка на здоровье, другая на веселье, третья на*

вздор;

- *Пьяный мужик не мертвый: когда-нибудь да проспится;*
- *Святые угодники на пьяниц угодливы: что ни день, то у мужика*

праздник;

- *Смелым мужиком Бог владеет, пьяным черт качает;*
- *Где кабачок – там и мужичок;*
- *Старухе ноги подымает, старику глаза продирает [2].*

Также один из главных недостатков мужчины является **трусость**:

- *Его только ленивый не бьет;*
- *Оробей Еремей – обидит и воробей [2].*

По количеству паремий с отрицательным смыслом преобладают над паремиями положительных сторон мужчины. Вместе с пословицами русской культуры мы рассмотрели и казахские пословицы.

В казахской культуре именно сын является наследником в семье, а дочь не имеет никаких прав на наследство. Это и определяет статус мужчины в казахской семье:

- *Ұл туғанға күн туар;*
- *Атадан ұл туса игі,*
Ата жолын құса игі [3].

При изучении казахских паремий мы заметили основные качества мужчины, которые ценятся в казахской культуре. Это решительность, отвага, прямолинейность:

- *Тура ағаш үйге тірек, тура жігіт елге тірек;*
- *Батыр жігіт жол бастар, ақын жігіт той бастар;*
- *Ауыр жүкті нар көтерер, ел жүгін ер көтерер;*
- *Ерді намыс өлтіреді, қоянды қамыс өлтіреді;*
- *Ер жігіт елінің ұлы, намысының құлы;*
- *Талапты ерге нұр жауар;*
- *Ер жігіт елі үшін туады, елі үшін өледі;*
- *Ер шекіспей беріспес;*
- *Жігіт жауда өлер, шешен дауда өлер;*
- *Жігіт арының құлы [3].*

Сопоставляя паремии двух языков, мы убедились, что лживость – это характеристика женского образа. Но в казахском языке существуют паремии о лживости мужчин. Данное качество относится к категории мужчин, у которых статус – хан, мулла, бай:

- *Молда өзін бір алдайды, өзгені екі алдайды;*
- *Бай аузында семіз сөз;*
- *Ер өтірік айтпайды, ел тірік айтады;*
- *Молданың сәлдесі ақ болғанымен, ниеті қара [3].*

Таким даром как «ум» от природы наделены мужчины:

- *Әйелдің ақылы – көркінде, еркектің көркі – ақылында;*
- *Алғыр жігіт ақылына қарай іс қылар [3].*

В основном умом обладают старшее поколение:

- *Ақылды қария – ағып жатқан дария;*
- *Кәрі – кәрінің сөзі дәрі [3].*

И в казахской культуре, так же как и в русской, существует множество паремий о мужчине и женщине:

- *Ер – бас, әйел – мойын;*
- *Еркек түздің көркі, әйел – үйдің көркі;*
- *Жаман еркек той бұзар, жаман әйел үй бұзар;*
- *Жақсы әйел жаман еркекті ер етеді;*
- *Алтын басты әйелден, бақыр басты еркек артық;*
- *Ерте тұрған еркектің ырысы артық,*
Ерте тұрған әйелдің бірі ісі артық [3].

В паремиях, которые мы представили выше, можно увидеть, что «мужчина» связан с публичной сферой, с общественной жизнью, а «женщина» связана с семьей, домом, бытом и т.д.

Анализ паремий показал следующие результаты:

Во-первых, самые положительные качества мужчины и в русском, и в казахском языках являются терпеливость, отвага, храбрость, настойчивость. А отрицательные качества – трусливость, лживость.

Во-вторых, в русской культуре мужчину обучает жизнь, собственный опыт, и ум русских мужчин представлен как интеллект. А в казахской культуре «ум» – это мужское качество, которым наградила природа.

- Его учить – что по лесу с бороной ездить.
- Молодому учиться рано, старому – поздно [2].

В-третьих, в казахской семье «сын», «мужчина» считаются главными, женщина же должна подчиняться мужчине. В казахском языке пословичный фонд представляет намного меньше отрицательных качеств мужчины. Это обусловлено статусом мужчины как наследника семьи.

Список литературы:

1. Прудникова Е.С. Репрезентация социального статуса мужчины в русском языковом сознании (на материале паремий) // Казанская наука. No 11, 2011г. – 2011. – С. 254-261.
2. Старинные русские пословицы и поговорки / вступит. статья, сост. примеч. В.П.Аникина; Рис. И.Ивановой. – 2-е доп.ид. – М.: Дет.Лит., 1984. – 79 с.
3. Қазақтың мақал-мәтелдері / жинап құрастырған Ө. Тұманжанов. – Алматы: «Жазушы», 1980. – 352 б.
4. Горошко Е.И. Образы мужчины и женщины в языковом сознании Словарь гендерных терминов под ред. А.А. Денисовой. – М.: Информация-XXI век, 2002. – 256 с. – С. 164-165.

СЫН ЕСІМДЕРДІҢ ҚАТЫСУЫМЕН ЖАСАЛҒАН ТІЛДІК БІРЛІКТЕРДІҢ ПРОПОЗИЦИЯЛЫҚ-ТАНЫМДЫҚ ҚҰРЫЛЫМЫ

Э.С. Оразбаева

*Алматы қаласы, ҚАУ жанындағы
мектептің қазақ тілі мен әдебиеті
пәнінің мұғалімі*

Білім берудің ең әйгілі әдістерінің бірі ретінде пропозициялық модельдер немесе құрылымдар танылады. Тіл біліміне пропозиция ұғымы логикалық-философиялық зерттеулерден енген. Пропозиция бастапқыда қисындағы (логикадағы) ұғымды, ал тіл білімінде сөйлем дегенді білдірген. Пропозиция ұғымы логикалық-философиялық зерттеулерден енгеніне қарамастан, пропозициялық талдау қазіргі тіл білімінде

логикадағы сияқты кеңінен қолданыс табуда. Тілдік бірліктер қатысқан пропозициялық құрылым жасаудың бір ерекшелігі ол лингвистикалық білім мен олардың ұйымдастырылуын ғана емес, сонымен бірге көзге көрінетін ақпарат құрылымын да көруге мүмкіндік береді.

А.Б. Салқынбай мен Е. Абақанның «Лингвистикалық түсіндірме сөздігінде» пропозицияға «сөйлем мен сөйлемнен туындайтын құрылыстардың модальды және коммуникативті парадигмаларына ортақ болатын семантикалық инвариант (түр)» [1, 168] деген анықтама береді. Мұнда әрбір сөйлем коммуникативтік жүйе құрайтын болса, осы жүйенің өзі нысан мен оқиғаларды сипаттайтын жеке тораптардан құралады. Әрбір жеке торап қарым-қатынастың жеке түрінде бейнелейтін пропозиция құрайды. Сонымен, сөздің жалпы мағынасындағы сөйлемнің мағыналық құрылымының ақиқат болмысқа қатынастарын көрсететін бөлігі пропозиция деп аталады.

Функциональдық тіл білімінде тілдік бірліктердің ақпараттық қызметі маңызды орынға ие. Жалпы тілдің, оның ішінде тілдік бірліктердің ақпараттылығы туралы В.Н. Комиссаров, Н.В. Арнольд, И.Р.Гальперин, М. Оразов сияқты ғалымдардың еңбектерінен көруімізге болады. Ең алдымен, ақпарат дегеніміздің не екенін анықтап алайық. «Информатика және компьютерлік техника» терминдерінің салалық ғылыми түсіндірме сөздігінде ақпараттың төрт түрлі мағынасы көрсетілген: «1) айналадағы ортадан қабылданатын (кірістік ақпарат), айналадағы ортаға берілетін (шығыстық ақпарат) немесе кейбір жүйенің ішінде сақталатын (ішкі ақпарат) мәліметтер жиынтығы; 2) таңбалар мен сигналдар түрінде берілетін белгілі бір объектілер, құбылыстар немесе жан-жануарлар дүниесі туралы мағлұматтар; 3) есептеу техникасында – компьютерге енгізілетін, оның жадында сақталатын, қажет кезінде өңделетін және сыртқы ортаға берілетін мәліметтер; 4) ақпарат теориясы шеңберінде анықталмайтын бастапқы ұғым» [2, 18]. Ал ақпарат терминін ақпараттануға қатысты терминдер сөздігінде былай анықтайды: «Информация (information) – содержание какого-либо сообщения; сведения о чем-либо, рассматриваемые в аспекте их передачи в пространстве и времени. В более общем смысле информация – это содержание связи между материальными объектами, проявляющиеся в изменении состояний этих объектов» [3, 29].

Сонымен, белгілі бір нысан туралы мәліметтер мен деректерді ақпарат деп атаймыз. Ақпарат сақталады, екінші бір нысанға беріледі, қабылданады. Дегенмен, ақпарат өзгермелі ұғым. себебі сақталған ақпарат уақыт өткен сайын өңделіп, өзгеріске ұшырап отыруы мүмкін. Ақпараттың тілдік ерекшелігін қарастырған И.Р. Гальперин ақпаратты «шындық өмірден алынған, ой елегінен өткізілген, дайын деректердің (факт) ауызша берілуі» деп анықтайды [4, 17].

Тілдік бірліктердің ақпараттылығы мәселесі қазақ тіл білімін зерттеген ғалымдардың да назарынан тыс қалмаған. Атап айтатын болсақ, қазақ тілінің семантикасын зерттеген М. Оразов: «семалар объективті дүниелерден түйсік арқылы қабылданған информациялармен байланысты болса, семема сол информацияларды қабылдап, адам ойындағы жалпылау, дерексіздену қасиетімен байланысты болады», – дей келе, сөздің нақты белгілерін белгілейтін кіші бөліктердің дүниелерден түйсік арқылы қабылданған ақпаратпен байланысты екенін көрсетеді [5]. Біз ғалымның айтқан пікірімен толықтай қосыламыз. Себебі, әр семантикалық белгі сөз мағынасы негізінде жеткізілетін тұтас ақпараттың бір бөлігі болып саналады да, біз сөз мағынасын құрайтын осы белгілер арқылы сол сөз атаған зат, құбылыс не әрекет туралы ақпараттар аламыз.

Тілдік бірліктер қатысқан сөйлемдерге пропозициялық-танымдық талдау жасау белгілі бір тілдік бірліктің жасырын, коннотаттық мағыналарын ашуға, тұтас сөйлемнің пресуппозициясын анықтауға мүмкіндік береді. Енді пресуппозиция терминіне тоқталып өтейік. «Лингвистикалық түсіндірме сөздікте» пресуппозиция ұғымына мынандай анықтама берілген: «Пресуппозиция (лат. *prae* – алдыңғы және *suppositio* – болжам, жорамал) сөйлемнің семантикалық жағынан дұрыс құрылып, контексте қайшы болып қабылданбауы үшін, сөйлемнің шынайылықты білдіретін бөлігін белгілейтін лингвистикалық термині. «П.» ұғымы философиялық қисында пайда болған (Г. Фреге, П. Стросон), онда ол сөйлемнің семантикалық бөлігін белгілеген. Бұл бөлік әрқашан да шынайы болуы қажет. П-нің негізгі қасиеті болымсыз сөйлемде олардың жоққа шығарылмауы» [1, 168].

Н.Д. Арутюнова «Тіл біліміндегі пресуппозиция ұғымы» атты мақаласында пресуппозицияның қолданылу ерекшелігіне қарай бес түрін анықтап көрсетеді. Атап айтатын болсақ, 1) сөйлем мағынасының коммуникативтік өзгермейтін құрамы (затты өз атауымен атауды қамтамасыз етеді); 2) оқиғалар арасындағы қарапайым қарым-қатынастар туралы сөйлеушілердің дүниетанымы; 3) сөйлеу әрекетінің нәтиже беру шарттары (прагматикалық пресуппозиция); 4) бір сөз немесе ойдың семантикалық негізі басқа сөзбен немесе мәтіндегі оймен семантикалық анықталуы (синтагматикалық пресуппозиция); 5) сөйлеушінің адресаттың сөйлесу тақырыбын қаншалықты дәрежеде білетіндігін білуі (коммуникативтік пресуппозиция) [6, 89].

Біз мақаламызда пресуппозицияның осы мағыналарын басшылыққа ала отырып, бұл ұғымды мәтіннің ажырамас бөлігі, оның құрылымдық-семантикалық категориясы, тілдесімге түсушілердің меңгерген ортақ мәліметтері, ортақ аялық білімі ретінде қарастырамыз. Сонымен қатар пресуппозиция категориясы мәтіндегі ақпараттарды ашатын алғышарттарды құрай отырып, мәтіннің өз бірліктерінің нақты мазмұнына болжам жасайтын ерекшелігін бейнелейді. Пресуппозицияны осындай

мағынада қолдану бізге коммуникацияның қисындылығы мен орындылығы, ақиқаттығы мен табыстылығы тұрғысынан білім қорын, ақпараттар мазмұнын талдауға мүмкіндік береді.

Түсінік пен ұғым – бір-бірімен өзара тығыз байланыстағы категориялар. Олардың арасындағы байланыс тілдің әлеуметтік қызметінен шығады. Себебі тілдесімге түсушілердің ақиқат болмыс туралы білімі ұғым мен түсініктің қалыптасуына өз әсерін тигізеді. Адамның күнделікті көрген-білгені, әлеуметтік тәжірибесі негізінде аялық білім қалыптасады. Сөйлесушілер арасындағы қарым-қатынас ортақ әлеуметтік тәжірибенің болу-болмауына, яғни ортақ аялық білімге байланысты жүреді. Аялық білімнің сөйлеу әрекетінде бейнелену мәселесі пресуппозиция мәселесімен тығыз байланысты, себебі олар тілдесімге түсушілер арасындағы қарым-қатынасты коммуникативтік әрекетке дейін реттейді.

Пропозициялық талдау астарында қисындық негіз жатыр. Пропозициялық қатынастар арқылы лексикалық бірліктің өзі қатысты немесе өзін ассоциациялайтын сөздерімен қандай қатынаста байланысып тұрғанын, қандай ақпараттарды беру үшін қызмет ететінін анықтауға мүмкіндік береді. Сол себепті біз жұмысымызда сын есімдер қатысқан тілдік бірліктерге пропозициялық-танымдық талдау жасаймыз.

1 Жылы ошақтың басына, жылы төсекке, жылы-жылы сөзге жетсін.

Сөйлемде *жылы* сын есімі *ошақ, төсек, сөз* лексикалық бірліктерімен тіркесіп қолданылған. Енді осы тіркестердің сөйлемде беретін ақпараттық құрылымын жасайық. Төменде санмен белгіленгендер сөйлем ішіндегі *жылы ошақ, жылы төсек, жылы-жылы сөз* тіркестерінің жасырын (имплицитті) мағыналары мен тұтас сөйлемнің пресуппозициясын анықтайды.

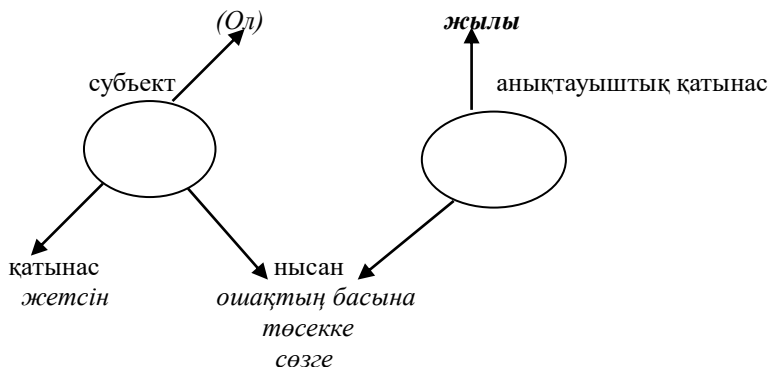
1.1 Жылылық – үйдің берекесі. 1.2 Жылы ошақ отбасы жылығын білдіреді. 1.3 **Жылы ошақ, жылы төсек, жылы-жылы сөз** тіркестері береке концептін құрайтын фреймдік құрылымдар. 1.4 **Жылы төсек, жылы-жылы сөз** тілдік бірліктері сүйген жардың жайлы болуын меңзейді. Себебі отбасының бақытты, берекелі болуы, ошақта, яғни үйде жылылықтың болуы әйел адамға тікелей қатысты. 1.5 Бұл белгілі бір субъектінің екінші субъектіге тілеген тілегі.

Көріп отырғанымыздай, бұл жерде *жылы ошақ, жылы төсек, жылы-жылы сөз* тіркестерінің жасырын мағыналары мен тұтас сөйлемнің пресуппозициясының танымдық құрылымы анықталған. М.С.Жолшаева: «Нақты мазмұнның берілуі тілдік құралдардың семантикалық функциясы арқылы іске асады», – деп, мазмұн мен семантикалық қызмет арасындағы байланысты көрсетеді [7, 22].

Жоғарыда көрсетілген сөйлем құрамындағы тілдік бірліктер негізгі бірлік мағынасымен сәйкес келеді әрі талдауға алынған сөйлемдегі ашық және жасырын мағыналарды да қамтиды.

А **Жылы** ошақтың басына жетсін
 Ә **жылы** төсекке жетсін
 Б **жылы-жылы** сөзге жетсін

А **Жылы**, ошақ, бас, жету
 Ә **жылы**, төсек, жету
 Б **жылы-жылы**, сөз, жету

Сурет 1 – «**Жылы** ошақтың басына, **жылы** төсекке, **жылы-жылы** сөзге жетсін» сөйлемі негізінде құрылған пропозиция

Пропозициялық-танымдық құрылымдағы көрсетілген сызықтар тораптар арасындағы байланысты, А, Ә, Б, В сияқты әріппен белгілеу пропозициялық модельдің санада сол сөйлемдерді қалай құруын, ал астындағы, не оң жағында әріптермен белгіленген модель пропозициядағы құрастырушы элементтерді көрсетеді. Сөйлемде қанша пропозиция болса, желіде сонша орталық болады. Орталық құрылымда дөңгелек пішінде берілген. Пропозициялық желіде әр пропозиция дөңгелек конустың кеңістікте басқа бір пропозициямен сызықтар арқылы байланысатыны көрсетілген. Пропозициялық қатынастар мен өзге деректер тораптарды білдіреді. Элементтердің орналасуы сөйлем бірліктерінің орналасуымен бірдей болмауы мүмкін. Дегенмен пропозициялық желі сөйлемнің толық мағынасын беріп, таным үлгісінің санада құрылуын көрсетеді. Сөйлемдегі **жылы** ошақ, **жылы** төсек, **жылы-жылы** сөз тіркестері анықтауыштық қатынасты анықтауға бағытталған. Кейінгі үлгілерде де пропозициялық желі мазмұны осы негізде құрылады.

2 Біреудің жүзі **жылы**, біреудің сөзі **жылы**, бәріне күліп қарап, бәріне бірдей **жалпақ** шеше атансаң қасиет қашады.

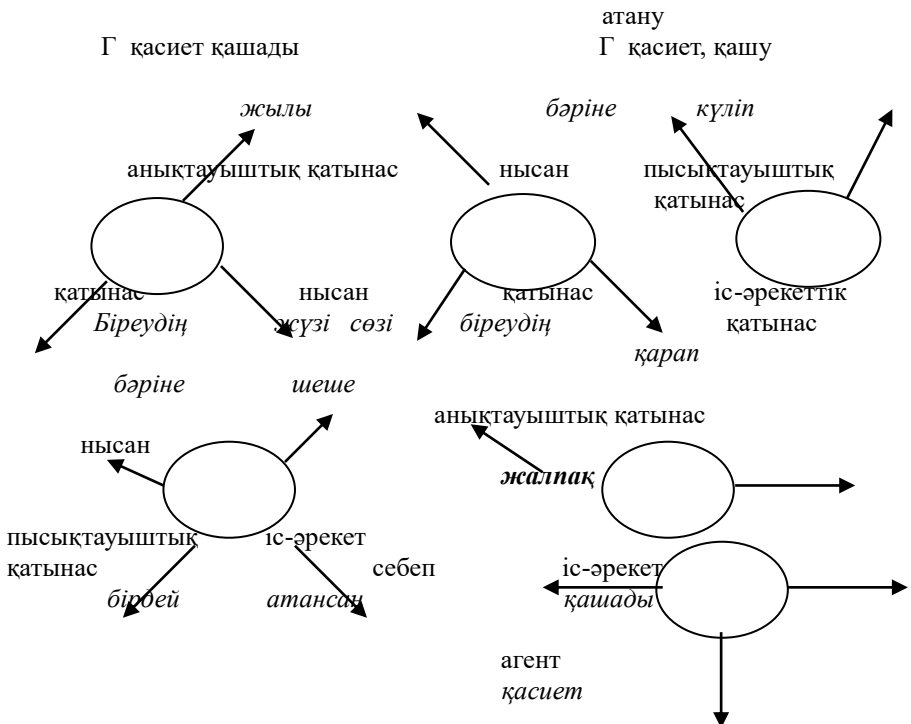
Енді осы сөйлемдегі **жылы** жүз, **жылы** сөз, **жалпақ** шеше тіркестері арқылы берілген ақпараттың танымдағы құрылымын құрайық:

2.1 Адамдардың бәрі әр түрлі болып келеді. Біреулерді қарым-қатынас жасамай-ақ, сырт келбетінің, жүзінің жағымдылығына қарай қабылдауға болады. Соған қатысты тілімізде «Жүзі жылыдан түңілме» деген сөз бар. Енді екіншілері адамға жағатын сөздер айтып, адамның

жүрегіне жол табады. Оны тіліміздегі «Жылы-жылы сөйлесен, жылан інінен шығады» тілдік бірлігінен де көруімізге болады. Бұл жылы сөз айтсаң, қандай қатыгез адам болса да, жібиді деген мағынаны білдіреді. Бұл сөз күдіреттілігін танытады. 2.2 Жалпақ шеше деп адамдарды тандап сөйлеспейтін, бәріне күліп қарайтын, бәрін тең санайтын, ешкімнің көңілін қалдырмайтын, ақкөңіл, қолындағысын ешкімнен аямайтын, ешкімге жаманшылық ойламайтын, үнемі қол ұшын беруге дайын тұратын, бәріне баласындай қарайтын адамды атайды. 2.3 Жалпақ шеше атану жақсы емес, оны біреулер түсінсе, екіншілері түсінбейді.

А Біреудің жүзі **жылы**
 Ә біреудің сөзі **жылы**
 Б бәріне күліп қарау
 В бәріне бірдей **жалпақ** шеше атану
жалпақ, шеше,

А Біреу, жүз, **жылы**
 Ә біреу, сөз, **жылы**
 Б бәрі, күлу, қарау
 В бәрі, бірдей,

Сурет 2 – «Біреудің жүзі **жылы**, біреудің сөзі **жылы**, бәріне күліп қарап, бәріне бірдей **жалпақ** шеше атансаң қасиет қашады» сөйлемі негізінде құрылған пропозиция

Қорыта келгенде, сын есімдер қатысқан сөйлемдердің пропозициялық-танымдық құрылымын жасау сын есімдердің ақпарат құрылымын жасауда, коммуникативтік қатынасқа түсуде, халық танымында маңызды қызмет атқаратынын көрсетеді.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Салқынбай А., Абақан Е. Лингвистикалық түсіндірме сөздік. – Алматы: Сөздік-Словарь, 1998. – 304 б.
2. Қазақ тілі терминдерінің салалық ғылыми түсіндірме сөздігі: Информатика және компьютерлік техника. – Алматы: Сөздік-Словарь, 2002. – 265 б.
3. Словарь терминов по информатике на русском и английском языках / Под ред. А.И. Михайлова. – М.: Наука, 1971. – 359 с.
4. Гальперин И.Р. Информативность единиц языка. – М.: Высшая школа, 1974. – 175 с.
5. Оразов М. Қазақ тілінің семантикасы. – Алматы: Рауан, 1991. – 213б.
6. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – М.: Наука, 1973. – Вып. 1. – С. 84-89.
7. Жолшаева М.С. Ұғымдық категория және тілдік семантикалық функция // ҚР ҰҒА Хабарлары. Тіл, әдебиет сериясы. – 2004. – № 2. – 18-22 бб.

**КОНТРАРНЫЕ КОНЦЕПТЫ
КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

М.Ш. Мусатаева

д.ф.н., проф. КазНПУ им. Абая

М.О. Нуржаубаева

магистрант КазНПУ им. Абая

Аннотация. В современной лингвоконцептологии уделяется большое внимание изучению контрарных концептов, представляющих собой раздвоенность на противоположности единого феномена. В связи с этим исследовательский интерес вызывает когнитивная природа антонимии, отражающая особенности мировосприятия и мировидения этноса. Поскольку лингвоконцептология накопила определенный арсенал научных исследований, посвященных вербализации контрарных концептов, необходим мониторинг, позволяющий выявить лакуны с целью определения перспектив. Именно этим обстоятельством продиктован предпринятый в данной статье обзор работ, посвященных проблеме бинарных оппозиций в лингвоконцептологии.

Ключевые слова: когнитивная семантика, концепт, антоним, синоним, контрарность, противоположные смыслы.

Түйіндеме. Заманауи лингвоконцептологияда бір құбылысқа қарсы бифуркация болып табылатын контрарлық концептерді зерттеуге үлкен көңіл бөлінеді. Осыған байланысты дүниетанымның ерекшеліктерін және этноса деген көзқарасын көрсететін антонимияның танымдық табиғатын зерттеуге қызығушылық тудырады. Лингвоконцептологияда осы концептерді вербалдау бойынша бірталай ғылыми зерттеулер арсеналы жиналғандықтан, бұл саланың даму барысын, зерттеуден тыс қалаған мәселелерді анықтау үшін мониторинг қажет. Осындай мақсатпен ұсынылған мақалада лингвоконцептологиядағы бинарлық оппозицияларға арналған зерттеулерге шолу жүргізілген.

Түйін сөздер: когнитивтік семантика, концепт, антоним, синоним, контрастық, қарсы мәндер.

Abstract. In modern lingvokontseptology great attention is paid to the study of contrarian concepts, which are a bifurcation on the contrary of a single phenomenon. In connection with this, the cognitive nature of antonymy, which reflects the features of the worldview and the world view of the ethnos, is of interest to research. Since linguoconceptology has accumulated a certain arsenal of scientific research on the verbalization of contraceptive concepts, monitoring is needed, which makes it possible to identify gaps in order to determine the prospects. It is this circumstance dictated by the review undertaken in this article of the work devoted to this problem.

Keywords: cognitive semantics, concept, antonym, synonym, contrast, opposite meanings.

В языковедческой науке антонимия рассматривается как контрарность, которая закреплена в нормированном словоупотреблении, позволяющем осуществить определенную типологию семантически противоположных слов и самой противоположности. Как справедливо отмечает Л.А. Новиков, антонимия выступает в качестве знаков «раздвоенного» на противоположности единства, одновременно и определяет предел проявления того или иного качества, свойства, действия, отношения и указывает на неразрывную связь противоположностей в каждом конкретном проявлении сущности [1, 243].

Несмотря на наличие определенного количества научной литературы, посвященной антонимии, эта проблема является недостаточно изученной. Как известно, термин *антоним* впервые введен в научный обиход Ч. Смитом (1867) в связи с созданием первого словаря синонимов. Однако изучение лингвистической природы антонимов было предпринято лишь в 50-е годы 20-го столетия в трудах А. Новикова, Л.А. Введенской,

Ю.Д. Апресяна, Е.Н. Миллер, В.А. Иванова, М.Р. Львова, И.Л. Филоненко, Л.Ю. Максимова, В.Н. Комиссарова, М.И. Фоминой и др.

К концу 20-го столетия сложилось два подхода, в которых заключается разное понимание термина *антоним*: *узкий* (Ю.Д. Апресян, Е.И. Диброва, Н.Ю. Донченко, Л.А. Введенская, Л.А. Новиков, Э.И.Родичева, Я.И. Гельблу, В.М. Завьялова, В.Н. Комиссаров, А.А.Уфимцев и др.) и *широкий* (О.С. Ахманова, В.Н. Ключева, Н.П.Колесников, В.А.Михайлова и Е.Н. Миллера и др.). Представители узкого подхода в природе антонима видят «противопоставленность лишь одного из компонентов содержания слов, обозначающих одну и ту же сущность» [2, 45]. Второй же подход различает две разновидности, и тем самым расширяет семантику антонима: 1) как противопоставленность слов со значениями двух разных сущностей по многим семантическим признакам (а не по одному), 2) противопоставленность не только с точки зрения языка, но и с точки зрения речи.

Новый взгляд на природу языка, его роль в концептуализации и категоризации мира, в познавательных процессах и обобщении человеческого опыта способствовал формированию новых подходов и к изучению антонимии, одним из которых является изучение этого феномена с когнитивных позиций.

Как известно, у истоков когнитивного подхода к языку находились такие зарубежные ученые, как: Дж. Лакофф, М. Джонсон. Р. Лангакера, Р.Джакендоффа, Ч. Филлмора, Л. Талми, К. Леви-Стросс, Ж. Фоконье и др., идеи которых получают дальнейшее развитие в работах Е. Bates, A.Castles, A. Goldberg, E. Lenneberg, B. MacWhinney, S. Pinker, M. Turner и др.

В развитие российской лингвокогнитологии большой вклад внесли Е.С. Кубрякова, Н.Ф. Алефиренко, А.П. Бабушкин, С.Г. Воркачев, Н.Н.Болдырев, В.И. Карасик, В.В. Красных, В.А. Пищальникова, И.А.Стернин, З.Д. Попова и др.

В казахстанской русистике отдельным проблемам когнитивной лингвистики посвящены работы Э.Д. Сулейменовой, З.К. Ахметжановой, Г.Г. Гиздатовой, В.С. Ли, Л.В. Екшембеевой, З.К. Сабитовой, М.Ш.Мусатаевой, Б.С. Жумагуловой, П.С. Есеновой, А.И. Скрипниковой, И. Смирнова, О. Ташдемир и др.

Изучение антонимии в когнитивном аспекте наиболее целесообразно на материале контрарных концептов, поскольку при определенных условиях в их содержании органично сочетаются противоположные смыслы. Таковыми условиями являются противопоставленность основных смыслов одного концепта ведущим смыслом другого концепта и, если в одном из концептов отсутствует ряд смыслов, имеющийся у сопоставляемого концепта. Это объясняется тем, что при визуальном восприятии действительности с помощью акта

идентификации человек отождествляет или, наоборот, расчленяет то, что он видит. Благодаря этому он выстраивает парадигматические отношения сходства и контраста на ментальном уровне, а на языковом уровне на базе выявленных сходств выделяются синонимы, а контраста – антонимы. В антонимичных концептах между двумя концептами возможны отношения комплементарной противоположности, если:

- ✓ ведущие смыслы одного концепта противоположны ведущим смыслам другого концепта;
- ✓ в одном из концептов невозможен ряд смыслов, наличествующих у сопоставляемого концепта;
- ✓ хотя бы один из сопоставляемых концептов не содержит антонимичных смыслов.

В связи с обращенностью антропоцентрически направленной лингвистики к человеку как творцу и носителю языка одной из развивающихся направлений становится лингвоконцептология, в которой активно разрабатываются теоретические основы изучения концептов и их языковой объективации. Соответственно отмечается большое количество работ, посвященных концептосферам и отдельным, в том числе и контрарным, концептам в тех или иных национальных языковых картинах мира с целью моделирования концептов в сознании народа, в сознании определенной социальной или возрастной группы.

Языковой объективации контрарных концептов посвящены работы таких ученых, как: В.П. Григорьев (*начало и конец* – на материале аварского языка), Н.Г. Степенко (роль концептуализации – на материале английского языка), Э.Р. Хутова (*любовь и ненависть* – на материале русского, английского и кабардино-черкесского языков), Г.А. Хамитова (*добро и зло* – на материале русского языка), А.Б. Пеньковский (свой-чужой – на материале русского языка), В.А. Ермакова (свой-чужой – на материале русского и английского) и др.

Понятие *концепт* как основной когнитивный формат позволяет ограничить исследуемый материал с целью раскрытия внутреннего единства и структурированности репрезентантов, относящихся к тому или иному участку *лексической* (лексема), *фразеологической* (ФЕ), *паремиологической* (пословицы и поговорки) и *синтаксической* (словосочетания, предложения, ССЦ, СФЕ) системы языка, объединенных репрезентацией одного концепта в разных его проявлениях.

В связи с актуальностью и перспективностью исследований закономерностей строения языкового сознания человека внимание исследователей контрарных концептов сосредоточено на следующих проблемах:

- ✓ вербализация контрарных концептов;
- ✓ этимологическая память концептов;
- ✓ когнитивно-психолингвистическая интерпретация результатов ассоциативного эксперимента;

- ✓ противопоставляемые явления в пределах некоего единства;
- ✓ лексические репрезентации концептов;
- ✓ структурное содержание художественных концептов.

Как видно, особый интерес представляет анализ семантического пространства языка, репрезентирующего тот или иной концепт. Это способствует детальному изучению структуры коллективного языкового сознания, в котором универсальное, общечеловеческое сосуществует с национальным, этноспецифическим. Семантическое пространство формируется за счет совокупности лексических единиц, репрезентирующих данный концепт. Это обусловлено тем, что для более или менее полного раскрытия содержания концепта требуется целый ряд лексем, передающих посредством своих семантических признаков (сем), являющихся компонентами значения, определённые признаки, образующие концепт (концептуальные признаки). И этого недостаточно, поскольку это всегда лишь часть информационного содержания концепта, получившая языковое выражение. Как отмечают З.Д. Попова и И.А.Стернин, «... будучи сформированной единицей мышления, концепт приобретает субъективно-личностный характер, и его содержание вербализуется в значениях слов, используемых для его номинации, в неполном, ограничиваемом этими системными значениями объёме [3, 31].

В ряде работ, основанных на идее Б.А. Ларина о концептуальных различиях в значении слова, возникающих в художественном тексте и существующих наряду с разными эстетическими значениями слов, выделяют концептуальное значение слова при анализе языковой системы личности [4]. Все эти положения, безусловно, сближают понятия «концепт», «концептуальное значение» слова и «идеологическое содержание» слова, но позволяют разграничить их и не считать тождественными, так как новое понятие получает не чисто семантическую интерпретацию. По аналогии с положениями теории организации значения слова, З.Д. Поповой и И.А. Стерниным разработана полевая модель концепта, отражающая его признаки, которые наслаиваясь друг на друга, образуют концептуальные слои.

Бинарные оппозиции рассматриваются и в других отраслях современной науки о языке, к числу которых относятся лингвистическая прагматика, психолингвистика, лингвокультурология и мн. др.

Так, особую актуальность приобретают вопросы взаимоотношения речевого мышления и социальной среды обитания индивида, отражения в глубинных слоях концептосферы своеобразия этнокультурных особенностей социума и др. Изучение бинарных оппозиций с точки зрения психолингвистики позволяет моделировать значения слов как психологическую реальность, вскрыть психологическую структуру значений языковых единиц и, что очень важно, экспериментально посредством психолингвистических методов описать структуру значения

(работы Н.И. Жинкина, И.Н. Горелова, К.Ф. Седова, А.А. Залевской и др.). По известному определению концепта А.А. Залевской, концепт – единица информационной базы человека. Полученные психолингвистические данные значительно расширяют наше представление о вербализации и способствуют осмыслению, более или менее полному описанию содержания концептов, объективированных в соответствующих нюансах значений.

Как отмечалось, одним из отраслей современной лингвистики, основным объектом изучения которого является концепт, это – лингвокультурология. Большой вклад в развитие данного направления вносят труды Ю.С. Степанова, А. Вежбицкой, В.И. Карасика, М.М. Маковского, и др. В отличие от лингвокогнитологии, в лингвокультурологии рассматривается культурно маркированный концепт, позволяющий говорить о «лингвокультурной специфике того или иного сообщества» [4, 129] и моделировать соответствующую языковую картину мира и менталитет того или иного этноса. Поскольку с лингвокультурологических позиций могут рассматриваться лишь культурные концепты, то их исследование проводится на материале лишь одного языка ввиду отсутствия их эквивалентов в других культурах.

Изучение контрарных концептов с лингвофилософских позиций, ярким представителем которой являются Р. Павиленис, В.В. Колесов и др., осуществляется как на материале одной, так и нескольких культур. В этой связи уместно привести утверждение Ж. Делеза и Ф. Гваттари, которые рассматривают «концепт как некую «философскую реальность», а философию как науку, состоящую в творчестве концептов» [5, 14].

Представляет также изучение контрарных концептов с прагмалингвистических позиций, что объясняется большим количеством вербальных реализаций в речевой картине мира. Здесь также выявляются не только узуальные, но и окказиональные противопоставления, что объясняется не только противопоставленностью в речи более широкого класса слов, чем это принято в языке, но и необходимостью характеризовать объекты при помощи средств, противоречащих языковой норме, что приводит к нарушению лексической сочетаемости антонимов. В данном аспекте является важным изучение метафорических контекстов употребления антонимических парадигм, что свидетельствует о формировании в области антонимии образного мышления.

Таким образом, в контрарном концепте пересекается целый ряд междисциплинарных интересов. Такая многоаспектность подходов объясняется сложностью, многомерностью, многослойностью, богатством, наличием большого количества признаков самого феномена *концепт*. Изучение контрарных концептов с лингвокогнитивных позиций позволяет выявить тесную взаимосвязь языка и мышления: в языке объективируются

релевантные для этноса концепты, и человек видит, ощущает и понимает мир сквозь призму своей этнической культуры и языка.

Список литературы:

1. Новиков Л.А. Семантика русского языка. – М., 1982. – 464 с.
2. Новиков Л.А. Антонимия в русском языке: Семантический анализ противоположности в лексике. – М., 1973. – 272 с.
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: «Истоки», 2001. – 192 с.
4. Ларин Б.А. Очерки по лексикологии, фразеологии, стилистике. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1956. – 234 с.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность концепты – дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
6. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? – М.: Ин-т эксперимент, социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 286 с.
7. «Доктор Живаго» Б. Пастернака: Сб. / Сост. Л.В. Бахнов, Л.Б. Воронин. – М.: Сов. Писатель, 1990. – 284 с.
8. Ермакова В.А. Концептуализация оппозиции «свой и чужой в паремической картине мира (на материале русского и английского языков): дисс. на соис. учен. степ. канд. филол.наук. – Караганда, 2010. – 153 с.
9. Пеньковский А.Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке // Проблемы структурной лингвистики: 1985-1987. – М., 1989. – С. 13-49.
10. Хамитова Г.А. Концептосфера «добро-зло» в русской картине мира: дисс. на соис.учен. степ. канд. филол.наук. – Алматы, 2005.
11. Хутова Э.Р. Бинарная оппозиция «любовь-ненависть» в разносистемных языках: лингвокультурологический аспект: на материале русского, английского кабардино-черкесского языков: дисс. на соис. учен. степ. канд. филол.наук. – Нальчик, 2008.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТ «СТРАХ» В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ

В.В. Медюк

магистрант КазНПУ им. Абая

Аннотация: В статье рассматриваются содержательные компоненты концепта «страх». Автор статьи подробно описывает «активный слой» концепта «страх». Выявляется национально-культурный слой. Материалом описания послужили русские фразеологизмы, пословицы и поговорки. Полученные результаты: выявлены общие и

специфические представления о страхе в русской картине мира. В русской культуре, а соответственно и в языке, обнаружены языковые единицы, которые вербализируя концепт, высвечивают в нем национально-специфические признаки.

Ключевые слова: концепт, активный слой концепта, фразеологизмы, пословицы, поговорки, национально-культурная специфика, культура, лингвокультурология, менталитет.

Түйідеме: Мақалада «қорқыныш» концептінің құрылымдық компоненттері қарастырылады. Автор «қорқыныш» концептінің «активті қабатын» бейнелеп, ұлттық-мәдени қабатын анықтайды. Зерттеу нысаны ретінде орыс фразеологизмдері, мақал-мәтелдер қолданылады. Нәтиже: орыс тіліндегі әлемдік қорқыныш көрінісі анықталды. Ұлттық мәдениет пен тілде, концепті көрсететін арнайы ерекшеліктерін білдіретін тілдік бірліктер анықталды.

Түйін сөздер: концепт, концептінің белсенді қабаты, фразеологизмдері, мақал-мәтелдер, мәдени-ұлттық ерекшеліктер, мәдениет, лингвомәдениеттану, менталитет.

Abstract. The article deals with the substantial components of the basic concept of «Fear». It holds in-detail description of the «active layer» of the concept of «Fear». National-cultural layer is identified. As the material of description the phraseological units, proverbs were considered. Results: revealed the general and specific ideas about the fear in the Russian language picture of the world. In Russian culture and, consequently, in the language, found language units that verbalize concept, highlight it in the national-specific features.

Key words: concept, the active layer of the concept, phraseological units, proverbs, sayings, national and cultural specificity, culture, cultural linguistics, mentality.

С начала девяностых годов XX века в русской лингвистической литературе стало активно употребляться понятие «концепт». К нему обращаются в лингвокультурологических, когнитивных исследованиях, в работах по теории языковой личности, речевой деятельности, межкультурной коммуникации и др.

В современных исследованиях концепт определяется с двух позиций: во-первых, как лингвокогнитивный феномен, при этом используются понятия когнитивистики (концептосфера, обработка информации, общий фонд знаний, схема, фрейм, сценарий, гештальт); во-вторых, как лингвокультурологический феномен с использованием понятий лингвокультурологии (константы культуры, культурная коннотация, лингвокультура).

С лингвокультурологической точки зрения концепт характеризуется как ключевое слово культуры, культурный фокус, опорная точка менталитета [1], «сгусток культуры в сознании человека» [2, 40], «вербализованный культурный смысл», «семантическая единица «языка» культуры» [3, 10], «единица коллективного знания / сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), <...> отмеченная этнокультурной спецификой» [4, 70].

В связи с тем, что концепт приближен к культуре, к ментальному миру человека, истории народа, он имеет специфический характер, несет на себе отпечаток облика человека определенной лингвокультуры. Поэтому Ю.С. Степанов определяет концепт как «то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, ...то, посредством чего человек рядовой, обычный человек, не творец культурных ценностей, сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [2, 40].

Известно, что концепт воплощается в языке. Применяются следующие способы анализа и описания концептов: 1) выбор ключевого слова для исследования; 2) построение и анализ семантемы ключевого слова; 3) анализ лексической сочетаемости ключевого слова; 4) экспериментальные методики – свободный ассоциативный и рецептивный эксперименты; 5) анализ синонимов ключевого слова; 6) построение лексико-фразеологического поля ключевого слова; 7) построение деривационного поля ключевого слова; 8) построение лексико-грамматического поля ключевого слова; 9) анализ паремий и афоризмов, объективирующих концепт; 10) анализ художественных текстов; 11) анализ устного, разговорного словоупотребления; 12) сопоставительный анализ средств данного языка [5, 15-16].

Приемы эти используют как по отдельности, так и в совокупности, в зависимости от выбранной методики исследования. В статье будет рассмотрен концепт «Страх», вербализованный в русских фразеологизмах и паремии (пословицы и поговорки).

Концепт «Страх» относится к эмоциональным концептам. Как справедливо отмечает В.А. Маслова, «эмоции являются специфической формой человеческого отношения к миру... Каждая языковая личность, независимо от культурных различий, переживает одни и те же базовые эмоции, и это роднит людей различных культур. Но варьирование и интенсивность базовых эмоций у разных народов различна, что делает каждого человека уникальным» [6].

Ю.С. Степанов, опираясь на стихотворение «Скоро – приметы мои хороши...» из цикла «Последние песни» известного русского поэта XIX века Н.А. Некрасова (написано в 1877 году за несколько недель до смерти), считает возможным выделить концептуальное поле «Страх – (Ненависть) – Тоска – Искушение – Страдание – Страсть» [2, 670]:

Скоро – приметы мои хороши! –
 Скоро покину обитель печали:
 Вечные спутники русской души –
 Ненависть, страх – замолчали.

В словарной статье «Страх, Тоска» он рассматривает историю этого концепта от римского автора Лукреция (ок. 96-55 г. до н.э.) до Кьеркегора, его значение в русской духовной жизни от А.С. Пушкина до наших дней, его трактовку в русском богословии, сделав акцент именно на связи «страх – тоска» [2, 674-685].

Страх – одна из сильнейших эмоций человека. Страх – неотъемлемая часть жизни русского человека. Няньки рассказывали детям страшилки, былички, бывальщины о злых духах, похищающих детей. Считалось, что страшные истории помогают ребенку усвоить понятия «смерть», «разлука», «одиночество». К.П. Чередникова полагает, что страшилки рассказывались с целью познания неведомового и устранения страха перед нечистой силой [7].

В русских колыбельных песнях также встречаются персонажи, которыми пугали ребенка. В русском крестьянском быту таким персонажем мог стать и медведь, и серый волк, и бука, и другие страшные для ребенка существа:

А баю-баю, баю,
 Не ложися на краю.
 Придет серенький волчок,
 Тебя схватит за бочок
 И утащит во лесок
 Под ракитовый кусток.
 Там птички поют,
 Тебе спать не дают [8].

В деревнях, на огородах ставили страшилиц (диалектное, тверское, псковское), страшил, страшилищ, т.е. пугало. Православные отмечали страшилицу, страстилицу, т.е. Страстную неделю. Страстная неделя (Страстная седмица), последняя неделя перед Пасхой. Такое название эта неделя получила, потому что она посвящена воспоминаниям о последних днях земной жизни Христа: его страданиях, крестной смерти и погребении.

В.И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» описывает интересный обычай стращения молодой, когда отец и мать невесты встречают ее из-под венца в «худой одежде», в вывороченных тулупах [9, т.4, 337].

Именем концепта «Страх» выступает лексема «страх». Слово «страх» по данным «Этимологического словаря русского языка»

М.Фасмера не имеет однозначного определения. Первоначальное значение этого слова М. Фасмер связывает с «оцепенением» и сближается с литовским «stregti» – «оцепенеть, превратиться в лед», однако он не исключает и связь слова «страх» с латышским «struostet» – «угрожать, строго предупреждать, предостерегать», также он пишет о родстве слов «страх» и «страсть» [10, т. 3, 772]. Кстати, слово «страсть», с которым лексикографы связывают слово «страх», имеет омонимичные значения: «горе, страдание, печаль» и «остратка, стращение», т.е. «угроза, предостережение» [10, т. 3, 771].

Именно связь этих двух слов, подчеркнутая в свое время французским славистом Андре Вайаном в «Сравнительной грамматике славянских языков», дала возможность автору одного из первых словарей концептов «Константы. Словарь русской культуры» Ю.С. Степанову говорить о тесной связи в народном сознании страха и страсти [2, 673]. Он приводит интересные примеры, подтверждающие этот факт, в частности: бытование в языке выражения «страсти-мордасти»; употребление слова «страсть» в значении «страх», например, в таких контекстах: «Про эти места рассказывали страсти (ужасы)»; «Спрашивали однажды у старой крестьянки, по страсти ли вышла замуж? По страсти, – отвечала, старуха, – я, было, заупрямилась, да староста грозился меня высечь» (А.С. Пушкин) [2, 673].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля находим объяснение значения слова «страх» – «страсть, боязнь, робость, сильное опасенье, тревожное состояние души от испуга, от грозящего или воображаемого бедствия» [9, т. 4, 336].

Выбрав ключевое слово для исследования, установив его этимологию, рассмотрим русские пословицы и поговорки, объективирующие эмоциональный концепт «Страх». Вслед за С.Г.Воркачевым, В.И. Карасиком, О.А. Дмитриевой и др. мы считаем, что в основе различных культур лежат ценностные ориентации, которые находят свое отражение в пословицах и поговорках, фразеологических единицах. Их лингвистический анализ позволяет установить ценностные приоритеты той или иной культуры. Анализ паремий дает, прежде всего, информацию о содержании интерпретационного поля концепта. Интерпретационное поле концепта составляют многочисленные его оценки и трактовки, стереотипные мнения и суждения, выстраиваемые на базе концепта.

Пословицы и поговорки можно определить как лингвокультурные тексты, которые в концентрированном виде выражают сведения о культуре того или иного народа, характеризуют важные моменты истории, традиции, нравы, обычаи людей, говорящих на соответствующем языке. Культурно-языковые характеристики пословиц отражают специфику восприятия мира человеком. Вербализируя концепт, пословицы и

поговорки предоставляют доступ к концептуальной системе человека.

Собранный и проанализированный фактический материал из «Толкового словаря живого великорусского языка» [9] и его же книги «Пословицы русского народа» [11] позволяет выделить следующие направления концептуализации ценностного основания эмоционального концепта «Страх»:

а) страх – сильная отрицательная эмоция. В русском языке пословицы и поговорки, связанные со страхом часто включают в свой состав слова со значением «пятки», «падать», «опуститься», т.е. слова, связанные с «низом»: *сердце упало (от страха)*; *со страху поджилки дрожат*; *со страстей ноги подкосились*; *под страхом ноги хрупки*; *душа ушла в пятки (от страха)*. Слова со значением «низ» соотносятся со словами, имеющими негативную коннотацию, сравним: др.-сев. *lagr*, швед. *lag*, англ. *low* «низкий», нем. *schlecht* «плохой», лит. *ligo* «болезнь», нем. *lugen* «лгать»; рус. *низ*, латыш. *nikns, naiks* «злой, яростный, гневный, быстрый», греч. *veikos* «ссора, спор» [12,101]. «Все земное (низ), в отличие от небесного (верха), мыслилось славянами как преходящее, тленное, плохое, злое; ср.: тох. *pats* «земля», но англ. *bad* «плохой»; др.-англ. *hruse* «земля», *cursian* «проклинать»; рус. *земля*, тох. *ket* «плохой»; англ. *land* «земля», рус. диал. *ляда* «болезнь» [12, 99-101].

Понятие низа обычно соотносилось с нечистой силой: ср. лат. *bassus* «низкий», др.-инд. *dāsa* «нечистая сила, черт», лит. *žemas* «низкий», но тох. *ket* «плохой, злой» [12, 88]. Это нашло отражение в выражениях: *провалиться в тартарары*; *провалиться мне на этом месте*; *Чтоб ты провалился!* (ругательство, проклятие); *как сквозь землю провалился*; *Свят дух на земле; дьявол сквозь землю*; *упасть в чьих-либо глазах*; *уронить честь / достоинство*; *падиший ангел: падиший человек; идти ко дну*. [13]. Именно эти реликтовые смыслы с отрицательной коннотацией сохранились в пословицах и фразеологизмах, вербализующих концепт «Страх».

Интересен фразеологизм «душа ушла в пятки». На Руси считали, что слово «душа» связано со словом «дышать». Душа рассматривалась как самостоятельная часть, обладающая способностью перемещаться по всему телу, а значит, в случае опасности и убегать в пятки. Кстати, на связь слов «душа», «дух» и «дышать» указывают данные «Этимологического словаря русского языка М. Фасмера: «Родственно лит. *dausos* «воздух», с другой ступенью вокализма – лит. *dvase* «дух, душа», *dvesiu, dvesti* «дохнуть» [10, т. 1, 556].

б) страх ассоциируется с живым существом, персонифицируется: у *страха глаза велики*; у *страха глаза, что плошки, а не видят ни крошки*; *прямо страху в глаза (и страх смигнет)* [11, 172]. Происхождение биоморфного кода русской культуры связано с тем, что древние славяне объясняли появление чувств у человека тем, что неведомое существо,

вселившееся или находящееся в человеке, начинает производить определенное физическое действие с ним.

в) страх – сильное всепоглащающее чувство, способное захватить человека, взять его в «плен»: *охватил страх; обуял страх; ужас охватил; страх берет; страх обуяет, и растеряешься* [9, т. 4, 336].

г) страх вызывает гамму негативных ощущений: *сердце екнуло (от страха); душа ушла в пятки (от страха); со страху дух захватило; язык прилип к гортани (от страха); мурашки пошли (от страха); мороз по коже пробежал (от страха); зуб на зуб не попадает (от страха); со страху обмер; со страху без языка стал; побледнел как полотно; белей беля стал; ни жив, ни мертв, оторопь берет; трясется (дрожит) как осиновый лист; поджилки трясутся; волосы встают дыбом; волосы на голове шевелятся* [11, 173]. Страх представляется активно действующей силой, способной вызывать вышеперечисленные ощущения.

д) страх связан с ощущением холода, страх вызывает дрожь: *мороз по коже; кровь в жилах леденеет; кровь в жилах стынет; дрожать как осиновый лист* [11, 173].

Фразеологический оборот «*дрожать как осиновый листок*» значит «испытывать страх, бояться, буквально трястись от страха или ужаса». Сравнение это связывают с преданием о том, что именно на осине повесился Иуда, предавший Христа. И оскверненному Иудой дереву суждено якобы было вечно дрожать. Причиной же того, что лист осины дрожит от малейшего движения воздуха, является особое устройство листового черенка осины.

е) страх находится сзади за спиной: *по спине / по плечам / по хребту / по позвоночнику мороз пробежал* [11, 173].

ж) страх существует перед тем, что существует в мире, перед объектами мира. Источник страха – предмет (в философском смысле), рождающий страх: смерть, война, болезнь и т.п.: *страх смерти; на всякую беду страху не напасешься; кто на море бывал, тот и страху видал; кто обмирал и был на том свете, тому под большим страхом запрещено говорить три слова* [9, т. 4, 336]; *жить страшнее, чем умереть; смерть по грехам страшна; грозно, страшно, а без Царя нельзя; не людей страшусь, а Бога; черт страшает, а Бог милует; не страшай: придет смерть и без твоих гроз* [9, т. 4, 337].

У славян много обрядов, указывающих на страх и опасение, с которым смотрят на все, что напоминает о последнем конце, о смерти. Так, встреча с похоронной процессией считается предвестием несчастья и неудачи. На Руси кто прикасался к покойнику, не должен был сеять, потому что семена, брошенные его рукою, омертвеют и не принесут плода. Если умрет кто-нибудь во время посева, то в некоторых деревнях до тех пор не решаются сеять, пока не совершатся похороны. Горшок, из которого омывали покойника, солома, которая была под ним постлана, и

гребень, которым расчесывали ему голову, везут из дому и оставляют на рубеже с другим селением или кидают в реку, веря, что таким образом смерть удаляется за пределы родового (сельского) владения или спускается вниз по воде. Все присутствующие при погребении обязаны, по возвращению домой, посмотреть в квашню или приложить свои руки к очагу, чтобы через это очиститься от зловердного влияния смерти.

з) в христианской традиции страх связан с послушанием, сознанием ответственности: *страх Божий* (т.е. «благоговение, боязнь греха») [9, т.4, 336]; *Страшный суд; не людей страшусь, а Бога; черт страшает, а Бог милует; в ком есть страх, в том есть и Бог; держать в страхе; иная вера со страхом, иная с любовью; заказано под страхом кары; всякий страх в доме хорош* (т.е. порядок, послушание) [11, 172].

и) страх – ручательство: *принять на свой страх; отдать на страх* (на чью-то ответственность или ручательство) [9, т. 4, 336].

к) олицетворением робкого, пугливого трусливого человека на Руси был таракан: *страх на тараканьих ножках бродит* [9, т. 4, 336].

Таким образом, анализ пословиц, поговорок, фразеологических единиц, репрезентирующих эмоциональный концепт «Страх», позволил выявить специфику восприятия мира русским человеком. В этом концепте отразились языческие и христианские представления русского человека.

Список литературы:

1. Колесов В.В. Концепты культуры: образ – понятие – символ // Вестник СПб. ун-та. Серия 2. – 1992. – Вып. 3. – № 16.
2. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
3. Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М.: Гнозис, 2007. – 512 с.
4. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64-72.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2003. – 200 с.
6. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. Учебное пособие. – М.: Флинта, Наука, 2004. – 255 с.
7. Черденникова К.П. Современная русская детская мифология в контексте фактов традиционной культуры и детской психологии. Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. СПб, 1996. // Электронный ресурс. Режим доступа: URL: <http://cheloveknauka.com/sovremennaya-russkaya-detskaya-mifologiya-v-kontekste-faktov-traditsionnoy-kultury-i-detskoy-psihologii#ixzz2Tu1YmQ1G>

8. Капица Ф.С., Колядич Т.М. Русский детский фольклор // Учебное пособие. – М.: Флинта, 2011. – 64 с.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 томах. – М.: Русский язык, 1980. – Т. 4. – 684 с.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 томах. – М.: Прогресс, 1987. – Т. 1, 3. – 772 с.
11. Даль В.И. Пословицы русского народа. – М.: Эксмо, 2007. – 640 с.
12. Маковский М.М. У истоков человеческого языка. – М.: Высшая школа, 1995. – 159 с.
13. Маковский М.М. Феномен табу в традициях и в языке индоевропейцев. Сущность – формы – развитие. – М.: Азбуковник, 2000. – 268 с.

ОБРАЗЫ СРАВНЕНИЙ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ВЫСОКИЙ» ВО ФРАЗЕОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Ж.Б. Шакир

магистрант КазНПУ им. Абая

Д.Д. Шайбакова

д.ф.н., проф. КазНПУ им. Абая

Аннотация. В рамках данной статьи рассматриваются фразеологические единицы, понятие мотивирующего признака сравнения, анализ фразеологических единиц со значением «высокий».

Ключевые слова: фразеологизмы, словарь, мотивирующие признаки, образы сравнения.

Abstract. Within the framework of this article, the phraseological units, the concept of the motivating attribute of comparison, the analysis of phraseological units with the meaning "tall" are considered.

Keywords: phraseological units, dictionary, motivating signs, images of comparison.

Түйіндеме. Осы мақалада фразеологиялық бірліктер, салыстырудың ынталандыру белгісінің ұғымы, «ұзын» мағынасында қолданылатын фразеологиялық бірліктерді талдау қарастырылған.

Түйін сөздер: фразеологиялық бірліктер, сөздік, ынталандыру белгілері, салыстыру бейнесі.

Фразеологические единицы (ФЕ) делают нашу речь яркой, образной, красочной. В словаре С.И. Ожегова написано, что фразеологизмы – это устойчивые выражения с самостоятельным

значением [1]. Во фразеологизме каждое отдельное слово утратило своё первоначальное значение. Они приобрели совсем иной, общий для них смысл. Во фразеологии, как в зеркале, отражается история и многовековой опыт трудовой и духовной деятельности народа, его нравственные ценности, верования и религиозные взгляды. Фразеология отражает мир образов, чувств, оценок того или иного народа. У фразеологизмов есть несколько важных особенностей и признаков:

1. Фразеологизм является воспроизводимой языковой единицей.
2. Фразеологизмы имеют постоянную структуру.
3. К фразеологизму всегда можно подобрать синонимичное слово (иногда и антоним).
4. Фразеологизм – это выражение, которое не может состоять менее чем из двух слов.
5. Фразеологизмам присуща устойчивость грамматического строения, в них обычно не меняются грамматические формы слов.
6. Большинство фразеологизмов имеет строго закреплённый порядок слов.
7. Практически все фразеологизмы являются экспрессивными, побуждают собеседника или читателя на проявление ярких эмоций.

Очень важный признак фразеологизмов – их образность, яркость, эмоциональность. Используя фразеологизм, говорящий не просто называет предмет, явление, но и выражает свои чувства, своё отношение, даёт свою оценку. Очень часто фразеологизмы употребляются в речи героев детских произведений, делая их речь более эмоциональной.

Воспроизводимость – это свойство языковых (а не речевых) единиц. Носитель языка запоминает ФЕ как нечто цельное и во время речевых актов, в ходе коммуникации извлекает их из памяти. Этой своей характеристикой – воспроизводимостью – фразеологизмы объединяются с другими строевыми единицами языка – со словами и языковыми афоризмами. Следовательно, фразеологизмы должны усваиваться при изучении русского языка иностранцами на тех же основаниях, что и слова и языковые афоризмы. Фразеологизмы фиксируются в словарях. Рассмотрим фразеологизмы с пространственным значением, представленные в словарях [2, 3].

Словарная статья включает в себя несколько компонентов.

- 1) Заголовочная единица, представляющая собой фразеологическое выражение, его варианты и распространители.
- 2) Толкование сложных для понимания слов и синтаксических конструкций (малоупотребительных, устарелых областных, просторечных и т.п.), а также безэквивалентных слов, входящих в заголовочную единицу. В необходимых случаях оно сопровождается грамматическими и стилистическими пометами.

3) Лингвострановедческий комментарий – объяснение исторических условий появления заголовочной единицы, отдельных фактов русской истории, описания народного быта, обычаев, которые так или иначе связаны с данным фразеологическим выражением.

4) Семантизация – толкование значения фразеологизма.

5) Стилистическая и ситуативная характеристика употребления заголовочной единицы.

6) Цитаты и иллюстративный материал.

7) Синонимичные или антонимичные фразеологические выражения (там, где есть).

В зависимости от лексического состава заголовочной единицы, наличия или отсутствия у нее переносного значения, синонимов и т.д. некоторые разделы словарной статьи могут отсутствовать.

Рассмотрим образ «верста» в сравнениях со значением «высокий». Слово «верста» имеет несколько значений.

Верста (Коломенская верста) [3].

1) Верста – столб, которым отмечалось расстояние в одну версту. Такие столбы расставлялись на дорогах и указывали расстояние между какими-либо населёнными пунктами (в настоящее время установлены километровые столбы, выполняющие ту же функцию).

В XV-XVII вв. в селе Коломенском (недалеко от Москвы) находилась летняя резиденция русских царей. В середине XVII века на дороге между Москвой и Коломенским были расставлены новые верстовые столбы, которые были значительно выше старых и тех, что стояли на других дорогах.

Царский дворец и другие сооружения Коломенского сохранились до наших дней и являются всемирно известными памятниками архитектуры. Сейчас здесь размещается Государственный историко-архитектурный музей-заповедник, который посещают многочисленные туристы.

В составе ФЕ имеет значение «очень высокий человек». Говорится шутливо о человеке, который выделяется своим высоким ростом среди других людей. Приведем некоторые примеры:

В баскетбол играют высокие юноши и девушки. Например, Вася Иванов из команды «Динамо» – ростом 2 метра 8 сантиметров. Идёт по улице, и все на него оборачиваются – настоящая верста коломенская; Когда бабушка через год вернулась в Москву, она едва узнала внука. Серёжа возмужал, вырос почти на голову. «В отца растёшь, не иначе, верста коломенская, – говорила Марья Васильевна и поднималась на цыпочки, чтобы дотянуться до щеки Серёжи.

Семь верст до небес (и все лесом) – разг. Шутливое выражение с неправдоподобным смыслом. Соединяет в себе народное представление о магии числа «семь», большом расстоянии до небес (по религиозным представлениям, места обитания божеств и душ умерших) и трудном

продвижении без дорог по лесу.

Многословно и непонятно (говорить, обещать и т. п.). Говорится насмешливо о длинной непонятной речи, о многих невыполненных обещаниях. Примеры:

Люди пишут длинно, отвлечённо, семь вёрст до небес и всё лесом (Л. Ленч. Письмо); *Когда отправляли наобещали семь верст до небес: и артисты приезжать будут, и кино будет, и квартиры дадут* (С. Антонов. Василёк); *Иной наговорит семь вёрст до небес: но службе-то на лодках он всю жизнь мечтал, и именно в эту бригаду добивался назначения, и ещё, и ещё – всё в том же духе* (В. Устьянцев); *Когда ты звал меня за город, наговорил семь вёрст до небес: и грибов много, и ягод, и места прекрасные. А я и грибов не нашёл, и мест красивых не видел; За семь верст киселя хлебать (есть).*

2) Верста – старинная русская мера длины, которая употреблялась до введения в 1918 г. метрической системы и составляла чуть больше километра.

Семь – это число на Руси, как и у многих других народов, считалось магическим, имеющим особую сверхъестественную силу. Поэтому оно часто встречается в устойчивых сочетаниях и пословицах (напр.: *Семь бед – один ответ; Семь раз примерь, один раз отрежь; У семи нянек дитя без глазу* и др.). В современном употреблении фразеологизма *За семь вёрст киселя хлебать* числительное «семь» может быть заменено любым другим (больше семи), чтобы ещё сильнее подчеркнуть удалённость места, куда надо ехать или идти.

Кисель – национальное русское кушанье, которое готовят из ягодного сока или молока с добавлением крахмала и сахара. Кисель представляет собой негустую студенистую массу. Сейчас подаётся как сладкое блюдо. Раньше варили кисель из ржаной, овсяной, пшеничной, гороховой муки; кисель представлял собой лёгкое, но сытное повседневное блюдо.

Кисель никогда не считался необычным, дорогим или редким кушаньем – отсюда прямой смысл фразеологизма: зачем ехать так далеко – киселя и дома достаточно.

Хлебать, прост. – есть ложкой что-либо жидкое.

Дело не стоит того, чтобы из-за него куда-то далеко идти или ехать. Говорится, чтобы подчеркнуть незначительность того дела, из-за которого надо куда-то отправляться.

Всё равно попусту едешь, за семь вёрст киселя хлебать, (А. Чехов. Степь); Очень нужно тащиться (прост. идти медленно, неохотно) за пятьдесят вёрст киселя есть (И. Тургенев, Отцы и дети). – *А чего вам в церкви делать? – с запоздалым удивлением спросил Тютчев. – Молиться, что ли? Девушка всласть высмеялась, а потом объяснила, что, во-первых, она неверующая, во-вторых, в городе и своих церквей хватает, кто же*

поедет за семь вёрст киселя хлебать? (Ю. Нагибин. И вся последующая жизнь). *И зачем тебе на стадион – за семь вёрст киселя хлебать! Разве нельзя этот матч по телевизору посмотреть.*

Образность ФЕ обусловлена актом сравнения. Сравнение как способ мышления и как единица логики присутствует в любом языке. В любом языке сравнение употребляется широко и играет важную роль в человеческой действительности. Сравнение представляет собой один из способов восприятия действительности, ее признаков: как результат аналитического наблюдения и результат замеченного сходства между объектами реальной действительности. Сравнения первоначально служат способами номинации признаков, дополнительными условиями совершения действий, для которых не установлены абстрактные определения. Следовательно, в основе появления каждой конкретной сравнительной конструкции лежат первичные представления, т.е. элементарные наблюдения, и сравнение оказывается результатом анализа восприятий.

Можно предположить, что ни один язык не может обойтись без сравнения. Сравнение в том или ином виде присутствует во всех языках, поскольку составляет основу и важнейший способ мышления вообще. Сравнение, следовательно, – это языковая универсалия, которая играет важную роль в любых языках и представляет собой особое средство познания действительности. Сопоставление структуры сравнения проводит нас к принципиальному выводу: сравнение в каждом языке обязательно имеет единую логическую основу: субъект сравнения, объект сравнения и основание сравнения. Вслед за Н.М. Кабановой, будем считать, что вынесение основания сравнения за пределы компаративного оборота нарушает общую смысловую целостность, которая является результатом своеобразной связи представлений и ассоциаций, семантика компаративного оборота становится в таком случае неопределённой, размытой.

В целом ряде работ сравнение подвергается комплексной, многоаспектной характеристике – гносеологической, логической, лингвистической [4], ибо каждая из его ипостасей не существует сама по себе: «Языковая структура, являясь воплощением логической модели сравнения, отражает и процесс сравнения» [5].

Понятие «сравнения» рассматривалось в научной среде издавна и по-разному. Его отражение находит в словарных толкованиях целого ряда справочных лексикографических источников.

1. В толковых словарях: «Сравнение. 1. Действие по знач. глаг. сравнить. 2. Выражение, фраза, в которых один предмет уподобляется другому» (СРЯ, т. IV, 1984); «Сравнение. 1. к. сравнить. 2. Слово или выражение, содержащее уподобление одного предмета другому, одной ситуации – другой» (БТСРЯ, 1998).

2. В энциклопедиях: сравнение определяется в «Философском энциклопедическом словаре» как «познавательная операция, лежащая в основе суждений о сходстве или различии объектов; с помощью сравнения выявляются количественные и качественные характеристики предметов, классифицируется, упорядочивается и оценивается содержание бытия и познания. Сравнить – это сопоставить «одно» с «другим» с целью выявить их возможные отношения; посредством сравнения мир постигается как «связное разнообразие» (ФЭС 1989).

3. «Сравнение представляет собой чувственно-наглядную форму отражения реального мира в сознании человека. Сравнявая, т.е. выявляя черты сходства между неизвестным и известным, уподобляя абстрактное конкретному, мы познаем окружающий мир и одновременно образно его характеризуем, выражаем свое отношение к нему, даем оценку» [6].

«Сравнение – один из важнейших способов познания действительности, краткий образный способ мышления. Человек издавна постигал окружающий мир путем сравнения малоизвестного с хорошо знакомым. В нашей повседневной жизни, когда нам не хватает точного слова или обозначения кого-либо или чего-либо, мы чаще всего прибегаем именно к сравнениям» [7].

Таким образом, можно утверждать, что сравнение в языке – это не только понятие, фигура речи или стилистический приём, но и особое языковое явление, особая языковая единица, наделенная (как и другие единицы языка) значением и собственной формой его выражения. Сравнение является объектом изучения разных наук: лингвистики, риторики, литературоведения, логики. Каждая из этих наук обращается к соответствующему аспекту в анализе сравнения.

Под языковыми, или устойчивыми сравнениями, вслед за Л.И.Захаровой, будем понимать «относительно устойчивое, экспрессивное словосочетание с компаративной семантикой, обладающее при компонентной раздельно оформленности целостным или частично переосмысленным значением. Правомерность рассмотрения речевых сравнений в одном ряду с языковыми, узуальными подтверждается фактом широкого варьирования, в результате которого они приобретают речевой статус. Определение границ между сравнениями устойчивыми и неустойчивыми в таком случае оказывается затруднительным, условным» [8].

Нами произведена выборка сравнительных конструкций, включающих образы сравнения верста, коломенская верста, столб, жердь из Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Мы ограничились лишь общим корпусом. Выписаны примеры из художественной литературы. В отобранном материале выявлены такие значения:

- 1) высокий по отношению к росту человека;
- 2) длинный по отношению к росту человека;

3) длинный по отношению к пространственным характеристикам.

В результате анализа примеров сравнений со значением «высокий» из Национального корпуса русского языка, выявлена следующая статистика:

Таблица 1 – Сравнения со значением «высокий»

Значения	Образы сравнений	Количество примеров
высокий по отношению к росту человека	верста	1
	жердь	4
	столб	0
высокий по отношению к пространственным характеристикам	верста	0
	жердь	0
	столб	2
длинный по отношению к росту человека	верста	8
	жердь	12
	столб	2

Интересна картина хронологического развития образа «верста». НКРЯ содержит примеры 1862 года. Это значит, что не позднее этого времени появился устойчивый образ сравнения «верста». Устойчивый образ сравнения «жердь» фиксируется с 1886 г., а слово «жердь» начало использоваться в художественной литературе, по данным НКРЯ с 1906 года.

Слово верста в сочетании с прилагательным «длинный»

1. Старик, длинный, как коломенская верста, с двумя страшными желтыми зубами, случайно забытыми временем у него во рту, тянет иссохшую руку (В. Скрипкин. Тинга).

2. Марасул ухитрялся, не нарушая маскировки, где-то подогреть для этого чуть-чуть воды в чайнике. Хороший парень и длинный, как верста. Романенко любил солдат рослых. (Д. Холендро. Плавни).

3. Толпа смотрела, как они раздеваются – длинный, как верста, Коляда, широкий в кости Барабанов, мальчишески легкий Алтынов (К.Ваншенкин. Его опасные пасы).

4. – Вырос длинный, как верста, вот тебя и пускают (А. Рыбаков. Кортик).

5. Пущин настаивал на том, что это был Илличевский, длинный, как верста (Ю. Тынянов. Пушкин).

6. Входит еще один кочегар, длинный, как верстовой столб, с острыми плечами и впалою грудью (А.Новиков-Прибой. По-темному).

7. Федя Горошков мужчина лет сорока пяти, неуклюжий, длинный, как верста, желчный, ничего не делающий, но уверяющий всех, что он по

горло завален работою и не знает отдыха (М.Е. Салтыков-Щедрин. Наши бури и непогоды).

8. Мелькнул еще перед ним, длинный как верста, офицер какой-то команды (Ф. Достоевский).

Слово верста в сочетании с прилагательным высокий

1. На одной из остановок в автобус вошел солдат – высокий, как верста, с большими руками и ногами (В. Токарева. Рождественский рассказ).

Слово жердь в сочетании с прилагательным «длинный»

1. К нам в ту пору пришёл на практику студент-медик по имени Маршал, длинный, как жердь, и наивный тоже, как палка (В. Голяховский. Русский доктор в Америке).

2. Длинный, как жердь нибелунг подошел ко мне и отдал честь... (А.Лазарчук, М. Успенский. Посмотри в глаза чудовищ).

3. Фермер показался Андрею знакомым – длинный, как жердь, тощий мужик с обвисшими усами (А. Стругацкий, Б.Стругацкий. Град обреченный).

4. Молодой человек, длинный как жердь, ходил по комнате и в сумраке старался рассмотреть картинки и фотографии на стенах (М. Арцыбашев. Старая история).

5. Сам корнет, прямой и длинный как жердь, сидел у столика, а Наумов ходил по комнате, и его взъерошенная тень быстро бегала по стенам (М. Арцыбашев. У последней черты).

6. Был там ещё человек, тонкий и длинный, как жердь, носик пуговкой и весело вздёрнут, усы пушистые, глаза ясные, лоб большой, а лицо маленькое и не подходящее ему (М. Горький. Жизнь Матвея Кожемякина).

7. Пристали к помощнику смотрителя два оборванных поселенца, один – длинный как жердь, другой – покороче, когда мы с помощником смотрителя зашли днем в канцелярию (В. Дорошевич. Сахалин (Каторга)).

8. Ваше высокоблагородие, явите начальническую милость! Это приставал длинный, как жердь. Тот, что был покороче, даже шапку оземь бросил (В. Дорошевич. Сахалин (Каторга)).

9. Длинный, как жердь, худой, как скелет, Чернышов, Анисим, зашагал к столу с самым несчастным видом (В. Дорошевич. Сахалин (Каторга)).

10. С ним рядом шел незнакомый татарин, длинный, как жердь, и тощий, как скелет (В. Короленко. Марусина заимка).

11. В нем жил, худой как щепка, длинный, как жердь, и как лунь седой старик, носивший и зиму и лето платье ярко красного цвета (Н.Гейнце. Любоедка).

12. Сухопарый и длинный, как жердь, с развевающимися около тоненьких петушиных ног лапами сюртука, с обмотанным вокруг шеи

черным шарфом, с беспорядочно включенными волосами, бледным, впалым лицом и лихорадочно вспыхивающим взором, Иконников, ни дать ни взять, напоминал какого-то средневекового звездочета или алхимика, погруженного всецело в таинства своей науки и забывшего окружающий его мир (В. Авенариус. Отроческие годы Пушкина).

Слово жердь в сочетании с прилагательным «высокий»

1. Напротив одного ангара виднелась кучка людей, и в центре её Ї плотный, коренастый командир отряда в полковничьих погонах, а рядом с ним худой и высокий, как жердь, английский офицер (Н. Шпанов. Домик у пролива).

2. Приехал из Киева от Казачьей рады высокий, как жердь, казак с маленькой головой, стриженной под машинку (В. Шкловский. Сентиментальное путешествие).

3. [Господин, муж] Входит высокий, как жердь, крайне худощавый синьор, с обвисшими, как будто постоянно мокрыми усами (Л. Андреев. Чёрные маски).

4. Барон Адольф Адольфович Розен был тип захудалого прибалтийского барона, высокий как жердь, вечно прилизанный и до приторности чисто одетый, он умышленно растягивал слова при разговоре и непомерно был занят собственной персоной (Н.Гейнце. В тине адвокатуры).

Слово столб в сочетании с прилагательным «длинный»

1. Входит еще один кочегар, длинный, как верстовой столб, с острыми плечами и впалою грудью (А. Новиков-Прибой. По-темном).

2. Капитан Качуровский сзади Бабаева, длинный, как телеграфный столб, и такой же прочный, хриплым басом кидал фельдфебелю Лосю (С.Сергеев-Ценский. Бабаев).

Слов столб в сочетании с прилагательным «высокий»

1. Как сейчас вижу, стоит Львов, высокий, как столб (В. Мухина. На заре она вая, в грозу грозовая).

2. Кругом сидят и лежат рабочие и мы тут же. Помню, Львов стоит, высокий как столб. Ї Прилягте, Петр Николаевич (В. Мухина. Воспоминания Веры Мухиной).

Проанализированный нами материал был отобран из фразеологических словарей, из Национального корпуса русского языка. Произведенный анализ позволил сделать выводы о частотности сравнений с образами верста, жердь, столб. Данные Национального корпуса русского языка показывают, что в художественных текстах ФЭ, передающие значение «высокий», употребляются уже не позднее середины 19 века. Их значение сохранено и в современных текстах.

Список литературы:

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 4-е изд. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2007. – 944 с.
2. Фелицына В.П., Мокиенко В.М. Русские фразеологизмы. Лингвострановедческий словарь / под редакцией Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова. – М.: Институт русского языка имени А.С.Пушкина, 1990. – ...с.
3. Войнова Л.А., Жуков В.П., Молотков А.И., Федоров А.И. Фразеологический словарь русского языка /под редакцией А.И. Молоткова
4. Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеографии / Л.А. Лебедева. – Краснодар, 1999. – 196 с.
5. Огольцев В.М. Устойчивые сравнения в системе фразеологии [Текст] / В.М. Огольцев – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. – 159 с.
6. УСРЯ – Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка: Краткий тематический словарь русского языка. – Краснодар, 2013. – 315 с.
7. БСНС – Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г. Большой словарь народных сравнений / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М., 2008. – 800 с.
8. Захарова Л.И. Типология экспрессивных сравнений в современной газетной публицистике: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.И.Захарова. – СПб., 2000. – 192 с.

ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЕ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ (УНИВЕРСАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ)

М.К. Абаева

к.ф.н., доцент, Каз НПУ им. Абая

А.Ж. Нуртажиева

магистрант Каз НПУ им. Абая

Аннотация. Статья посвящена фразеологизмам со значением цветообозначения. На примере русских и казахских фразеологизмов, имеющих в своем составе цвет «белый», устанавливаются сходства и различия в разноструктурных языках. При исследовании цветообозначений русского и казахского языков были отмечены значительные зоны совпадений в картине мира обоих народов. В данной статье рассматриваются фразеологизмы с элементами цветообозначений белый и черный, характеризующимися своей контрастивностью в общей гамме цветов, они отличаются от других разновидностей не только своей

чаще употребляемостью, но и большим тематическим разнообразием. Фразеологизмы, сочетающиеся с белый и черный, настолько разнообразны по своей фразеологической семантике, что их можно встретить во всех сферах жизни и деятельности человека.

Ключевые слова: цветообозначение, фразеологическая единица, колоризм, национальные и культурные особенности.

Түйіндеме. Мақала түс белгілері бар фразеологизмдерге арналған. Құрамында «ақ» түс бар орыс және қазақ фразеологизмдерін мысал жүзінде қарастырғанда, құрылымдығы әр түрлі тілдердегі ұқсастықтар мен айырмашылықтар анықталады. Орыс және қазақ тілдеріндегі түс таңбаларын зерттегенде, екі халықтың әлеміндегі суреттелген сәйкестік салалары айтарлықтай байқалды. Аталмыш мақалада ақ және қара түсті элементтері бар фразеологизмдер қарастырылады, түстер жалпы ауқымда салыстырылып сипатталады, олар басқа да түс түрлеріне қарағанда жиі қолданыста болатындығы үшін ғана емес, сонымен қатар, үлкен тақырыптық түрлілігімен ерекшеленеді. Ақ және қара түстермен ұштасатын фразеологизмдер, өздерінің фразеологиялық семантикасы әр түрлі болғандықтан, барлық өмір салаларында және адамның күнделікті өмірінде кездеседі.

Түйінді сөздер: түс белгілері, фразеологиялық бірлік, колоризм, ұлттық және мәдени ерекшеліктер.

Abstract. The article is devoted to phraseological units with the meaning of color designation. On the example of Russian and Kazakh phraseological units that have the color "white" in their composition, similarities and differences in the difference-structured languages are established. When examining the color markings of the Russian and Kazakh languages, significant areas of coincidence in the picture of the world of both peoples were noted. This article deals with phraseological units with white and black color markings, characterized by their contrast in the overall range of colors, they differ from other varieties not only by their frequent use, but also by great thematic diversity. Phraseological units, combined with white and black, are so diverse in their phraseological semantics that they can be found in all spheres of life and human activity.

Key words: color designation, phraseological unit, colorism, national and cultural characteristics.

Известно, что человек становится человеком, когда он с детства усваивает язык и вместе с ним культуру своего народа. Все тонкости культуры народа отражаются в его языке, который специфичен и уникален, так по-разному фиксирует в себе мир и человека в нем. Человек в процессе практической деятельности научился обобщать предметы,

явления, свойства по их существенным признакам и выделил качество как категорию, выражающую специфику предметов и явлений, как то, что отличает одни предметы и явления от других. Одной из важных качественных характеристик предметов является цвет. Он дается людям в ощущениях, в зрительных восприятиях. Категория цвета универсальна, она нашла отражение во всех языках, хотя степень ее отражения в них различна.

Именно цвета являются тем фактором действительности, который определяет индивидуальные и национальные особенности языковой личности, отражает культурные обычаи и традиции, социальный статус и духовный мир человека. Концептуальная и языковая картины мира связаны между собой и формируют тип отношения человека к миру, определяет нормы и правила коммуникативного поведения. Язык окрашивает через систему своих значений и их ассоциативных связей картину мира в национально-культурные «цвета». Хранит и передает ее из поколения в поколение. Язык рассматривается в данной работе как путь, по которому мы проникаем не только в современную ментальность нации, но и в воззрения древних людей на мир, общество и самих себя.

Цветовое разнообразие в природе непрерывно, но человек дискретно членит и обозначает цветовую гамму. Человеческий глаз способен различать до нескольких миллионов цветов, языки же располагают намного меньшим количеством словесных знаков для их обозначения. Здесь проявляется уникальная способность языка при помощи ограниченных средств фиксировать и передавать всю безграничность человеческого опыта. Все же невозможно сказать точно, сколько в определенном языке цветообозначений, потому что в каждом языке существуют свои модели, по которым всегда можно образовать необходимое ЦО.

Исследование ЦО как языкового явления началось в XIX в. С тех пор в общем в языкознании накопилась солидная научная литература, посвященная цветообозначению в различных языках, в которых наряду с богатым фактическим материалом имеется множество интересных и полезных теоретических сведений, содержащих не только общелингвистические, но и психолингвистические, социолингвистические и этнолингвистические характеристики цветообозначений.

Внимание ученых уже привлекали состав цветообозначающей лексики, семантическая структура (Телия В.Н., И.В. Мокиенко), Языковое сознание народа, роль цвета в жизнедеятельности человека, в этнокультурной системе русского языка (Корнилов О.А.). Для ученых исследования цветового спектра не потеряли своей актуальности и на сегодняшний день.

В истории слов, называющих цвет, трудно наметить какие-то общие пути развития, однако, как пишет Н.Б. Бахилина, несомненно, некоторая

общая тенденция, некоторый лингвистический стимул в истории цветообозначающей лексики есть – создание, выявление обобщенных или абстрактных ЦО. Такого рода абстрактными уже в ранний период стали цветообозначающие прилагательные белый, черный, желтый, зеленый и др.; они сложились по существу ко времени начала письменности [1, 8].

В казахстанской лингвистике понятие цвета активно исследуется А.Т. Хайдаровым [2], чьи работы посвящены анализу этнолингвистических, лингвокультурологических особенностей цветообозначений. Одним из последних исследований казахстанских лингвистов в области цветообозначений можно назвать многолетние исследования Ш.К. Жаркынбековой [3].

Фразеология (от греч. *Phrasis* и *logos*), лингвистическая дисциплина, изучающая устойчивые идиоматические (в широком смысле) словосочетания – фразеологизмы; множество самих фразеологизмов того или иного языка также называется его фразеологией. Это насыщенные культурными смыслами единицы языка, которые способны выполнять роль знаков «языка» культуры, нежели естественный язык.

Почему исследуются именно фразеологизмы, метафоры, символы и др.? Дело в том, что они – ценнейший источник сведений о культуре и менталитете народа, в них как бы законсервированы мифы, легенды, обычаи. Известный русский языковед Б.А. Ларин писал: «Фразеологизмы всегда косвенно отражают воззрения народа, общественный строй, идеологию своей эпохи. Отражают – как свет утра отражается в капле росы». То же можно сказать и о метафорах, символах и т.д. Язык же является лишь механизмом, способствующим кодированию и трансляции культуры. Истинными хранителями культуры являются тексты. Не язык, а текст отображает духовный мир человека. Именно текст напрямую связан с культурой, ибо он пронизан множеством культурных кодов. По мнению В.В. Красных, код культуры есть сетка, которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его. Представляется, что рассматриваемые нами определения кода культуры дополняют друг – друга, и такой подход к анализу национально-культурной коннотации ФЕ с семантикой базовых эмоций человека вполне мотивирован [4, 232].

Обширную группу во многих языках составляют фразеологические единицы, включающие в свой состав обозначения цвета. Фразеологизмы со стержневым компонентом-цветообозначением составляют довольно многочисленную структурно-семантическую группу. По структуре они подразделяются на двухкомпонентные, трехкомпонентные и многокомпонентные. Двухкомпонентные фразеологизмы с компонентами ЦО, в свою очередь, делятся на четыре группы, причем фразеобразующим, т.е. ключевым у них, по-нашему убеждению, являются вторые компоненты.

Вторые компоненты ФЦ могут быть выражены существительным, прилагательным и глаголом. Большой интерес вызывает рассмотрение ФЦ, где в роли вторых компонентов употребляется имя существительное.

Фразеологизмы – это крылатые слова и воспринимаются нами, как естественный элемент речи, идущий от народа, из глубины веков. Фразеологизмы придают окраску выражению, чтобы усилить его смысл. Так, по мнению Н.Н. Амосовой, «цвета играют большую роль в формировании языковой картины мира, поскольку с каждым цветом у разных лингвокультурных общностей связаны определенные ассоциации, те или иные цветовые предпочтения» [5, 13].

Фразеология отражает не только современные, но и архаичные понятия. Их можно встретить в большом изобилии, как в живой разговорной речи, так и в разных жанрах художественных произведений. Цветовые обозначения довольно часто употребляются и в структуре фразеологических оборотов, как в прямом лексическом, так и в переносном значении.

При изучении цветообозначений русского и казахского языков были отмечены значительные зоны совпадений в картине мира обоих народов.

В казахском языке фразеологизмы чрезвычайно богаты и разнообразны по составу и по содержанию, имеющие многовековые исторические традиции, и большая часть арсенала художественно-выразительных средств казахского языка приходится на фразеологию, а именно словами-цветообозначениями. Следует отметить, что фразеологизмы с элементами цветообозначений белый и черный, характеризующимися своей контрастностью в общей гамме цветов, отличаются от других разновидностей не только своей частоупотребляемостью, но и большим тематическим разнообразием. Иначе говоря, фразеологизмы, сочетающиеся с белый и черный, настолько разнообразны по своей фразеологической семантике, что их можно встретить во всех сферах жизни и деятельности человека.

В настоящее время в русском языке принято различать двенадцать «основных» ЦО. Это белый, черный, серый называющие ахроматические цвета (белый цвет отражает все цветовые волны, черный напротив, поглощает все цветовые волны, а серый является промежуточным между ними), и красный, синий, голубой, зеленый, желтый, фиолетовый, оранжевый, розовый и коричневый, называющие хроматические цвета (они поглощают и отражают световые волны определенной длины, вызывая у людей определенные зрительные ощущения).

Так, в казахском языке белое пятно – ақ тандақ – досл. белое пятно; перен. неопознанные факты в истории общества.

Белый цвет ассоциируется с чистотой, нежностью, что часто отражает положительные эмоции, также белый цвет «белое пятно» ассоциируется чем-то совершенно неизвестным (неисследованная, неразработанная часть проблемы, теории и т.п.).

Во фразеологизме метафорически переосмысливается картографический термин: неисследованные, неизвестные науке территории отмечаются на географических картах **белым** цветом [6, 36].

Но ведь кому-кому, а дальневосточникам лучше других известно, что огромные пространства, занятые нескончаемой тайгой, – это те же «белые пятна» на земле. В.Ажаев, Далеко от Москвы.

В 1990 годы было заполнено немало «белых пятен» в творческом пути священника Сергея Булгакова. Прежде всего это относится к Крымскому периоду, следующему непосредственно за принятием священства в июне 1918 года. А.Козырев, Священник Сергей Булгаков.

Рассмотрим казахские фразеологизмы, имеющие соответствия в русском языке. Основные ЦО русского языка и их казахские эквиваленты получили свои названия по ассоциации с цветами одних и тех же предметов (растений, их плодов, животных, птиц, минералов, металлов, продуктов питания и т.д.), в силу чего они передаются с одного языка на другой полным, адекватным соответствием.

В древнем тюркском языке цвет мог называть сторону света: *красный* символизировал – юг, *черный* – север, *белый* – запад, *синий* – восток. В связи с тем, что красный считается огненным, солнечным знаком, он имеет значение священного цвета. В древности казахский народ следовал таким обычаям как поклонение солнцу, поэтому символ солнца был табуирован: не говорили об огне, не плевали на огонь, не гасили огонь водой, не топтали пепел, проводили обряд очищения огнем. Признаком единства, достатка, продолжения рода был горящий костер в очаге под куполом юрты, отсюда произошли такие слова как *юрта молодых, молодая семья, семья*. В современном казахском языке "красный" цвет стал основой для происхождения таких слов как *зарумяниться, молодой, задорный, красивая на вид девушка* [7, 46-47]. «**Қызыл шырайлы қыз**» – **красная девица** – в русском языке реализуются в основном такие символические значения ФЕ с компонентом цвета «**красный**», которые связаны с молодостью, красотой [8, 78].

Қызыл тілді – «**Красноречивый**» – человек который находит что сказать, остро шутит, метко говорит.

Желторотый птенец – **сары ауыз балапан**, что означает, очень молодой, неопытный, наивный человек. Имеется в виду, что лицо (Х) находится в юном возрасте и потому является неискушенным в житейских делах или ситуациях, не имеет достаточного опыта жизненного и профессионального. Преимущественно о лицах мужского пола. Говорится с пренебрежением или с иронией [6, 201].

Какими путями до меня дошло, я уж этого не буду вам передавать, но мне известно доподлинно, что вы пьете. Это омерзительно. Мальчишка, желторотый птенец, только чтовышедший из школы, и напивается в собрании, как последний сапожный подмастерье. (А.Куприн, Поединок).

Фразеологизм восходит к древней мифологической форме осознания мира – отождествлению животных и людей: в основе образа лежит аналогия «птица– человек». Птицы, в различных мифопоэтических традициях выступали как обязательный элемент религиозно–мифологической системы и ритуала, которые обладали разнообразными функциями [9, 346.].

Многочисленные фразеологизмы связаны с названиями частей тела, природных явлений, зоонимов и т.д. Это объясняется прежде всего экстралингвистическими факторами. Общеизвестно, что человек познает мир с помощью своих органов чувств. «Свою ориентацию в пространстве, свою оценку окружающего человеку было «удобнее» соотносить прежде всего с частями своего тела», – считала Немирова А. [10, 64-65]. Компонент желтый раскрывает представления о внешних отличительных свойствах, в данном случае – о желтизне около клюва молодого птенца, который соотносится с зооморфным кодом.

Эквивалентны следующие значения цветového прилагательного белый/ак:

Уже названное, по ассоциации с цветом молока, снега, мела, в противоположность черному: белая бумага – ак қағаз. В казахском языке имеются оттенки этого значения, когда прилагательное ак субстантивируется:

Белые (седые) волосы:

Шашыңыздың ағынан, жасыңыздың саны ассын! Доброе пожелание: Пусть будет больше прожитых лет у вас, чем белых волос.

Белый цвет является одним из наиболее многозначных и символически насыщенных цветов в мифологических представлениях различных народов и архетипически противопоставлен черному цвету. Он может символизировать чистоту, девственность, непорочность (белый цвет в брачных обрядах многих индоевропейских народов), а также неопытность, неискушенность (напр., белые пояса начинающих учеников в восточных единоборствах, противопоставленные черному поясу мастера). Эта архетипическая символика позволяет белому цвету ассоциироваться с представлениями о жизни после смерти, о чем-то неизведанном, загадочном (напр., белыми являются похоронные саваны, белый цвет – цвет привидений); **«акқа оралған өлік»**, **«ак кебінге оранды»** – букв. завернулся в белый саван. Скончался.

Молоко, молочные продукты: **«ак шыққанда»** – когда появятся молочные продукты, т.е. весной.

Устойчивые сочетания с компонентом «черный» транслируют сквозь века восприятие мира русским народом. В них отпечатались исторические, уже устаревшие понятия и явления: **«черная кость»** точно соответствует фразеологизму **«кара сүйек»** – человек незнатного происхождения (тот, кто принадлежал к непривилегированному сословию в дореволюционной России).

(За)мазать черной краской в значении «опозорить» является исконно русским; он возник в древности, когда, по бытовавшему раньше обычаю (связанному с отрицательной символикой черного цвета), вымазать дегтем ворота в доме, где живет молодая женщина или девушка, значило ее опозорить «замазать черным дегтем». В казахском языке данной ФЕ соответствует эквивалент: **қара күйе жағу** (елге масқара ету) – стараться очернить кого-либо; клеветать на кого-то.

Черный список – соответствует эквивалент в казахском языке: «**қара тізім**» – это список лиц или других существностей, которым отказано в конкретном праве, привилегии или действии.

Черный народ – в русском языке так называли «крестьян и ремесленников». В казахском же языке «**қара халық**» – означает необразованный, темный человек, неуч.

В казахском языке ФЕ со сходным значением имеет в составе компонент «человек»: «**қара ниетті**», «**қара пейілді**» – человек, сеющий раздор между людьми, с плохими намерениями, направленные на кого-либо, смутьян, клеветник.

Итак, фразеологизмы, то есть фразеологизмы, имеющие в своем составе цветные наименования, бывают связаны с мировоззрением, убеждениями, культурой и обычаями, местом обитания того или иного народа и каждый фразеологизм образуется в результате многолетнего жизненного опыта народа.

Бесспорно, что кроме основных способов образования слов со значением цветообозначения в народных традициях, существуют как универсальные цветные категории, как белый и черный, так и цвета, имеющие разный лексико-семантический символический смысл для разных народов. Известно, что данный смысл передается из поколения в поколение. Цвета в разных языках, благодаря своим символическим свойствам, в настоящее время имеют значения, которые вообще не имеют отношения цвету или имеют отдаленную смысловую привязку к цвету.

Белый и черный цвет и в русском, и в казахском языках имеет сакральное значение. Христианская религия целиком восприняла символику белого из Ветхого завета. Белый означал светочность, родство с божественным светом. Белый цвет заимствует свои символические значения от света, а свет в христианстве – это и Бог, и слово, и разум, и всяческое благо. Кроме того, белый означает радость, веселье духа, невинность, чистоту.

В культуре ислама белому цвету также отведено почетное место. Ведь сам Аллах – «свет небес и земли», и хотя ангелы его одеты в зеленое, верные ему люди и сам пророк Магомет носят белые тюрбаны. Если в странах с умеренным климатом сакрализуют триаду красный – белый – черный, то в Аравийской пустыне предпочитают триаду зеленый – белый – черный. Эти цвета являются священными символами, и вместе с тем они наиболее любимы в странах ислама.

Список литературы:

1. Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. – М., 1975.
2. Хайдаров А.Т., Омирбеков Б., Ахтамбердиева З.Т. Сырға толы түр мен түс. – Алматы: Қазақстан, 1986.
3. Жаркынбековой Ш.К. Цвет-сознание-менталитет. Реконструкция цветовой картины мира в казахской и русской лингвокультурах. // Монография. Астана: Мастер ПО. – 2011. – 357 с.
4. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М., 2002. – с. 232.
5. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. Изд. 1, – М.: Инфра – М., 2009. – 226 с.
6. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / под. ред. В.Н.Телия. – М.: АСТ– ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
7. Зияи А. Празднование Нового года по канонам старотюркской веры. Гунны. – Анкара: Калем Кардешлер. – Вып. 3 (1), 2007. – С. 42-48.
8. Кенесбаев И.К. Қазақ тілінің фразеологиялық сөздігі. – Алматы: Ғылым, 1977. – 712 б.
9. Мифы народов мира. Энциклопедия. Т.2. – М., 2000.
10. Немирова А. О тематически стержневых словах в составе некоторых фразеологических единиц современного русского языка «Актуальные вопросы фразеологии». – Самарканд, 1968.

ОБОЗНАЧЕНИЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ КЛАВИАТУРЫ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ (сопоставительный аспект)

***Сагинтаев Эмиль Борисович**
магистрант КазНПУ им. Абая*

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному описанию номинации одной реалии (компьютерной клавиатуры) в славянских языках. Актуальность исследования обусловлена тем, что в связи с развитием информационных технологий во всех языках активно пополняется слой компьютерной лексики. Задача исследования – показать, как проблема образования новых слов и новых значений слов решается в близкородственных языках, в какой степени они способны оказывать влияние друг на друга и испытывать влияние со стороны других языков.

Ключевые слова: номинация, языковые контакты, славянские языки, компьютерная лексика, многозначность.

Түйіндеме. Мақала славян тілдерінде бір шындықтың (компьютерлік пернетақта) номинациясының салыстырмалы сипаттамасына арналған. Зерттеудің өзектілігі ақпараттық технологияларды дамытуға байланысты компьютерлік сөздік қабаты барлық тілдерде белсенді түрде толтырылуымен байланысты. Зерттеудің мақсаты – жаңа сөздер мен сөздердің жаңа мағынасын қалыптастыру мәселесі тығыз байланысты тілдерде қалай шешілу керектігін, бір-біріне әсер ететін және басқа тілдер әсеріне қаншалықты әсер ететіндігін көрсету.

Түйін сөздер: номинация, тілдік байланыстар, славян тілдері, компьютерлік сөздік, полисемия.

Abstract. The article is devoted to a comparative description of the nomination of one reality (computer keyboard) in the Slavic languages. The relevance of the study is due to the fact that in connection with the development of information technologies, a layer of computer vocabulary is actively replenishing in all languages. The task of the study is to show how the problem of the formation of new words and new meanings of words is solved in closely related languages, to what extent they are able to influence one another and to be influenced by other languages.

Keywords: nomination, language contacts, slavic languages, a computer vocabulary, polysemy.

На данном этапе развития цивилизации замечен процесс глобализации, охватывающий все стороны жизни человечества, в том числе языки и их взаимодействие. Основным языком глобализации является английский, и множество слов заимствуется другими языками из него. Но при этом остальные языки взаимодействуют не только с английским, но и между собой, особенно это характерно для близкородственных языков, например, славянских. На конкретных примерах можно показать, как проходило это взаимодействие исторически и как оно происходит сейчас.

В этой статье будет показана история слова *клавиатура*, развитие многозначности у этого слова в русском языке и будет проверено, существует ли такая же многозначность в других славянских языках, и, если существует, тождественна ли она многозначности в русском языке.

В первом разделе статьи кратко рассказывается об истории появления клавишных музыкальных инструментов и, соответственно, клавиатуры как предмета, затем о том, как была изобретена клавиатура пишущей машинки. За образец для разработки пишущей машинки была взята клавиатура музыкального инструмента, поэтому закономерным является и расширение значения слова *клавиатура*. В свою очередь, устройство ввода информации на компьютере разработано на основе

пишущей машинки, поэтому и для его обозначения используется слово *клавиатура*.

Во втором разделе представлены результаты проведенной работы по поиску перевода слова *клавиатура* на все славянские литературные языки, проведено объединение по группах сходных вариантов перевода. Приведены данные из толковых словарей славянских языков с переводом на русский. Показано, по каким причинам в том или ином славянском языке закрепилось то или иное обозначение.

В выводах суммируется и интерпретируется полученная информация, делаются заключения о значении предпринятого исследования для иллюстрации языковых контактов, появлении многозначности у слова *клавиатура* и отображении истории реалии в самой структуре многозначности слова. Делаются выводы и о способах номинации в разных славянских языках, влиянии степени интенсивности языковых контактов и других факторов, в том числе языкового пуризма.

1. От клавиатуры музыкального инструмента – к клавиатуре компьютера: история реалии

В русском языке слово *клавиатура* многозначно и используется для обозначения трех понятий: 1. клавиатуры музыкального инструмента, 2. клавиатуры пишущей машинки и 3. клавиатуры компьютера. По степени актуальности в современном русском языке эти значения существенно различаются (ср. 2-ое и 3-ье значения).

Начнем статью с исследования того, как слово *клавиатура* и обозначаемые им реалии появились в русском языке.

Само появление слова *клавиатура* связано с изобретением клавишных музыкальных инструментов в Западной Европе. В конце XIV века появились клавикорд и клавесин [1, 28]. Время изобретения клавикорда точно неизвестно, но впервые название «*клавикорд*» упоминается в документах XIV века [2], а самый старый сохранившийся инструмент был создан в 1543 году Домеником Пизанским (лат. *Domenicus Pisarenensis*) и находится сейчас в Лейпцигском музее музыкальных инструментов [3]. Самое раннее упоминание инструмента типа клавесина (*clavicembalum*, от лат. *clavis* – ключ или позже клавиша и *symbalum* – цимбалы) фигурирует в источнике 1397 года из Падуи (Италия). Самое раннее изображение – на алтаре кафедрального собора в немецком городе Миндене, датированное 1425 годом [4, 62]. Первое практическое описание клавесиноподобного инструмента (клавикорд со щипковым механизмом) с чертежами дал голландец Арно из Зволле около 1445 года [5, 7].

Названия обоих этих инструментов ведут свое происхождение от латинского слова *clavis* – ключ, а латинский же суффикс *-ur* обозначает действие или результат действия. То есть, клавиши – это ключи, с помощью которых проводится действие по извлечению звуков и, соответственно *клавиатура* – это набор таких ключей.

Интересно, что похожее устройство появилось раньше в таком музыкальном инструменте, как орган, но для него принято название «мануал» – от латинского *manus* ‘рука’, то есть то, что требует ручного управления [2].

Учитывая, что клавесин и клавикорд появились в Италии, а затем распространились по Европе, вместе с ними из языка в язык переходило и слово клавиатура. В 1709 году Бартоломео Кристофори изобрел фортепиано, принципиальным отличием которого стала возможность изменять громкость звука, извлекаемого из каждой клавиши (в клавесинах громкость звука была неизменяемой). С этим и связано название *fortepiano* (*pianoforte* в современном итальянском) – от громкого до тихого [5]. Постепенно фортепиано вытеснило клавесин и клавикорд, и распространилось по всей территории Европы. Так как по сути фортепиано – это усовершенствованный клавесин, то и на звание частей инструмента было взято от клавесина. В первую очередь речь идет о клавиатуре.

Русское слово *клавиатура* ведет свое происхождение от немецкого *die Klaviatur*, а немецкое слово из итальянского. Существует два возможных пути попадания слова *клавиатура* в состав русского языка. Первый – напрямую из немецкого, от уже указанного немецкого *die Klaviatur*. Второй – из немецкого в польский, а уже из польского в русский. В польском словаре Гжегожа Кнапского [6], изданном в 1643-1644 годах встречается слово *Klawiatura* с указанием заимствования слова из немецкого. Учитывая, что до XVIII века источником заимствования в русском языке был польский язык, о чем подробно написано в работах Виноградова [7], можно предположить, что и слово клавиатура могло прийти из польского. При этом, у слова клавиша однозначно польское происхождение, от польского *klawisz*, в которое трансформировалось латинское *clavis*. Как бы то ни было, к XIX веку слово клавиатура в значении клавиатура музыкального инструмента прочно вошло в русский язык. В заметках Грибоедова за 1822-1825 год упоминается слово *клавиши*: «Влево, в море флот из 9-ти кораблей; под ногами два мыса, как клавиши.» (А. С. Грибоедов. Отдельные заметки (1822-1825)) [8], а в письмах Фонвизина за 1778 год мы находим слово *клавесин*: «А прогроз, я начал слушать курс экспериментальной физики у Бриссона, а жена взяла учителя на клавесинах; живем веселехонько, аподчас скучнехонько!» (Д. И. Фонвизин. Письма родным (1777-1778)) [8]. А слово клавикорд использует М.В. Ломоносов в 1742 году: «Во Франции употребляют сие те мастера, которые клавикорды делают.» (М. В. Ломоносов. Продолжение описания разных машин (перевод) (1742)) [8]. Интересно, что слово *клавиатура* использовалось и в переносном, метафорическом смысле, например, в повести О. Сенковского «Похождения одной души» встречается выражение «на ловкой клавиатуре моего мозга» [9].

Необходимо также рассмотреть слово *keyboard* в английском языке. У него также три значения – *musical keyboard* (музыкальная клавиатура), *typewriter keyboard* (клавиатура пишущей машинки), *komputer keyboard* (клавиатура компьютера).

Первым словом, использовавшимся в английском для обозначения клавиатуры музыкального инструмента, было французское слово *clavier*, первый раз оно фиксируется в 1708 году в качестве обозначения клавиатуры, а позднее заменяется, но уже английским словом *keyboard* («доска с ключами»), это слово появляется в 1819 году:

1708, "keyboard of a pianoforte, organ, etc.," from French *clavier*, originally "a key-bearer," from Latin *clavis* "key" (from PIE root **klaui-* "hook"), [10]:

1819, from *key* (n.1) in sense of "mechanism of a musical instrument" + *board* (n.1). Originally of pianos, organs, etc., extended to other machines 1846. The verb is first recorded 1926 (implied in *keyboarding*) [10].

По способу образования слово *keyboard* – калька с латинского *claviatura*, *key* – ключ, *board* – доска, т.е. *keyboard* «доска с ключами». Слово фиксируется вместе с появлением в Великобритании фортепиано.

Вместе с изобретением и распространением пишущей машинки, а вслед за ней и компьютера, у слова клавиатура появились соответственно два новых значения. Попытки изобретения пишущей машинки предпринимались с XVIII века: в 1714 году патент получил Генри Милль, но сведений о применении этой машинки не осталось [11]. В 1808 году Пеллегрини Турри изобрел свою версию пишущей машинки, сама машинка не дошла до нашего времени, но сохранились тексты, выполненные на ней [12], и, наконец, в 1868 году Кристофером Лэтемом Шоулзом была запатентована пишущая машинка «Ремингтон-1» [13]. Со временем пишущие машинки «Ремингтон» стали настолько популярны, что в русском языке появилось производное слово «*ремингтонист*» – переписчик на пишущей машинке, зафиксированное в словаре Ушакова [14].

При конструировании пишущей машинки было необходимо решить проблему размещения букв на ней, и за основу было взято уже найденное решение, использовавшееся в музыкальных инструментах – клавиатура. Причем клавиатура без изменений в самом устройстве уже использовалась в печатающем телеграфе. Кристофер Лэтем Шоулз, запатентовавший пишущую машинку в 1868 году, был знаком с такой моделью печатающего телеграфа [15]. Можно сказать, что разработка клавиатуры для пишущей машинки стала продолжением развития музыкальной клавиатуры. На печатающем телеграфе использовались традиционные белые и черные клавиши прямоугольной формы, в пишущей машинке форма клавиш постепенно менялась, дойдя до формы кнопок. С этим связано и название итальянское название *la tastiera*, производное от него немецкое

название *die Tastatur* (и производные уже от немецкого варианта сербское и македонское слова).

Для обозначения клавиатуры пишущей машинки в русском также использовалось слово *тастатура*, пришедшее из немецкого, *die Tastatur*, в немецком образованное от *die Taste* «кнопка» «клавиша» с использованием уже упоминавшегося латинского суффикса (t)ur. Слово *die Taste* пришло в немецкий язык из итальянского *il tasto* „кнопка“. Но слово *тастатура* было вытеснено словом *клавиатура* и в принципе стало редко употребляемым. Словари фиксируют его в значении номеронабиратель, но само слово номеронабиратель используется заметно чаще. В значении номеронабирателя слово *тастатура* есть и в украинском языке [16, 1432].

В русской эмигрантской литературе есть пример употребления слова «тастатура» в значении клавиатура пишущей машинки. Речь идет о «Повести о пустяках» Юрия Анненкова [17]:

(1) *«Бобровский прошел в столовую и вернулся с бутылкой мадеры.*

— Все функционирующие ныне системы пишущих машин, — продолжал он, — начиная с устаревшего «Реминггона» и «Ундервуда» до наиболее удачной системы «Смис премьер М. 10», — слишком несовершенны в конструктивном отношении. Недостатки их очевидны: сложность составных частей, отсутствие портативности, необходимость затрачивать большое механическое усилие, вызывающее физическое утомление пишущего (тяжелый нажим, неудобное расположение таст на тастатуре), стук, звон и щелканье частей машин, рассеивающие внимание и утомляющие слух, неизбежность перерывов умышленного процесса для построчных передвижений каретки, прикованность к машине, постоянная от нее зависимость и т. п.»

Таким образом, в русском и английском языке произошло расширение значения слова. Кнопки с обозначениями букв алфавита были восприняты как клавиши, ключи для извлечения, но уже не музыкальных звуков, а слов языка. В немецком же произошло разделение – *die Klaviatur* – клавиатура музыкального инструмента и *die Tastatur* – клавиатура пишущей машинки.

Клавиатура компьютера является «прямым потомком» клавиатуры пишущей машинки: у нее те же функции, расположение знаков в каждой из раскладок компьютерной клавиатуры совпадает с тем же для клавиатуры пишущей машинки, поэтому закономерно, что для ее обозначения используется то же самое слово, что и для клавиатуры пишущей машинки – «*клавиатура*» в русском, «*keyboard*» в английском и «*die Tastatur*» в немецком.

2. Принципы и способы номинации компьютерной клавиатуры в славянских языках

В этой связи интересно проследить, как обозначаются клавиатура музыкального инструмента, клавиатура пишущей машинки и клавиатура компьютера в разных славянских языках.

В результате работы со словарями выявлено следующее.

Для обозначения клавиатуры музыкального инструмента во всех славянских языках используется слово *claviatura*/*клавиатура*, записанное в соответствии с нормами правописания того или иного языка.

Понятия клавиатуры пишущей машинки и клавиатуры компьютера связаны между собой во всех славянских языках, и поэтому они обозначаются одним тем же словом. Но при этом в некоторых языках два последних значения тоже входят в состав многозначного слова *клавиатура*, в то время как в других слово *клавиатура* закреплено только за клавиатурой музыкального инструмента, а для обозначения клавиатуры пишущей машинки и клавиатуры компьютера используется отдельное слово. Найденные в двуязычных словарях обозначения удобно представить в виде списка с указанием языка или языков, в которых эти обозначения встречаются:

клавиатура (русский)
клавiатура (украинский)
клавiятура (белорусский)
клавиатура (болгарский)
klawiatura (польский)
мастатура (сербский)
мастатура (македонский)
tipkovnica (хорватский).
tipkovnica (словенский)
klavesnice (чешский)
klavesnica (словацкий)

Таким образом, по слову, выбранному для обозначения клавиатуры как устройства набора и ввода информации, славянские языки можно объединить в четыре группы:

1. русский, украинский, белорусский, болгарский, польский
2. сербский, македонский
3. чешский, словацкий
4. хорватский, словенский

Группа *клавиатура* / *клавiатура* / *клавiятура* / *klawiatura*

Эта группа наиболее многочисленна: в ней представлены все восточнославянские языки, а также польский и болгарский.

Как уже указывалось выше, слово *klawiatura* известно в польском с 1643 года, и при появлении пишущей машинки, а потом компьютера, у этого слова появились дополнительные значения, как это произошло в русском и английском языках.

Литературные украинский и белорусский языки формировались в XVIII – XIX веках и наибольшее влияние на них оказали русский и польский. Для обозначения клавиатуры была взята модель, сработавшая и в русском и в польском языке.

В болгарском языке также сработала эта модель, возможно под влиянием русского языка. После освобождения Болгарии от Османского ига была проведена работа по очищению языка от турецких слов, они заменялись славянскими, в первую очередь русскими. Слова для обозначения новых понятий тоже часто заимствовали из русского языка. Таким образом, слово для обозначения клавиатуры пишущей машинки могло быть взято из русского, а после появления компьютеров значение слова было расширено, как это произошло и в других языках.

Группа *тастатура*

В группе «*тастатура*» представлены два языка – сербский и македонский. В сербском языке слово «*тастатура*» было заимствовано из немецкого *die Tastatur*, это связано с тем, что на момент создания и внедрения пишущих машинок значительная часть сербоговорящего пространства – Босния и Герцеговина, Воеводина, а также Военная Краина на территории Хорватии, Славонии и Далмации – входила в Австро-Венгрию, и в саму Сербию пишущие машинки пришли тоже из Австро-Венгрии. Раскладка сербской клавиатуры и сейчас основана на немецкой раскладке. Таким образом, слово было заимствовано вместе с устройством, которым оно обозначается. В македонский язык слово «*тастатура*» пришло из сербского.

Литературный македонский язык сформировался позднее, нежели остальные славянские языки и основным языком-источником заимствований для него стал сербский. Основных причин здесь три: языки близки между собой, как и культуры этих двух народов, народы находились в составе одного федеративного государства, т. е. не было преград для влияния и третье – литературный сербский язык сформировался раньше и у него было больше функций, поэтому именно он влиял на македонский, а не наоборот. При этом, в словарях македонского языка указывается на итальянское происхождение самого слова *тастатура*, о чем уже упоминалось выше в статье. Вот определение из македонского словаря:

тастатура (итал. *tastatura*)

1. сите клавиши на пијано, на машина за пишување итн.
2. комп. најзастапениот влезен уред кај персоналните компјутери служи за внесување на податоци во системот и распоредот на тастерите потсетува на машина за пишување при притискање на еден тастер, тастатурата прака кодиран влезен сигнал до компјутерот што се прикажува на мониторот како визуелизиран симбол [18]

перевод:

тастатура:

1. все клавиши фортепиано, пишущей машинки и т. д.
2. самое распространенное устройство ввода на персональных компьютерах, служат для внесения данных в систему. Расположение

клавиш напоминает пишущие машины. При нажатии клавиши с клавиатуры в компьютер поступает кодированный входящий сигнал, отображающийся на мониторе как видимый знак (*перевод здесь и далее мой – Э.С.*).

Как можно увидеть из приведенного определения, в македонском слово тастатура может использоваться и для обозначения клавиатуры музыкального инструмента. Сходная ситуация наблюдается и в чешском языке (подробнее ниже по тексту).

Группа *klavesnice / klavesnica*

Третья группа представлена близкородственными западно-славянским чешским и словацким языками. Здесь применен следующий способ номинации – взят латинский корень *clavis*, записанный в соответствии с нормами языков как *klaves* и к нему добавлен славянский суффикс *-nice(a)*. Первая цель такого словообразования – смысловоразличительная, чтобы отделить от клавиатуры музыкального инструмента, то есть можно сказать, что словообразование пошло по немецкой модели, в отличие от русской и английской. Но, в тоже время, для чешского и словацкого языка характерен языковой пуризм, в первую очередь направленный на очищение языка от слов немецкого происхождения, т. к. немецкий оказывал наибольшее влияние на чешский, а пуристы с этим влиянием и боролись. Таким образом, взять немецкое слово *die Tastatur* (как это было сделано в сербском) не представлялось возможным. Выход нашли в создании слова *Klavesnice(a)*.

Интересно отметить, что слово *klavesnice* может использоваться и для обозначения клавиатуры музыкального инструмента. Вот такое определение дает толковый словарь чешского языка.

klávesnice, –e ž.

1. *soustava kláves u někt. hudebních nástrojů; klaviatura*: k. klavíru, varhan, harmonia; jezdit prsty po k-ci

2. *soustava kláves u růz. strojů*: k. psacího stroje, telegrafního přístroje

перевод:

klavecnicе, ж.

1. *набор клавиш в некоторых музыкальных инструментах*: клавиатура фортепиано, органа, гармоники.

2. *набор клавиш в аппарате*: клавиатура пишущей машинки, клавиатура телеграфного аппарата (*перевод мой – Э.С.*)

Группа *tipkovnica*

В четвертую группу «*tipkovnica*» входят хорватский и словенский языки. В этих языках отказались от заимствования как всего слова, так и отдельных частей слова. Для хорватского и словенского языков характерен высокий уровень языкового пуризма [19]. У хорватов и словенцев долгое время не было своего государства, они находились в составе империи Габсбургов (если есть хорошие работы) и поэтому

национальной идеей для них стала охрана собственного языка от иностранного влияния. Для хорватского языка дополнительным фактором в приверженности пуризму стало размежевание с сербским, произошедшее после распада Югославии. И в литературном, и в разговорном сербском языке используется много слов иностранного происхождения, в то время как в литературном хорватском целенаправленно ограничивают использование иностранных слов и заменяют их собственными хорватскими. В то же время, в разговорной речи часто используются иностранные слова, интернационализмы и сербизмы. Поэтому в хорватском, кроме литературного слова *tipkovnica* можно встретить и слово *tastatura*. Слово *tipkovnica* образовано от глагола *tipkati* (нажимать) и существительного *tipka* (кнопка, клавиши) с использованием суффиксов *-ov* (суффикс принадлежности) и *-nic* (суффикс, обозначающий хранилище, вместилище чего-либо). То есть семантика слова сохранена и приближена к немецкой *die Taste* (кнопка).

Хорватская энциклопедия дает следующее определение слова *tipka*:

tipka, dio mehanike glazbalâ s tipkama pritiskom kojih se pokreće tvorba tona. Tipka funkcionira na načelu poluge, omogućujući u orguljama dotok zraka u cijevi, a u glasoviru i čembalu udaranje, odn. trzanje žice. Tipke se razlikuju po veličini, boji i materijalu. Dijatonske tipke na glasoviru su veće, bijele i izrađene od mekoga drva, a kromatske manje, crne i izrađene od tvrdoga drva, dok je kod tipki na orguljama i čembalu obično obratno [20].

Перевод: **клавиша**, часть механизма музыкального инструмента, нажатием на которую создается звук. В органе клавиши обеспечивают приток воздуха, а в фортепиано производят удар молоточка о струну. Клавиши различаются по величине, цвету и материалу изготовления. Клавиши первого типа на фортепиано большего размера, белого цвета и сделаны из мягкого дерева, а клавиши второго типа меньшего размера, черного цвета и сделаны из твердого дерева, а в органах и чембало обычно наоборот.

А вот как определяются слова *tipkovnica* и *tastatura* в хорватском словаре.

tipkóvnica *žinfo*. uređaj na kojem se nalaze tipke, i koji služi za unos po dataka i upravljanje računalnim sustavom; tastatura. [21]

Перевод: **tipkovnica** устройство, на котором находятся клавиши для внесения данных и управления системой компьютера; *tastatura*

tastatúra *ž info*.

1. sustav tipaka kojima se aktiviraju neki strojevi (pisaći, računski, slagarski itd.)

2. *tipkovnica*

3. *klavijatura* (na harmonici, klaviru i sl.) [22].

перевод:

тастатура

1. Набор клавиш для работы с пишущей машиной, машиной для типографского набора и т.д.

2. Tipkovnica

3. Клавиатура (гармоники, фортепиано и т.д.)

Словарь словенского литературного языка даёт следующее толкование:

Tastatúra

е ž (û) 1. *tipke pri pisalnem, stavnem stroju; tipkovnica, tipkalnica*: čistiti tasta turo; teleprinterska tastatura; tastatura pisalnega stroja, računalnika; razporedite v tipk na tastaturi 2. knjiž. *bele in črne tipke pri klavirju, orglah, čembalu; klaviatura*: pianistova roka hiti po tastaturi [23].

Перевод: **tastatura** 1. клавиши пишущей машины, типографского аппарата, tipkovnica, tipkalnica. 2. книжн. Белые и черные клавиши фортепиано, органа, клавесина; клавиатура.

После объединения обозначений компьютерной клавиатуры в четыре условные группы, можно заметить, что в одну и ту же группу попали языки народов, находившихся в составе одного государства или государственного объединения. *Tastatura* – сербский и македонский – последовательно в составе королевства Сербии, королевства СХС, королевства Югославии, республики Югославии. *Klavecnice* – чешский и словацкий – последовательно в составе Австрии, Австро-Венгрии, Чехословакии, ЧССР. *Tipkovnica* – хорватский и словенский – последовательно в составе Австрии, Австро-Венгрии, позднее хорваты и словенцы, вместе с сербами и македонцами, вошли в состав королевства СХС и были в составе королевства Югославии и республики Югославии, но ко времени вхождения в состав королевства СХС стандарт литературных хорватского и словенского языков уже был разработан, т. е. важным для их взаимовлияния является совместное пребывание хорватов и словенцев в составе Австрии. Из этого можно сделать вывод о том, что нахождение в рамках одного государства делает межславянские языковые контакты намного интенсивнее.

По материалам, собранным и обработанным в статье, можно сделать следующие выводы. Слово *клавиатура* показательны для иллюстрации межславянских языковых контактов и, шире, языковых контактов вообще. Слово многозначно, каждое новое значение появлялось вместе с изобретением новых устройств, пишущей машинки и компьютера соответственно. Все значения слова связаны между собой, так как и сама пишущая машинка была разработана на основе клавиатуры фортепиано, а клавиатура компьютера – это усовершенствованная клавиатура пишущей машинки. Таким образом, можно сказать, что история реалии отразилась в самой структуре многозначности слова.

Если перейти к способам номинации клавиатуры компьютера, то можно сделать вывод о том, что в этом случае в славянских языках

используются три пути: либо расширение значения уже существующего слова, либо заимствование из другого языка, либо создание нового слова путем калькирования. При этом даже если в языке формально различаются значения: клавиатура музыкального инструмента и клавиатура как устройство ввода информации, то слова-обозначения все равно могут выступать синонимами. Это говорит о том, что во всех славянских языках прослеживается семантическая связь между клавиатурами музыкального инструмента, пишущей машинки и компьютера. На выбор способа номинации оказывают влияние такие факторы, как степень пуризма, языковые традиции, а также интенсивность контактов между теми или иными языками.

Предпринятое исследование может быть полезно для сопоставительного описания лексико-семантических групп, особенно компьютерных терминов, т. к. это новый и сейчас весьма активно формирующийся слой лексики. При этом исследование в целом полезно не только для изучения славянских языков – оно также может быть использовано для описания взаимодействия других близкородственных или неродственных, но контактирующих между собой языков.

Список литературы:

1. Крунтяева Т., Молокова Н. Словарь иностранных музыкальных терминов. – Л., 1988 – 136 с.
2. Susi Jeans. The Pedal Clavichord and Other Practice Instruments of Organists // URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1093/jrma/77.1.1> дата обращения 28.03.2018.
3. Описание музейного экспоната // URL: <http://sammlungonline.mkg-hamburg.de/de/object/Virginal/2000.502/mkg-e00154111?s=%2A&h=0&f%5B%5D=subjectGroup%3ATasteninstrumente>
4. Bernard Brauchli. The clavicord Cambridge university press. – 1998.
5. Stewart Pollens. The Early Pianoforte, Cambridge University Press. – 1995.
6. Knapski Grzegorz. Thesaurus Polonolatinograecus seu Promptuarium linguae Latinae et Graecae in tres tomos divisum. 1643-1644.
7. Виноградов Виктор Владимирович Очерки по истории русского литературного языка XVII– XIX веков. – 1982. – 530 с.
8. Национальный корпус русского языка // URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 15.03.2018).
9. Сенковский О.И. Похождения одной ревижской души // URL:

- http://az.lib.ru/s/senkowskij_o_i/text_1834_pohozhdeniya.shtml (дата обращения: 02.03.2018).
10. Etym Online Цит. по: URL:
https://www.etymonline.com/word/board?ref=etymonline_crossreference
 11. Тучков В. Механика буквосложения // URL:
<http://www.vokrugsveta.ru/telegraph/technics/225/> (дата обращения: 02.04.2018).
 12. Куприянов Алексей. Черный прямоугольник. 200 лет исполнилось копировальной бумаге // URL: <http://polit.ru/article/2006/10/20/copy/> (дата обращения: 10.03.2018).
 13. Oden Charles Vonley. Evolution of the Typewriter. – 1917.
 14. Толковый словарь Ушакова // URL: <http://enc-dic.com/ushakov/Remingtonist-66099.html> (дата обращения: 28.03.2018).
 15. Koichi Yasuoka. The truth of qwerty // URL:
<http://yasuoka.blogspot.com/2006/08/printing-telegraphic-dispatches.html>
 16. Великий тлумачний словник сучасної української мови (з дод. і допов.) / Уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел. – К.; Ірпінь: ВТФ «Перун», 2005. – 1728 с.
 17. Анненков Ю. Повесть о пустяках. Изд. Ивана Лимбаха. – СПб, 2001. – 576 с. // URL: <https://e.rutlib4.com/book/18474/p/31> (дата обращения: 1.02.2018).
 18. Macedonian dictionary // URL:
<http://macedonian.enacademic.com/22511/%D1%82%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0>
 19. Хайнрих Пфандль. Чему нам можно научиться у словенцев и хорватов? // URL:
http://www.gewi.uni-graz.at/gralis-alt/4.Gralisarium/GraLiS%202003/Olomouc_Pfandl.htm (дата обращения: 27.03.2018).
 20. Хорватская энциклопедия // URL:
<http://www.enciklopedija.hr/Natuknica.aspx?ID=61404> (дата обращения: 3.02.2018).
 21. Hrvatski jezični portal. – 2014 // URL:
<http://hjp.znanje.hr/index.php?show=search> (дата обращения: 10.02.2018).
 22. Анич Вл. Большой словарь хорватского языка. Нови Либер. – Загреб. 2006. – 1882 с.
 23. Slovar slovenskega knjižnega jezika Ljubljana 2000 // URL:
<http://bos.zrc-sazu.si/sskj.html> (дата обращения: 5.02.2018).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ДВА ПУТИ «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» В ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ»

А.В. Лебедева

студентка КазНПУ им. Абая

А.А. Джундубаева

доктор PhD, ст.пр. КазНПУ им. Абая

Аннотация. Статья посвящена анализу повести Н.В. Гоголя «Невский проспект». На уровне нарратива рассматриваются сходство и различие судеб главных героев произведения – Пискарева и Пирогова, а также образ самого Невского проспекта.

Ключевые слова: Гоголь, «Невский проспект», «маленький человек», нарратив.

Түйіндеме. Мақала Н.В. Гогольдің "Невский даңғылы" повесінің ерекшеліктерінің талдауына арналған. нарративтің деңгейінде Пискарев және Пирогов бас кейіпкерлерінің тағдырларының ұқсастығы мен айырмашылығы, сонымен қатар жалпы Невский даңғылының сурет қарастырылады.

Түйін сөздер: Гоголь, «Невский даңғылы», «кішкентай адам», нарратив.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the story of N.V.Gogol "Nevsky Prospekt". At the level of the narrative, similarities and differences in the fate of the protagonists of the work - Piskarev and Pirogov, as well as the image of the Nevsky Prospekt – are considered.

Keywords: Gogol, «Nevsky Prospekt», «little man», narrative.

В русской классической литературе есть ряд тем, которые по праву могут считаться актуальными и значимыми во все времена. Одной из них является тема «маленького человека». И это вполне оправданно, ведь, несомненно, данная тема, уходя истоками в литературу XIX века, волнует и современного читателя, в силу остроты социальных и личностных проблем, существующих в любую эпоху.

Как известно, широко и глубоко тема «маленького человека» представлена в творчестве АС. Пушкина, открывшего своим Самсоном Выриным плеяду «маленьких людей» в русской литературе. Его непосредственным преемником стал Н.В. Гоголь, давший свою интерпретацию этой проблемы, усугубив ее не столько социальным,

сколько психологическим контекстом. Образ гоголевского «маленького человека» представлен в его цикле «Петербургские повести» [1]. В рамках нашей работы мы рассмотрим первое произведение цикла – повесть «Невский проспект».

В ее основе – судьбы двух молодых людей, пути которых сначала сходятся, по воле автора, затем расходятся. Они, с одной стороны, равны по социальному положению, с другой, абсолютно противоположны по мировосприятию, что в итоге предопределяет жизненный путь каждого. И огромную роль в этом играет Невский проспект – главный герой повести. Именно он отражает изменения двух приятелей, а, по большому счету, распоряжается жизнью людей, определяет их дальнейшую судьбу и их финал.

Неслучайно повесть открывается описанием Невского проспекта как радушного хозяина города: «Нет ничего лучше Невского проспекта, по крайней мере в Петербурге; для него он составляет все. Чем не блещит эта улица – красавица нашей столицы! <...> Едва только взойдешь на Невский проспект, как уже пахнет одним гуляньем. <...> Невский проспект есть всеобщая коммуникация Петербурга. <...> Всемогущий Невский проспект! Единственное развлечение бедного на гулянье Петербурга!» [1, 330].

В данном фрагменте нарратором восторженно показана не просто значимость Невского проспекта для петербургского ландшафта, его хозяйское радушие, дающее чувство праздника людям, но и заявлена его позиция как Демиурга города. Сочетание «всемогущий Невский проспект» сближает его с образом Бога, всеведущего, вездесущего, вершащего судьбы людей. Иными словами, Невский проспект является не просто улицей, а судьбоносной дорогой петербуржцев.

Нарратор отмечает, как от времени суток меняется Невский проспект и его социальный фон. Например, ранним утром (курсив здесь и дальше наш – А.Л, А.Д): «Невский проспект *пуст: плотные содержатели магазинов* и их коммиссары еще спят <...> или мылят свою благородную щеку и пьют кофий; *нищие* собираются у дверей кондитерских, где сонный ганимед <...> вылезает, с метлой в руке, без галстука, и швыряет им черствые пироги и объедки» [1, 331]. Контраст, очевидный в приведенном фрагменте, отражает пропасть между разными социальными слоями жителей Петербурга.

Эта пропасть почеркнута и в деталях-антитезах: «По улицам *плетется нужный народ*: иногда переходят ее русские мужики, спешащие на работу, в сапогах, *запачканных известью*, которых и Екатерининский канал, *известный своею чистотою*, не в состоянии бы был обмыть». Сочетание «запачканных известью» и «известный чистотою» является своего рода антонимичным палиндромом с единым центральным созвучием «извест». Данная фоническая эквивалентность, по определению

В. Шмида [2, 229], неслучайна. Автор как бы создает центр, по краям которого находятся противоположные друг другу явления, тем самым усиливая их контраст и создавая напряжение внутреннего конфликта между ними. Контраст, по сути, является основным принципом построения повести: ее композиции, судеб героев, развития образа Невского проспекта, наделенного автором антропоморфными чертами.

Перспектив и его настроение меняются в течение дня в зависимости от его посетителей: «до двенадцати часов, Невский проспект не составляет ни для кого цели, он служит только средством: он постепенно наполняется лицами, имеющими свои занятия, свои заботы, свои досады, но вовсе не думающими о нем» [1, 331]. В двенадцать часов из-за обилия гувернеров с детьми он становится «педагогическим Невским проспектом» [1, 331]. В два часа по нему прогуливаются семейные пары, в три часа «На Невском проспекте вдруг настает весна: он покрывается весь чиновниками в зеленых вицмундирах» [1, 333]. А «С четырех часов Невский проспект *пуст*, и вряд ли вы встретите на нем хотя одного чиновника» [1, 333].

И только в сумерки «Невский проспект опять оживает и начинает шевелиться» [1, 334]. Именно в это время суток на нем и появляются два героя повести – Пирогов и Пискарев. Примечательно при этом, что фамилия Пирогова звучит сразу же при первом его упоминании в тексте, тогда как фамилия Пискарева представлена читателю значительно позже его описания и участия в диалоге:

«–Стой! – закричал в это время *поручик Пирогов*, дернув шедшего с ним *молодого человека во фраке и плаще*. – Видел?» [1, 334].

Пять раз Пискарев будет назван «молодым человеком» прежде, чем будет озвучена его фамилия. Номинация является одной из важнейших характеристик героя. И то, как представлены герои в момент их появления в сюжете произведения, становится ключом к пониманию их образов. Для Пирогова определяющей выступает его фамилия, о чем мы поговорим позже. Пискарева же с самого начала характеризует то, что он молодой человек, причем без имени. И в этой «безымянности» видится некая «бестелесность» Пискарева, его нереальность, иллюзорность, которую подмечает и нарратор: «Этот молодой человек принадлежал к тому классу, который составляет у нас довольно странное явление и столько же принадлежит к гражданам Петербурга, сколько *лицо*, являющееся нам *в сновидении*, принадлежит к существенному миру» [1, 334]. Пискарев как бы есть и его как бы нет. В этом и кроется причина трагичности судьбы «молодого человека» – как не раз подчеркнуто нарратором, – у которого, по идее, вся жизнь впереди.

Важными компонентами в номинациях героев становятся также детали. Так, номинация Пирогова дополняется военным званием «поручик», что опять же «приземляет» его образ, делает его вполне реальным, осязаемым, земным. А в неименной номинации Пискарева

«молодой человек» говорящей выступает деталь «во фраке и плаще», многократно упомянутая при его описании. Фрак и плащ – это своего рода защита от внешнего мира и уход в свой собственный, внутренний, что лишает героя возможности воспринимать реальность, как она есть. Профессия художника, указанная вместе с фамилией Пискарева тоже гораздо позже его первого представления, еще больше подчеркивает его «неземную», возвышенную сущность, в отличие от Пирогова.

Сходство и различие героев наблюдается на уровне нарратива повести. Сходство между ними отражено на фонетическом уровне в единоначалии их фамилий: Пирогов – Пискарев. В этом общем «Пи» можно усмотреть следующее: а) примерно одинаковое социальное положение; б) приятельские отношения, связывающие их; в) общее начало их пути на Невском проспекте. И, казалось бы, они и дальше могли идти вместе, но их пути расходятся в силу различия характеров.

Выражением этого расхождения также служат их фамилии: у поручика после «Пи» идет фонетически сильное, уверенное «рогов», имеющее и довольно определенную семантику в характеристике образа Пирогова. У художника «Пи» продолжается сочетанием «скарев», в котором пронзительное «ск» звучит как надлом в центре фамилии. И это весьма символично, по нашему мнению.

Если же в целом смотреть на фамилии героев, то у первого в ее основе выделяется слово «пирог» – абсолютно материальное, бытовое понятие, а у второго – слово «писк» – нематериальное, аморфное, лишь звук, который нельзя взять и потрогать, как пирог. Эти слова и являются центральными в мировосприятии героев и определяют, в итоге, их судьбы. Вследствие разницы жизненных центров героев они и расходятся в разные стороны от начального общего пути. Рассмотрим образ каждого из них в отдельности.

Пискарев – перспективный художник, один из таких, которые «часто питают в себе истинный талант, и если бы только дунул на них свежий воздух Италии, он бы, верно, развился так же вольно, широко и ярко, как растение, которое выносят наконец из комнаты на чистый воздух. Они вообще очень робки: звезда и толстый эполет приводят их в такое замешательство, что они невольно понижают цену своих произведений» [1, 335]. Нарратор сравнивает петербургских художников с итальянскими и отмечает, что у первых «всегда почти на всем серенький мутный колорит – неизгладимая печать севера» [1, 335], в отличие от солнечных работ вторых. И север, в частности, Петербург, безусловно, влияет на внутреннее состояние художника, формирует его мироощущение. Нарратор резюмирует: «К такому роду принадлежал описанный нами молодой человек, художник Пискарев, застенчивый, робкий, но в душе своей носивший искры чувства, готовые при удобном случае превратиться в пламя» [1, 336].

И эта *искра* начинает разгораться в Пискареве именно на Невском проспекте, когда он увидел божественную, на его взгляд, женщину. Здесь мы усматриваем закономерную фоническую эквивалентность в звуковом сочетании «ск», о пронзительности и «надломности» которого мы уже писали выше. Искра, вспыхнувшая у Пискарева на Невском проспекте, ломает его представление о мире, а, в итоге, и его жизнь.

Хрупкость жизни Пискарева подчеркнута словами «робость», «робкий», семь раз упомянутыми в тексте по отношению к герою, и словом «трепет», упомянутым в связи с ним шесть раз: «Молодой человек во фраке и плаще *робким* и *трепетным* шагом пошел в ту сторону, где развешался вдали *пестрый плащ*, то окидывавшийся *ярким блеском* по мере приближения *к свету фонаря*, то мгновенно покрывавшийся *тьмою* по удалении от него» [1, 334-335]. В данном фрагменте уже звучит мотив угрозы для застенчивого Пискарева: «пестрый плащ», «яркий блеск», «тьма» – все это говорит о том, что герой вступает в чуждый ему мир, с неестественным блеском, яркими красками, контрастными его привычному «серенькому колориту», и тьмой, поглотившей его впоследствии.

Символическую роль играет здесь свет фонаря, а сам фонарь становится сквозным образом повести, аллегорией пошлости, искусственности, фальши и обмана: «Он весь задрожал и не верил своим глазам. Нет, это *фонарь обманчивым светом* своим выразил на лице ее подобие улыбки; нет, это собственные мечты смеются над ним» [1, 336]. И неслучайно в заключительной части произведения нарратор снова говорит о фонаре как о главном источнике зла Невского проспекта, в призме которого вся жизнь города оказывается фальшивой: «Далее, ради Бога, далее от фонаря! и скорее, сколько можно скорее, проходите мимо. Это счастье еще, если отделаетесь тем, что он зальет щегольской сюртук ваш вонючим своим маслом. Но и кроме фонаря, все дышит обманом» [1, 355].

Трагичность судьбы художника в том, что в обманчивом свете фонаря он ошибочно выбирает объектом своей страсти не ту женщину: «Постигнутый стыдом и робостью, он остановился, потупив глаза; но как утратить это божество и не узнать даже той святыни, где оно опустилось гостить? Такие мысли пришли в голову *молодому мечтателю*, и он решил преследовать» [1, 336]. Пискарев – мечтатель, оторванный от реальной жизни, и в этом его проблема. Он видит свой идеал в женщине из публичного дома, обожествляет ее, с особым трепетом спешит за ней, боясь спугнуть ее своими дерзкими, по его мнению, действиями.

Однако иллюзия героя быстро исчезает, когда он понимает истинную сущность околдовавшей его красавицы: «Она бы составила божество в многолюдном зале, на светлом паркете, при блеске свечей, при безмолвном благоговении толпы поверженных у ног ее поклонников; но, увы! она была какою-то ужасною волею адского духа, жаждущего

разрушить гармонию жизни, брошена с хохотом в его пучину» [1, 339]. И действительно, жизнь Пискарева отныне разрушена, потому что ее – реальной – у него и не было. Пережитое душевное потрясение лишает его моральных и физических сил: «Повесивши голову и опустивши руки, сидел он в своей комнате, как бедняк, нашедший бесценную жемчужину и тут же выронивший ее в море» [1, 338]. Герой не готов принять открывшуюся ему истину, не готов мириться с такой правдой жизни: «О, как отвратительна действительность!» [1, 342], – восклицает он и полностью уходит в мир грез, в мир сновидений, которые стали единственным способом его существования, «сделались его жизнью» [1, 343].

И в своих снах Пискарев – иной человек. Он чувствует себя другим, позволяет себе то, чего в жизни не осмелился бы сделать: «употребил все усилия, чтобы раздвинуть толпу», «продрался-таки вперед» [1, 340], «грубо оттолкнул его, даже не заметивши, что у него на шее был довольно значительный орден» [1, 342]. Во сне Пискарев проживает другую жизнь. И здесь прослеживается намерение автора позволить «маленькому человеку» прожить жизнь по-другому, ту жизнь, которая отличается от реальной – жестокой, жалкой и не принимаемой героем. И в этом сновидном мире ему дается возможность выйти из оков своего социального положения и, главное, наблюдать свой возлюбленный идеал таким, каким он желает его видеть – чистым и невинным.

Пограничным состоянием между сном и реальностью у Пискарева становится бессонница. И это дается ему как знак, как шанс вернуться к обыденной жизни, выйти из сонного тумана и продолжать жить, не обманывая себя. Это переломный момент в жизни героя. Автор дает ему право сделать выбор: вернуться к реальной жизни или остаться в мире грез. Пискарев выбирает второй путь, решая вернуть сон посредством опиума. И здесь возникает ключевая ситуация, когда он получает опиум у персиянина взамен на его просьбу нарисовать ему красавицу. Персиянин, таким образом, дает последнюю ниточку Пискареву вернуться к жизни, вернувшись к своей профессии, к творчеству, целительному по своей сути. И именно с помощью творчества, а не токсичных галлюцинаций художник мог бы создать образ своей непорочной возлюбленной и избавиться от ее разрушающего воздействия на него.

Парадоксально, что он и сам говорит об этом: «Лучше бы ты вовсе не существовала! не жила в мире, а была бы создание вдохновенного художника! Я бы не отходил от холста, я бы вечно глядел на тебя и целовал бы тебя. Я бы жил и дышал тобою, как прекраснейшей мечтой, и я бы был тогда счастлив. Никаких бы желаний не простираю далее. Я бы призывал тебя, как ангела-хранителя, пред сном и бдением, и тебя бы ждал я, когда бы случилось изобразить божественное и святое» [1, 344]. Вся жизнь Пискарева – условность, о чем свидетельствует частица условного

наклонения «бы», столь частотная в приведенном фрагменте. И ему комфортнее было жить в этом условном мире, поэтому он все глубже уходил в выдуманный мир, «и с нетерпением, со страстию любовника ожидал вечера и желанного видения» [1, 344].

Самым радостным и самым губительным для героя становится видение, где красавица предстает его женой. Готовый после этого сна жениться на ней в реальности, оправдав ее порок в собственном сознании, он получает ее насмешливый отказ и прозревает, наконец. Но именно это прозрение, жестокое и беспринципное в своей обнажившейся правде, приводит Пискарева сначала к обострению прогрессирующего безумия, а затем и к самоубийству, причем к мучительному: «<...> по страшно искаженному виду можно было заключить, что рука его была неверна и что он долго еще мучился, прежде нежели грешная душа его оставила тело [1, 346]. Его рука, привыкшая творить возвышенные полотна, видимо, дрогнула в решающий момент, завершив душевные муки художника еще и телесными.

В заключение трагичной истории художника нарратор констатирует: «Так погиб, жертва безумной страсти, *бедный Пискарев, тихий, робкий, скромный, детски простродушный*, носивший в себе *искру таланта*, быть может со временем бы вспыхнувшего широко и ярко» [1, 346]. Жизнь Пискарева оборвалась, как писк, так и не переросший в крик или в сколь-нибудь твердый звук, как и искра его таланта не выросла в пламя, которое могло бы быть. И, возможно, поэтому, позволим себе предположить, фамилия героя Пискарев, а не Писарев, как можно было бы ожидать, исходя из рода его деятельности. Разница в один лишь звук «к», но он выступает в данном случае как уменьшительный суффикс, умельчая образ героя и как бы не давая ему вырасти из «маленького человека».

Пискарев жил незаметно и умер также, его как бы и не было. Даже приятель Пирогов не заметил смерти молодого художника и не пришел с ним проститься: «Никто не поплакал над ним; никого не видно было возле его *бездушного трупа*, кроме обыкновенной фигуры квартального надзирателя и *равнодушной* мины городского лекаря» [1, 346]. Неслучайно в пределах одного эпизода, и даже одного предложения, нарратор произносит три слова с основой «душа». Главной ценностью героя и была его трепетная душа. А потеряв самое ценное в себе, он стал «бездушным трупом», который, как и сам Пискарев, будучи еще живым, оказался в равнодушном мире реальности, воплощенном здесь в городском лекаре. Романтичному художнику не было места в этом мире. Его оторванность от реальности, жизнь в собственных грезах и погубили его.

По-иному складывается судьба другого героя повести – поручика Пирогова, выступающего, по сути, антиподом Пискарева. Несмотря на то, что Пирогов так же, как и Пискарев, являлся «маленьким человеком», себя таковым он не ощущал, более того, не позволял так думать о нем и

окружающим. Если определяющей чертой художника была робость, то у поручика – самоуверенность. И вся его история в повести представляет собой зеркальное отражение истории Пискарева.

Так, последний бежал за избранницей как за чистейшим божеством, и «мысли его были совершенно чисты, как мысли ребенка» [1, 344]. Пирогов же преследовал свою избранницу из порочных желаний: «Ты, голубушка, моя!» — говорил с самоуверенностью Пирогов, продолжая свое преследование и закутавши лицо свое воротником шинели, чтобы не встретить кого-нибудь из знакомых» [1, 347]. В отличие от художника, прятавшегося за плащ, чтобы оградить свою душу от внешнего мира, поручик прячет свое лицо, чтобы не навредить своей репутации. Первый, преследуя женщину, хочет впоследствии вырвать ее из порочного круга разврата, второй же, напротив, преследуя приличную женщину, тянет ее в этот круг. И в случае с Пироговым слово «преследовал» приобретает семантику преступления, т.к., даже узнав о семейном статусе женщины, он не оставляет попыток ввергнуть ее в порок, тем самым совершая моральное преступление.

Еще одним существенным различием между героями является то, что Пискарев – человек чувства и мысли (слово «мысль» в разных грамматических формах восемнадцать раз употребляется в тексте в связи с ним), а Пирогов – человек действия. Он мало думает, больше делает. И чего только он не предпринимает, чтобы добиться желанной цели, не побоявшись войти в дом женщины и познакомиться с ее мужем: «Незнакомка порхнула далее в боковую дверь. Он было на минуту задумался, но, следуя русскому правилу, *решился* идти вперед» [1, 348]. Решительность коренным образом отличает поручика от художника Пискарева.

Примечательно, что мужа незнакомки зовут Шиллер, а его приятеля Гофман. Нарратор иронично подчеркивает, что они оба совсем не те известные немецкие писатели. Однако читателю в любом случае очевидна интертекстуальная отсылка к знаменитым немецким романтикам. И автор намеренно использует ее, чтобы своим произведением показать кризис романтизма, уводящего людей из реального мира в вымышленный, дающего ложную надежду на счастливую жизнь в некоем другом пространстве. Жертвой этой романтической концепции и стал Пискарев.

Пирогов же становится жертвой побоев Шиллера – мужа преследуемой им женщины. И если у художника от его заблуждений страдает душа – главная часть его сущности, то у поручика заслуженно страдает тело, в плену которого находится все его существо, склонное лишь к разврату и физиологическому удовлетворению. В связи с этим различен и финал героев. Пискарев, не найдя пищи для души, кончает со своим телом, не представляющим для него ценности. А Пирогов, ничуть не заботящийся о душе, находит пищу для тела и этим успокаивает свой

порыв мщения Шиллеру: «Но все это как-то странно кончилось: по дороге он зашел в кондитерскую, съел два слоеных *пирожка*, прочитал кое-что из «Северной пчелы» и вышел уже не в столь гневном положении» [1, 354].

В данном случае автором снова использована фоническая эквивалентность, имеющая вполне определенное значение: *Пирогов* покупает *пирожки*. Этим созвучием объясняется его «съедобная» фамилия, а также актуализируется ценностный ориентир жизни поручика и предел его мечтаний – телесное насыщение. Кроме того, «пирожок» – прозаичная, бытовая деталь, которая была исклочена в мире Пискарева, что свидетельствует о бытовизме, приземленности первого и возвышенности второго.

Таким образом, Пискарев и Пирогов – два варианта судьбы «маленького человека». Жизнь художника заканчивается трагически от крушения его идеалов, от понимания, что он не в силах что-то изменить, ни себя, ни свою случайную возлюбленную, ни мир в целом. Он уходит с Невского проспекта, где все началось, уходит от себя и уходит из жизни. Поручик же, наоборот, принимает и себя, и окружающий мир. Он покупает пирожки и, довольный, идет прогуляться по Невскому проспекту, т.е. в нем не происходит никакого развития за период пережитой истории. И трагизм образа поручика в том, что его развитие уже невозможно в принципе. *Пирогов* покупает *пирожки* и этим замыкает круг своего развития.

Возвращение Пирогова на Невский проспект создает в финале произведения и еще более глобальное кольцо, замыкающее круг жизни уже не отдельного поручика или художника, а всего Петербурга. Именно Невский проспект становится вершителем судеб людей, поработщает их и не позволяет подняться на другой уровень духовного развития. И если в начальной части повести нарратор восторженно описывал эту улицу-праздник, то в заключительной части его тон разочарованно-обвинительный: «О, не верьте этому Невскому проспекту! Я всегда закутываюсь покрепче плащом своим, когда иду по нем, и стараюсь вовсе не глядеть на встречающиеся предметы. Всё обман, всё мечта, всё не то, чем кажется!» [1, 354-355].

Нарратор видит теперь в Невском проспекте не радушного хозяина города, а равнодушного, который коверкает личность людей, губит их, даже не заметив отсутствия своей жертвы, как в случае с Пискаревым, и продолжает жить своей как бы счастливой жизнью. В последних строках повести нарратор произносит приговор Невскому проспекту как демоническому существу, рождающему в людях их самые низменные, фальшивые порывы: «Он лжет во всякое время, этот Невский проспект, но более всего тогда, когда ночь сгущенною массою наляжет на него и отделит белые и палевые стены домов, когда весь город превратится в гром и блеск, мириады карет валятся с мостов, фореиторы кричат и прыгают на лошадях и когда сам *демон* зажигает лампы для того только,

чтобы показать все не в настоящем виде» [1, 356].

Таким образом, завершается тема демонизма Невского проспекта, подспудно начатая в начале произведения и развитая через образы Пискарева и Пирогова, ставших, каждого по-своему, жертвами этой разрушительной демонической силы. Данный мотив будет использован впоследствии ФМ. Достоевским в романе «Преступление и наказание».

Список литературы:

1. Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки: Миргород: Повести: Комедия «Ревизор». – Алма-Ата: Жазушы, 1984. – 480 с.
2. Шмид В. Нарратология. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Языки славянской культуры, 2008. – 304 с.

СВОЕОБРАЗИЕ ПОЭТИКИ СКАЗОК Л.Н. ТОЛСТОГО

А.Ж. Айтмаганбетова

бакалавр КазНПУ имени Абая

А.А. Джундубаева

доктор PhD, ст. пр. КазНПУ им. Абая

Аннотация. В статье рассматриваются сказки Л.Н. Толстого в сопоставительном аспекте с фольклорными сказками. Отмечается сходство и различие литературной и народной сказок, а также фольклорные традиции и самобытность сказок русского писателя.

Ключевые слова: сказка, фольклор, Л.Н. Толстой.

Түйіндемe. Мақалада ертегі Л.Н. Толстой салыстырмалы аспектіде бастап фольклорлық ертегілермен. Байқалады ұқсастығы мен айырмашылығы әдеби және халық ертегілер, сондай-ақ фольклорлық дәстүр және даралық ертегілер орыс жазушысы.

Түйін сөздер: ертегі, фольклор, Л.Н. Толстой.

Abstract. The fairy-tales of L.N. Tolstoy are examined in the article in a comparable aspect with folklore fairy-tales. Likeness and distinction are marked literary and folk fairy-tales, and also folklore traditions and originality of fairy-tales of the Russian writer.

Keywords: fairy-tale, folklore, L.N. Tolstoy.

Общеизвестно, что сказка – один из основных видов устного народного творчества – художественное повествование фантастического,

приключенческого или бытового характера. Веселые и грустные, страшные и смешные, они знакомы нам с детства. С ними связаны наши первые представления о мире, добре и зле, о справедливости. Сказки любят и дети, и взрослые. Они вдохновляют писателей и поэтов, композиторов и художников. По сказкам ставятся спектакли и кинофильмы, создаются оперы и балеты.

Великий знаток народной крестьянской жизни и человеческой души Лев Николаевич Толстой в разные периоды своей долгой жизни обращался к писанию сказок. Сначала он писал их для «Азбуки» и «Русских книг для чтения». Книги предназначались для школ. Лев Николаевич был убежден, что воспитывать следует на примерах справедливости, добра, милосердия, уважения как к старшим, так и к младшим. Такими примерами насыщены его произведения. Позднее Лев Толстой писал сказки и независимо от своих педагогических интересов.

В данной статье мы представим результаты исследования 25-ти сказок Л.Н.Толстого [1]: ««Визирь Абдул», «Котенок», «Лев и собачка», «Два брата», «Белка и волк», «Отец и сыновья», «Лев и мышь», «Мужик и «огурцы», «Большая печка», «Как волки учат своих детей», «Воробей», «Волк и старуха», «Мышь полевая и мышь городская», «Еж и заяц», «Три медведя», «Теленок на льду», «Акула», «Волга и Вазуза», «Воробей и ласточка», «Упрямая лошадь», «Лев, медведь, лисица», «Святогор – богатырь», «Девочка и разбойники», «Липунюшка», «Как мужик гусей делил»», рассмотрим образный ряд в них, виды пространства и времени, виды конфликта в них, а также суть морали авторских сказок писателя.

Но прежде чем приступить к анализу сказок Л.Н. Толстого, выделим сходство и различие между фольклорной и литературной сказками:

Таблица 1 – Сопоставление фольклорной и литературной сказок

Фольклорная сказка	Литературная сказка
<i>Сходство</i>	
Фольклорный источник	
Наличие фантастических элементов	
Деление героев на положительных и отрицательных	
Противостояние добра и зла	
Направленность на общечеловеческие ценности	
Антропоморфность и аллегоричность образов персонажей-животных	

Продолжение таблицы 1.

<i>Различия</i>	
Отсутствие определенного автора – коллективное творчество	Наличие определенного автора – индивидуальное творчество
Распространяется в устном виде (имеет несколько вариантов)	Имеет письменную форму (константность варианта)
Волшебное, ирреальное пространство	Реалистичное пространство
Образы – общие собирательные схемы	Образы – индивидуальные характеры
Повествование о вымышленных событиях	Повествование о правдоподобных событиях
Нет доминирующей воли рассказчика	Подчинение сюжета и композиции авторской воле
Полное отсутствие автобиографических элементов	Возможность включения автобиографических элементов
Нет намеренной направленности на читателя	Направленность на читателя

Обозначенное нами сходство и различие между фольклорной и литературной сказками помогло нам при исследовании сказок Л.Н.Толстого. Мы смогли выявить фольклорную сказочную традицию в его творчестве, а также специфичные черты Толстого-сказочника.

В числе исследованных сказок писателя мы выделили 5 групп. Отообразим их на рисунке.

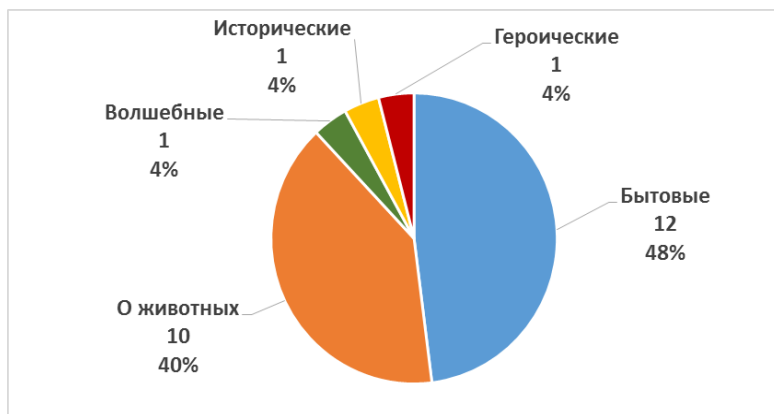

Рисунок 1 – Виды сказок Л.Н. Толстого

Персонажи сказок Л.Н. Толстого делятся на 2 большие группы: персонажи-животные и персонажи-люди. Количество сказок о животных – 52% – преобладает над количеством сказок о людях – 48%.

Остановимся подробнее на сказках Л.Н. Толстого, персонажами которых являются люди. Только 5 персонажей-людей в исследованных сказках Л.Н. Толстого имеют имена. Это 20% от общего количества персонажей. Остальная часть персонажей не имеет именных номинаций, а называется просто: мужик, отец, сын, девочка, старуха и т.д. Это – неименные номинации, которые составляют 80% от общего количества персонажей рассмотренных сказок.

Объясним такое количество неименных номинаций тем, что конфликты, действия, характеры людей и животных, ситуации, в которых они оказываются, являются типическими для общества людей. Даже если указаны имена персонажей, это не значит, что проблематика произведения обращена только к одному человеку. Каждый персонаж сказок Л.Н. Толстого имеет свой облик и характер. Представим их в таблице.

Таблица 2 – Характеры персонажей-людей сказок Л.Н. Толстого

Персонаж	Характер
Сосед	Подлый, грустный
Сын	Наивный, добрый
Мужик	Глупый, необразованный
Мальчик	Умный, смелый
Девочка	Наивная, глупенькая
Царь	Отважный, справедливый, благородный
Визирь	Честный, справедливый
Нагим	Храбрый, отважный
Вася	Заботливый, ответственный
Катя	Милосердная, заботливая
Старший брат	Довольствуется малым, боязливый
Младший брат	Храбрый, смелый, жестокий, настойчивый,
Отец	Разумный, мудрый
Хозяин	Глупый, завистливый, расточительный
Старуха	Добродушная, мудрая
Артиллерист	Отважный, храбрый, заботливый
Разбойники	Безжалостные
Святогор-богатырь	Сильный, храбрый, могучий
Липунюшка	Добрый, умный, заботливый, шустрый
Человек	Умный, смекалистый, остроумный, хитрый

Как видим, Л.Н. Толстой представил разные типы и характеры людей и их положительные и отрицательные качества.

Антропоморфными, наделенными чертами человека, являются и персонажи-животные. Среди них именные номинации мы отметили лишь у трех персонажей (12%), остальные 22 имеют неименные номинации (88%). Именные номинации в сказках го животных имеют персонажи только одной сказки Л.Н.Толстого – «Три медведя». Автор дает медведям исконно русские имена: Михайло Иванович, Настасья Потаповна и Мишутка, что в итоге способствовало восприятию этой сказки как русской народной.

Персонажей-животных в сказках Л.Н. Толстого можно подразделить еще на 2 типовые группы: дикие животные (80%) и домашние (20%). ок 6.

Чаще всего в исследованных сказках встречается волк – 4 раза, затем лев и мышь – по 3 раза. Покажем частотность упоминания животных в сказках Л.Н. Толстого на Рисунке 2.

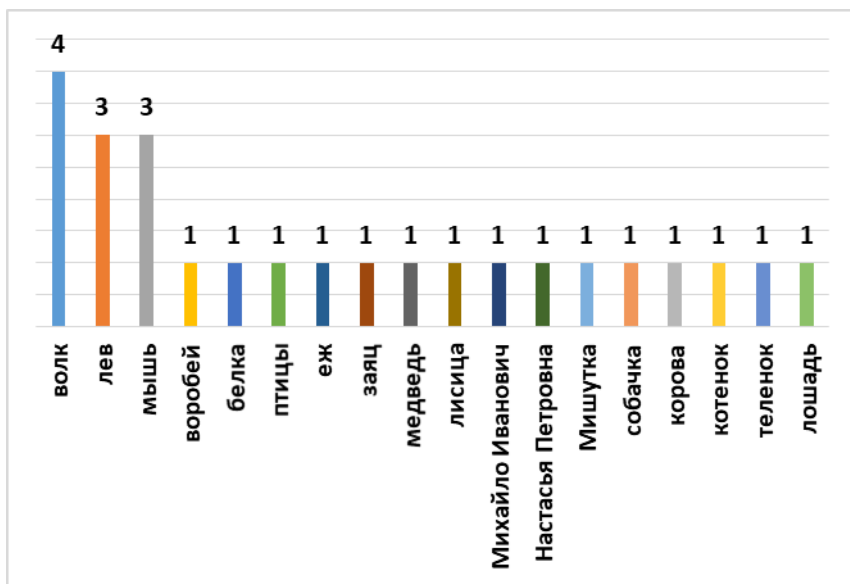

Рисунок 2 – Персонажи-животные сказок Л.Н. Толстого

Итак, персонажи сказок Л.Н. Толстого имеют свои специфические особенности, характеры (со знаком «+» и «-»). Действия и поступки героев в той или иной ситуации определены их личностными качествами. Отрицательные черты героев и их поступки показаны в несколько комичной форме.

Рассмотрим виды времени и пространства, которые использует Л.Н.Толстой в своих сказках.

Мы отметили, что пространство в сказках Л.Н. Толстого делится на два вида: естественное (открытое, широкое) и искусственное (закрытое, узкое). Например: лес – естественное (открытое, широкое) пространство; изба – искусственное (закрытое, узкое) пространство. В процентном соотношении естественное пространство в сказках писателя значительно преобладает над искусственным: 76% к 24%.

Чаше всего в изученных сказках упоминается пространство леса и деревни (по 8 раз). Наглядно частотность упоминаемого в сказках Л.Н.Толстого пространства выглядит так (Рисунок 3):

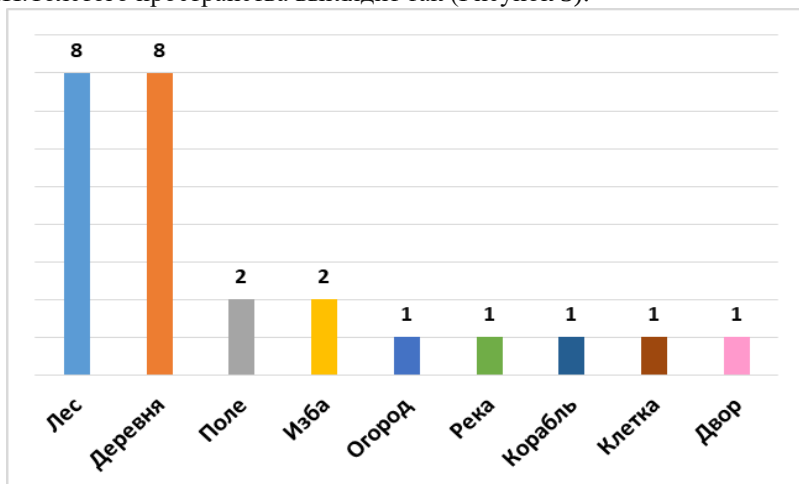

Рисунок 3 – Типы пространства в сказках Л.Н. Толстого

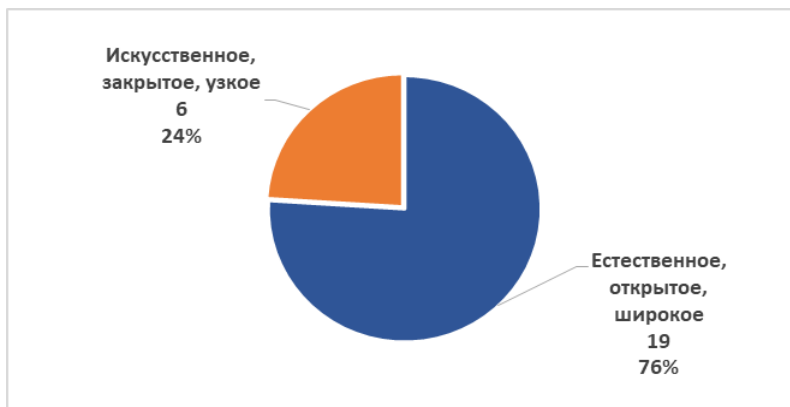

Рисунок 4 – Виды пространства в сказках Л.Н. Толстого

Анализ сказок Л.Н. Толстого с точки зрения времени показал, что по частотности самым упоминаемым является дневное время (80%), вечер и ночь занимают по 8% и 12% соответственно. Думаем, такая тенденция неслучайна, т.к. она демонстрирует преобладание светлого начала в сказках Л.Н. Толстого и отсутствие мистического, таинственного, связанного с волшебными силами и присущего фольклорным сказкам.

Таким образом, время и пространство в сказках Л.Н. Толстого показывают стремление автора к изображению естественности, простоты и широты, которые должны окружать человека, а дневное время суток создает картину реалистичности в толстовских сказках, а также, на наш взгляд, отражает мотив победы светлого над темным, демоническим.

Важным смыслообразующим элементом сказок является конфликт. Кроме того, несмотря на то, что сказки не преследуют цели нравоучительности, сказки Л.Н. Толстого содержат вполне ощутимую мораль. Мы выделили 4 вида конфликтов в сказках Л.Н. Толстого: бытовой (10%), семейно-бытовой (7%), социально-бытовой (66%), и философский (5%). Основным, по нашему мнению, оказался социально-бытовой конфликт, отражающий различные социальные проблемы и коллизии взаимоотношений между людьми или животными, под которыми также понимаются люди. Бытовые конфликты так или иначе представлены в фольклорной сказке. А вот индивидуальной авторской особенностью сказок Л.Н.Толстого является философский конфликт, придающий его сказкам глубокую философичность.

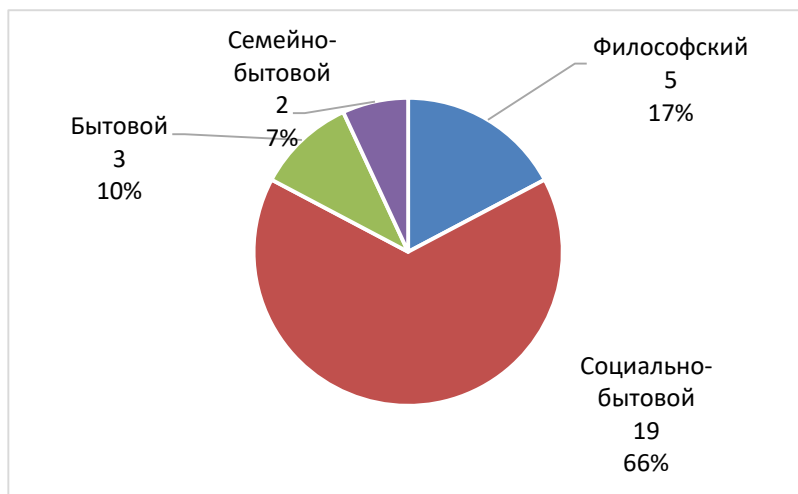

Рисунок 5 – Виды конфликта в сказках Л.Н. Толстого

Итак, проведенный анализ выбранных сказок Л.Н. Толстого позволяет говорить о некоторых особенностях его поэтики в сопоставлении с фольклорной сказкой. Можно выделить как сходство, так и различия между ними. Отообразим это в таблице.

Таблица 3 – Сопоставление сказок Л.Н. Толстого с фольклорными сказками

Фольклорные сказки	Сказки Л.Н. Толстого
<i>Сходство</i>	
Эпический жанр	
Волшебство, ирреальность некоторых ситуаций	
Типология героев	
Мотив торжества добра над злом	
Фольклорные сказки	Сказки Л.Н. Толстого
<i>Различия</i>	
Вымысленность	Реалистичное подобие
Шаблонность (присказка-зачин, обязательная концовка)	Свобода в использовании самых разнообразных художественных средств
Вариативность	Авторская позиция, уникальность
Нет направленности на читателя	Направленность на читателя

Сказки Л.Н. Толстого являются образцом литературной, или авторской, сказки. Писатель сыграл немаловажную роль в развитии литературных сказок.

Анализ толстовских сказок и их сопоставление с фольклорными привели нас к следующим обобщениям:

сходство: эпический жанр, волшебство, ирреальность некоторых ситуаций, типология героев, мотив торжества добра над злом, антропоморфность и аллегоричность образов, отсутствие образа автора и направленности на читателя;

различия:

- в фольклорных сказках – вымысленность, шаблонность (присказка-зачин, обязательная концовка), вариативность;
- в сказках Л.Н. Толстого – реалистичное подобие, свобода в использовании самых разнообразных художественных средств, авторская позиция, уникальность, направленность на читателя.

Кроме того, проведенное исследование позволило сделать нам несколько выводов в целом по сопоставлению литературной и фольклорной сказок.

У литературной и фольклорной сказок общие корни. Фольклорная сказка изначально существовала в пространстве волшебства.

Сюжеты и композиция литературной сказки в значительной степени подчиняются авторской воле и фантазии. Для литературной сказки характерно необычное начало, далекое от фольклорной традиции, более напоминающее по жанру произведение реалистического характера.

Автор сказки наделяет героев индивидуальностью, которую в фольклорной сказке встретить невозможно. Для фольклорной сказки скорее характерны постоянство функций, обобщение и лаконичность характеристики героев.

Литературная сказка создается конкретным автором, в каноничной письменной форме, образ героя индивидуализирован, а сюжет не ограничен какими-либо мотивами. Несмотря на существенные отличия литературной и фольклорной сказок, наблюдается проникновение фольклорного жанра в литературную сказку [2].

Наряду с глубинными, сущностными элементами, отраженными в тексте, в литературной сказке присутствуют и легко узнаваемые элементы фольклорной сказочной поэтики: сюжеты волшебных испытаний, отдельные сюжетные мотивы, система образов, устойчивые функции персонажей, интонационно-речевой строй, либо отдельные тропы, стилистические клише и т. п. С другой стороны, литературная сказка далека от фольклорного первоисточника. Это оригинальное произведение, которое не только в сюжетно-композиционном плане ничем не напоминает волшебную фольклорную сказку, но и черпает образный материал из литературных, а не сказочных фольклорных источников.

Любому произведению этого жанра присуще игровое начало. Игра начинается с того, что автор обращается к столь древней жанровой традиции. Писатель не порывает с фольклорной традицией, а дает ей иную жизнь. Игровая атмосфера создается взаимодействием игровых элементов как в повествовательной структуре, так и в хронотопе, ассоциативном фоне, интонационно-речевой организации литературной сказки. Это умение «заставить работать» традиционные элементы народносказочной структуры в иной для них системе авторского творчества – отличительная жанровая особенность именно литературной сказки.

Автор нередко вовлекает читателя в собственную игру с определенными правилами, что, несомненно, привлекает внимание читателя [2].

Литературная сказка, в отличие от фольклорной, по своей природе является жанром индивидуального, а не коллективного творчества. В основе литературной сказки находится совершенно особое авторское «мирочувствование», умение не только и не столько стилизовать сказочные приемы, а выразить принадлежность к нравственно-философским принципам, которые основаны на гармонии чувственного и эстетического и составляют суть народного творчества в целом.

Нередко в авторских сказках встречаются автобиографические данные об их создателе.

Любая сказка, безусловно, отражает нравственные нормы, социально-политические проблемы и пристрастия того времени, в котором живет автор, а также своеобразие его творческой личности. Фольклорная сказка не знает категории «образа автора» (речь идет о рассказчике, сказочнике). Именно авторская позиция, ярко выраженная в литературной сказке, позволяет идентифицировать заимствования из идейно-эстетической системы фольклорной сказки. При этом учитываются ориентация на определенного слушателя и его восприятие, эффект жанрового ожидания, отношение к чуду и его мотивировкам.

Таким образом, можно сделать вывод, что литературная и фольклорная сказки различаются по следующим параметрам: по генезису – литературная сказка создается одним автором, фольклорная же представляет собой результат коллективного творчества; по форме повествования – литературная сказка существует только в письменной форме, в одном строго зафиксированном варианте, фольклорная сказка изменяется даже тогда, когда она пересказывается одним и тем же рассказчиком; по содержанию – литературная сказка характеризуется большим разнообразием сюжетов, указывающих на её связь с реальной действительностью; по композиции – литературная сказка характеризуется менее строгими правилами построения, чем фольклорная сказка; по объёму – литературная сказка может быть как короткой по объёму, так и довольно длинной, тогда как фольклорная сказка, как правило, всегда короткая; по языку – в литературной сказке редко используются традиционные сказочные формулы, в ней более сложный синтаксис, богаче лексика, встречаются индивидуальные тропы вместо традиционных, характерных для фольклорной сказки [2].

Отсюда, литературную и фольклорную сказку рассматривают, несмотря на их взаимосвязь, как два самостоятельных жанра. В целом представляется возможным выделить следующие жанровые особенности авторской сказки: опора на фольклорные традиции, присутствие игрового начала, наличие «образа автора», сочетание реального и фантастического.

Список литературы:

1. Сказки Толстого Льва Николаевича // <http://hobbitaniya.ru/tolstoyln/tolstoyln.php>
2. Сказка как литературный жанр // <http://www.rusarticles.com/literatura-statya/skazka-kak-literaturnyj-zhanr-1040307.html>
3. Пропп В.Я. Русская сказка: для вузов. – М.: Проспект, 1984. – 435 с.

РАССКАЗ «О ЛЮБВИ» В СТРУКТУРЕ «МАЛЕНЬКОЙ ТРИЛОГИИ» А.П. ЧЕХОВА

Д.Т. Кармишук

студентка КазНПУ им. Абая

А.А. Джундубаева

доктор PhD, ст.пр. КазНПУ им. Абая

Аннотация. В статье представлен структурный анализ поэтики рассказа А.П. Чехова «О любви», исследованы особенности системы образов, номинаций героев, хронотопа и нарратива, выявлены интертекстуальные связи. В результате анализа сделан вывод о роли рассказа «О любви» в «Маленькой трилогии» писателя.

Ключевые слова: Чехов, «О любви», «Маленькая трилогия», поэтика, номинация.

Түйіндеме. А.П. Чеховтің «Махаббат туралы» әңгімесінің поэтикалық құрылымдық талдауы ұсынылды, образдардың жүйелік, кейіпкерлердің номинациялары, хронотоптық және нарративтік ерекшеліктері зерттелген, интертекстуалдық байланыстар анықталды. Талдау нәтижесінде жазушының «Кішкентай трилогиядағы» «Махаббат туралы» әңгімесінің ролі туралы қорытынды жасалды.

Түйін сөздер: Чехов, «Махаббат туралы», «Кішкентай трилогия», поэтика, номинация.

Abstract. The article presents a structural analysis of the poetic manner of A.P. Chekhov's short story "About love", the features of the images system, naming of characters, chronotope and narrative have been studied, intertextual connections have been shown. The analysis concludes on the role of the short story "About love" in the writer's "The Little Trilogy".

Keywords: Chekhov, "About love", "The Little Trilogy", poetic manner, naming.

А.П. Чехов – великий писатель XIX века, классик мировой литературы, драматург, академик. Его рассказы – это как картины Сандро Боттичелли, Микеланджело Буонарроти, Леонардо да Винчи, которые полны загадок, деталей и скрытых смыслов. В произведениях А.П. Чехова, как в зеркале, отражаются человеческие комплексы и проблемы, актуальные и в настоящее время.

Выбранный нами для исследования рассказ «О любви» входит в цикл рассказов А.П. Чехова, в так называемую «Маленькую трилогию» [1] и является завершающим в ней после рассказов «Человек в футляре» и

«Крыжовник». Все три произведения тесно связаны между собой сквозными героями и общей проблематикой – «футлярностью» человеческой жизни. Однако каждое из них представляет ее по-своему, демонстрируя от одного рассказа к другому динамику развития темы «человека в футляре», открытую в русской литературе именно А.П. Чеховым.

Так, в его одноименном рассказе – первом произведении «Маленькой трилогии» – главный герой Беликов является квинтэссенцией «футлярной» жизни в ее буквальном смысле. Его одежда, дом, образ мыслей – все подчинено у него созданию футляра для защиты себя от окружающего мира: «у этого человека наблюдалось постоянное и непреодолимое стремление окружить себя оболочкой, создать себе, так сказать, футляр, который уединил бы его, защитил бы от внешних влияний» [1, 248]. В этом смысле писатель продолжает традицию гоголевского «маленького человека», выражением которого становится образ художника Пискарева из «Невского проспекта», укрывающегося от внешнего мира фраком и плащом. Но Чехов усугубляет ситуацию тем, что, в отличие от Пискарева, открытого душой и пережившего душевный кризис, Беликов умирает, не сумев выйти из своего футляра. Более того, он, по словам рассказчика Буркина, как бы обретает посмертное счастье, оказавшись в гробу – самом идеальном, надежном футляре: «Теперь, когда он лежал в гробу, выражение у него было кроткое, приятное, даже веселое, точно он был рад, что наконец его положили в футляр, из которого он уже никогда не выйдет. Да, он достиг своего идеала!» [1, 256]. Беликов «футлярен» всецело, и изнутри тоже, его душа неспособна к развитию. И в этом – главная трагедия «футлярного человека».

Другим представителем этого человеческого типа, выявленного А.П. Чеховым, является герой второго рассказа цикла – Николай Иванович Чимша-Гималайский. Пределом его мечтаний выступает дом с прудом, садом и крыжовником. На пути к достижению этой цели герой откажется от всех радостей жизни, будет ограничивать себя во всем, жить не настоящим, а туманным будущим, и в уже пожилом возрасте достигнет желаемого. Однако, по мнению его брата Ивана Ивановича – рассказчика этой части трилогии, – реальность окажется гораздо печальнее грез, но сам Николай Иванович будет счастлив тем, чего добился: «Я видел счастливого человека, заветная мечта которого осуществилась так очевидно, который достиг цели в жизни, получил то, что хотел, который был доволен своею судьбой, самим собой» [1, 263]. И главное, что у него был крыжовник: «Николай Иванович засмеялся и минуту глядел на крыжовник, молча, со слезами, – он не мог говорить от волнения, потом положил в рот одну ягоду, поглядел на меня с торжеством ребенка, который наконец получил свою любимую игрушку» [1, 263].

Здесь возникает семантическая амбивалентность: с одной стороны, герой вроде бы счастлив, но вместе с тем сквозь слова нарратора – рассказчика – просвечивает мотив утраченного счастья. Крыжовник заменяет Николаю Ивановичу жену, детей, близких, он становится центром его мира, и неслучайно это слово вынесено в название рассказа как ключевое и единственное. Но автор не принимает такого ограниченного счастья, для него крыжовник Чимши-Гималайского, по сути, тот же футляр Беликова, т.к. и тот, и другой из-за своего пристрастия пропустили всю прелесть жизни.

Мотив утраченного счастья становится основным в заключительном произведении цикла – «О любви». Если в первом рассказе трилогии счастье героя было связано с вещью, во втором рассказе – с растением, ягодой, то в третьем рассказе – с чувством. Налицо онтология темы счастья и как бы самого героя. Но вместе с тем все трое оказываются в плену своих представлений, не позволивших им жить полноценной жизнью.

Рассмотрим подробнее рассказ «О любви».

Главный герой рассказа Павел Константинович Алехин. Мужчина средних лет, помещик, имеет свое имение и ведет хозяйство. Примечательно, что знакомство с ним происходит именно в рассказе «Крыжовник»: «На пороге стоял сам Алехин, мужчина лет сорока, высокий, полный, с длинными волосами, похожий больше на профессора или художника, чем на помещика. На нем была белая, давно не мытая рубаха с веревочным пояском, вместо брюк кальсоны, и на сапогах тоже налипли грязь и солома. Нос и глаза были черны от пыли» [1, 259]. И далее акцентируется: «Он сел на ступеньке и намылил свои длинные волосы и шею, и вода около него стала коричневой.

– Да, признаюсь... – проговорил Иван Иваныч значительно, глядя на его голову.

– Давно я уже не мылся... – повторил Алехин конфузливо и еще раз намылился, и вода около него стала темно-синей, как чернила» [1, 259].

Детали портрета выдают в героя человека очень занятого, не слишком заботящегося о своем внешнем виде, и одинокого. Причина одиночества Алехина раскрывается в третьем произведении цикла, где он выступает уже главным героем основной истории.

Рассказ начинается с упоминания о своеобразной любви горничной Пелагеи и повара Никанора. И суть не столько в перипетиях их взаимоотношений, сколько в самой теме любви, занимающей центральное место в данном произведении, о чем само за себя говорит его название. Именно с истории Пелагеи и Никанора начинаются множественные вопросы «почему?» Алехина (курсив здесь и далее наш – Д.К., А.Д.): «Стали говорить о любви.

«– Как зарождается любовь, – сказал Алехин, – *почему* Пелагея не полюбила кого-нибудь другого, более подходящего к ней по ее душевным и внешним качествам, а полюбила именно Никанора, этого мурло, – тут у нас все зовут его мурлом, – поскольку в любви важны вопросы *личного счастья* – всё это неизвестно и обо всем этом можно трактовать как угодно» [1, 266].

Подобный же вопрос он задаст, уже рассказывая свою историю любви к Анне Алексеевне Луганович: «<...> я старался понять тайну молодой, красивой, умной женщины, которая выходит за неинтересного человека, почти за старика (мужу было больше сорока лет), имеет от него детей, – понять тайну этого неинтересного человека, добряка, простяка, который рассуждает с таким скучным здравомыслием, на балах и вечеринках держится около солидных людей, вялый, ненужный, с покорным, безучастным выражением, точно его привели сюда продавать, который верит, однако, в свое право быть счастливым, иметь от нее детей; и я всё старался понять, почему она встретилась именно ему, а не мне, и для чего это нужно было, чтобы в нашей жизни произошла такая ужасная ошибка» [1, 270].

Ошибкой стала не только несвоевременная встреча Алехина с Анной Алексеевной, но и его бездействие в борьбе за свою любовь и в целом за свою жизнь. И автор намеренно показывает одинокого, грязного Алехина в возрасте сорока лет (примерно в том же, в каком он впервые увидел мужа Анны Алексеевны), чтобы как бы сопоставить итог его жизни и жизни Дмитрия Лугановича. Первый остался к этому моменту тем же, кем и был – одиноким помещиком-землепашцем. Второй – имел семью, молодую жену, двоих детей, положение в обществе. Алехин, как показано, не меняется в течение многих лет. Он интеллигентный и образованный человек, знающий иностранные языки, и мог бы добиться многого. Но он полностью посвящает свою жизнь отцовскому имению, которое не смог продать в память об отце, влезшем в большие долги, чтобы оплатить образование сына. В итоге, забросив свои таланты, герой превратился в обычного крестьянина, который от тяжелой работы не может дойти до кровати. Это движение сверху вниз отражено в изменении его жизненного пространства: «Я поселился тут наверху, в парадных комнатах, и завел так, что после завтрака и обеда мне подавали кофе с ликерами и, ложась спать, я читал на ночь «Вестник Европы». <...> Я мало-помалу перебрался вниз, стал обедать в людской кухне, и из прежней роскоши у меня осталась только вся эта прислуга, которая еще служила моему отцу и которую уволить мне было бы больно» [1, 270].

Алехин был хорошим, порядочным человеком, но, стоит заметить, что его отец желал для своего сына лучшей жизни, поэтому тратил на его образование большие деньги. Сам же Алехин боится перемен, поэтому возвращается после обучения в свою прошлую жизнь и даже не пытается

ее изменить. И в этом смысле он сопоставим с Беликовым и Николай Ивановичем, хоть и, бесспорно, превосходит их по уровню образованности и собственных возможностей. И в отличие от них в его жизни была любовь, которая могла изменить все его существование, но он теряет ее.

Павел Константинович Алехин – Анна Алексеевна – Дмитрий Луганович – таков любовный треугольник, описанный в рассказе «О любви». Данная проблематика естественным образом отсылает к роману Л.В. Толстого «Анна Каренина», вышедшего в свет ровно за двадцать лет до рассказа А.П. Чехова. Наблюдается вполне ощутимая интертекстуальная связь между этими произведениями, о чем свидетельствуют имена главных героев рассказа. Целесообразно будет здесь рассмотреть особенности и функцию их именных номинаций.

Начнем с Анны Алексеевны. Обе части ее имени напрямую указывают на связь с героиней Толстого: имя Анна говорит само за себя, а отчество создает скрепы и с Алексеем Карениным, и с Алексеем Вронским. Героиня Чехова является как бы их детищем, их продолжением, плодом их истории. Эти именные скрепы с героями Толстого создают смысловой фон для развития образа Анны Алексеевны, в свете которого мы рассматриваем ее историю уже не саму по себе, а сквозь призму истории Анны Карениной. Доказательством может служить финальная сцена прощания чеховских героев в купе поезда, что, безусловно, вызывает аллюзию с начальной сценой романа Толстого, благодаря которому мотив поезда стал не только одним из основных в его произведении, но и архетипическим в русской литературе. Однако судьба чеховской Анны не столь трагична, как судьба толстовской Анны. Первая разрывает круг отношений с Алехиным своим отъездом, тогда как вторая разрывает невыносимый круг своей жизни страшной трагической гибелью.

На момент знакомства Анны Алексеевны с Алехиным «она была еще очень молода, не старше двадцати двух лет, и за полгода до того у нее родился первый ребенок» [1, 268]. Постепенно она увлекается молодым и интересным Алехиным и откровенно признается ему в этом:

«– У вас вялый вид. Тогда, весной, когда вы приходили обедать, вы были моложе, бодрее. Вы тогда были воодушевлены и много говорили, были очень интересны, и, признаюсь, я даже увлеклась вами немножко. Почему-то часто в течение лета вы приходили мне на память и сегодня, когда я собиралась в театр, мне казалось, что я вас увижу. И она засмеялась» [1, 269]. Увлечение Анны Алексеевны перерастает в любовь, причем взаимную, и длится много лет, но Алехин, в силу своих страхов, так и не делает решительный шаг для их совместного счастья.

Причина нерешительности героя и неспособности изменить устоявшиеся привычки кроется в его номинации: Павел Константинович Алехин. Имя Павел означает «маленький», Константин – «постоянный»,

что в общей семантике можно трактовать как постоянно маленький, постоянный в своем одном состоянии, не выросший из него, несозревший. И неслучайно в двух рассказах он показан практически одним и тем же, не изменившимся с течением времени.

Что касается фамилии Алехина, то, как и в отчестве Анны Алексеевны, в ней содержится та же интертекстуальная связь с героями Толстого. И если Анна как бы их литературная дочь, то он как бы их сын: фамилия Алехин по форме не что иное, как форма притяжательного прилагательного от имени Алеша. На этом уровне прослеживается и фоническая эквивалентность, по определению В. Шмида [2, 240] номинаций Анны Алексеевны и Алехина. В этом звуковом единообразии проявляется не просто сходство между героями и, посредством звука «л» обозначается любовь между ними, но и определяется их как бы родственная связь, подкрепленная выявленными нами интертекстуальными перекличками с мужскими персонажами Толстого. И действительно, любовь Анны Алексеевны и Алехина остается, скорее, братско-сестринской, так и не переросшей в любовь взрослых людей.

Сходство между этими героями неоднократно подчеркивается схожестью их поведения. Приведем в пример несколько фрагментов:

«Мы беседовали подолгу и подолгу *молчали*, думая каждый о своем, или же она играла мне на рояле» [1, 268],

«Мы подолгу говорили, *молчали*, но мы не признавались друг другу в нашей любви и скрывали ее робко, ревниво. Мы боялись всего, что могло бы открыть нашу тайну нам же самим» [1, 271],

«Я и Анна Алексеевна ходили вместе в театр, всякий раз пешком; мы сидели в креслах рядом, плечи наши касались, я *молча* брал из ее рук бинокль и в это время чувствовал, что она близка мне, что она моя, что нам нельзя друг без друга, но, по какому-то странному недоразумению, выйдя из театра, мы всякий раз прощались и расходились, *как чужие*» [1, 271],

«Мы *молчали* и *всё молчали*, а при посторонних она испытывала какое-то странное раздражение против меня; о чем бы я ни говорил, она не соглашалась со мной, и если я спорил, то она принимала сторону моего противника» [1, 272].

Как видим, ключевым словом взаимоотношений Алехина и Анны Алексеевны является молчание, в итоге и погубившее их любовь. Позволим себе лирическое отступление и скажем, что любовь – это великое чувство на земле, которое приносят людям счастье, стремление к своим целям, дарят крылья, осветляет души, заставляет сердце биться чаще, вызывает «мурашки по коже». Но герои сами лишают себя этого в силу своего бездействия и умалчивания. И если Анну, как замужнюю женщину, понять можно, то рассуждения Алехина выглядят слабостью, ищущей оправдания, в чем он запоздало признается себе: «Я понял, что

когда любишь, то в своих рассуждениях об этой любви нужно исходить от высшего, от более важного, чем счастье или несчастье, грех или добродетель в их ходячем смысле, или не нужно рассуждать вовсе» [1, 272].

Вся жизнь Алехина состояла из одних лишь вопросов, на которые он не находил ответы. Он не хотел делать решительных шагов, потому что не хотел ничего менять в своей жизни. Перемены даются ему очень трудно, поэтому он всегда находит преграды. Пока Алехин тонул в своих вопросах, Анну Алексеевну настигало разочарование от его бездействия, что привело ее к нервному расстройству, требующему лечения, и она все чаще стала уезжать то к матери, то к сестре. И в результате, не дождавшись за много лет от Алехина признания и поступка, Анна Алексеевна остается с мужем и детьми.

Отметим, что именная номинация Дмитрия Лугановича в данном случае тоже весьма символична. Имя Дмитрий означает «земледелец», фамилия Луганович в корне имеет слово «луг», а в совокупности то и другое создают образ сильного, самодостаточного человека, уверенно стоящего на земле. Этому способствует и фонетический ряд в его номинации: твердые согласные (д, м, р, л, г, н), открытые гласные (у, а, о) и заключительное «ч». Тогда как в номинации Алехина преобладают глухие согласные (п, к, т, х) и закрытые гласные (е, и, ё), менее слабые по звучанию. Луганович оказывается к тому же и очень благородным человеком, т.к. радушно пускает Алехина в дом, всячески помогает ему в момент материальных трудностей и ни в чем не подозревает: «Они беспокоились, что я, образованный человек, знающий языки, вместо того, чтобы заниматься наукой или литературным трудом, живу в деревне, верчусь как белка в колесе, много работаю, но всегда без гроша» [1, 270]. Местоимение «они» показывает, что между Дмитрием и Анной царит полная гармония в отношениях. Они уважают друг друга, понимают с полуслова, живут мирно. Это и останавливает Алехина от признания Анне.

И только в самом финале, когда она уезжает в Крым, он решается открыться ей: «Когда тут, в купе, взгляды наши встретились, душевные силы оставили нас обоих, я обнял ее, она прижалась лицом к моей груди, и слезы потекли из глаз; целуя ее лицо, плечи, руки, мокрые от слез, – о, как мы были с ней несчастны! – я признался ей в своей любви, и со жгучей болью в сердце я понял, как *ненужно, мелко* и как *обманчиво* было всё то, что нам *мешало* любить. <...> Я поцеловал в последний раз, пожал руку, и мы расстались – навсегда. Поезд уже шел. Я сел в соседнем *купе*, – оно было *пусто*, – и до первой станции сидел тут и *плакал*. Потом пошел к себе в Софьино пешком... [1, 272]. Купе – закрытое, искусственное пространство, как бы отгороженное от внешнего мира. И неслучайно именно здесь, в защищенном от других, месте, где они остались наедине,

Алехин делает запоздалое признание любимой женщине. К нему приходит осознание того, что все его отговорки и оправдания были обманчивы, и его представления о жизни мешали их любви, потерянной им теперь навсегда. Чувство утраченного счастья создает пустоту в душе героя, переданную через пространство пустого купе, которое становится временным убежищем для него, чтобы пережить разлуку с Анной. Купе – еще и замкнутое пространство, что отражает состояние тупика, в котором оказывается Алехин, не сумев разорвать замкнутый круг привычной жизни. И последние слова его монолога: «Потом пошел к себе в Софьино пешком...» [1, 272], доказывают то, что он снова возвращается на круги своя, в привычный мир, в деревню, где ему комфортнее жить в одиночестве и вертеться «как белка в колесе» [1, 270]. И это тоже в определенном смысле «футлярная жизнь», которая вполне устраивает героя, как и заключенная в крыжовнике жизнь Николая Ивановича.

Символично, что в момент начала рассказа Алехина о своей давно потерянной любви, за окном идет дождь: «Теперь в окна было видно *серое небо* и деревья, *мокрые от дождя*, в такую погоду некуда было деваться и ничего больше не оставалось, как только рассказывать и слушать» [1, 267]. Природа словно вторит настроению героя и отражает его внутреннее состояние.

Однако роль пейзажа в трилогии гораздо шире: дождь является сквозным природным образом, объединяющим все три ее части. Так, в «Человеке в футляре» дождь сопровождает похороны Беликова: «И как бы в честь его во время похорон была *пасмурная, дождливая* погода, и все мы были в калошах и с зонтами» [1, 256]. «Крыжовник» начинается словами: «Еще с раннего утра всё небо обложили *дождевые* тучи» [1, 258]. И далее: «Иван Иванович протяжно вздохнул и закурил трубочку, чтобы начать рассказывать, но *как раз в это время* пошел дождь. И минут через пять лил уже *сильный дождь*, обложной, и трудно было предвидеть, когда он кончится» [1, 258]. Финальные слова рассказа звучат так: «*Дождь* стучал в окна *всю ночь*» [1, 265].

Очевидно, что все три истории происходят во время дождя или рассказаны на фоне дождя, пасмурной погоды. Природа будто оплакивает судьбы трех героев «Маленькой трилогии». Их жизнь противоестественна, трагична в силу искусственных рамок, придуманных ими самими, и пейзаж служит отражением этой авторской мысли. Доказательство находим и в финале рассказа «О любви»: «Пока Алехин рассказывал, *дождь перестал и выглянуло солнце*. Буркин и Иван Иванович *вышли на балкон*; отсюда был *прекрасный вид на сад и на плес*, который теперь на *солнце блестел*, как зеркало» [1, 272]. Как только заканчивается история героя, природа словно расцветает, показывая, что мир вокруг прекрасен. Выход персонажей на балкон – это своего рода выход из замкнутого колеса жизни Алехина в другой, живой мир природы с его яркими красками.

В заключительных словах рассказа звучит итог жизненной позиции главного героя, ненавязчиво представленный автором сквозь точку зрения Буркина и Ивана Ивановича: «Они любовались и в то же время жалели, что этот человек с добрыми, умными глазами, который рассказывал им с таким чистосердечием, в самом деле вертелся здесь, в этом громадном имении, как белка в колесе, а не занимался наукой или чем-нибудь другим, что делало бы его жизнь более приятной» [1, 273]. «Белка в колесе» – образ, шлейфом идущий за Алехиным, становится ключевым определением его жизни, синонимом «футлярной жизни». Если Беликов и Николай Иванович – герои двух предыдущих рассказов трилогии – вредят своими представлениями только себе, по большому счету, то трагизм ситуации Алехина в том, что его позиция делает несчастной еще и Анну, молодую, красивую женщину, как подмечено в самых последних словах рассказа.

Отсюда можно заключить, что, начавшись в рассказе «Человек в футляре» с бытового уровня, тема «футлярного человека» и сопутствующий ей мотив утраченного счастья к концу трилогии в рассказе «О любви» развиваются до философского уровня и обретают звучание философской проблемы смысла жизни. И для героев всего цикла этим смыслом становится, увы, не любовь. В связи с этим последний рассказ трилогии закономерно назван в косвенном падеже, а не в прямом – «Любовь», как, например, рассказ «Крыжовник».

Таким образом, в своей «Маленькой трилогии» А.П. Чехов показал, что синдром «футлярности» искажает представления человека о счастье, о смысле жизни и трансформирует, в итоге, истинные человеческие ценности в надуманные, искусственные, чуждые его гармоничной природе.

Список литературы:

1. Чехов А.П. Избранные сочинения. В 2-х т. Т. 2. – М.: Худож. лит., 1986. – 671 с.
2. Шмид В. Нарратология. 2-ое издание испр. и доп. // Языки славянской культуры, 2008. – 304 с.

НАРРАТИВНАЯ ПРЕЗЕНТАЦИЯ МОТИВА «ДРУГОЙ ЖИЗНИ» В РАССКАЗЕ А.П. ЧЕХОВА «НЕВЕСТА»

С.Т. Суманиева

студентка КазНПУ им. Абая

А.А. Джундубаева

доктор PhD, ст.пр. КазНПУ им. Абая

Аннотация. Статья посвящена осмыслению мотива «другой жизни» в рассказе А.П. Чехова «Невеста» с точки зрения его развития на уровне наррации. В работе анализируются особенности повествования о героях произведения, а также нарративного оформления авторской иронии.

Ключевые слова: Чехов, «Невеста», мотив «другой жизни», нарратив, повествование.

Түйіндеме. Мақалада А.П. Чеховтің «Қалыңдық» әңгімесіндегі «басқа өмір» мотивінің дамуын наррация деңгейінде түсінуге арналған. Жұмыста туынды кейіпкері туралы ерекшеліктер, сонымен қатар авторлық мысқылдың нарративті рәсімделуі талданады.

Түйін сөздер: Чехов, "Қалыңдық", "басқа өмір" мотиві, нарратив, баяндау.

Abstract. The article is dedicated to understanding the motive of “another life” in A.P. Chekhov’s short story “Bride” in terms of its development at the level of narration. The paper analyzes the narration peculiarities about the characters, as well as narrative formulation of the author’s irony.

Keywords: Chekhov, “Bride”, motive of “another life”, narrative, narration.

Мотив «другой жизни» является одним из основных в творчестве А.П. Чехова. Ему посвящены и рассказ «Ионыч», и рассказы «Маленькой трилогии»: «Человек в футляре», «Крыжовник», «О любви», – и пьеса «Три сестры», и многие другие. Под мотивом «другой жизни» мы понимаем мечту или возможность героя жить иной жизнью, не той, которой он живет сейчас. И, как правило, герои Чехова либо не достигают своей мечты, либо не используют предоставленной им возможности, либо заблуждаются в своем выборе. Отсюда, сопутствующими мотиву «другой жизни» становятся мотивы нереализованных желаний, утраченного счастья, ошибочных идеалов.

В рассказе «Невеста» мотив «другой жизни» является доминирующим и проходит рефреном по всему произведению, начиная с первого абзаца. Он связан, в основном, с главной героиней рассказа – Надей: «В доме Шуминых только что кончилась всенощная, <...>, и теперь Наде – она вышла в сад на минутку – видно было, как в зале накрывали на стол для закуски, как в своем пышном шелковом платье сустилась бабушка; отец Андрей, соборный протоиерей, говорил о чем-то с матерью Нади, Ниной Ивановной, и теперь мать при вечернем освещении сквозь окно почему-то казалась очень молодой; возле стоял сын отца Андрея, Андрей Андреич, и внимательно слушал» [1, 359].

В данном эпизоде сочетаются две точки зрения – нарратора и персонажа. Нарратор представляет как бы объективный взгляд на

описываемую ситуацию – нарраториальная точка зрения. А субъективные моменты в его повествовании отражают восприятие ситуации самой Надей – персональная точка зрения, хоть и выраженная в виде не прямой, а несобственно-прямой речи нарратора. Об этом пишет В. Шмид: «Нарратор имеет две возможности передавать происшествия: применяя свою собственную точку зрения – *нарраториальную* – или точку зрения одного или нескольких персонажей – *персональную*» [2, 122].

Границей между этими точками зрения в приведенной цитате являются слова «видно было», после которых возникает оценочный компонент, принадлежащий именно Наде, а не нарратору. Маркерами оценочности служат слова: «суетилась», «казалась очень молодой», «внимательно». А точка зрения нарратора в этом контексте более нейтральна, более объективна. Различна и пространственная позиция нарратора и персонажа: первый находится как бы везде – и внутри комнаты, и в саду вместе с героиней, она же – только в саду, за окном комнаты, и видит лишь то, что доступно ее взгляду. Выход Нади в сад определяет ее отношение к членам семьи и гостям: она словно по другую сторону от них, во внешнем, а не внутреннем пространстве дома, что, таким образом, уже с самого начала актуализирует связанный с ней мотив «другой жизни».

Еще определеннее он звучит в следующем эпизоде: «Чувствовался май, милый май! Дышалось глубоко и хотелось думать, что *не здесь, а где-то* (курсив в тексте произведения здесь и далее наш – С.С. А.Д.) под небом, над деревьями, далеко за городом, в полях и лесах, развернулась теперь своя весенняя жизнь, таинственная, прекрасная, богатая и святая, недоступная пониманию слабого, грешного человека. И хотелось почему-то плакать» [1, 359]. Вполне очевидно, что в как бы стороннем взгляде нарратора представлены чувства и мысли героини. Мотив «другой жизни» в данном случае реализован за счет хронологического противопоставления: «не здесь, а где-то...». Настоящая жизнь, по ощущениям Нади, где-то там, «далеко за городом, в полях и лесах», а не здесь, в ее родном доме. Ее настроение особенно ощутимо в заключительных словах цитаты: «И хотелось почему-то плакать». Говорит нарратор, а точка зрения, опять же, персонажа.

На сочетании нарраториальной и персональной точек зрения построен весь нарратив рассказа «Невеста». Рассмотрим еще один фрагмент из текста: «Ей, Наде, было уже 23 года; с 16 лет она страстно мечтала о замужестве, и теперь наконец она была невестой Андрея Андреича, того самого, который стоял *за окном*; он ей нравился, свадьба была уже назначена на седьмое июля, а между тем радости не было <...> Из подвального этажа, где была кухня <...>; пахло жареной индейкой и маринованными вишнями. И почему-то казалось, что так теперь будет всю жизнь, *без перемены, без конца!*» [1, 359-360].

Дом ассоциируется у героини с местом застоя, с замкнутым пространством, из которого ей хочется выйти, чтобы изменить эту монотонную, скучную жизнь. Симптоматично, что своего жениха Надя видит «за окном», за некой границей, за порогом, от которого они выходят по разные стороны, а не по одну.

Символом перемен, которых она жаждет, и воплощением мотива «другой жизни» является в рассказе друг их семьи Саша: «Вот кто-то вышел из дома и остановился на крыльце: это Александр Тимофеич, или, попросту, Саша, гость, приехавший из Москвы дней десять назад. <...>. Почти каждое лето приезжал он, *обыкновенно очень больной*, к бабушке, чтобы отдохнуть и поправиться» [1, 360]. Саша рано остался без матери, а, судя по тому, как нарратор лишил его отчества, – то и без отца, но получил опеку Надиной бабушки, долго учился на архитектурном отделении, но архитектором так и не стал.

Надломленность, болезненность героя видна во всем его облике и нарочито подчеркнута нарратором: «На нем был теперь застегнутый сюртук и *поношенные* парусиновые брюки, *стоптанные* внизу. И сорочка была *неглаженная*, и весь он имел какой-то *несвежий вид*. *Очень худой*, с большими глазами, с длинными худыми пальцами, бородатый, темный и все-таки красивый. К Шуминым он привык, как к родным, и у них чувствовал себя, *как дома*. И комната, в которой он жил здесь, называлась уже давно *Сашиной комнатой*» [1, 360].

Интересен в данном эпизоде пространственный аспект. Если Надя чувствует себя чужой в родном доме, и хочет выйти из него, то Саша, напротив, каждое лето приезжает в их дом, чувствует себя в нем, «как дома» и имеет в нем собственный уголок – свою комнату. Тем парадоксальнее звучат его слова с критикой в адрес дома, оказывающее ему такое гостеприимство:

«– Мне всё здесь как-то дико с непривычки, – продолжал он. – Чёрт знает, никто ничего не делает. Мамаша целый день только гуляет, как герцогиня какая-нибудь, бабушка тоже ничего не делает, вы – тоже. И жених, Андрей Андреич, тоже ничего не делает.

Надя слышала это и в прошлом году и, кажется, в позапрошлом и знала, что Саша иначе рассуждать не может, и это прежде смешило ее, теперь же почему-то ей стало досадно.

– Всё это старо и давно надоело, – сказала она и встала. – Вы бы придумали что-нибудь поновее.

Он засмеялся и тоже встал, и оба пошли *к дому*. Она, высокая, красивая, стройная, казалась теперь рядом с ним *очень здоровой и нарядной*; она чувствовала это, и *ей было жаль его* и почему-то неловко» [1, 361].

Возникшая в этой цитате антитеза болезненности Саши и здоровья Нади расширяется далее до антитезы: больной Саша – здоровая семья Нади: «Когда вошли в зал, там уже садились ужинать. Бабушка, или, как ее

называли в доме, бабуля, *очень полная*, некрасивая, с густыми бровями и с усиками, говорила громко, и уже по ее голосу и манере говорить было заметно, что она здесь *старшая в доме*. <...>. И ее невестка, мать Нади, Нина Ивановна, белокурая, сильно зятанутая, в *pinс-nez* и с бриллиантами на каждом пальце; и отец Андрей, *старик, художавый, беззубый* и с таким выражением, будто собирался рассказать что-то очень смешное; и его сын Андрей Андреич, жених Нади, *полный* и красивый, с вьющимися волосами, похожий на *артиста* или художника, – все трое говорили о гипнотизме» [1, 361].

На фоне этих физически благополучных людей Саша выглядит чужеродным существом, никак не вписывающимся в пространство дома. Глубокий символический подтекст в связи с его образом имеет следующая цитата, выражающая, на наш взгляд, позицию автора:

«– Ты у меня в неделю поправишься, – сказала бабуля, обращаясь к Саше, – только вот кушай побольше. И на что ты похож! – вздохнула она. – Страшный ты стал! Вот уж подлинно, как есть, *блудный сын*.

– Отческого дара расточив богатство, – проговорил отец Андрей медленно, со смеющимися глазами, – с бессмысленными скоты пасохся окаанный...

– Люблю я своего батьку, – сказал Андрей Андреич и потрогал отца за плечо. – Славный старик. Добрый старик» [1, 361].

Бабушка сравнивает Сашу с блудным сыном, вводя таким образом мотив «блудного сына» в контекст произведения. Отсюда, возникает непосредственная связь между этим мотивом и мотивом «другой жизни». Библийский дискурс, выраженный словами отца Андрея, как бы предвосхищает итог Сашиных, а затем и Надиных, поисков перемен. Однако, если в библийской истории сын возвращается к отцу с раскаянием, то безотцовщина Саши и Нади как бы лишает их этой возможности, делая их путь дорогой в один конец и оттого – более трагичным. В противовес им звучат слова Андрея Андреича про его любовь к отцу.

Именная номинация Надиного жениха с отчеством, повторяющим имя, говорит в данном случае, с одной стороны, о статичности образа персонажа, как это было у героев Грибоедова (Сергей Сергеич Скалозуб, Антон Антонович Загорецкий) и Гоголя (Акакий Акакиевич), т.е. Андрей Андреич словно полное повторение своего отца, его копия, а, с другой стороны, – о продолжении традиций, сохранении семейных ценностей, привязанности к своему роду, к старым устоям. Отчество – это символ опоры, корней, которые держат человека, делают его жизнеспособным и нравственно устойчивым. И в этом смысле вспоминается персонаж Лермонтова Максим Максимыч. Но у чеховского героя не все столь однозначно.

В имени Андрей важное значение играет его семантика: «мужественный, храбрый», и ее сочетание в имени и отчестве персонажа

дает как бы двойной эффект, увеличивающий, казалось бы, мужественность и храбрость ее носителя вдвое. Однако характеристика Андрея Андреевича контрастирует со значением его имени: «Он десять лет назад кончил в университете по филологическому факультету, но нигде не служил, определенного дела не имел и лишь изредка принимал участие в концертах с благотворительною целью; и в городе *называли его артистом*» [1, 362]. Мы приводили выше цитату, в которой Андрей Андреич уже назывался артистом. Нарратор говорит это еще раз, подчеркивая род деятельности, а точнее, ее отсутствие, у героя. И в данном контексте значение его имени, преувеличенное отчеством, приобретает обратный эффект – комичный, театральный. И его нарочитая сыновняя любовь выглядит в этом свете показной, наигранной и даже расчетливой в силу, видимо, его финансовой зависимости от отца. Так, если при первом звучании фраза о любви к отцу выглядит искренней, то ее двукратное повторение обесценивает значение этих слов, и воспринимается уже как позерство сына с целью своей выгоды.

Приведенный фрагмент завершается следующими словами: «Андрей Андреич играл; *все слушали молча*. На столе тихо кипел самовар, и *только один Саша пил чай*. Потом, когда пробило двенадцать, *лопнула вдруг струна на скрипке*; все засмеялись, засуетились и стали прощаться» [1, 362]. Общеизвестно о роли художественной детали в творчестве Чехова. И здесь такой деталью становится лопнувшая струна – символический и многозначный образ, своего рода метафора лопнувшей жизни. И под ней может подразумеваться и сам Андрей Андреич, брошенный Надей накануне свадьбы, и сама Надя, жаждущая перемен, и больной, упомянутый тут Саша, который снова в рамках этой цитаты противопоставлен всему обществу дома (все – один Саша), что снова акцентирует его чужеродность этому пространству.

Надя тоже все больше чувствует себя чужой в своем доме и в связи с предстоящим замужеством испытывает страх, «как будто ожидало ее что-то неопределенное, тяжелое» [1, 362-363]. Слово «Невеста», вынесенное в название рассказа, имеет два толкования: «неведающая, что ее ждет в новом доме» и «неизвестная для тех, в чей дом она приходит». Думаем, что на данном этапе ее жизни основным выступает первое значение – Надя не знает, что ее ждет впереди: «В большое старое окно виден сад, дальние кусты густо цветущей сирени, сонной и вялой от холода; и туман, белый, густой, тихо подплывает к сирени, хочет закрыть ее. На дальних деревьях кричат сонные грачи» [1, 363]. «Туман, закрывающий сирень» – это тоже метафора, метафора той неизвестности, в которой находится Надя. Она пытается поделиться своим состоянием с матерью, но та находится в своих мыслях:

«– Вчера на ночь стала я читать повесть, в которой описывается один старик и его дочь. Старик служит где-то, ну, и в дочь его влюбился начальник. Я не дочитала, но там есть такое одно место, что трудно было

удержаться от слез, – сказала Нина Ивановна и отхлебнула из стакана. – Сегодня утром вспомнила и тоже всплакнула» [1, 363].

Очевидно, что речь идет о «Станционном смотрителе» Пушкина, в котором основным мотивом является мотив «блудного сына», реализованный в образе Дуни, запоздало раскаявшейся перед отцом после его смерти. Вплетая таким образом в нарратив своего рассказа интертекст в виде аллюзии на пушкинский текст, Чехов расширяет проблематику своего рассказа и как бы предвосхищает печальный итог поисков Нади, проводя интертекстуальную параллель с героиней Пушкина.

Еще более эта мысль усугубляется использованием подобной параллели с другой трагической героиней – толстовской Анной Карениной:

«– А мне все эти дни так невесело, – сказала Надя, помолчав. – Отчего я не сплю по ночам?

– Не знаю, милая. А когда я не сплю по ночам, то закрываю глаза крепко-крепко, вот этак, и рисую себе Анну Каренину, как она ходит и как говорит, или рисую что-нибудь историческое, из древнего мира...» [1, 363].

Обе интертекстуальные переклички озвучены Ниной Ивановной. И в этих ее, вроде бы, инфантильных репликах, так раздражающих Надю непониманием, глухотой к ее переживаниям, обозначено материнское предчувствие трагической судьбы дочери, решающую роль в которой сыграл Саша. Приведем цитату:

«Она сидела глубоко в старинном кресле, закрыв глаза, а он тихо ходил по комнате, из угла в угол.

– Если бы вы поехали учиться! – говорил он. – Только просвещенные и святые люди интересны, только они и нужны. Ведь чем больше будет таких людей, тем скорее настанет царствие божие на земле. От вашего города тогда мало-помалу не останется камня на камне – всё полетит вверх дном, всё изменится, точно по волшебству. И будут тогда здесь громадные, великолепнейшие дома, чудесные сады, фонтаны необыкновенные, замечательные люди... <...> Милая, голубушка, поезжайте! Покажите всем, что эта неподвижная, серая, грешная жизнь надоела вам. Покажите это хоть себе самой!» [1, 364]. И далее: «Вышли в сад, прошлись немного.

– И как бы там ни было, милая моя, надо вдуматься, надо понять, как нечиста, как безнравственна эта ваша праздная жизнь, – продолжал Саша. – Поймите же, ведь если, например, вы и ваша мать и ваша бабушка ничего не делаете, то, значит, за вас работает кто-то другой, вы заедаете чью-то чужую жизнь; а разве это чисто, не грязно?» [1, 364].

Основную массу людей Саша называет толпой, из которой прогрессивным людям стоит выйти. Интересно здесь, что Надя сидит «в старинном кресле», символизирующем устойчивость, стабильность, связь с ее родом, с ее корнями, а Саша ходит «из угла в угол», не находит себе места в пространстве, у него нет точки опоры. По сути, он неприкаянный,

без своего места в жизни, несмотря на высокие лозунги. Тем не менее, Сашины речи оказывали на Надю большое влияние, хотя «ей казалось, что это она уже давно слышала, очень давно, или читала где-то... в романе, в старом, оборванном, давно уже заброшенном» [1, 365]. И все же постепенно, под его влиянием Надя стала видеть в своем тихом, благополучном доме массу изъянов, включая всех окружающих: мать ей перестала казаться необыкновенной счастливой женщиной, жених, добрый и умный, по ее же словам, Андрей Андреич начал раздражать каждым своим словом.

Саша, вместе с тем, «стал вдруг скучать и засобирался в Москву.

– Не могу я жить в этом городе, – говорил он мрачно. – Ни водопровода, ни канализации! Я есть за обедом брезгаю: в кухне грязь невозможнейшая...

– Да погоди, блудный сын! – убеждала бабушка почему-то шёпотом, – седьмого числа свадьба!» [1, 365].

В первый раз бабушка лишь сравнивает Сашу с блудным сыном, здесь же эта мифологема уже становится его прямой номинацией, еще более актуализируя мотив «блудного сына» в его связке с мотивом «другой жизни». В унисон Сашиним словам звучат слова Нади:

«– Не могу... – проговорила она. – Как я могла жить здесь раньше, не понимаю, не постигаю! Жениха я презираю, себя презираю, презираю всю эту праздную, бессмысленную жизнь... <...>

– Эта жизнь опостылела мне, – продолжала Надя, – я не вынесу здесь и одного дня. Завтра же я уеду отсюда. Возьмите меня с собой, бога ради!» [1, 369].

Если Андрей Андреич в своих планах на будущее говорит: «купим себе небольшой клочок *земли с садом*, рекой, будем трудиться, *наблюдать жизнь...*» [1, 367], т.е. он предлагает им «осесть» на своем месте и созерцать жизнь, то Саша подбадривает Надю совершенно обратным:

«– Клянусь вам, вы не пожалеете и не раскаетесь, – сказал Саша с увлечением. – Поедете, будете учиться, а там пусть вас *носит судьба*. Когда *перевернете* вашу жизнь, то всё изменится. Главное – *перевернуть жизнь*, а всё остальное не важно» [1, 369].

И Надя выбирает Сашин вариант, и с надеждой на светлое будущее (в подтверждение своего имени) тайно уезжает с ним из дома, ни с кем не попрощавшись, – опять же интертекстуальная связь со «Станционным зрителем» Пушкина. Примечательно, что с момента принятого ею такого решения, еще до отъезда, начинает портиться погода: «Ветер стучал в окна, в крышу; слышался свист, и в печи домовою жалобно и угрюмо напевал свою песенку. <...> Послышался резкий стук, должно быть, сорвалась ставня» [1, 368]. Природа и сам дом словно предчувствуют беду и предвещают ее. Однако, после сложного разговора с матерью, Надя все же уезжает.

Нарратор так описывает этот эпизод: «На дворе шел сильный дождь. <...>

– Ну, погодка! – проговорил Саша.

<...> Дождь стучал в окна вагона, было видно только зеленое поле, мелькали телеграфные столбы да птицы на проволоках, и радость вдруг перехватила её дыхание: она вспомнила, что она едет на волю, едет учиться, а это всё равно, что когда-то очень давно называлось уходить в казачество. Она и смеялась, и плакала, и молилась» [1, 370]. Нарратор снова использует здесь несобственно-прямую речь для передачи чувств и мыслей героини. Надя счастлива ожиданием своего «громдного, широкого будущего» [1, 370].

Не вдаваясь в подробности первых месяцев «другой» жизни героини, нарратор показывает ее, спустя почти год: «В мае после экзаменов она, *здоровая, веселая*, поехала домой и на пути остановилась в Москве, чтобы повидаться с Сашей. *Он был всё такой же, как и прошлым летом*: бородатый, со всклокоченной головой, всё в том же сюртуке и парусиновых брюках, всё с теми же большими, прекрасными глазами; но вид у него был *нездоровый, замученный*, он и *постарел*, и *похудел*, и всё *покашливал*. И почему-то *показался он Наде серым, провинциальным*» [1, 370]. И далее: «Посидели в литографии, где *было накурено* и сильно, до духоты пахло тушью и красками; потом пошли в его комнату, где было *накурено, наплевано*; на столе возле *остывшего* самовара лежала *разбитая* тарелка с темной бумажкой, и на столе и на полу было *множество мертвых мух*» [1, 371].

Во всем Сашиной пространстве прослеживается мотив смерти, мотив разрушенной жизни, вокруг него царит застой и смерть. Не зря нарратор с точки зрения героини отмечает: «Они посидели, поговорили; и теперь, после того как Надя провела зиму в Петербурге, от Саши, от его слов, от улыбки и от всей его фигуры веяло чем-то *отжитым, старомодным, давно спетым* и, быть может, уже *ушедшим в могилу*» [1, 371].

И диссонансом к его процитированным выше словам о грязи в Надином доме выглядит описание его комнаты. Вся жизнь Саши, таким образом, – пустые слова, буффонада, за которой нет правды. И тем смешнее звучат его возвышенные речи: «А со мной едет один приятель с женой. Жена удивительный человек; всё *сбиваю ее*, уговариваю, чтоб она учиться пошла. *Хочу, чтобы жизнь свою перевернула*» [1, 371]. Сбитый сам с жизненного пути, душевно и физически больной, Саша продолжает сбивать с пути других людей, живущих своей жизнью.

Автор возвращает Надю домой, давая ей как бы шанс не повторить Сашину судьбу. Интересно, как героиня видит своих близких после годового отсутствия: «Бабушка, *совсем уже старая, по-прежнему полная и некрасивая*, охватила Надю руками и долго плакала, прижавшись лицом к ее плечу, и не могла оторваться. Нина Ивановна тоже *сильно постарела* и

подурнела, как-то осунулась вся, но всё еще по-прежнему была затянута, и бриллианты блестели у нее на пальцах» [1, 372]. Бабушка, хозяйка дома, осталась прежней, несмотря на свою старость, а без того несчастная мать Нади стала еще несчастнее при ее нестаром возрасте. Дочь была для нее единственным смыслом жизни в доме свекрови, и без нее смысл этот был утерян: «Нина Ивановна рассказывала по вечерам про свою философию; она по-прежнему проживала в доме, как приживалка, и должна была обращаться к бабушке за каждым двугривенным» [1, 373].

В доме все «по-прежнему», но его пространство кажется теперь героине меньше и ниже: «Надя пошла наверх и увидела ту же постель, те же окна с белыми, наивными занавесками, а в окнах тот же сад, залитый солнцем, веселый, шумный. <...>, но чего-то уже не хватало, чувствовалась пустота в комнатах, и *потолки были низки*» [1, 372], «Было много мух в доме, и *потолки* в комнатах, казалось, становились *всё ниже и ниже*» [1, 373]. И не только дом кажется ей низким и старым, но и весь ее родной город: «Надя ходила по саду, по улице, глядела на дома, на серые заборы, и ей казалось, что в городе всё давно уже *состарилось, отжило* и всё только ждет не то конца, не то начала чего-то молодого, свежего. О, если бы поскорее наступила эта новая, ясная жизнь, когда можно будет прямо и смело смотреть в глаза своей судьбе, сознать себя правым, быть веселым, свободным! А такая жизнь рано или поздно настанет! Ведь будет же время, когда от бабушкина дома <...> не останется и следа, и о нем забудут, никто не будет помнить» [1, 373]. В сознании Нади бабушкин дом – символ чего-то старого, не имеющего уже права на жизнь. Заключительная фраза ее размышлений звучит кощунственно. Впитавшая в себя революционно-романтические Сашины взгляды, героиня даже не понимает, что с исчезновением дома исчезнут ее корни, ее основа, и жизнь ее будет сломлена так же, как жизнь ее друга.

И символично, что именно во время пребывания Нади в доме приходит телеграмма о смерти Саши: «Сообщалось, что вчера утром в Саратове от чахотки скончался Александр Тимофеич, или, попросту, Саша» [1, 374]. Нарратор намеренно повторяет уже звучавшую точно так же в начале рассказа конструкцию, выступающую развернутой именной номинацией героя. В ней Саша даже после смерти лишается отчества и остается как бы невыросшим, недоросшим до названия полным именем и отчеством. Иными словами, Саша так и не становится зрелым мужчиной с крепкой жизненной позицией. Более того, отсутствие у него отчества как символа опоры, поддержки семьи, связи со своим родом делает этот процесс взросления принципиально невозможным. По замыслу автора, человек, обрубивший свои корни, нежизнеспособен, обречен на раннюю смерть. И Надя, страстно мечтающая об исчезновении бабушкиного дома, не осознает, что ее может ожидать такая же участь. Любопытен здесь следующий эпизод: мальчишки из соседнего двора дразнят и веселят Надю криками: «Невеста! Невеста!». Получается, что это слово

становится неименной номинацией героини, и ключевым в ней выступает значение «неведающая». Надя не ведает, что ждет ее впереди, а, по большому счету, не ведает, что творит.

Особую роль в нарративе мотива «другой жизни» играет финальная часть рассказа: «Бабушка и Нина Ивановна пошли в церковь заказывать панихиду, а Надя долго еще ходила по комнатам и думала. Она ясно сознавала, что *жизнь ее перевернута, как хотел того Саша*, что *она здесь одинокая, чужая, ненужная* и что *всё ей тут ненужно, всё прежнее оторвано от нее и исчезло, точно сгорело и пепел* разнесся по ветру. Она вошла в Сашину комнату, постояла тут.

«Прощай, милый Саша!» – думала она, и впереди ей рисовалась *жизнь новая, широкая, просторная*, и эта жизнь, еще неясная, полная тайн, увлекала и манила ее.

Она пошла к себе наверх укладываться, а на другой день утром простилась со своими и, *живая, веселая*, покинула город – *как полагала, навсегда*» [1, 373].

Противительный союз «а», стоящий между Надей и ее бабушкой и мамой, свидетельствует о ее отчуждении от них. Но героиня противопоставила себя не только своим близким, но и родному дому, и всему своему прошлому в нем. Образ Саши при этом так и следует рядом с Надей, несмотря на ее мысленное прощание с ним. И заметим, что героиня так и не становится Надеждой, со всей богатой семантикой этого имени, а остается, вопреки возможности такого преображения, в его усеченном варианте – Надей, как и ушедший из жизни Саша не дорастает до победоносного значения имени Александр.

Сможет ли героиня избежать участи своего друга – вопрос открытый. Ее судьба неизвестна, а позитивный итог ожидаемых ею перемен весьма сомнителен. Нарратор неоднократно описывает Надю, приехавшую в дом, живой, здоровой и веселой, что пока контрастирует с обликом Саши: «<...> *живая, веселая*, покинула город – *как полагала, навсегда*». В заключительной реплике нарратора: «как полагала, навсегда» – тонко выражена ирония, свойственная творческой манере А.П. Чехова. Она делает зыбким благополучный в данный момент образ героини и ставит под сомнение все ее надежды на перемены. Автор оставляет финал открытым, чтобы читатель сам домислил судьбу Нади и завершил связанный с ней в произведении мотив «другой жизни».

Список литературы:

3. Чехов А.П. Избранные сочинения. В 2-х т. Т. 2. – М.: Худож. лит., 1986. – 671 с.
4. Шмид В. Нарратология. 2-ое издание испр. и доп. // Языки славянской культуры, 2008. – 304 с.

КОМПОНЕНТЫ ВИЗУАЛЬНОСТИ В ОПИСАНИИ ПРЕДМЕТНОГО МИРА РАССКАЗА Н.С. ЛЕСКОВА «ЖЕМЧУЖНОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ»

Е.О. Жумажанова

магистрант КазНПУ им.Абая

Аннотация. В статье рассмотрены понятия «визуальность» и компоненты визуальности. Анализ произведения выявил основные компоненты визуальности в описании предметного мира в святочном рассказе Н.С. Лескова «Жемчужное ожерелье».

Ключевые слова: визуальность, компоненты визуальности, символика, предметный мир.

Түйіндеме. Мақалада «визуалдылық» және визуалдылықтың компоненттері атты ұғымдар қарастылды. Жұмыстың талдау барысында Н.С. Лесковтың «Жемчужное ожерелье» әңгімесінде заттық дүниенің сипаттамасындағы бейнелеудің негізгі компоненттері анықталды.

Түйін сөздер: визуалдылық, визуалдылықтың компоненттері, символика, заттық дүние.

Abstract. The article deals with the concepts of "visuality" and the components of visuality. The analysis of the work revealed the main components of visuality in the description of the objective world in the holy story of N. S. Leskov's «Жемчужное ожерелье».

Keywords: visuality, visual components, symbolism, objective world.

Термин «визуальность» понимается как культурный феномен, связанный со сферой зрительного восприятия и являющийся предметом рассмотрения в философии, психологии, искусствоведении и культурологии.

Понятия «визуальность», «визуальное», «визуализация» имеют *«междисциплинарный характер и в широком понимании, связанном с преобладанием зрительного типа восприятия, применяются в различных областях гуманитарной науки»* [4].

Особое значение проблематика визуальности приобретает в тех сферах исследования, где предметом исследования является слово. «Визуальное в литературе» объясняется как *«одно из наиболее значимых свойств художественной образности, определяемое авторской установкой как на отдельные зрительные ассоциации читателя, так и на конкретизацию "предметно-видовых" уровней "внутреннего мира" произведения в целом. <...> В этой связи рассматривается "зрительный опыт" автора, героя и читателя, сюжетно запечатленный и*

композиционно выраженный в произведении, а также спонтанные <...> и рефлексивные механизмы восприятия визуального в самых разных его аспектах» [2].

Но сам термин «визуальность» в литературоведении теоретически до конца еще не освоен, так как зримость мира для художественного произведения будет сложным в плане научного описания. По мнению А.А.Арзамасова, *«визуальное» в художественном произведении – это «множество "описательных" элементов текста, за которыми стоит зрительное представление реципиента об архитектонике художественного мира»* [3]. Следовательно, «визуализация» может быть, как и пассивной частью повествовательной структуры текста, так и проекцией ментального видения, преобладающая основа стиля.

Термин «визуальность» не раз становился объектом внимания исследователей литературы. Причиной тому было то, что «визуальная сфера» преимущественно соотносится с поэтикой зримости, темой видящего глаза, проблемой наблюдателя в повествовании, зрительного опыта автора, персонажа и читателя, композиционно отмеченного в произведении.

Рассмотрим визуальность в художественной прозе Н.С. Лескова, а именно визуальность в описании предметного мира в рассказе «Жемчужное ожерелье». Воссоздаваемые писателем картины жизни русского народа нередко носили натуралистический характер, писатель показывал жизнь такой, какая она есть, не приукрашивая ее, и в тоже время, часто передавая весь смысл произведения через предметный мир.

В творчестве Н.С. Лескова «визуальная сфера», бесспорно, является повествовательной доминантой, зрительность, обозримость мира, визионерство – понятия, составляющие основу художественного языка писателя. В этой связи актуально рассмотреть поэтику визуальности вешного мира в рассказе.

Исследователь В.Н. Топоров придает вещи *«невысокий статус»*. По его словам, *«вещь всегда вторична, подсобна, несамодостаточна»* [5]. Она нужна только для использования, для удовлетворения неких потребностей. *««Нужность» вещи – главное в ней, хотя, конечно, эта ее характеристика оказывается внешне-пассивной в силу экзосцентрической ориентации: вещь «нужна» не сама по себе и не самой себе, но человеку, находящемуся, понятно, вне вещи. Она стоит между человеком и результатом, которого он надеется достичь с помощью этой вещи, чтобы удовлетворить свою нужду»* [5].

В своей работе он сопоставляет различную связь вещи с тем, что нас окружает. Сравнивая вещь и мир, он говорит, что *«вещь несет в себе мир, его образ, но и мир несет в себе вещь, всю наличествующую в нем совокупность вещей»* [5]. Далее он противопоставляет вещь природе: *«природа открыта, свободна и ведет к «космическому»; вещь, наоборот,*

замкнута, подчинена и уводит от «космического», она делается путем умерщвления, искажения, разъятия, переделки «природного», и поэтому она не только «неприродна», но «антиприродна» и даже более – она ниже природы» [5]. Природа сама по себе не зависит ни от чего, а вот вещь, наоборот, «живет только в лучах человеческих потребностей» [5].

Часто в литературе встречаются понятия «ожившая вещь или овееществленный («механический») человек», но ответственность в данных случаях всегда несет человек. Таким образом, вещь играет важную роль в жизни человека, свидетельствуя «о человеке в ряде важных аспектов его бытия» [5].

По мнению исследователя А.П. Чудакова, предметный мир в творчестве Лескова «похож не на строго выверенную карту, а карту, выполненную более свободно; в нужных местах масштаб нарушается» [6].

«Жемчужное ожерелье» является святочным рассказом, и, в котором ярко выражен предметный мир. Образ вещи является важной составляющей образной системы в данном рассказе.

Проанализировав данный рассказ, можно составить целый каталог предметного мира.

- 1) Мебель – «диван», «дверь», «окно», «стол», «табуретка».
- 2) Одежда – «платье», «мягкий ватный халат», «пеньюар».
- 3) Посуда – «стакан».
- 4) Питательные напитки – «вода», «чай», «вино», «шампанское».
- 5) Украшение и драгоценные камни – «жемчужное ожерелье», «бирюза», «аметист», «лунный камень».
- 6) Документы – «дело», «письмо».
- 7) Подарки – «корзина с дорогими подарками».
- 8) Измерительные приборы – «увеличительное стекло».
- 9) Деньги – «три банкноты по 50 тысяч рублей».

Следовательно, мы видим, что разные вещи окружает героев. Каждая вещь имеет свою визуализацию, символику и эмоциональную оценку. Например, восприятие брата героя «корзины с дорогими подарками» отрицательное, а у его жены и брата, наоборот, положительное.

Название рассказа уже говорит само за себя: читатель сразу понимает, о какой вещи будет идти речь. Жемчужное ожерелье – вещь непростая, таящая в себе некую загадочность.

Сам автор изначально описывает жемчужное ожерелье, как «престранный и <.>.. совершенно непозволительный и злоеущий подарок» [1, 11], что свидетельствует о его саркастичном отношении к мнению окружающих о подарке.

Что касается внешнего описание украшения, то в рассказе он показан как «жемчуг крупный, окатистый и чрезвычайно живой. Притом

ожерелье сделано в старом вкусе, что называлось рефидью, рясами, – назади начато небольшим, но самым скатным кафимским зерном, а потом все крупней и крупнее бурмицкое, и, наконец, что далее книзу, то пошли как бобы, и в самой середине три черные перла поражающей величины и самого лучшего блеск» [1, 12]. Автор акцентирует внимание именно на размерах жемчуга, который становится все крупнее и крупнее, причем самыми крупными показаны только три черных жемчуга в самой середине ожерелья, цвет и блеск которых тоже не случаен. Подробно описывая жемчуга ожерелья, Лесков употребляет специальную лексику: «рефидью», «рясами», «скатным кафимским зерном», «бурмицкое», «черные перла» – с целью указать на специфику жемчужного ожерелья. С помощью профессионализмов автор как бы придает ожерелью некую возвышенность, аристократичность и дороговизну.

Жемчужное ожерелье является предметом, который буквально переворачивает жизнь главного героя, женившегося на дочери богатого сквалыжника. Оно является подарком, сделанным Николаем Ивановичем дочери на Новый год. Отец сам преподносит его неожиданно и прилюдно. *«Он сам надел на нее при всех за ужином богатое жемчужное ожерелье...»* [1, 12]. Именно этого он и хотел – показать свое богатство перед гостями, тем самым вызвав у кого-то чувство зависти или наоборот – уважение, что с легкостью ему удастся. Каждый из гостей отреагировал по-разному. *«У женищин ведь на все свои точки зрения»* – для них *«жемчуг знаменует и предвещает слезы»* [1, 12]. А мужчины, наоборот, сразу начали оценивать украшение: *«Ого-го, мол, сколько это должно стоить? Вероятно, такая штучка припасена с оных давних, благих дней, когда богатые люди из знати еще в ломбарды вещей не посылали, а при большой нужде в деньгах охотнее вверяли свои ценности тайным ростовщикам вроде Машенькиного отца... <...> мы, грубые мужчины, все находили отцовский подарок Машеньке прекрасным...»* [1, 12]. Но хозяин жемчуга не расстерялся, наоборот, с уверенностью знатока уточняет, что *«подобные поверья относятся большей частью к морскому жемчугу, но могут не распространяться на пресноводный, наоборот, благоприятствующий человеку»* [1, 13]. Он не верит *«пустым предрассудкам»*, касающихся жемчуга, поэтому приводит в пример Марию Стюарт, носившую только пресноводный жемчуг *«из шотландских рек, но он ей не принес счастья»* [1, 13]. Как видно, пример оказался неудачным, что еще раз подтверждает мнение о недобрых свойствах жемчуга. Но мы видим, что отец относится к украшению как бы с трепетом и дает дочери загадочное наставление: *«Вот тебе, доченька, штучка с наговором: ее никогда ни тля не истлит, ни вор не украдет, а если и украдет, то не обрадуется. Это – вечное»* [1, 12].

Рассматривание жемчужного ожерелья с использованием увеличительного стекла также имеет свою символику. Главный герой

воспринимает новость о том, что ожерелье поддельное, спокойно: «*А что же мне делать? Это очень забавно*» [1, 13]. Отец невесты этим очень удивлен и встревожен. Он пытается доказать свой поступок, при этом найти хоть какой-то изъян в своем зяте: «*Нет, ты посмотри. Ты, может быть, думаешь, что я тебя обманул*». «– *Вовсе не думаю*». «– *Нет – смотри, смотри!*» [1, 13]. Дальше происходит глубокая детализация вещи, ожерелья: «*Я взял стекло и вижу – на замке, на самом скрытном месте микроскопическая надпись французскими буквами: "Бургильон"*. Но и это очередное испытание выдерживает герой, доказывая, что может считаться добродетельным человеком.

С самого начала произведения образ «жемчужного ожерелья» обогащается разными смыслами. Во-первых, определение «богатое», указывающее на большую материальную ценность украшения и его великолепие. Во-вторых, характеристика ее как «штучки с наговором», показывающее мотивы тайны, заговора и мистики. Обогащая образ жемчужного ожерелья разными смыслами, автор хочет создать некий образ вещи как образ-символ. Образ вещи-жемчуга символизирует испытание, выбор, преодоление соблазна, и, наконец, торжество истинного чувства и добродетели.

Также жемчужное ожерелье можно назвать символом чуда, преображения. Через жемчужное ожерелье происходит спасение души «старого сквальжника», самосуд над самими собой и анализ своих глубинных грехов.

По словам исследователя И.К. Ключи, «*образ жемчужного ожерелья приобретает значение семиотического знака, «не имеющего означаемого объекта в реальности», т.е. своего рода симулякра. Подарок (ожерелье) – вещь-фальшивка, «симуляция реальности». Кроме того, это вещь-«провокация», намеренно используемая героем рассказа в ситуации испытания*» [5, 67].

Таким образом, название рассказа «Жемчужное ожерелье» и визуализация его предметного мира дает читателю ориентир, что нужно обратить внимание на конкретную вещь, которая становится символом и служит выявлению определенных мотивов, а также раскрывает авторский замысел.

Изучение поэтики визуальности в рассказе позволяет выделить несколько компонентов визуализации вещи: 1) приближение к вещи; 2) детализация; 3) передача впечатления от вещи, символизация, которая приглашает выразительность, но усиливает эффект внутреннего зрения; 4) обесценивание вещи, когда после объявления ожерелья фальшивым, вещь как бы теряет свою визуальную привлекательность и тревожную символику; 5) обесценивание одной вещи заменяется визуальным выдвиганием другой вещи – трех банкнот по 50 тысяч рублей.

Список литературы:

1. Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 12 т. / Н. С. Лесков. – М.: Правда, 1989. – Т. 7. – 463 с. – (Библиотека «Огонек»).
2. Лавлинский С. П., Гурович Н.М. Визуальное в литературе // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тamarченко. – М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. – С.37.
3. Арзамазов А. А. Феномен визуального в современной удмуртской поэзии. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, Издательство «Удмуртский университет», 2010. – 232 с.
4. Визуальный образ (междисциплинарные исследования) / РАН, Институт философии; отв. ред. И. А. Герасимова. – М.: ИФРАН, 2008. – 247 с.
5. Топоров В.Н. Вещь в антропоцентрической перспективе //Aequinox. М.: Издательство «Индрик», 1993. – с. 70-94.
6. Чудаков А.П. «Слово – вещь – мир. От Пушкина до Толстого». – М.: Современный писатель, 1992. – 320 с.
7. Клюха И.К. Образ-символ вещи в святочных рассказах Н.С.Лескова «жемчужное ожерелье» и «неразменный рубль» // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – № 2 (34). – С. 63-69.

НЕИМЕННЫЕ НОМИНАЦИИ ПЕРСОНАЖЕЙ СВИТЫ ВОЛАНДА В РОМАНЕ «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Н.М. Минамутдинова

магистрант КазНПУ им.Абая

Аннотация. В статье рассмотрены неименные номинации персонажей свиты Воланда в романе «Мастер и Маргарита»: социальные номинации, номинации-обращения, соединение социальной и именной номинации, мифонимы, гендерные, субъективно-оценочные и номинации-определения, парные номинации, зоонимы, номинации по внешности.

Ключевые слова: персонаж, роман, номинация, социальная номинация, мифоним, стиль.

Түйіндеме. Бұл мақала Булгаковтың «Мастер и Маргарита» атты романына арналады: кейіпкерлердің номинациясы және түрлері сипатталады. Оның ішінде әлеуметтік номинациясы, айналым номинациясы, әлеуметтік және атаулы номинациясы, мифоним, гендерлік, субъективті-бағалау және номинацияларын анықтау, жұптасқан

номинацилар, зооним, сыртқы келбеті бойынша номинациялар қарастырылады.

Түйін сөздер: кейіпкер, роман, номинация, әлеуметтік номинация, мифоним, стиль.

Abstract. The article is devoted to the examination of the names of the characters of the Woland suite in the novel "The Master and Margarita". Social nominations, nominations-appeals, a combination of social and nominal nominations, myths, gender, subjective-appraisal and nomination-definitions, pair nominations, zoonyms, nominations by appearance are singled out.

Keywords: character, novel, nomination, social nomination, mythonym, style.

Понятие номинация широко используется в лингвистике (работы Н.Д. Арутюновой, Ю.Д. Апресяна, Б.Рассела, Ю.С. Степанова, Б.А.Серебренникова, Г.В. Колшанского и др.) как родовое по отношению к любым обозначениям предметов, процессов, понятий.

В некоторых лингвопоэтических и литературоведческих работах (М.И. Гореликовой, В.В. Савельевой [1], И.Н. Исаковой [2] и др.) используется понятие номинация персонажа в широком значении. В работе В.В. Савельевой разграничены номинации именные (собственные имена) и вторичные (нарицательные существительные, местоимения, словосочетания, перифразы, тропы) и прослеживается их соотношение, вводится понятие доминирующей номинации. Исследовательница подчеркивает роль номинаций в осмыслении образа персонажа.

Номинации персонажей участвуют в раскрытии главных тем романа, выступают в качестве ключевых слов в сложной композиции текста. В этой связи актуальна постановка вопроса о художественном стиле автора и своеобразии его антропонимической системы.

Именные номинации хорошо исследованы и отражены Булгаковский энциклопедии и комментариях [3]. Цель статьи – исследовать неименные номинации персонажей свиты Воланда.

Воланд – один из главных персонаж романа «Мастер и Маргарита», возглавляющий мир потусторонних сил. Однословные и двусловные номинации Воланда в романе являются наиболее частотными – *месье Воланд*, *мосье Воланд*, *маэстро Воланд*, *господин Воланд*, *сударь*, *артист*, *профессор*, *иностранец*, *немец*. Приведем примеры словосочетаний в тексте романа: «иностранец покосился на них»; «Немец», – подумал Берлиоз»; «караулить сумасшедшего немца»; «иностранец совал их редактору»; «поэт успел разглядеть на карточке напечатанное иностранными буквами слово «профессор»; «Я – историк, – подтвердил ученый»; «будьте добры передать месье Воланду».

Наиболее распространенным именованием Воланда является обращение *мессир* – итальянское почтительное обращение к феодалу (употребляется в романе более 20 раз). Среди номинаций Воланда используются прилагательные «*всемогущий*», «*всесильный*», «*великий*»: «всесильный Воланд был действительно всесилен».

«**Профессор**» **черной магии** Воланд – повелитель злых сил. В романе "Мастер и Маргарита" темные силы предстают в человеческом облике – в образе Воланда, мужчины средних лет. Воланд – это дьявол, воплощение нечистой силы. В романе Воланда также называют *духом зла*, *князем тьмы*: «вчера на Патриарших прудах вы встретились с сатаной»; «У нас в доме нечистая сила!»; «Я к тебе, дух зла и повелитель теней».

Среди номинации Воланда есть номинации: «*неизвестный*», *один*, «*таинственный консультант*», *полиглот*.

Неименные номинации Воланда

Номинации	Источник	Вид номинации
Профессор, иностранец, немец, профессор черной магии, артист, полиглот, консультант	Автор-повествователь Берлиоз, Воланд, Коровьев	Социальные номинации (рода занятия, профессия), этноним
Мессир, сударь, господин Воланд, месье Воланд, мосье Воланд	Коровьев, Маргарита, Берлиоз, Варенуха, Фагот	Номинации-обращения, соединение социальной и именной номинации
Маг, дух зла, князь тьмы, дьявол	Автор-повествователь, Левий Матвей	Мифонимы
Неизвестный, таинственный консультант, всемогущий, всесильный, великий	Бенгальский, Иван Николаевич	Субъективно-оценочные и номинации-определения

Свита Воланда состоит из следующих персонажей: *Коровьев*, *кот Бегемот*, *Азazelло* и *Гелла*.

Коровьев – старший из подчиненных Воланду демонов, черт и рыцарь, представляющийся москвичам переводчиком при профессоре-иностранце и бывшим регентом церковного хора.

Номинации Коровьева многочисленны – *маг*, *регент*, *чародей*, *переводчик*, *клетчатый*: «Маг, регент, чародей, переводчик или черт его знает кто на самом деле – словом, Коровьев – раскланялся и, широко

проведа лампадой по воздуху, пригласил Маргариту следовать за ним» [4, 480].

Примечательно, что из всего окружения Воланда, Коровьев прямо обозначается в романе Булгакова как **черт**: «На просьбу не валять дурака, а рассказывать, как попали доллары в вентиляцию, Никанор Иванович стал на колени и качнулся, раскрывая рот, как бы желая проглотить паркетную шашку.

– Желаете, – промычал он, – землю буду есть, что не брал? А Коровьев – он черт» [4, 520].

Среди номинаций Коровьева преобладают негативные – *подлец, поганец, проклятый*. «Все это только снилось Никанору Ивановичу под влиянием поганца Коровьева» [4, 580]. «Подлый же Фагот, и он же Коровьев, прокричал» [4, 585]. «Но вытекавшая публика преграждала ей путь, и бедная жертва своего легкомыслия и страсти к нарядам, обманутая фирмой проклятого Фагота, мечтала только об одном – провалиться сквозь землю» [4, 590].

Только в устах Воланда встречается положительное отношение к данному персонажу и появляются *номинации-обращения* – *любезный, дорогой*: «Скажи мне, любезный Фагот, – осведомился Воланд у клетчатого гаера, носившего, по-видимому, и другое наименование, кроме "Коровьев"» [4, 552].

Коровьев почти всегда и везде ходит вместе с котом Бегемотом, и они получают парную, объединяющую номинацию «*неразлучная парочка*»: «эта неразлучная парочка, Коровьев и Бегемот»; «прокричала неугомонная парочка».

Коровьев называет себя *бывшим регентом* (регент – это руководитель церковного хора): «бывшему регенту!»; «отставной втируша-регент сидел на том самом месте»; «просил уважить старого регента-певуна»; «даю слово чести бывшего регента и запевалы».

На самом деле первичная номинация Коровьева – это *рыцарь-демон*. Но об этом знают только члены свиты Воланда. Воланд наказал рыцаря за неудачную шутку и заставил играть роль шута: «Рыцарь этот когда-то неудачно пошутил <...> его каламбур, который он сочинил, разговаривая о свете и тьме, был не совсем хорош. И рыцарю пришлось после этого прошутить немного больше и дольше, нежели он предполагал. Но сегодня такая ночь, когда сводятся счета. Рыцарь свой счет оплатил и закрыл!...» [4, 487]. В конце романа читателю представлена настоящая внешность этого рыцаря, который летит непосредственно рядом с Воландом «по правую руку подруги мастера»: «Теперь скакал, тихо звеня золотую цепью поводка, темно-фиолетовый рыцарь с мрачнейшим и никогда не улыбающимся лицом. Он уперся подбородком в грудь, он не глядел на луну, он не интересовался землею под собою, он думал о чем-то своем, летя рядом с Воландом» [4, 776].

Неименные номинации Коровьева

Номинации	Источник	Вид номинации
Переводчик, регент, шут, гаер	Автор-повествователь, Воланд, Иван Николаевич	Социальные номинации
Любезный, дорогой	Воланд	Номинации-обращения
Маг, чародей, рыцарь-демон, черт	Автор, Никанор Иванович,	Мифонимы
Неразлучная парочка, неугомонная парочка	Автор-повествователь, Воланд	Парные номинации
Подлец, поганец, проклятый, клетчатый	Автор повествователь	Негативные, субъективно-оценочные и номинации-определения

Кот Бегемот – кот-оборотень и любимый шут Воланда. В поэтике описаний внешности кота Бегемота повторяются некоторые детали: его усы, чернота и огромные размеры, большие лапы и уши. «Кот, громадный, как боров, черный, как сажка или грач, и с отчаянными кавалерийскими усами»; «и кот черный, жирный»; «жутких размеров черный кот»; «слышались мягкие прыжки тяжелого кота»; «протянул пухлую лапу»; «свои острые уши»; «громаднейшего черного кота, сидящего на стуле»; «невероятных размеров кот»; «кот, громадный, как боров»; «черный котище»; «в зеркале прошел здоровеннейший черный кот»; «входит кот. Черный, здоровый, как бегемот».

Кот Бегемот ходит на задних лапах, как человек, и разговаривает: «котом, вступившим на сцену на задних лапах»; «стоящий на задних лапах»; «он на задних лапах подошел к подзеркальному столику, передней лапой вытащил пробку из графина, налил воды в стакан».

Часто кот превращается в человека с кошачьей мордой и тогда получает *номинации толстяк, котообразный толстяк*: «увидел за собою какого-то небольшого толстяка, как показалось, с кошачьей физиономией»; «отозвался котообразный толстяк»; «входит толстяк, тоже с какой-то кошачьей мордой, и говорит»; «толстяк в рваной кепке, действительно, немного смахивающий рожей на кота».

Среди номинаций Бегемота оказываются и такие: *шут гороховый, неугомонный Бегемот*, субъективно-оценочная номинация «*обаятельный*»

(«пусть бы ездил Бегемот, он обаятельный»); «словоохотливый кот», «наглый котяра Бегемот», нахал, хвастун, мошенник. «Ах, мошенник, мошенник, – качая головой, говорил Воланд, – каждый раз, как партия его в безнадежном положении, он начинает заговаривать зубы, подобно самому последнему шарлатану на мосту» [4, 628].

Во время последнего полета Бегемот превращается в худенького юношу-пажа. «Ночь оторвала и пушистый хвост у Бегемота, содрала с него шерсть и расшвыряла ее клочья по болотам. Тот, кто был котом, потешавшим князя тьмы, теперь оказался худеньким юношей, демоном-пажом, лучшим шутком, какой существовал когда-либо в мире. Теперь притих и он и летел беззвучно, подставив свое молодое лицо под свет, льющийся от луны» [4, 787].

Неименные номинации Кота Бегемота

Номинации	Источник	Вид номинации
Кот, шут гороховый, толстяк, неугомонный Бегемот, котообразный толстяк	Коровьев, Анна Ричардовна	Зооним, номинации-обращения, номинации по внешности
Кот-оборотень	Автор повествователь	Мифонимы
Обаятельный, словоохотливый кот, наглый котяра Бегемот, нахал, хвастун, мошенник	Воланд, автор повествователь, Азazelло Павел Иосифович,	Субъективно-оценочные и номинации-определения

Внешность **Азazelло** имеет свои отличительные черты: маленький рост, атлетические плечи, рыжие волосы, шляпа-котелок на голове, бельмо на левом глазу, кривой глаз, клык во рту, хромота.

В свите Воланда Азazelло выполняет «грязную работу». Ему чаще всего поручается кого-то побить, убить: "Надавать администратору по морде, или выставить дядю из дому, или подстрелить кого-нибудь, или какой-нибудь еще пустяк в этом роде, это моя прямая специальность" [4, 592].

В финале романа его внешность преображается "Сбоку всех летел, блистая сталью доспехов, Азazelло. Луна изменила и его лицо. Исчез бесследно нелепый безобразный клык, и кривоглазие оказалось фальшивым. Оба глаза Азazelло были одинаковые, пустые и черные, а лицо белое и холодное. Теперь Азazelло летел в своем настоящем виде, как демон безводной пустыни, *демон-убийца*" [4, 788].

Неименные номинации Азazelло

Номинации	Источник	Вид номинации
Этот маленький с бельмом, широкоплечий, огненно-рыжий, пламенно-рыжий	Автор-повествователь	номинации по внешности, субъективно-оценочные
Помощник, Демон-убийца, демон безводной пустыни	Воланд, автор-повествователь	Социальные номинации

Гелла в романе "Мастер и Маргарита" является одной из ярких второстепенных героинь. Гелла – это служанка-ведьма из свиты Воланда. Она помощница Воланда и единственная женщина в его свите: «Рекомендую вам, донна, мою свиту... служанку мою Геллу рекомендую».

Особым телесным знаком Гелля является «красный шрам на шее», указывающий на насильственную смерть: «*девица с изуродованной шеей* то появлялась, то исчезала»; «багровый шрам на шее». «Сложением девица отличалась безукоризненным, и единственным дефектом ее внешности можно было считать багровый шрам на шее»; «рыжая девица в вечернем черном туалете, всем *хорошая девица*, кабы не портил ее причудливый шрам на шее».

Гелла все время ходит нагая, без одежды, и это определение входит в ее номинации: "*нагая ведьма*, та самая Гелла"; «открыла дверь *девица*, на которой ничего не было, кроме кокетливого кружевного фартучка и белой наколки на голове. На ногах, впрочем, были золотые туфельки»; «эта *рыжая нагая* в передней!...»; «совершенно *голая дамочка* с чемоданчиком в руке»; «совершенно *нагая девица* – рыжая, с горящими фосфорическими глазами».

По контексту романа ясно, что Гелла вампир. Гелла ведет себя как бесстыжая и распутная девица: «*бесстыжая горничная*, поставив одну ногу на стул, сняла трубку с рычажка и сказала в нее». Гелла – хорошая служанка. Когда свита Воланда в конце романа покидает Москву, то о судьбе Геллы в конце романа ничего не сообщается.

Неименные номинации Геллы

Номинации	Источник	Вид номинации
Горничная, служанка	Воланд	Социальные номинации
Ведьма, нагая ведьма	Автор-повествователь	Мифонимы
Девушка с изуродованной шеей, бесстыжая горничная, девушка, голая дамочка, нагая девушка, рыжая девушка, рыжая нагая	Автор-повествователь, Варенуха	Гендерные, субъективно-оценочные номинации

Таким образом, персонажи из свиты Воланда – это фантастические персонажи, и автор вводит их в мир Москвы 30-х годов с помощью социальных номинаций. Группа социальных номинаций есть у каждого персонажа. Важную роль играют номинации-обращения и субъективно-оценочные номинации. Мифологический статус персонажи сохраняют с помощью номинаций-мифонимов. Роман М. Булгакова сатирический, и этому способствует субъективно-оценочные номинации, их особенно ярко выражена в обобщающих номинациях Бегемота и Коровьева. Анализ номинации позволяет понять особенности стиля романа.

Список литературы:

1. Савельева В.В. Художественная антропология и литературное творчество // Художественная антропология и творчество писателя. – Усть-Каменогорск – Алматы, 2007. – 410 с.
2. Исакова И.Н. Литературный персонаж как система номинаций. // Монография. – М., 2011. – 520 с.
3. Белобровцева И.З., Кульюс С.К. Путеводитель по роману М.А.Булгакова «Мастер и Маргарита». – М., 2012. – 328 с.
4. Булгаков М.А. Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита. – М., 1975. – 816 с.

ОБРАЗНАЯ СИСТЕМА ПОВЕСТИ А. И Б. СТРУГАЦКИХ «УЛИТКА НА СКЛОНЕ»

Б.Н. Кикенова

магистр ЕНУ им. Л.Н.Гумилева

Аннотация. Данная статья посвящена изучению образной системы повести Аркадия и Бориса Стругацких «Улитка на склоне». Актуальность

исследования обусловлена необходимостью всестороннего анализа образов как важного компонента художественного мира писателей. Задача исследования состоит в исследовании образного строя повести как основного средства выражения авторских идей и идеалов

Ключевые слова: образная система, образ, пространственный образ, гротеск, художественный мир.

Түйіндеме. Мақала Аркадий және Борис Стругацкилердің «Улитка на склоне» повестінің образдық жүйесін зерттеуге арналған. Зерттеу өзектілігі образдарға жазушылар көркем шығармашылығының маңызды компоненті ретінде жан-жақты анализ жасалумен анықталады. Автордың идеясы мен идеалдарының көрініс құралы – образдық жүйе зерттеу міндеті болып табылады.

Түйін сөздер: образдық жүйе, образ, кеңістіктік образ, гротеск, көркем шығармашылық.

Abstract. The article is devoted to the study of figurative system of the novel by Arkady and Boris Strugatsky «The snail on a slope». The urgency of the research is due to the need for a comprehensive analysis of images as an important component of the artistic world of writers. The aim of the research consist in studying the figurative structure of the novel as the main means of expressing author's ideas and ideals.

Keywords: figurative system, image, spatial pattern, grotesque, the art world.

Изначально две части повести А. и Б. Стругацких «Улитка на склоне» – «Лес» и «Управление» – были изданы отдельно как два самостоятельных произведения. Лишь в 1988 году произведение было опубликовано в том виде, в каком его задумывали авторы. Место действия в первой, третьей, пятой-шестой, девятой-десятой главах разворачивается в Управлении по делам Леса, а во второй, четвертой, седьмой-восьмой и одиннадцатой – в Лесу. Авторы так и обозначают место действия: «Глава «вид сверху, с Горы», «Глава «вид изнутри, из Леса» [1, 612].

В главах, посвященных Лесу, фигурируют несколько групп персонажей. Первая – крестьяне, отсталые люди, которые озабочены исключительно насущными интересами: поесть и выжить. Это вымирающее прошлое, «*камешек в жерновах прогресса*» [1, 238]. Их существование определяется метафорой – они ведут «*растительный образ жизни*» [1, 83]. Метафора овеществлена в повести – за ночь дома и деревня, в которой живет Кандид, зарастают травой. Сами люди едят закваску из зелени, одеваются в одежду, выращенную из семян. Речь деревенских жителей «медлительна, вязка и многословна». Они, как отмечал Б.Н. Стругацкий, говорят «длинно», часто повторяют одни и те же фразы, и беспрестанно врут. Так устроен их мир: никто толком ничего не

знает, все только передают слухи [1, 612]. Это и рассказывающий небылицы Слухач, бездомный Старец, все забывающие Колченог и Кулак, Нава, жена Кандида. Таким образом, особенность этой части повести заключается в том, что внутренние черты, темперамент, характер, менталитет персонажей овеществляются, выражаются через внешние образы. Причем, сами писатели указывали, что под жителями деревень подразумевались обычные крестьяне, оторванные от реальной жизни, о которых «за бранными своими делами все попросту забыли» [1, 612]. Эти медлительные, всеми заброшенные существа, никому не нужные, становятся в повести символом всего человечества, маленьких людей, оказавшихся жертвами равнодушного прогресса.

Другую ветвь разумных обитателей леса представляют Славные Подруги, новая *«прогрессирующая цивилизация <...> биологическая цивилизация женщин»* [1, 613]. Женщины, овладевшие сложнейшими биотехнологиями, научились жить на суше и в воде и сумели подчинить своей воле таинственные природные явления планеты, став хозяевами этого мира. Мужчины им не нужны, так как женщины размножаются *«партеногенетически»*.

Созданные в повести образы Славных Подруг близки фольклорным, сказочным. В жители деревни называют их «утопленницами», русалками. «Они были плотные, здоровые, непривычно чистые, словно вымытые. Они и были вымытые – их короткие волосы были мокры, и желтая мешковатая одежда липла к мокрому телу» [1, 431]. Примечательно, что у многих народов предпочтение желтой одежде отдавали именно женщины, представительницы высших сословий. В повести желтый цвет одежды лишний раз подчеркивает особый привилегированный статус Славных Подруг.

В повести ярко проявляется таинственная, почти мистическая сущность этих существ: «В тумане кто-то был. Люди. Много людей. Все они были голые и совершенно неподвижно лежали на воде. Туман ритмично поднимался и опускался, то открывая, то снова застилая изжелта-белые тела, запрокинутые лица» [1, 425]. Имя спутницы Кандида, дочери одной из Славных Подруг, – Нава – древнеславянское название русалки. К финалу повести девушка присоединяется к женщинам, оставляя Кандида.

Однополая цивилизация ведет себя агрессивно по отношению к людям, живущим традиционным укладом. Так в повести «Улитка на склоне» на одном горизонтальном пространстве сталкиваются прошлое и будущее, остатки человеческой цивилизации, в некоторых чертах напoминающей земную цивилизацию конца XX.

Женщины здесь – символ неумолимого прогресса, будущего, безжалостно уничтожающего прошлое. В произведении этот процесс называется «Одержанием», пережитками которого оказываются люди –

простые крестьяне – жертвы чудовищного эксперимента, который проводится по воле представительниц «прогрессирующей» цивилизации. В результате «Одержания» должны исчезнуть все нерационально устроенные люди. Законы исторического прогресса объективны, бесчеловечны и безжалостны. События, происходящие в Лесу, окутаны тайной, смысл которой до конца не понятен ни герою, ни читателю.

Второй полноценный пространственный образ – Управление по делам Леса – создавался писателями как символическое дополнение к сюжетной линии Кандида. Согласно авторскому замыслу, Лес и Управление являются символами Будущего и Настоящего. Причем, необходимо отметить, Стругацкие в своем произведении создали совершенно новую модель Будущего, представляющую собой «не просто гипотетическую структуру, не застывший мертвенно-стабильный мир в манере Олдоса Хаксли или, скажем, Оруэлла, а мир в движении, мир, который еще не закончил сооружать себя, мир, который все еще строится» [1, 616]. И в этом мире вымирующие крестьяне представляют из себя сохранившиеся остатки прошлого, живущие своей жизнью, психологически близкие нам и задающие, в каком-то смысле, систему нравственных координат. Будущее в этом мире находится вне морали, чуждое и ни с чем несопоставимое.

В этом аспекте совершенно гротескно выглядит Управление, «со всем его хаосом, со всей его безмозглостью, удивительным образом сочетающейся с много умудренностью» [1, 616]. Управление – это, по мысли авторов, Настоящее, исполненное человеческих ошибок и заблуждений пополам с застывшей системой бюрократии и крючкотворства. «Это то самое Настоящее, в котором люди все время думают о Будущем, живут ради Будущего, провозглашают лозунги во имя Будущего и в то же время – гадают на это Будущее, искореняют это Будущее, всячески изничтожают ростки его» [1, 616].

Социум Управления, показанный писателями, – это конгломерат людей, занятых бессмысленной во всех отношениях работой, живущих в хаосе, беспорядке, выпускающих бесполезные директивы и постановления. В этом обществе господствуют страх, подхалимство, бюрократизм. Персонажи, выведенные в главах Управления, – галерея сатирических образов: доносчик и лгун Доморошинер, пошляк и прелюбодей Тузик, лицемер и пустослов Проконсул и т.д. И где-то в отдалении присутствует полумифическая, полulegenдарная фигура Директора Управления, которого никто из работников ни разу в жизни не видел.

Основной прием, который писатели используют в этой части повести, – гротеск, изменение реальных пропорций мира. Особенность гротеска заключается в том, что привычное, обыденное становится фантастическим, невероятным, создавая полноценный образ абсурдной и

бессмысленной картины мира, населенной условными персонажами, образы которых близки к карикатурным.

Центральное место в системе образов «Улитки на склоне» занимают два персонажа – Перец и Кандид. Лингвист Перец, прибывший на Белые Скалы с Материка, всеми силами мечтает попасть в лес: «Вот я очень давно думал о лесе, спорил о лесе, видел его в моих снах, но я даже не подозревал, что он существует в действительности» [1, 302].

В посвященной Управлению части повести, отчетливо чувствуется параллель с романом Франца Кафки «Замок». Некоторые сюжетные моменты напрямую совпадают с событиями из жизни главного героя Кафки, землемера К. В первой главе «Замка» К. пытаются выгнать с постоянного двора, уверяя, что он не имеет права ночевать здесь без разрешения. В третьей главе «Улитки на склоне» внештатного сотрудника Переца выселяют посреди ночи из гостиницы из-за просроченной визы. Вначале К., затем Перец, выслушивают маловразумительные распоряжения по телефону, а затем не менее невразумительные объяснения – как эти сообщения следовало воспринимать; оба героя вынуждены заполнить анкеты с совершенно бессмысленными вопросами. Непосредственного начальника К. Кламма, равно как и директора Управления, никто никогда не видел кроме любовниц. Любовница Кламма Фрида становится женой К., Перец сближается с сожительницей директора Алевтиной. А на следующий день узнает, что все работники Управления считают Директором его, Переца. Таким образом, Перцу не удается выбраться из Управления. Как и герою Ф. Кафки, ему не достичь своей цели, каких бы усилий он не прилагал.

«Улитка на склоне» наполнена духом кафкианского безумия, абсурдизма, мотивами экзистенциализма. Герои повести убеждаются в иррациональности и бессмысленности существования, бесплодности своих попыток как-то повлиять на будущее. Даже творения человеческого интеллекта, разумные машины, разговор которых случайно подслушал Перец, не в силах обнаружить никакого смысла в собственном существовании. Сбежавшая от людей машина жалуется: «...да не могу я работать. Мне всё надоело. Всегда одно и то же: железо, пластмасса, бетон, люди. Я сыта этим по горло» [1, 457]. Жалобы машин довершают картину бесперспективности и ненужности существования мира.

Кандид – персонаж, вокруг которого концентрируется действие в Лесу. Интересно, что первоначально второго героя писателя окрестили Зыковым. И лишь позднее герой получил свое имя. Из воспоминаний Аркадия Натановича Стругацкого мы узнаем, что «Кандид – естественно, не случайное имя. Кандид, конечно, связан с Вольтеровским Кандидом» [2, 59].

«Кандид, или Оптимизм» – философская повесть Вольтера, с героем которой идейно перекликается персонаж Стругацких. Кандид

Вольтера мучительно пытается обрести смысл своего существования, всюду наталкивается на глупости, нелепости и несообразности и, в конце концов, приходит к выводу, что смысл существования заключается в том, чтобы «возделывать свой сад», то есть единственно осмысленным и созидательным является труд на земле. Некое подобие выхода находит и Кандид Стругацких в последней главе произведения. Он решает для себя, на чьей же стороне правда, насколько справедливо подобное положение вещей. Герой понимает, что будущее за Славными подругами. Они и есть Прогресс. Но что если такой Прогресс и такое будущее ему противны? Будущее, о котором ничего неизвестно, которое не совпадает с человеческими ожиданиями. Оно вне морали, вне совести. *«Мы не знаем даже, будет ли мир Будущего хорош или плох – мы в принципе не способны ответить на этот вопрос, потому что, скорее всего, он будет нам безмерно чужд, он будет до такой степени не совпадать с любыми нашими о нем представлениями, что к нему нельзя будет применять понятия «хороший», «плохой», «неважнецкий», «ничего себе»* [1, 615]. И Кандид понимает, что останется на стороне угнетенных, пусть даже им суждено терпеть поражения снова и снова. Лесные люди нелепы, беспомощны, невежественны и глупы, но симпатии Кандида целиком на их стороне, в первую очередь, потому, что они отнеслись к нему по-человечески, выходили его, дали ему дом. Оттого он и решается на, возможно, бесполезную борьбу с Прогрессом на стороне этих людей. «Прогресс может оказаться совершенно безразличен к понятиям доброты и честности, как он был безразличен к этим понятиям до сих пор» [1, 334].

Художественный мир в целом и образы, в частности фантастические или реалистические, создаются авторами по одним и тем же законам; реалистический текст, так же как и фантастический, обладает способностью порождать альтернативную, параллельную реальность, возможный мир. Более того, для создания иллюзии второй реальности фантастике приходится заимствовать реалистический инструментарий. Таким образом, и фантастическая, и реалистическая литература имеют в своей основе мощное психологическое основание – способность воображения создавать образы, объединяющиеся в системы и составляющие «новый дивный мир».

Образы-персонажи художественного мира повести братьев Стругацких являются основным средством выражения авторского мировоззрения.

Список литературы:

1. Стругацкие А. и Б. Собрание сочинений в 11 томах. – М.: Сталкер, 2003. – 288 с
2. Стругацкие. О себе, литературе и мире (1982-1984). – Омск, 1994. – 165 с.

ГЕНЕЗИС ТРАВМЫ РОЖДЕНИЯ В ПОВЕСТИ ВЛАДИМИРА МАКАНИНА «ЛАЗ»

О.А. Арукенова

магистрант КазНПУ им. Абая

Аннотация: Повесть Владимира Маканина «Лаз» была отрефлексирована критиками и литературоведами (И. Роднянская, Л. Анненский, О. Иванова, А. Агеев и др.) как одно из произведений постмодернизма. В данной статье повесть рассматривается в аспекте литературоведческого психоанализа как производная от травмы рождения: изучается ее генезис и интерпретация в переходное время. Цель исследования – обозначить семантику травмы рождения и функции элементов поэтики, реализующие ее в повести.

Ключевые слова: Травма рождения, инициация, Суперэго, агорафобия, постмодернизм.

Түйіндеме: Владимир Маканиннің «Тар жол» повесті әдебиет сыншылар және әдебиеттанушылар тарапынан, постмодерн туынды ретінде зерттелінген (И. Роднянская, Л. Анненский, О. Иванова, А. Агеев т.б.). Бұл мақалада повесть психоанализ әдебиеттану жағынан, туу зақымының туындысы ретінде талданады: оның өтпелі кезеңдегі генезисі және түсіндіруі. Қойылған мақсат: туу зақамы мәселесің жүзеге асыратын повестегі семантика және поэтиканы белгілеу.

Түйін сөздер: Туу зақымы, бастамалау, Суперэго, агорафобия, постмодернизм.

Abstract: the novel of Vladimir Makanin “Manhole” was researched by critics and theorists of literature (I. Rodnyanskaya, L. Annensky, O. Ivanova, A. Ageev etc.) as one of the postmodern works. In the present article, the novel reviewed as a derivative of a birth trauma, from the literary psychoanalytical point of view: its genesis and interpretation in the transition period. Purpose of the article is to specify how the birth trauma is realized in the semantic and poetic functions of the novel.

Keywords: Birth trauma, initiation, superego, agoraphobia, postmodernism.

Отто Ранк в своей работе «Травма рождения и ее значение для психоанализа» пишет, что в ряде успешно доведенных до конца случаев психоанализа, в конечной его фазе, процесс излечения бессознательного совершенно закономерно воплощается в типичной символике рождения. Он также отмечает, что речь идет об известной фантазии повторного рождения, в которой воля пациента к выздоровлению облакает его

излечение [1, 3]. Главный герой Владимира Маканина Ключарев в повести «Лаз» производит множество актов повторного рождения, выражающихся в проникновении в различные входы-отверстия, а затем высвобождении из них, самым желанным из которых является подземный лаз: воплощение лоно матери-земли. Как пишет Отто Ранк, возвращаясь в фантазиях в лоно матери, «человек пребывает в расслабленном положении в полутемном помещении, в полузабытьи, в почти свободном от требований реальности состоянии фантазирования (галлюционирования)» [1, 3].

Название повести является ключом к психологической проблеме, которую решает автор. Через лаз главный герой попадает в подвал, где безопасно, тепло, светло, есть друзья, все привычно и доступно, но подсознательно, все его усилия направлены на процесс повторного рождения, болезненного вылезания, которое подарит ему инициацию. Но из-за частых повторений и постоянной рефлексии герой вытесняет свое желание еще глубже, застревает на самом процессе. Согласно теории шизоанализа Ж. Делеза и Ф. Гваттари, «субъект, сознание» рассматриваются только как одна из машин внутри тела, а бессознательное функционирует по аналогии с производством, у которого есть инвестиции – машины желания, а для машины желания важен процесс [2, 2]. Также и машина желания Ключарева, бесконечно воспроизводя процесс рождения, теряет его смысл. «Больше нет ни природы, ни человека, есть лишь процесс, который производит одно в другом и состыковывает машины» [2, 3]. Ключарев втискивается в лаз и вылезает из него с болезненными ощущениями. С ощущениями, которые автор смакует в наиболее длинных и подробных описаниях. По сути, это эстетически выписанный мазохизм с непереносимой гипоксией, болезненное проникновение в лоно земли и повторное рождение-высвобождение из узких тисков без видимого катарсиса. Временная передышка до следующего проникновения становится все короче, это ощущается читателем на физическом уровне.

Повесть начинается с описания нерешительной кошки у дверей. «У дверей», а не у двери, что делает «двери» героями повести наравне с интеллигентом Ключаревым. Все двери, входы и выходы, ведут вниз, здесь топография у Маканина однонаправленная. С самого начала герой предоставляет сделать выбор за себя кошке: войти или выйти. Кошка, анима главного героя, выходит (акт повторного рождения), и ведет вниз по лестнице. Дверь – женский символ, содержащий весь диапазон значений символического отверстия, поскольку дверь дает нам доступ в проем. Порог двери, где мы впервые встречаем Ключарева – амбивалентный символ защиты и доступа, а также приют и защита Великой матери, земли, инициация.

Фамилия главного героя – Ключарев – соотносится с образом бога дверей из римской мифологии Яну, который держит ключи,

символизирующие власть открывать и запира́ть. Ключарев все время заходит и выходит, это своего рода повторяющийся ритуал, при помощи которого главный герой пытается избавиться от страха смерти: уйти под землю, обратно в лоно матери, условно умереть и заново родиться.

Повесть написана Маканиным в 1991 году, во время перестройки и глобальной переоценки ценностей. Могучее Суперэго в лице государства рухнуло, стабильное будущее превратилось в хаос. Человека, привыкшего к тоталитарному режиму, страшит свобода так же, как когда-то крепостного, привязанного к своему хозяину. Не зря Ключарева тянет через лаз в подвал, где есть люди из офиса редакции (аналог КГБ), которые задают вопросы, запрашивают информацию, создают иллюзию подконтрольности и порядка. Согласно Ранку, любая форма религии, в конечном счете, стремится к воссозданию исходной, поддерживающей и защищающей ситуации симбиотического союза с матерью [1, 4]. Герой, не оправившись от предательства отца государства, пытается вернуться в лоно матери-земли.

Протискиваясь раз за разом в различные двери-отверстия, Ключарев скрывается от реальности, от улиц и открытых пространств, он все время жмет к зданиям, стремится к дверям и лазам. Как пишет Гроф, фобия улиц и открытых пространств (агорафобия), связь с биологическим рождением проистекает из контраста между субъективным ощущением замкнутости, зажатости и последующим огромным расширением пространства. Агорафобия относится к самому концу процесса рождения, к моменту появления на свет [4, 21]. Как мы помним, в начале повести Ключарев находится на пороге, и его женская натура – анима выталкивает его из квартиры на улицу, во внешний мир.

На улице Ключарева ожидают пустота и страх: «Ощущение уличного тепла таково, что вот-вот раздастся свист и хлынут толпой некие люди, а с ними, как знать, убийства, грабежи, погромы слабых – ощущение тяготит, и как тут не пасть духом» [3, 64]. Он боится людей, которые тоже боятся друг друга и сидят в квартирах с закрытыми шторами. Атмосфера неизвестности и страха рождает легенды о свирепых толпах, о неизвестных врагах, всеобщая подозрительность и паранойя заставляют бояться собственной тени. Ключарев думает о том, как убили его друга Павлова, зная, что в давке погибло много людей, но при этом автор выносит в скобки, что Павлова там не было. Страх смерти, сопряженный с незнанием врага, заставляет его опасаться всего сразу. Происходит мутация объекта/субъекта страха, генетический страх перед властью, которая карает, но защищает, не находит замещения.

Когда есть определенный враг, можно выстроить линию защиты, приспособиться, а в ситуации хаоса Ключарев придумывает изоляцию в пещере, которую собирается вырыть для своей семьи. При этом у него

есть свое собственное надежное укрытие – лаз, куда нет пути для семьи, только он лично может туда залезть, протиснуться, поскольку отверстие постоянно сужается. Лаз – личное бессознательное Ключарева, он сужает его, чтобы не дать влезть другим, отсюда демонстрация ран и страданий перед самим собой и женой. План вырыть пещеру для семьи, поиски лопаты/кирки – это чувство вины перед семьей за свои желания вернуться в лоно матери. Получая мазохистское удовлетворение сначала от процесса проникновения через лаз, затем умиротворение от общества друзей, медицинского обслуживания, выпивки, соития с женщиной на складе, главный герой оправдывает себя поисками лопаты. Отсюда детально-мучительный процесс вылезания из погребка с киркой, приносящий еще большее удовлетворение.

Каждый раз, вылезая и втискиваясь в узкий лаз, Ключарев замечает, как перетирается ремень брюк. Он боится остаться без ремня, символизирующего круг жизни, он хочет даже купить новый ремень, пока находится внизу [3, 67]. Герой Маканина боится потерять связующее звено между верхом и низом, реальностью и вытесненными желаниями в процессе нескончаемого повторного рождения. Как пишут Ж. Делез и Ф. Гваттари, «в каком-то смысле было бы лучше, если бы ничего не работало, ничто не функционировало. Не быть рожденным, выйти из колеса рождений, без рта для сосания, без ануса для испражнения. Окажутся ли машины настолько разболтанными, а их детали настолько разъединенными, чтобы вернуть нас в ничто» [2, 7].

Описывая героя, автор делает отсылку к лыжной шапке с помпоном, которую отождествляет с интеллигентностью (рефлексией бездействия). Беззаботно подпрыгивающий помпон шапки главного героя служит своеобразной защитой от окружающей среды. «Не мимикрия», подчеркивает автор-герой, нарциссически отделяя себя от толпы и скрываясь при помощи инфантильной шапки-невидимки от людей и реальной жизни [3, 64]. «Но еще крепок. Мужчина», – выносит в скобки автор, иронизируя по поводу инфантильности и страхов своего героя [3, 64].

Ключарев спускается в узкий лаз, вкручиваясь, теряя дыхание, вспоров рану на боку, сочащейся кровью, теряя пуговицы. И это того стоит, поскольку он попадает в погребок, в родную среду, но тут же вспоминает, что спустился за лопатой. Лопата – еще один фаллический символ наравне с ним самим, для вторжения в лоно земли, про запас, если лаз закроется. В погребке шумно, здесь его друзья, с которыми он приятно проводит время: выпивает и общается. Здесь через вертящуюся дверь он входит и выходит из офиса-редакции, где сидят люди на вертящихся креслах, которые рады любой информации. Он убеждает себя в том, что все здесь продолжает вертеться, как в его прошлой привычной жизни, но

гораздо комфортнее. Автор уделяет много времени описанию освещения под землей, – так герой повести убеждает себя в том, что здесь не хуже, чем наверху, хоть и солнце не светит.

«История человеческих жилищ, начиная от поисков примитивного крова и кончая архитектурными сооружениями, отражает инстинктивное воспоминание о матке – тепле, защищающем от опасности» [1, 3]. Все в подземном мире напоминает Ключареву привычную жизнь, здесь ему даже предоставляют бесплатную медицинскую помощь: обрабатывают рану и делают уколы. Но ему нужна лопата, и он идет к заветным дверям склада. «Апостол Павел у врат рая. (Дамочка в годах)», – иронизирует Маканин. Согласно Грофу, «перинатальное развертывание часто ассоциируется и с разнообразными трансперсональными элементами – такими, как архетипические видения Великой Матери или Ужасной богини – матери, Ада, чистилища, рая или царства небесного» [4, 3]. Герой ассоциирует склад с раем, а апостола Павла с ужасной матерью, с которой он совершает половой акт, проникает в утробу ради получения лопаты. Как отмечает В. Рудин, «для мужчины проникновение в вагинальное отверстие женщины, вне всякого сомнения, означает частичный возврат в материнскую утробу, который через идентификацию с пенисом, выступающим в качестве символа маленького ребенка («мальчик-с-пальчик»), становится не только полным, но и вновь инфантильным» [5, 322].

«МЫСЛЬ, В КОТОРУЮ ОН НЕ СЛИШКОМ-ТО ВЕРИТ, – это мысль о пещере! [3, 67]», пишет Маканин, подтверждая несостоятельность отражения собственных желаний Ключарева на жену и сына. Хотя жена помогает ему рыть пещеру, идее все же не суждено найти воплощение, это все лишь желание невротика– интеллигента показать видимость действия и помощи близким людям, которые не нуждаются в повторном рождении.

Жена Ключарева не боится оставаться дома, наверху, это Ключарев, который нашел себе надежное убежище, пытается убедить ее, что в доме опасно и дом – уже не дом. Сын Ключарева, Дениска, которому 14 лет, большой и добрый, отставший от сверстников умственно, но опережающий их и даже своего отца по духовному развитию – архетип Иванушки-дурачка, который спасет мир. Об этом говорят не только размеры его тела и мудрость в глазах, у него развитые половые органы, как отмечает Ключарев. Это – потенциал иметь потомство, а значит будущее. Ключарев не может выдержать взгляд Дениски, который чувствует его беспомощность и страх перед опасностями жизни, и отворачивается. «Не нана. Не нана...», – успокаивает и гладит его по спине сын. А Ключарев переживает, что Дениска не влезет в лаз, он ведь такой большой, его невозможно спасти.

Еще один человек, которому «помогает» Ключарев – Ольга Павлова, жена его умершего друга. «Ольга Павлова беременна», и этот факт связывает ее с будущим, отрывает от застрявшего в прошлом главного героя [3, 76]. И хотя Ключареву не хочется хлопотать и хоронить Павлова, он все же находит общего друга Чурсина, чтобы помочь Ольге. Они вдвоем сначала едут на автобусе, потом идут пешком, преодолевая множество препятствий – фобий Ключарева (опасные улицы, автобус, толпа). Находят тело Павлова в морге и хоронят возле разрушенной церкви. И помогает им в этом Семеныч, так удачно попавшийся им в морге, проводник в мир иной. Семеныч находит место для могилы и даже вызывается сам вырыть могилу. Но Ключарев с Чурсиным роют по очереди, а могила сначала напоминает своим узким отверстием лаз, а затем, расширяясь – пещеру, которую роет Ключарев для своей семьи, метафоры непреодолимого страха и влечения к смерти.

Ключарев не может «помочь» и подышающему псу возле будки, пытаясь освободить его от цепи, обнаруживает, что тот не привязан. Помощь Ключарева женщине, которую насилюют на улице трое мужчин, оказывается тоже напрасной, женщина делится с ним своими впечатлениями, и предлагает ему себя. Мы понимаем, что помощь нужна самому Ключареву, а не его окружению.

Шизофреник Ключарев планирует спастись в виртуальном подвале или несуществующей пещере. Параноик Чурсин живет в настоящем, оборудованном бункере под землей, куда он перевез жену и дочерей, у него есть пулемет «Максим», чтобы защищаться от потенциальных врагов. Бункер и пулемет достались ему от умершего соседа вместе с параноидальным страхом, по наследству от предыдущего поколения. Павлов соорудил при жизни дверь-обманку, за которой теперь скрывается его беременная жена. Все трое друзей (интеллигенты) охвачены страхом, напуганы неизвестностью и хаосом. У каждого из них срабатывают свои механизмы защиты. Как пишут Ж. Делез и Ф. Гваттари, «Желающие машины работают только в сломанном состоянии, постоянно ломаясь». В эстетике постмодернизма осознание не меняет сами машины желания, которые живут своей жизнью, но может на них влиять, например – ломать, извращать, репрессировать [5, 322]. Сознание героев Маканина изломано, извращено у каждого по-своему и продолжает работать по законам непрерывного производства. «Повсюду производящие и желающие машины, шизофренические машины, целая порождающая жизнь; я и не-я, внешнее и внутреннее больше ничего не значат» [2, 2].

После похорон Павлова, скрываясь от людей и опасности улиц, Ключарев устремляется обратно к лазу. «Лаз расширился», земля-утроба принимает его, вымотанного и уставшего. «Сферы духа привычно смыкаются над столиком, и Ключарев, онемевший (мертвый?) на тех

пустынных улицах, где активен лишь вор, сидящий верхом на жертве и роющийся в ее карманах, – онемевший Ключарев слышит присутствие Слова. Как рыба, вновь попавшая в воду, он оживает: за этим и спускался» [3, 78].

С точки зрения психоаналитического литературоведения, повесть Маканина «Лаз» является идеальным примером постмодернистского произведения, воспроизводящего феномен травмы рождения. В повести отмечены стадии зарождения жизни до перинатальной стадии: половой акт, беременная Ольга Павлова и художественно воспроизведен акт травмы рождения. Как пишет Руднев, «патологический страх смерти (танатофобия) имеет корни в тревоге за жизнь и ощущении неминуемой биологической катастрофы, сопутствующих рождению» [5, 322]. Таким образом, все фобии Ключарева: страх открытого пространства, амбивалентный страх смерти и влечение к ней, страх толпы и людей в общем и в отдельности, страх перед неизвестным вкупе с дезорганизацией мышления и другими нарушениями, соединились и реализовались в повести, в феномене травмы рождения.

Ключарев, Павлов, Чурсин – люди уходящей эпохи, которые вобрали в себя ее губительные порождения и болезни. Они не могут адаптироваться в новой реальности, и даже существуя в ней – живут прошлым. Все трое так или иначе мертвы, Павлов умер и похоронен, Чурсин захоронил себя и свою семью, заживо в металлическом бункере, Ключарев всеми мыслями живет в воображаемом лазе. Это трагедия целого поколения советской интеллигенции, которое, по разным причинам, не смогло пережить переходное время. Но не все так плохо, ведь параллельно, Маканин рисует нам образ будущего: большого, духовно богатого и плодovitого Дениску – Иванушку дурачка, беременную Ольгу Павлову – прообраз Богородицы, и присутствие Слова, которое слышит Ключарев в спасительном лазе.

Список литературы:

1. Ранк О. Травма рождения// URL: http://bookz.ru/authors/otto-rank/travma-r_282-travma-r_282.html (дата обращения 07.09.2007).
2. Делёз, Ж., Гваттари, Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с.
3. Маканин В. Лаз// URL: http://loveread.ec/read_book.php?id=34131 (дата обращения 07.09.2007).
4. Гроф С. За пределами мозга: Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. – М., 1992.
5. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 1997. – 384 с.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ ГРУППЫ «МОСКОВСКОЕ ВРЕМЯ»

С.Д. Абишева

д.ф.н, проф. КазНПУ им. Абая

А. Белоусова

магистрант КазНПУ им. Абая

Аннотация. Статья посвящена выявлению особенностей поэтического мышления участников группы «Московское время». Поскольку раньше исследования в данном направлении не проводились, изучение темы позволит подтвердить идейно-эстетическую близость С.Гандлевского, А.Сопровского, А.Цветкова и Б.Кенжеева. В ходе сравнительного анализа творчества поэтов, определены четыре универсалии в областях идеологии и стихо-стилистической риторики. В результате подтверждается наличие негласного группового манифеста.

Ключевые слова: «Московское время», С.Гандлевский, А.Сопровский, Б.Кенжеев, А.Цветков, универсалии, манифест.

Түйіндеме. Мақала «Московское время» тобының ойлау қабілеттерінің ерекшеліктерін анықтауына арналған. Осы уақытқа дейін осы бағытта зерттеу жұмыстары жүргізілгендіктен зерттеу тақырыбы С. Гандлевскийдің, А. Сопровскийдің, А. Цветковтың, Б. Кенжеевтің идеялық-эстетикалық жақындығын анықтайды. Ақын өнерлерінің салыстырмалы талдау барысында идеология саласында лиро-стилистикалық риториканың төрт әмбебабы анықталды. Нәтижесінде, жариясыз топтық манифестінің бар болуы расталады.

Түйінді сөздер: «Московское время», С.Гандлевский, А.Сопровский, Б.Кенжеев, А.Цветков, әмбебап, манифест.

Abstract. The article is devoted to revealing the peculiarities of the poetic thinking of the members of the group "Moscow time". Since earlier studies in this direction were not conducted, the study of the topic will confirm the ideological and aesthetic affinity of S. Gandlevsky, A. Soprovsky, A. Tsvetkov and B. Kenzheyev. In the course of a comparative analysis of the creativity of poets, four universals in the fields of ideology and stylistic stylistic rhetoric are defined. As a result, the presence of an unspoken group manifest is confirmed.

Key words: "Moscow time", S. Gandlevsky, A. Soprovsky, B. Kenzheev, A. Tsvetkov, universals, manifesto.

М. Айзенберг в статье «Минус тридцать по московскому времени» охарактеризовал семидесятые годы XX века как период, когда

появлявшиеся в подполье самодельные издания преимущественно имели характер литературного журнала или альманаха, сформированного согласно частным представлениям о состоянии словесности на тот момент. По его словам, «сходство цифровых параметров только подчеркивало принципиальную несхожесть» авторов, но то, что выпускала группа «Московское время» «выглядело не альманахом, а именно коллективным сборником. Не собранием разных авторов под одной обложкой, а совместным выступлением – и даже наступлением. Иными словами – групповым манифестом» [1].

Участники группы Александр Сопровский, Сергей Гандлевский, Алексей Цветков и Бахыт Кенжеев, объединённые взаимно резонирующими взглядами на жизнь и поэзию и литературной студией под руководством Игоря Волгина, официального манифеста не писали. Гандлевский по этому поводу говорил: «Сам характер вошедших туда людей – живость, непредвзятость, отсутствие снобизма – все это и предполагало отсутствие манифеста. Вроде как решайте по стихам: есть там какой-то общий знаменатель или нет» [цит. по 2]. Группа существовала, не имея чётко намеченного плана, но можно обнаружить целый ряд признаков, позволяющих говорить о литературном родстве участников, о правомерности определения их как объединения, а не только случайно попавших в несколько выпусков одного сборника людей. Попытаемся определить те стратегические универсалии, которые позволяют увидеть стиховую и стиливую общность участников группы.

Первое сходство, на основе которого произошло объединение, находится в области идеологии: это протест против политических и литературных условий, в которых оказались поэты на «пороге семидесятых». Те же самые обстоятельства, которые сблизили участников, со временем развели их географически. Связаны они были с эмиграцией.

Второе связано с тем, что М.Айзенберг описал как «возврат к традиции, воссоздание поэтической нормы, оттачивание стиховой техники. Целенаправленная выработка нормативного стиха и большого стиля» [1]. Поэзию «Московского времени» называют «современной классикой». Поэтика авторов группы стала образом продуктивного обращения с поэтической традицией в классическом её варианте.

Протест в творчестве представителей группы носит скорее созидательный характер, чем разрушительный. В частности, в поэзии Б. Кенжеева «нестандартное содержание, некоторые, очевидно бросающиеся в глаза стиховые факторы, уравниваются за счет использования в 93% случаев традиционной метрики» [3, 12]. Таким образом, протест заключается не в отказе от предыдущего опыта, а в его переосмыслении и сохранении, своеобразной защите от инородных вмешательств. Данный тезис можно проиллюстрировать заключительными строчками из стихотворения А. Сопровского «Небо, накренившееся низко...» (1984), посвященного другу, поэту, переводчику, журналисту Виктору Санчуку:

Дай же воли солнечному полдню,
 Дай же ветру разгуляться всласть.
 Всем дай Бог, кого люблю и помню,
 Перезимовать и не пропасть.

Стихотворение написано традиционным размером – пятистопным хореем (Х5). Он имеет современное, облегченное звучание, особенно 4 строка с началом в два пиррихия и пиррихией в середине («Перезимовать и не пропасть»). Строфа содержит в себе целый ряд традиционных приемов в виде синтаксического параллелизма в 1-2 строках, подчеркнутого анафорой («дай»); риторического обращения (1-3 строки); двух блоков тождественной однородности, находящихся в позиции анадиплосиса (стыка строк): «...люблю и помню, / Перезимовать и не пропасть». Выразительность создается благодаря аллитерирующим звукам *в, л, т, р, н*: «воли», «ветру», «всласть», «всем», «перезимовать», «солнечному полдню», «разгуляться «люблю», «полдню», «разгуляться», «помню», «пропасть».

Это стихотворение об осеннем ветре, властвующем в мире, который, очищая, несет в себе перемены не только в природе, но и, благодаря подтексту, во времени: «Чистка мира, перемена флага, / Чутких ожиданий полоса...». Можно предположить, что здесь речь идёт о метафорических переменах в общественно-политической обстановке, но перемены рассматриваются как предмет стихийный. Ветер так же, как и у А. Блока в поэме «Двенадцать» (1918), – сила природы, которая не зависит от человеческих желаний и с которым можно только смириться и надеяться, что что-то после этих перемен всё же сохранится, «не пропадёт».

Слово «перезимовать» отсылает к образу зимы, являющейся символом России. Е.Юкина и М.Эпштейн считают, что в любви к зиме в русской поэзии «проявляется особый склад национального характера» [4, 172]. С другой стороны, «перезимовать» выступает в значении «прожив зимнее время, остаться живым» [5]. В контексте анализируемого стихотворения А.Сопровского и всей поэзии группы «Московское время» этим словом в сочетании со словом «пропасть» формируется важный подтекстовый смысл – страх за свою жизнь в конкретном природно-политическом пространстве. В 1983 году А.Сопровскому были предъявлены сразу два прокурорских предостережения: за антисоветскую агитацию и за туеядство.

В обращении к Всевышнему через формулу «дай + сущ. в дат. п.» и в словообразе «всласть» Сопровского прочитывается интертекстуальная составляющая, отсылающая к стихотворению Б. Окуджавы «Молитва» (1963):

Пока земля еще вертится – Господи, твоя власть! –
Дай рвущемуся к власти навластовать всласть...
<...>
Дай же ты всем понемногу...

В «Молитве» слово «всласть» выступает рифмой к слову «власть». Обращение к Национальному корпусу русского языка (НКРЯ), в частности к Поэтическому [6], показало, что у истоков указанной рифмопары стоит Н. Некрасов:

Провидя смелые затеи,
Читатель упивался всласть,
И дерзновенные идеи
Во мне подозревала власть.

Это рифмопара у русского поэта XIX века связана с темой «поэт и власть». В XX веке рифмопара «всласть – власть» / «власть – всласть» дает всего 12 примеров из 109 предлагаемых документов. Она встречается у Б.Пастернака, Саши Черного, А. Введенского, Анны Ахматовой, О.Берггольц, И. Бродского и др. и связана с темой времени, богатства, жизни, природы, творчества, а также гражданскими мотивами.

Сатирически-обличительное стихотворение «Безработный» (1928) В. Маяковского словно является предтечей и неким неосознанным «банком данных» ключевых понятий философско-онтологического стихотворения Окуджавы. К ним относятся рифмопара «всласть – власть» и образы бога и времени:

*Быть может,
орудовали и вредители,
чтоб безработные
смачно и всласть
ругали в бога,
крыли в родителей
и мать,
и душу,
и время,
и власть.*

К сожалению, пример из «Молитвы» Б. Окуджавы в НКРЯ не вошел.

Ориентация Сопровского на классическую стихо-стилевую систему, эксплицитное присутствие в его стихотворении обращения к Богу и слова «всласть», а также контекстуальное проявление имплицитных понятий

«власть» и «время» включают поэта в русло традиций русской поэзии и искусства в целом. Этот факт подтверждает и сам Сопровский: «Мы любили литературную традицию, и в то же время с подозрением относились к снобизму «хранителей ценностей» и «жрецов всего святого». С другой стороны, самозабвенное растворение в «новоязе» казалось нам скорее поэтическим поражением, чем победой» [2].

Цветков в стихотворении «дизъюнкция» пишет:

никто не скажет детям
когда пойдут играть
что между тем и этим
не надо выбирать [7].

– он также не признаёт дихотомии выбора между традицией и её разрушением. Из этого можно сформулировать вторую универсалию группы: «переосмысление традиций».

Третья также логически следует из предыдущих и связана с преобладающей тематикой и мотивами творчества группы. Она несет в себе осмысление времени, в котором жили поэты, как стыка различных парадигм: парадигм литературных течений, разных поколений, настоящего и будущего, жизни и смерти. Обозначения и образы точек соприкосновения времён: «горизонт», «порог», «закат», «записки из мертвого дома» и т.п. становятся объектами рефлексии участников группы, точкой отсчёта для поиска ответов на открытые вопросы, не подразумевающие конкретной формы. Ответ этот может иметь сколько угодно много вариантов, и один так или иначе откликается в читателе, поскольку на самом деле в творчестве группы отражается только реакция участников на настоящее, но не непосредственно оно. Как отмечал Айзенберг, «группа (вопреки именованию) как будто обходила стороной то время, в котором она реально существовала: то отставала, то забегала вперед» [1].

Образ времени размножается в их стихотворениях, как в теории струн, в них есть генетическое ощущение семидесятых, например, в стихотворении Гандлевского «Отечество, предание, геройство...» на время указывают не только непосредственные обозначения вроде «сейчас» или «бывало», но и специфичная для того периода лексика: «пионер» и «красный галстук» [8]. За счёт изображения трёх схожих проблемных ситуаций в разных временах здесь рождается три параллельных мира, которые могут присутствовать друг в друге. Они абсолютно самодостаточны и закончены, как истории, не представляющие интереса по отдельности, но наслаивающиеся одна на другую и создающие четвёртую, которой больше нет нигде, кроме текста. В то же время она является ироничной реакцией Гандлевского на своё настоящее.

Четвёртое сходство их поэтической культуры можно определить как социальный эпатаж, проявившийся как на уровне содержания, так и формы. Но он имеет в большей степени знаки внешних проявлений. Нестандартное содержание, некоторые, очевидно бросающиеся в глаза стихотворные факторы (графика, разрушение правила заглавной буквы в начале строки, синтаксис, строфика, система переносов и многое другое), уравниваются за счет, как уже говорилось выше, использования в 93% случаев традиционной метрики. Она придаёт такой интонационный рисунок стихотворному тексту, благодаря которому он (стихотворный текст) имеет чёткий ритм, звучит «гладко», традиционно. Этот феномен поэзии представителей «Московского времени» уловлен исследователями стиха и критиками: «...гармоническим звуком традиционной просодии усиливается несомненный гипнотизм косноязычной речи, пытающейся выразить невыразимое» [9]. Возникает эффект соединения банального и оригинального, о котором пишет А.Л. Жовтис [11, 155-174]. Результатом этого художественного приёма является эффект неожиданности, о чём свидетельствуют строки из стихотворения А.Цветаева [7]:

в пустыне я скитался как бревно
месил песок без жребия и шанса
разверзнув вещий зев но все равно
на мой язык никто не покушался
я жил бомжом а был в душе боян
вполне владея техникой и темой
мне голос свыше был вставай болван
и что-нибудь давай скорее делай

У поэтов школы встречаются все метры, а типы классических размеров стремятся к разнообразию. Бесспорно среди них лидерство двусложных, что является отличительным качеством поэзии представителей «Московского времени» периода становления. После распада группы (время работы поэтов уже вне группы) популярными становятся сверхдлинные размеры. Ямб и хорей постепенно теряют своё первенство, преобладают трёхсложные размеры и в целом наблюдается тяготение к сверхдлинным вроде: Я8 и Х8, Я8 и Х8 с цезурными наращением, Ам5, Ам6, Ан6, Д5. Особенно ярко это проявляется у Кенжеева. Данный факт объясняется не только укреплением позиций философской интонации в их поэзии, но и тем, что эти размеры являются наиболее удобной формой для выражения непрерывного потока мыслей, облеченных в сверхдлинные предложения. Эстетическим феноменом поэзии «Московского времени» в настоящее время – время внецехового сознания становится представления об единости бытия, возникающего из огромного количества частных. Например, Я8цн Кенжеева [8, 146]:

Земли моей живой гербарий! Сухими травами пропах
 ночной приют чудесных тварей – ежей, химер и черепах.
 Час мотыльков и кerosинок, осенней нежности пора,
 пока – в рябинах ли, в осинах – пропащий ветер до утра
 листву недолгую листает, и под бледнеющей звездой
 бредут географ, и ботаник, и обвинитель молодой

Но кроме качеств, свойственных всей группе, можно выделить ряд сходств между отдельными её членами. Условно внутри «Московского времени» можно объединить Цветкова с Кенжеевым, более открытых свободным формам (без пунктуации, заглавных букв и проч.), и Сопровского с Гандлевским, предпочитавших оставаться в рамках традиции по вопросам оформления и отходивших от неё по-иному. Можно предположить, что подобное разделение связано с принадлежностью вторых к филологическому факультету МГУ, тогда как Цветков учился на факультете журналистики, а Кенжеев – на химическом. Он был склонен к освобождению от норм оформления менее, чем Цветков, но более, чем остальные. Например, Кенжеев начинает строку с заглавной буквы только в тех случаях, когда с неё начинается новое предложение. Он более прислушивается к правилам синтаксиса в этом вопросе.

Нельзя исключать, что в процессе сотрудничества те или иные сходства могли появиться вследствие воздействия одного участника на остальных или в результате взаимовлияния каждого друг на друга.

Вышеперечисленные универсалии иллюстрирует стихотворение Б.Кенжеева «неизбежность неизбежна» [11, 27]. «Бунт» проявляется уже на уровне графического оформления: стихотворение лишено пунктуации и заглавных букв, при том, что написано классическим размером – Х4. Данный приём рассчитан на эффект неожиданности, связанный со сломом стереотипов восприятия, конфликтом интонирующего чтения и лишенного интонаций написания.

Генетически хорей восходит к фольклору, и это направление подтверждается в тексте другими языковыми средствами. Используется стереотипная схема «определение + определяющее слово»: «электрическая ночь», «вавилонская стремянка», «рассветный долгий час», и первые два вступают с третьим в отношения антитезы. «Электрическая ночь» – ночь в мегаполисе, искусственно созданном муравейнике, ассоциативно связывается с тревогой, психологическим дискомфортом, определяющим общее настроение стихотворения, и это подкрепляется другими элементами. Например, «вавилонскую стремянку» (несостоявшиеся бытовые амбиции) нужно «перенести на балкон», отказаться от них. Взамен на отказ предлагаются образы бегства от реальности: «водка самодельная», «песня колыбельная» и «деньги на такси», которые

укрепляют мотивы беспокойства. Но неоднородный «рассветный долгий час» добавляет еще одно определение в заданную фольклорную схему, и внимание акцентируется на нем, что смотрится контрастно на общем фоне. С одной стороны, рассвет символизирует надежду, однако слово «долгий» семантически нагружает высказывание необходимостью преодоления на пути к надежде, и в результате у читателя формируется двоякое впечатление. Оно подкрепляется противопоставлением естественного искусственному, а рассветного часа – ночи, в котором отражается типичное для всей группы ощущение настоящего времени, как стыка двух периодов, ночи и утра, длящегося бесконечно долго, который нужно «перезимовать и не пропасть».

Также популярный среди участников группы прием инверсии концентрирует внимание на «водке самодельной» и т.д. В этой строфе используется синтаксический параллелизм с элементами анафоры, за счет чего складываются напевные интонации заклинания, что резонирует со средствами для забытья: водкой и сном – последствием колыбельной.

В стихотворении Б. Кенжеев утверждает, что воля – унижительная кладь и «лучше петь расправив руки». В этой последней антитезе в стихотворении автор субъективно противопоставляет волю свободе творчества, утверждает главенство естественного над искусственным, провозглашает, что природное слово поэта невозможно заглушить.

Б.Кенжеев, эпатируя на уровне формы, поднимает в содержании традиционную тему свободы творчества в новом воплощении.

Таким образом, авторами были определены четыре универсалии, как в области идеологии, так и стихо-стилистической риторики, а также установлены возможные идейные связи между отдельными участниками группы «Московское время». Можно заключить, что их идеологический бунт приводит к социальному эпатажу в текстах её участников, а тот – к особой работе с традицией. Внешне отказываясь от неё, поэты внутренне обновляют её, переосмысливая и адаптируя под реалии своего времени, ощущаемого ими пограничным и двояким.

Очевидно, что наличие подобных эстетических, стилистических и, как следствие, стратегических универсалий, позволяет подтвердить существование негласного группового манифеста, о котором говорил М.Айзенберг [1]. Проблема его подробной формулировки и особенностей его воплощения, то есть стратегий, может послужить основанием для дальнейшего исследования.

Список литературы:

1. <http://magazines.russ.ru/znamia/2005/8/aiz7.html>
2. http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/MOSKOVSKOE_VREMYA.html

3. Абишева С.Д. Стих поэтической группы «Московское время» // Литература и язык в поликультурном пространстве. V Багизбаевские чтения. – Алматы, 2013. – 313 с.
4. Юкина Е., Эпштейн М. Поэтика зимы // Вопросы литературы. – 1979. – № 9. – С. 171-204.
5. <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D0%BC%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D1%8C>
6. http://search1.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=poetic&sort=gr_tagging&ext=10&nodia=1&req=%E2%F1%EB%E0%F1%F2%FC
7. Цветков А. Детектор смысла. Книга стихов. – М.: АРГО-РИСК; Книжное обозрение, 2010. – 136 с.
8. <http://www.gandlevskiy.poet-premium.ru/poetry/1973-1994.html#64>
9. Панн Л. Возвращение Алексея Цветкова // Новый мир. – 2006. – № 8 / Архив // http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2006_8/Content/Publication6_2538/Default.aspx.
10. Кенжеев Б. Послания. – Алматы, 2003.
11. Жовтис А.Л. Избранные статьи. – Алматы, 2013. – С. 155-174.

ПОЭТИКА КОРЕЙСКИХ РАССКАЗОВ 1910-х гг.

М. Алдиярова

магистрант КазНУ им. Аль-Фараби

Аннотация. В период 1910-х годов корейские писатели, постепенно осваивая композиционные и другие художественные средства, используемые в западной литературе, стали создавать все более глубокие и сложные произведения. Это период, когда в ранее закрытую корейскую культуру проникает западноевропейский романтизм, реализм и натурализм. Именно эти направления оказали самое существенное влияние на творчество большинства корейских писателей времен японской оккупации.

Ключевые слова: корейская литература 1910-х годов, Ким Донъин, Ли Гвансу, Б.Кенжеев, Хён Джингон, Ём Сансоп.

Түйіндеме. 1910-жылдардың әдебиетінде корей жазушылары, Батыс әдебиетінде пайдаланылатын құрамы мен басқа да көркемдік құралдарын меңгеру арқылы, бұрынғыдан да терең жұмыстарды жасай

бастаған. Бұл бұрын жабық болып келген корей мәдениетіне Батыс Еуропадан романтизм, реализм, және натурализмнің жайлаған кезеңі болып табылады. Бұл бағыттар корей жазушыларының жапондық оккупациялау кезеңіндегі шығармашылық жұмыстарына үлкен әсер етті.

Түйінді сөздер: 1910-жылдардағы корей әдебиеті, Ким Донъин, Ли Гвансу, Б.Кенжеев, Хён Джингон, Ём Сансоп.

Annotation. In the literature of the 1910s, Korean writers, gradually mastering compositional and other artistic means used in Western literature, began to create ever deeper works. This is the period when Western European Romanticism, realism and naturalism penetrate into the previously closed Korean culture. These directions influenced the creative work of the majority of Korean writers of the times of the Japanese occupation.

Key words: Korean literature of the 1910s, Kim Doongin, Li Gwangsu, B. Kenzheev, Hyun Jingon, Yom Sansop.

Еще в первой половине XX в. были заданы основные направления развития жанра рассказа в современной корейской литературе. После освобождения Кореи от японских оккупантов, раздела страны и гражданской войны пролетарские писатели отправились на Север, где стали писать об успехах корейского народа в строительстве социализма и о плохой жизни на Юге, а все остальные обосновались на Юге, где продолжили осваивать достижения западной литературы.

И все же на литературу не могут не оказывать влияния традиции. До сих пор корейские писатели, какими бы они не объявляли себя сторонниками «искусства ради искусства» не проявляют, в отличие от современных писателей Запада, особого интереса к стилистическим экспериментам, большее значение придавая содержанию произведения, чем его форме.

Гражданская война и раскол страны оставили след в душе каждого корейца. А начавшаяся в стране стремительная индустриализация заставила людей чувствовать еще большую потерянность. Рассказы большинства современных корейских писателей пронизаны чувством горечи, связанным с трагической историей страны, для которого у корейцев есть особое слово хан. Писатели, под влиянием западного гуманизма, особое внимание уделяют личности, борющейся с обстоятельствами. Однако нередко в современной корейской литературе появляется смешавший в себе восточные традиции и влияние западных декадентских идей образ утратившего иллюзии человека, не имеющего возможности что-либо изменить. И не однажды способом разрешения конфликта идеалов и реальности, в полном соответствии именно с восточной традицией, становится суицид.

Посредством современных корейских рассказов казахстанские читатели могут понять чувства корейского народа до, во время и после гражданской войны, которая расколола Корейский полуостров надвое. Несмотря на то, что изучением корейской современной прозы занимались многие ученые, проблема перевода прозаических произведений, в частности рассказов, данного периода по сей день остается актуальной.

В 1910 г. страна была оккупирована Японией. Корейцам запретили говорить на языке предков. Запретили учить западные языки. Японской администрацией, намеревавшейся полностью лишить корейцев национального самосознания, были разработаны всевозможные меры для безжалостного подавления не только корейских политических лидеров, но и писателей. Писатели, признанные «особенно опасными элементами», оказались лишены основных человеческих прав – свободы слова и самовыражения: их произведения не только подвергались жестокой цензуре, но зачастую вовсе не допускались к публикации [1, 130-131]. Более того, многие писатели арестовывались будто бы за нарушение японского «Закона о поддержании общественного спокойствия». Очевидно, что подобные меры японской администрации чрезвычайно сдерживали развитие корейской литературы, но корейские писатели не оставляли попыток спасти ее от полного уничтожения. Под контролем японской цензуры, в той или иной иносказательной форме, они постоянно возвращались к идеям свободы и национализма. Литература на родном языке стала главным инструментом в борьбе против оккупантов.

В сложной социально-политической обстановке в Корее зародилось движение «За новую литературу». Лидеры движения, во-первых, не потеряв веры в просветительские идеалы, особую роль отводили литературе в борьбе за свободу нации, а во-вторых, призывали отказаться от традиционных, но уже устаревших, литературных норм, создать современный литературный язык, приведя в согласование нормы письменного и разговорного языка, понятного всем. И такой язык был создан, а согласование письменных и разговорных норм получило в корейском языке название онмун ильчи.

Начало движению «За новую литературу» положил Ли Гвансу, создав первые в истории корейской литературы реалистические произведения, поместив своих героев в реальное место и время. Ли Гвансу описал жизнь своих соотечественников и потрясения, пережитые ими после прихода оккупантов. Эмоциональные, написанные простым языком произведения принесли писателю славу. Ли Гвансу призывал нацию к духовному совершенствованию, к принятию западной морали. Сожалел о том, что устаревшие традиции калечат жизнь человека, лишают его права любить и быть любимым. Во всех его произведениях было немало поучительных отступлений, которые, правда, современным читателям наверняка показались бы несколько наивными [1, 110].

Против свойственного произведениям Ли Гвансу традиционного морализма в литературе решительно выступил Ким Донъин. Ким Донъин провозгласил себя приверженцем «искусства ради искусства». Обладавший повышенной чувствительностью писатель видел главную ценность литературы в красоте, свободной от всякого иного, в том числе морального, содержания. Эстетизм, порой болезненный, отразился во всех его произведениях. Не удивительно, что Ким Донъин в первую очередь обратил внимание на жанр рассказа, для которого, как ни для какого другого жанра, важны используемые художественные средства. Можно считать, что именно с рассказов Ким Донъина началось развитие жанра рассказа в современной корейской литературе.

Во время учебы в Японии, в 1919 г., Ким Донъин основал первый корейский литературный журнал «Творчество» [2, 11]. Писатели, публиковавшие в журнале свои произведения, придерживались разных литературных направлений, но всех их объединяло стремление к «искусству ради искусства». Ким Донъин начал свою литературную карьеру, поместив в первом номере журнала рассказ «Печаль слабого человека».

В конце 10-х годов в Корее появилось множество других литературных журналов, вокруг которых создавались объединения писателей, сторонников того или иного направления. Члены всех объединений активно занимались переводами с европейских языков и пропагандой литературных направлений, сформировавшихся на Западе за предыдущие сто пятьдесят лет. Однако следует отметить, что в Корее все эти направления причудливо переплелись, повлияв друг на друга и приспособившись к национальным традициям. Различные литературные направления оказали влияние и на творчество Ким Донъина: прежде всего реализм, романтизм и натурализм. Впрочем, именно эти направления оказали влияние на творчество большинства современных корейских писателей времен японской оккупации.

В XVII в. европейские романтики, увидевшие в стремительно менявшемся реальном мире силу, враждебную человеческой свободе, принялись создавать в своих произведениях мир идеальный, вводя в повествование символические элементы, обращаясь к гротеску – изображая людей в фантастически преувеличенном, уродливо-комическом виде. При этом одной из наиболее характерных форм противопоставления реальности и идеала стала ирония, обращающая внимание на несоизмеримость любой реальности с безграничными возможностями идеального мира в целом. В произведениях романтиков нашли отражение мечты не о постепенном улучшении реальности, а о целостном разрешении всех ее противоречий. Неудивительно, что настроения романтизма оказались близки многим корейским писателям, которым реальный мир представлялся враждебным, поскольку, в придачу ко всему, был управляем японскими оккупантами.

Романтизм в современной корейской литературе переплелся с реализмом. Трактовка реалистичности как объективности отражения жизни во всей ее сложности и противоречивости предполагает возможность объективного познания жизни при помощи обобщения материалов – ив первую очередь, наблюдений за развитием человеческой личности в системе общественных отношений. Приняв такую трактовку, следует признать, что реалистичное художественное изображение жизни (предпочтительно, но не обязательно, в образах самой жизни) может достигаться различными художественными средствами и конечно же доступно сторонникам многих литературных направлений, в том числе и сторонникам романтизма.

Как реалист Ким Донъин стремился к объективности отражения жизни во всей ее сложности. Ким Донъин впервые в истории корейской литературы написал «рассказ в рассказе» «Прощальная песня», наделив рассказчика характером и речевыми особенностями и дав, таким образом, читателям возможность посмотреть на реальность с двух сторон.

Как романтик – обращал внимание на необычные, напряженные ситуации; создавал образы незаурядных героев, одолеваемых сильными страстями, стремящихся к неведомым идеалам. И позволял окружающей природе откликаться на душевное состояние этих героев. Часто использовал метафоры и сравнения.

Как натуралист – многие страсти героев объяснял особенностями их физиологии и условий жизни. И таким образом истории жизни своих героев нередко превращал в подробные «истории болезней». Веря в то, что для литературы нет непригодных тем, Ким Донъин стал писать о простых людях – бедняках – и их нехитрых заботах.

Например, в рассказе «Картошка» Ким Донъин резко критикует тяжелую, особенно для бедняков, социальную ситуацию в оккупированной японцами Корее. Он описывает постепенное падение бедной женщины, однажды изменившей мужу. Доведенная до отчаяния нищетой и неопределенностью, женщина забывает о морали и поддается своим чувствам.

Выйдя за рамки традиционной тематики, отказавшись от традиционного морализма и от навязывания собственного мнения, Ким Донъин заставил читателей по-новому взглянуть на жизнь. К тому же писатель внес большой вклад в создание современного литературного языка: стремясь, вслед за Ли Гвансу, обратить особое внимание читателей не только на место, но и на время описываемых событий, стал употреблять разные грамматические времена, в частности – прошедшее время, а не только настоящее, как большинство его предшественников.

Главный герой рассказа «Прощальная песня» встречает на дороге странника, который, слышав народную прощальную песню, рассказывает, как много лет назад из-за собственной пустой мнительности

он рассорился и расстался с родным братом. А потом, раскаявшись и решив помириться, не смог его отыскать. Много лет он скрывает боль в глубине души, но песня заставляет его снова вспомнить о брате.

Ким Донъин довольно часто использовал композицию «рассказ в рассказе», причем обычно описывал свой собственный жизненный опыт, отражал свое собственное эстетическое мировосприятие. Обостренным, порой даже извращенным, эстетическим мировосприятием, писатель наделял и многих своих персонажей – творцов, считающих, что великое творение должно вобрать в себя страдание и выразить его же, ищущих вдохновение в поджогах, изнасилованиях и убийствах.

Главный герой рассказа «Сумасшедший художник», гуляя в лесу, на глазах у читателей сочиняет историю про необыкновенно уродливого художника. Оставив всякую надежду жениться на реальной девушке, художник решает нарисовать портрет девушки идеальной. Всю жизнь он ищет ее и, наконец, находит. Девушка слепа и не видит уродливости художника. Художник мог бы жениться на ней. Но он уже не думает ни о чем, кроме портрета. Идеальная девушка стала вдруг реальной, а портрет реальной девушки художнику не нужен. Сойдя с ума от разочарования, он убивает девушку.

В конце 10-х годов и другие молодые писатели-реалисты, лучшими из которых были Хён Джингон и Ём Сансоп, в своих произведениях стали писать о тяжелой жизни корейского народа, о влиянии на человеческую личность тяжелой социально-политической обстановки, о разрушении старых традиций и возникающих из-за этого конфликтах. В самом начале своего творческого пути Хён Джингон написал такие слова: «Ничто не существует вне места и времени, и корейские писатели должны твердо стоять на родной почве» [3, 224]. И всю жизнь следовал этим словам: пытался осмыслить реальность и отразить эту реальность в своих произведениях, какой бы неприглядной она ни была.

Хён Джингон, на чье творчество большое влияние оказал романтизм, в рассказах постоянно возвращается к теме неизбежного конфликта между личностью и обществом. Все его герои пытаются так или иначе разрешить для себя этот конфликт: найти в обществе свое место, обрести свободу.

Рассказ «Удачный день» – о рикше, который, бегая с безнадежно устаревшей коляской, никак не успевает за стремительно меняющимся миром. Со всех сторон на него надвигаются враждебные машины, символизирующие новый, индустриальный мир. Жена рикши тяжело больна. И измученный рикша ни на мгновение не может забыть об этом. Вдруг выпадает неожиданно удачный день: клиенты подходят один за другим и, радуясь возможности заработать, рикша развозит их до самого позднего вечера. Но когда возвращается домой, видит, что пока он бегал, жена его умерла. Главный герой терпеливо сражался со всем миром. Но, победив за деньгами, потерял жену и проиграл сражение.

Во многих произведениях писателя повествование ведется от первого лица, персонажи осознают и тяжело переживают неопределенность своего положения. Хён Джингон привлекает внимание читателей к удивительным парадоксам, нередко иронизирует, давая возможность сквозь призму иронии увидеть двойную перспективу.

Не лишен некоторой таинственности комичный рассказ Хён Джингона с неожиданной развязкой «Комендант общежития Б. и любовные письма» [3, 152]. Главный герой рассказа, подобно хорошо известному герою западной литературы доктору Джекилу, мучается от раздвоения личности, из-за чего попадает в различные комичные ситуации.

Из нескольких вложенных рассказов в стиле арабских сказок состоит рассказ «Родная сторона». Рассказчик вспоминает одного случайного попутчика, поведавшего историю о несчастной девушке, проданной в притон. Каждый из вложенных рассказов – еще одно свидетельство бесправного положения корейцев, находящихся под властью оккупантов.

Таким образом, корейские писатели, постепенно осваивая композиционные и другие художественные средства, используемые в западной литературе, стали создавать все более глубокие произведения.

Список литературы:

1. Тюпа В.И. Анализ художественного текста: учебное пособие. – М., 2006. – 353 с.
2. Пак К.А., Солдатова М.В. Современная литература Кореи. – Владивосток: Дальневосточный государственный университет, 2003. – 283 с.
3. Kim Donguk. A History of Korean Literature. – Seoul: 민중서관, 1963. – 115 p.

ПОЭТИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС ПРОИЗВЕДЕНИЙ УСЕИНА ШАМИЛЯ ТОХТАРГАЗЫ

Л.А. Меметова

Республика Крым, г. Симферополь

Усеин Шамиль Тохтаргазы – крымскотатарский поэт, писатель, педагог периода Пробуждения, оставивший после себя бесценное литературное наследие.

Оценка его творчества началась еще в начале XX века. На

страницах «Терджиман»а мы видим первые отзывы современников о его деятельности и литературных творениях: «Покойный Усеин Шамиль-эфенди был известен в Крыму. Он был талантливым молодым человеком, писавшим народные стихи и статьи в газеты» [1], «Шамиль не уставал, был настойчивым, весь свой потенциал расходовал для спокойствия и счастья народа. <...> Своими стихами заслуживает на имя Крымского Тукая» [2].

В последующем жизнь, педагогическая деятельность и художественное творчество поэта неоднократно рассматривается в работах отечественных авторов XX – XXI вв.: Х. Одабаша, Б. Чобан-заде, А.Лятиф-заде, А. Алтанлы, З. Джавтобели, К. Джаманаклы, И. Керимова, Л. Асановой и других. Однако в их трудах освещается лишь тематика и проблематика литературного наследия поэта-писателя. Поэтическая индивидуальность и особенность творчества У. Ш. Тохтаргазы остаются неизученными аспектами. В виду этого наше исследование, целью которого является изучение поэтической особенности творчества Тохтаргазы, в частности поэтического синтаксиса представляется актуальным.

В результате анализа фактического материала в лексическом составе произведений Тохтаргазы нами выявлены следующие синтаксические фигуры:

эпифора:

*Дюньяда чокъ аллар вар,
Эри-догъру ёллар вар.
Сагъ, орта ве соллар вар* [3, 7].

*Мир разнообразен,
Пути в нем прямые и извилистые.
Есть право и лево и середина.*

В стихотворении «Не керек?» («Что нужно?»), состоящем из пяти четверостиший, повторяется последняя строка. В этом же произведении мы наблюдаем *инверсию* и *бессоюзность*.

*Недир дюнья ве йылдызлар?
Ничюн яратылдыкъ бизлер?
Бильмек ичюн буны сизлер
Керек эсап, язы, окъув!
Йылдызлар да бирер дюнья,
Зан этме ки, бу – бир руй,
Буны джаиллер бильмез я,
Керек эсап, язы, окъув!* [3, 15]

*Что такое мир и звезды?
Для чего мы рождены?
Что узнать это нам
Нужно считать, писать, читать!
Каждая звезда – это целый мир,
Ты не думай, что это сон,
Невежи этого не знают,
Нужно считать, писать, читать!*

Аналогичная структура прослеживается в стихотворении «Окъумакъ истер!» («Хочет учиться!»)
*Юдже султаным, дерде дерманым Великий султан, бальзам моих недугов
Бу тенде джаным окъумакъ истер! Душа в этом теле хочет учиться!*

Алимсинъ – алим, билирсинъ алым.
Агъзымда дилим **окъумакъ истер!**

[3, 18]

Ученый, ты знаешь мое состояние.
Язык мой **хочет учиться!**

В произведении «Чоджукъ, гит мектебе!» («Дитя, иди в школу!») наблюдается повтор пятой строки строфы и последнего слова шестой строки.

Окъу, джаилъ къалма,
Дюньяда хор олма,
Джеэнемде ялма,
Муфситлере къанма!

Чоджукъ, гит мектебе!

Булурсынъ **мертебе!**

Дюньяда эр шей чокъ,

Илимсиз, эмек ёкъ,

Билен эр даим токъ.

Деме сыджакъ-сувукъ.

Чоджукъ, гит мектебе,

Акъ верир **мертебе!** [3, 23]

Учись, не оставайся невеждой,
Не будь неудачником в мире,
Не гори в адском огне,
Не верь подстрекателям!

Дитя, иди в школу!

Заработаешь **положение!**

Много чего в мире есть,

Без науки нет труда,

Знающий всегда сыт.

Не говори жарко-холодно.

Дитя, иди в школу!

Господь даст **положение!**

анафоры:

Кими чекер эnine,

Кими чекер боюна,

Базы кенди динине;

Базы дженк мейданына [3, 7].

Кто-то тянет поперек,

Кто-то тянет вдоль,

Некоторые к своей религии;

Некоторые к войне.

Исследуя поэтическую речь Тохтаргазы, также следует отметить, что его поэзии присуще явление **антитезы** – «фигуры контраста, резкого противопоставления понятий, положений, образов, состояний» [4, 40]. Поэтом часто используются противоположные понятия **зенгин/факъир** (богатый/бедный), **алим/джаилъ** (ученый/неуч), **ач/токъ** (голодный/сытый) и др.

Характерную особенность поэзии У.Ш. Тохтаргазы придают и **риторические вопросы, восклицания и обращения.**

Риторический вопрос:

Даим эмек, бу не демек?

Кене ёкътыр bize емек.

Bize киймек ичюн керек

Дезильмишитир штан-кольмек?

Постоянно трудиться, что же это такое?

И все равно нам нет пищи.

Нам нужны чтобы одеть

И рубашка, и брюки?

[3, 30]

Используя риторический вопрос, поэт обращает внимание на убогую и бесправную жизнь крестьян. Усеин Тохтаргазы был активным борцом с социальной несправедливостью и поэтому в его творчестве

изображение социальных пороков сопровождается повышенной эмоциональной окраской.

Отдельно следует отметить, что вопросительную форму в поэзии Тохтаргазы имеют также заголовки стихотворений – «Байрам киме?» («Для кого праздник?»), «Не керек?» («Что нужно?»), «Дюньяда не вар?» («Что есть в мире?»). Наименование произведения играет не меньшую роль в воздействии на реципиента. Тохтаргазы отдавал предпочтение кратким заголовкам, так как они лучше запоминаются и имеют большее влияние на читателя.

Образцы **риторических восклицаний** в творчестве поэта являются наиболее распространенными формами выражения проблематики и художественной идеи, они служат для усиления эмоционального эффекта. В поэзии У. Ш. Тохтаргазы нами выявлены следующие восклицательные конструкции:

1. *Ачлар иле берабер – кечиниши боллар бар!* [3, 7]
Построчный перевод:
Вместе с голодающими – есть и те, кто живет в достатке!
2. *О – окъкувдыр ки, инсанларнынъ малыдыр,
О – илимдир ки, миллетнинъ кемалыдыр!* [3, 12]
Построчный перевод:
*Это ученье – достояние людей,
Это наука – совершенство для народа!*
3. *Ильмсиз кимсе билемез,
Керек эсап, язы, окъув!* [3, 15]
Построчный перевод:
*Без науки никто не просветиться,
Нужно, считать, писать, читать!*
4. *Эрмениге, къазақъкъа, черкезге –
Душманлыкътан къачайыкъ!* [3, 16]
Построчный перевод:
*Армянину, русскому, черкезу –
Не будем врагами!*
5. *Ильм иле фен, идер гонъю шень,
Къадрини билен, окъумакъ истер!* [3, 18]
Построчный перевод:
*Знания и наука веселят душу,
Кто знает их ценность, будет хотеть учиться!*
6. *Раат истер исенъ – пара, керек пара, пара, пара!* [3, 25]
Построчный перевод:
Если хочешь спокойно жить – нужны деньги, деньги, деньги!
7. *Ойле валиделер гузель бир муреббие,
Ойлеси верир балай тербие!* [3, 27]

Построчный перевод:

*Такие матери хорошие воспитательницы,
Они смогут хорошо воспитать своих детей!*

Не менее часто встречаются и **риторические обращения**. Их адресатами является народ, молодежь, личности, приносящие вред обществу, проявляющие антигуманистические настроения.

1. *Не агълайсынъ, эй, койлю, дурма, чѣльде ашлыкъ сач! [3, 9]*

Построчный перевод:

Что ты плачешь, крестьянин, не стой, сей зерно на поле!

2. *Зулма инсан дегиль ляйлыкъ,
Кель, яналым, кель, яналым! [3, 10]*

Построчный перевод:

*Человек не создан для насилия,
Приди, погорюем, приди, погорюем!*

3. *Алдынъыз да сатдынъыз бу миллети,
Ангинъыз бай олды, алтын толды? [3, 11]*

Построчный перевод:

*Взяли и продали этот народ,
Кто из вас на этом разбогател, кто осыплен золотом?*

4. *Хазинедир китап, джаилликтир азаб.
Чоджукъ гит мектебе, вар, къазан мертебе! [3, 23]*

Построчный перевод:

*Книга – это сокровищница, невежество – мученье.
Ребенок, иди в школу, иди, повышай свой уровень
(интеллектуальный)!*

5. *Сен чекиль, халкънынъ арасындан, чекиль!
Джумлеси бозулды къоркъунъдан, чекиль!*

.....

Уян, халкъым, уян, ач козюнъни! [3, 29]

Построчный перевод:

*Ты уйди от народа, уйди!
Все переполошились от страха к тебе, уйди!
Проснись, мой народ, открой глаза!*

6. *Бильмединъ, сен ич саадет къадрини, Валлах, татар!
Кимсенинъ индинде, бакъ, шимди сайылмаз, шах татар!.. [3, 31]*

Построчный перевод:

*Не ценил ты счастье, клянусь, татарин!
Смотри, теперь никто не считается с татаринот!..*

Проделанный анализ свидетельствует о том, что поэзия Усеина Шамиля Тохтаргазы характеризуется усиленным эмоционально-экспрессивным оттенком. Риторические конструкции и поэтические фигуры являются распространенным явлением его творчества. Они служат

для акцентирования внимания читателя на проблематику произведений, употребляются при передаче настроений и чувств автора, для выражения его идейной задумки. Его поэтический слог качественно отличается от произведений современников. В этом на наш взгляд определенную роль играют индивидуальные качества. По воспоминаниям учеников поэта он обладал ораторским искусством [5, 6], этот дар сполна реализовался и в его творчестве. Поэзия Тохтаргазы изобилует всеми приемами выразительности. Речь поэта проста и понятна, легко воспринимается на слух и быстро запоминается. Эти особенности послужили основным фактором столь распространенности его творчества среди народа в начале XX века.

Список литературы:

1. Айвазов А.С. Харджибиеде бир джинает// Терджиман. – 1913. – 24 сентябрь.
2. Мерхум Усеин Шамиль// терджиман. – 1913. – 15 октября.
3. Тохтаргазы У. Ш. Дюнъяда не вар? Беклериз. Эй, койлю! Тевъиди Шамиль. Миллетчилере. О недир? Байрам киме? Не керек? Келинъиз достлар! Маденият. Окъумакъ истер! Раат кечинмек. Кунеш. Чоджукъ, гит мектебе! Пара. Ашламалыйыз. Къаранлыкъ. Бир факъирнинъдуасы. Яззам артыкъ. Моллалар проекти [Пьеса] / У. Ш. Тохтаргазы. Саадет ичюн. [Тертип эткенлер А. Алтанлы, Ш. Алядин, Ю. Болат]. – Ташкент. – 1976. – С. 7-52.
4. Квятковский А. Поэтический словарь / А. Квятковский. – М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1966. – 377 с.
5. Бариев А. Языджынынъ сонъки йыллары / А. Бариев // Янъы дюнъя, 2005. – апрель 2. – С. 6.

«АБАЙ ЖОЛЫНДАҒЫ» АБАЙ БЕЙНЕСІН ПРОБЛЕМАЛАП ОҚЫТУ

А.М. Рахимғалиева

*Алматы қаласы, ҚАУ жанындағы
мектептің қазақ тілі мен әдебиеті пәнінің мұғалімі*

«Әлемнің басқа елдерінде де онымен
тең түсетін шығарма табу қиын;
бұл, менің ойымша, XX ғасырдағы
ең үздік шығармалардың бірі».

Луи Арагон

Тек ТМД елдерінде ғана емес, құдіреті мен маңызын бүкіл дүние жүзі мойындаған «Абай жолы» эпопеясын бағдарламада көрсетілген санаулы сағат ішінде оқушы жүрегіне өзінің шыққан биігі, құндылығы, кереметімен тұтас жеткізе білудің қаншалықты күрделі де қиын екені – мектеп мұғалімдеріне мәлім.

Абай арқылы жазушы XIX ғасырдың екінші жартысындағы, яғни елу жыл ішіндегі бүкіл қазақ қоғамының ұлы картинасын жасаған. Ол арқылы қазақ даласындағы демократиялық, прогрессивтік, гуманистік ой ағымдарды, ескі мен жананың күресін, қазақ даласы үшін жаңа кезең басталар алдындағы, ЯҒНИ ояну кезеңін шынайы тұрғыда көрсете білген. Сол себептен де Абай бейнесін талдауды тек жекедара алып қарастырмай, бір жүйеде қарастырған жөн. Мысалы, Абай бейнесін талдауға 2 сағат уақыт берілді делік. Бірінші сағатта 1 –2-томдағы – Абай объектіге алынса, екінші сағатта 3-4-томдағы Абай бейнесі талданды. Оқушылар бірінші сағаттағы Абай бейнесіне «Тасқа шыққан шынар» деген атты эпиграф етіп алса, ал екінші сағаттағы Абай бейнесіне «Жайқалған бәйтерек» деген атты эпиграф етіп алды.

Абай бейнесін талдау алдында оқушылар «Абай бейнесінен алған әсерім» атты шағын шығарма жазды. Проблемалап оқытуда мұндай жұмыстардың тек оқушы ғана емес, мұғалім үшін де практикалық маңызы ерекше мол.

Себебі, мұғалім алдын-ала талқыланғалы отырған тақырыпты оқушылардың қай деңгейде меңгере білгенінен хабардар болады, жаңа сабақта қандай мәселелерге ерекше көңіл бөлу керек екенін анықтайды, оқушылар алдарында тұрған проблемалы жағдаяттарды шешуге, қорытынды жасауға, олардың қай дәрежеде дайын екеніне талдау жасай біледі. Тіпті мұндай тапсырмалар сабақта мұғалімдердің әдіс-тәсілдерді де ұтымды түрде таңдай білуіне, оларды тиімді пайдалана білуіне көп көмек етеді.

Енді оқушылар жауабына үңілейік. Оқушы С... жауабынан үзінді:

«Абай маған эпопеяның алғашқы «Қайтқанда» бөлімінен-ақ ұнады. Небәрі 13 жастағы Абайдың үлкен, ақылы толған адамдарды өзінің тапқырлығымен шебер алдап, оларды шошыта білуі оқырманды еріксіз сүйсіндіреді. Сондай-ақ әке тапсырмасымен елдің әр түрлі ісіне араласып, «сәлем» жеткізуші Абай да жүрегіме жылы тиді. Ол әкесінің ғана сәлеміне құл болмай, оны іштей сарапқа салып жүреді, әкесінің ісі дұрыс емес екенін болжайды. Бірте-бірте бұл іштей ойланудың кейін үлкен, әділет күшіне айналып, сыртқа шыққанының куәсі боламыз. Өз ойымша, 24 жастағы Абайдың әкесінің өзіне қойған үш мініне қайтарған жауабы осыны дәлелдейді.

Ал кейінгі кітаптарда жатақтардың жан досы, әйелдер теңсіздігінің қорғаны, феодалдық қауымның айыптаушысы, соған қарсы күрескер Абаймен танысамыз. Абай мен Михаэлис, Павлов

арасындағы қарым-қатынас және оның Ербол, Базаралы, Дәркембай, Салтанат қыз арасындағы достығы – кейінгіге үлгі, нағыз достықтың шын бейнесі. Осы достық та маған қатты әсер етті».

Оқушы Д... жауабынан үзінді:

«... Мен таныған Абай – нәзік жанды, биязы, сезімтал. Ал осы қасиеттердің оның асыл аналарынан қалыптасқаны эпопеяда қандай үлкен сезіммен берілген десеңізші!

Қодар мен Қамқа өлімі үстінде ауырып келген Абайға Зере бар жан-тәнімен аналық бата бермей ме! Кәрі ананың батасы қабыл болып, біз эпопеяның өн бойынан мейірімді, ізгілікті, асыл жан Абаймен сырлас болмаймыз ба? Ұлы ақынның алғашқы махаббаты қандай нәзік берілген десеңізші! Маған сонымен қатар, Абайдың Тәкежан, Оразбайлармен, қазақ даласын отаршылдықта ұстаған Ресей шенеуніктері, жандаралдарымен күресі де қатты әсер етті. Ол халықтың шын ұлы, болашаққа, ізгі жолға бастаушы ұлы ретінде тамаша суреттелген деп ойлаймын».

Міне, оқушылардың осы жауабынан олардың Абай бейнесінен алған алғашқы әсерлерін, тіпті өз беттерінше ой топшылауларын да көреміз. Сонымен қатар, оқушылар образды жасаудағы, оны ашудағы жазушының идеялық-эстетикалық мұрат-мүддесіне тоқталмаған, жазушы табысын сөз етпеген, әдеби терең талдаудан гөрі, эмоциялық әсерлеріне кең орын берген. Абай бейнесін ашуда біз негізгі проблеманы «Абай және феодалдық қоғам проблемасы. Оны көрсетудегі Мұхтардың философиялық-эстетикалық табысы» айналасында қарастырдық. Тақырыпты төмендегі жоспар бойынша проблемалы баяндадық.

1. Абайдың феодалдық қоғаммен бетпе-бет кездесуі. Заман шындығын түсінуі. Мұхтардың оны көрсетудегі жазушылық шеберлігі.

2. Әке мен бала. Абайдың әке жолынан бөлек кетуі. Оның негізгі объективті себептері. Осы мәселедегі Мұхтардың философиялық-идеялық мұраты.

3. Абай және кедей-жатақтар проблемасы. Абай – халық қамқоры.

4. Абай және орыс достары. Білімге бас қою. Михайловқа дейінгі Абай көзқарасы мен Михайловтан кейінгі саяси көзқарасы. Салыстыру, дәлелдеу.

5. Абай және әйелдер тағдыры. Абай – гуманист.

6. Абай – халық деп жырылай бастаған сыншыл, реалист ақын. Қалай ойлайсындар, кітаптар неге осылай аяқталған? Жазушының негізгі көздеген мұраты нені меңзейді?

7. «Биікте» бөлімі және Абай жеткен биіктік. Сол биіктікке Абайды алып келген не? Ол эпопеяда қалай шешілген?

Бірінші сұрақ бойынша оқушылар мәтінді пайдалана отырып, әке мен бала (Абай мен Құнанбай) арасына байланысты іс-

әрекеттерді жинақтап, өздерінше пікір айтады. Анау қаладан қайтқандағы Абайдың әке алдына барып сәлемдесуіндегі әке мен бала арасындағы салқындық. Қодар мен Қамқа өліміне байланысты Абайдың әкесіне деген сезімі. Кәмшаттың трагедиялық өмірі. Құнанбайдың Бөжейлерге, халыққа жасап отырған озбырлығы, бірінші кітаптың аяғындағы әке мен бала диалогі, Қарқаралыдағы Құнанбай, Шөженің мысқыл өлеңі. Өмірді ажалдан құтқару, Құнанбайдың қарғысы – осының бәрі Абайдың өз әкесінен мүлде бөлек кетуіне, оның басқа жол, басқа өріс іздеуіне әкелген оқиғалар екенін оқушылар жақсы әңгімелеп берді. Ал әке мен бала проблемасының эпопеядағы философиялық түйіні оқушыларды ойландырды. Осы жерде мұғалім көмегімен әке мен бала арасы эпопеяда ескі мен жаңаның күресін, феодалдық қоғам мен болашақ жаңа заманның арақатынасын бейнелейтіні ашылады. Тақырыпты осы жоспар негізінде проблемалы баяндай отырып, алдарындағы проблемалы жағдаятты шешу мақсатындағы оқушыларға төмендегідей проблемалы сұрақтар бердік.

1. Эпопеядағы әке мен бала арасындағы қарым-қатынас арқылы жазушы нені аңғартады? Әке мен бала проблемасының эпопеядағы философиялық түйіні неде?

2. Қалай ойлайсындар, «Қайтқанда» бөліміндегі Құнанбай портреті, оның айналасындағылардың сипаты, үй іші неге Абай арқылы, оның ішкі сезімі арқылы беріледі?

3. «Жолда», «Өрде», «Қияда» бөлімдеріндегі Абайдың іс-әрекетін сарала. Қалай ойлайсындар, бөлімге жазушы неге осылай ат қойған? Осы бөлімдердегі әке мен бала арасындағы қайшылық, келіспеушілік. Оның объективті себебін жазушы қалай көрсеткен?

4. Абайдың Михайловпен кездескенге дейінгі көзқарасы, саяси сана-сезіміндегі қайшылық. Ол қайшылықтың негізгі себептері неде деп ойлайсындар?

5. Абай мен халық арасы. Бұл проблема эпопеяда қандай көрініс тапқан? Дәлелде.

6. 1, 2-кітаптың аяғындағы ең ақырғы абзацтарды тауып оқындар. Осы абзацтар арқылы бірінші кітаптағы Абай мен екінші кітаптағы Абай жеткен биікті межелендер.

Үшінші сұрақ бойынша оқушылар «Жолда», «Өрде», «Қияда» бөлімдеріндегі Абайдың іс-әрекетіне тоқталып, бөлімдердің неге осылай аталғандығы туралы өз пікірлерін ортаға салды. Оқушылармен бірлесе отырып, бұл бөлімдер Абайдың қияға қарай өрлеп келе жатқан бетін, яғни жолдан гөрі қияның биік екенін өздері қорытындылады. Әсіресе, оқушылар назарын Абайды биікке көтеру сатыларын Мұхтардың ерекше шындықпен көрсете білгеніне, Мұхтар шеберлігіне аудардық. Осы мәселені өз беттерінше шеше білулеріне көңіл бөлдік. Оқушылардың өз бетінше ойлауын, ізденуін, танымын арттыруды

мақсат ете отырып, үйге төмендегідей топтық тапсырмалар бердік. Топтық тапсырма зерттеу әдісіне құрылды.

I топ

Абайдың қалыптасу, жетілу кезеңдерін эпопеядағы оқиғаларды жинақтай отырып, әр бөлімге тоқтала отырып, кесте үлгісінде көрсет. Абайдың сөйлеу тілінен мысал келтіріп, оның образды ашудағы рөліне тоқтал.

II топ

Абайдың эпопея бойынша демократтық, гуманистік көзқарастарын дәлелде.

III топ

Абай және дін. Абай және әйелдер теңсіздігі. Осы мәселелер эпопеяда қандай шешім тапқан?

IV топ

Эпопеядан Абай туралы жылы лебіздерді топта. Ол лебіздер Абайдың қандай іс-әрекетіне байланысты айтылған?

V топ

«Абай – атаның ұлы емес, халық ұлы». Дәлелде. Абайды халыққа әкелген не? Қандай объективті жағдайлар?

VI топ

Абайдың үстем тап өкілдеріне қарсы өзіне ұнаған сөйлеу тілінен мысалдар жаз. Кейіпкер тілін жасаудағы Мұхтар шеберлігі неде?

Шынайы тұрғыда көрсете білгендігі екенін айттық. Сол себепті де бөлімдерге «Жолда», «Қияда», «Өрде» деген ат қойылғанын тұжырымдадық. Төртінші сұрақта Абайдың Михайловқа дейінгі көзқарасын топшылаттық. Абай көзқарасындағы қайшылыққа, орыс патшасының қазақ даласындағы отарлау саясатына үңіле бермеуіне назар аудара отырып, Абай көзқарасындағы осы бір қайшылықтың объективті шындықтан туғанын оқушылардың өздерінің қорытындылауына жетектедік. Сол кезде тап тартысының қазақ даласында кең бой көрсетпеуі, халық санасының артта қалуы Абай көзқарасына әсер еткеніне тоқталдық. Тарихтан алған білімдеріне үңілдік.

Бірінші сұраққа жауап ретінде нақты мысалдар келтіре отырып, Абайдың халықпен, бұқара халықпен достық қарым-қатынасына тоқталдық. Оларды ең негізгі ойландырған мәселе осы достықты көрсетудегі Мұхтар шешімі, идеясы болды. Әр түрлі пікір таластыра келіп, бұл достық жәй қамқорлықтан туған достық емес екенін, ол саяси санасы жетілген, гуманистік сипаттағы достық екенін, Абайдың демократтық көзқарасын бейнелейтін достық екенін қорытындыладық. Бұл достықтың Абайдың Құнанбай жолынан, өз ортасынан бөлініп шыққандағы халық арасынан тапқан асыл қазынасы сипатындағы достық екеніне тоқталдық. Эпопеядағы Мұхтар

табысы да осы ұлы достық пен әділеттік, гуманизм жолындағы күресті көрсетудің философиялық түйіні екенін дәлелдедік. Екінші сұрақ бойынша оқушылар әр түрлі болжам айтты. Біреуі Құнанбай портретін Абай сезімі арқылы беру – ол жазушының өз стилі ерекшелігі, солай беру жазушыға ыңғайлы десе, енді біреуі Абайдың Құнанбайды ұнатпауы оның іштей Құнанбайға берген осы портретінен анық көрінеді, сондықтан жазушы Құнанбай портретін жасауда осындай әдіс-тәсіл пайдаланған деді. Осы болжамдарды негізге ала отырып, бұл пікірлердің шындыққа жанасатын жерлеріне көңіл бөле отырып, Құнанбай портретінің Абай сезімі арқылы берілуінде терең идея, түйін жатқандығын түсіндірдік. Яғни Құнанбайдың суық портреті, үй ішінің сүреңсіз ала көлеңке келбеті Абайға ерекше жат, үйде-гілердің әңгімесі де жат. Абайдың әкемен келіспеуі, екеуінің жолы болашақта екі жаққа айырылатыны Абайдың оған деген суық сезімі арқылы берілгені, ал Мұхтардың Құнанбай портретін Абай сезімі арқылы көрсетуі оның шеберлігі екені айтылды.

Алтыншы сұрақ бойынша оқушылар 1-кітап пен 2-кітаптың ең соңғы абзацтарын мәтіннен оқып, ол абзацтардың астарлы мағынасына назар аударды. 1-кітаптың аяғындағы «Жас шынар» – яғни «қыс та, аяз да қатерлі емес жас шынар» ол Абай екенін, тіпті осы абзацтың кітап бойынша Абай бейнесіне берілген қорытынды екенін оқушылардың өздері түсіне, қорытындылай білуіне назар аудардық.

Осы бір сөздер Абайдың халық үшін күрескер дәрежеге көтерілгенін, халық мұңының, халық жоғының жоқтаушысы дәрежесіне көтерілгенін айқындайтынын қорытындыладық. Ал жазушының негізгі идеясы осы екі абзац арқылы Абай жеткен межені болжайтынына оқушылар ойын, танымын топтастырдық.

Жетінші сұрақтың ең негізгі түйініне, яғни Абай жеткен биіктік, сол биіктікке көтерілу сатылары, Абайды биікке көтерген объективті жағдайға оқушы назарын аудардық. Мұнда оқушылар Абайдың өз бетінше оқып-үйренуі, орыс достары, Михайлов, орыстың озық мәдениеті мен әдебиеті, оның Абайға әсері Татьянаны қазақ сахарасына алып келгенін, ал бұл биіктік:

- адамгершілік биігі;
- мейірімділік биігі;
- ақындық биігі;
- демократ-ағартушы, философ биігі екенін ойша пайымдады.

Сабак кезінде әр топ жетекшісі өз тобында тапсырманың орындалу нәтижесі туралы хабарлап, қандай мәселе оларға қиын тигенін, сол бойынша көмек керек ететіндерін ортаға салды. Олардың жауабын талдап, қиын тиген мәселені сынып болып талқыладық.

Міне, осындай жұмыстар оқушылардың танымын, ойлау белсенділігін арттыруда ерекше тиімділік көрсетті. Топтық-практикалық жұмыстар проблемалық жағдаятты оқушылардың өз бетімен шешуіне, өз бетімен негізгі мәселе айналасында ізденуіне де өте тиімді.

Пайдаланылған әдебиет тізімі:

1. Әуезов М. Абай Құнанбаев. – А., 1995 ж.
2. Абай Құнанбайұлы. Шығ. Екі томдық толық жинағы. – А., «Жазушы», 1995 ж.
3. Абай. Энциклопедия. – А., «Ата мұра», 1995 ж.
4. Айтматов Ш. Ұстаз туралы сөз. – А., «Ғылым», 1997 ж.
5. Қабдол З. Әуезов. – А., «Санат», 1997 ж.
6. Токтаров Р. Абайдың жұмбағы. – А., 1999 ж.
7. Бердібай Р. Мұхтар шыңы. – А., «Ғылым» 1997 ж.
8. Әуезов М. «Абай жолы» роман-эпопея. 4-томдық. – А., «Жазушы», 2000. 2003. 2007. 2006. ж.

**ПОЛИЖАНРОВАЯ СТРУКТУРА РАЗДЕЛА «ГОЛОСА ДРУЗЕЙ»
В «КНИГЕ ПРО СЕБЯ И ПРО ВСЕХ» В.В. БАДИКОВА**

З.Н. Поляк

к.ф.н., доцент, КазНПУ им. Абая

Г.Ш. Наршаева

магистрант КазНПУ им. Абая

Аннотация. В статье сделана попытка первого исследования одного из разделов второй посмертной книги казахстанского литературоведа Виктора Владимировича Бадикова. Рассматриваются особенности жанровой принадлежности текстов, включенных в раздел «Голоса друзей» и соответствие их тенденции жанрообразования, свойственной современной документально-художественной литературе. В результате исследования выявлены их жанровые разновидности.

Ключевые слова: полижанровость, трансформация жанра, синтез жанров, малая проза, художественный текст.

Түйіндеме. Мақалада қазақсан әдебиеттануындағы ең әйгілі ғалымдарының бірі Виктор Владимирович Бадиковтың екінші кітабының бір бөлімі бірінші рет зерттеліп отыр. Қазіргі замандағы деректі-көркемдік әдебиетке сәйкес «Голоса друзей» бөліміндегі мәтіндердің жанрлық ерекшеліктері, олардың жанрлық қалыптасуға мүмкіндігі қарастырылды. Зерттеу негізінде олардың жанрлық әртүрлілігі анықталды.

Түйін сөздер: полижанрлылық, жанр трансформациясы, жанр синтезі, кіші проза, көркем әдебиет мәтіні.

Abstract. The article attempts to conduct the first research of one of the sections of the second posthumous book of the Kazakh literary critic Viktor Vladimirovich Badikov. The peculiarities of the genre belonging of the texts included in the section "Golosa družey" and the correspondence of their tendency to genre formation, characteristic of modern documentary and fiction literature, are considered. Based on the research, their genre varieties are revealed.

Keywords: poligenre, genre transformation, synthesis of genres, small prose, artistic text.

Современное литературоведение выявляет несколько тенденций жанрообразования, характерных для литературы конца XX – начала XXI веков: интерграция (создание новых жанровых форм); контаминация (смешение близких черт двух и более жанров); конвергенция (взаимоуподобление элементов, присущих нескольким жанрам); трансформация (встраивание новых признаков другого жанра, приводящее к изменению общих свойств жанра); появление синтетических жанровых образований; создание сверхжанровых образований.

Жанровые изменения в своё время проследил Юрий Николаевич Тынянов, писавший, что жанр смещается, т.е. происходит процесс жанрообразования при сохранении базовых характеристик отдельных жанров, входящих в некий «метажанр». Жанровая принадлежность для Ю.Н. Тынянова определяется единовременным рассмотрением формы и «функции» (содержательная сторона) исследуемого художественного текста. «Форма с неопределенной функцией вызывает новую, определяет ее. Есть примеры другого рода: функция ищет своей формы» [1, 276], – таково справедливое определение жанрообразования представителя русского формализма Ю.Н. Тынянова.

Подвижность жанровой категории в своих исследованиях рассматривали С.С. Аверинцев [2], М.М. Бахтин [3], Л.В.Чернец [4], Н.Л.Лейдерман [5]. Активизацию жанровой трансформации предопределила специфика развития литературы конца XX – начала XXI веков. Современная литература развивается под эгидой свободы авторского слова, авторской власти над жанром. При создании индивидуально-творческой модели мира у автора-демиурга два пути: следовать традиционным канонам жанра или модифицировать жанр с сохранением свойственных ему первооснов. Эта общая тенденция заметна и в документально-художественных жанрах. Главной особенностью жанровой трансформации в документально-художественных произведениях является «статика содержательного характера» при

гибкости формы. Содержательная сторона документальной прозы диктуется авторской интенцией передачи реальных событий.

В казахстанском литературоведении исследователями жанровой категории русской литературы Казахстана стали такие видные литературоведы, как: И.А. Смирин, А.Л. Жовтис, Н.С. Савченко, Т.М.Мадзигон, А. Алимжанов, В.В. Бадиков, П. Косенко, О.В. Мацкевич, Ж.Ж. Толысбаева. Наряду с категорией жанра исследователи в своих теоретико-фундаментальных трудах рассматривали различные стороны казахстанской русской литературы. Они отмечали тяготение прозаиков Казахстана к очерку и рассказу, в которых основой сюжетопостроения и создания характера становятся документальность и фактография. «В развитии повесть изменяет свою сюжетику и композицию, усиливает психологизм и синтез, поднимается до уровня романа в видении внутреннего мира человека и социальной действительности» [6, 20]. Подобная тенденция жанровой трансформации в русскоязычной литературе Казахстана прослеживается с 60-80-х годов XX века.

В нашей статье мы рассматриваем формально-содержательную сторону художественных текстов, где смысловая конструкция текста может предопределить ее жанровую принадлежность. В статье мы обратимся к изданию, которое уже по своему замыслу является полижанровым. Это посмертно изданная «Книга про себя и про всех» [7] известного казахстанского литературоведа, литературного критика и педагога Виктора Владимировича Бадикова (1939-2008). У книги есть подзаголовок: «Творчество. Жизнь. Голоса друзей». Составителем книги, её редактором и вдохновителем стал казахстанский писатель, литературный критик Адольф Арцишевский. Друг и соратник В. Бадикова, А. Арцишевский собрал в этой книге прозу безвременно ушедшего литератора, его литературно-критические работы, литературоведческие эссе.

Мы остановимся на том разделе книги, где собраны разнообразные отклики на личность Виктора Бадикова, написанные лично знавшими его современниками. Именно в этом разделе, названном «Голоса друзей», наиболее ярко представлена картина многожанровости документально-художественных произведений современной казахстанской литературы.

Взаимодействуя между собой в мозаичном тексте книги, каждая из этих миниатюр и сама по себе оказывается полижанровым образованием. Попытаемся кратко определить жанровые признаки каждого произведения из раздела «Голоса друзей».

Текст выдающегося казахского писателя Абдижамила Нурпеисова «Время душевно-интеллигентных людей безвозвратно уходит» можно определить как мемуарно-портретную заметку. В ней автор рисует образ Виктора Бадикова с чувством глубокого дружеского расположения и уважения: «На редкость скромный, деликатный и высочайшей пробы

интеллигент...» [7, 193]. Эта заметка представляет собой соединение мемуарной прозы и психологического портрета. Происходит некий синтез художественного и документального, где явно превалирует субъективная оценка автора рассматриваемого текста.

Главный режиссер Государственного академического русского театра драмы им. М.Ю. Лермонтова Рубен Андриасян создаёт выразительную портретную зарисовку. В ней Бадиков увиден глазами театрального деятеля и описан характерными для режиссёров и актёров выражениями: «Он был естественен во всем, – никакой рисовки, умищания, подыгрывания обстоятельствам, – природная органика». В жанровом отношении этот текст можно определить как мемуарно-психологическую зарисовку.

Наиболее интересным в содержательном и жанровом отношении нам представляется воображаемое беллетризованное интервью, составленное Адольфом Арцишевским из высказываний о Бадикове казахстанских литераторов – Надежды Поведенок, Бахыта Каирбекова, Надежды Черновой, Людмилы Енисеевой. «Он (Бадиков) стряхивает пепел с сигареты, как бы удерживая на ее кончике нить разговора...» [7, 198]. В результате рождается полифонический текст, позволяющий представить образ Виктора Владимировича живым и многогранным.

Среди откликов раздела «Голоса друзей» нашлось место и прочувствованному отклику на внезапную гибель Виктора Бадикова. Любови Шашковой в жанре некролога удалось передать горечь и скорбь его друзей и соратников по литературному цеху. Признаки некролога явно прослеживаются в повторяющихся фразах: «невосполнимая утрата», «потеря его невозполнима», «потеря его трагична».

В раздел включено произведение, написанное известным казахским писателем и драматургом Дулатом Исабековым, – «Изначальное слово о Бадикове». Жанровое определение этого текста соответствует названию и содержанию – «слово». Жанр «слова» берет своё начало в древнерусской литературе. Уже тогда он был полижанровым образованием. Например, «Слово о полку Игореве» включает элементы воинской повести, героической поэмы, былины, ораторской речи и т.д. В «Слове...» Дулата Исабекова тоже переплетаются черты разных жанров. Прежде всего – очерка и мемуаров. Можно дать две условные характеристики исследуемого текста:

- 1) соответственно названию и содержанию – «слово»;
- 2) по авторскому определению – «очерк».

Черты мемуарного очерка дополняются элементами историко-культурных реминисценций (премьера пьесы Д. Исабекова «Сети дьявола», выход книги «Возвращение брата»).

Вера Владимировна Савельева создала многоаспектный портрет литературоведа под названием «Творческие маски Виктора Бадикова».

Герой портрета представлен в разных ипостасях: литературный критик, участник литературного быта, ученый-филолог, писатель и поэт. Созданный писательницей текст состоит из нескольких частей:

1. «Летописец литературной жизни Казахстана» – литературно-биографический очерк (обзор литературоведческих трудов Бадикова).

2. «Знаковая фигура литературного быта» – литературный портрет В.В. Бадикова. «Сводить счеты, подкусывать, подглядывать было не в его стиле. А стиль этот можно было назвать рыцарским. И бессменной дамой его сердца была художественная литература» [7, 207].

3. «Бадиковское автороведение»: «Авторское сознание Виктора Бадикова его (социальный заказ) выполняло и тем самым заслужило право на «покой и волю» и даже более – на «тайную свободу»» [7, 210].

4. «Лебедина, исповедальная проза»: «Творческие маски отличаются от лица и тем, что лицо исчезает, а они остаются. Виктор Бадиков ничего не унес с собой. Он оставил нам лучшее в себе» [7, 212].

В этом литературно-биографическом очерке В.В. Савельевой удалось показать различные грани личности и творческой работы Виктора Бадикова. Он показан как знаковая фигура казахстанского литературного процесса, как порядочный и обаятельный человек, как автор оригинальных литературоведческих концепций и создатель исповедальной прозы.

С особой задушевностью и художественным мастерством написан рассказ Надежды Михайловны Черновой «Чистый виноград». Лейтмотивное построение рассказа соединяет три части, условно разделенные особенностью формы и содержания:

1) Лирическое посвящение Виктору Бадикову.

2) Рассказ с мемуарными элементами. В рассказ включаются мемуарные заметки современников, например, Тамары Мадзигон: «У Бадикова появился европейский лоск. Эти длинные ноги, как он их закидывает одна на другую! И скованности прежней нет, он распрямился. Раньше Витька и Витька, а теперь... Я посмотрела на него другими глазами – такой теперь интересный мужчина...» [7, 214].

3) Лирическое отступление – раскрытие темы, концентрация лейтмотива. Метафора, заложенная в названии, раскрывается в тексте рассказа: «Так они (гречанки) плясали и мяли ногами синий виноград, пока не полился из трубки в чане мутный поток земных соков... Так вот и нас – жизнь мнет и очищает, отцеживая из наших душ все мутное и сорное, добываясь чистого винограда» [7, 216-217].

Именно таким – чистым и прекрасным вспоминается Бадиков автору. Надежда Чернова как будто пробегает памятью через все встречи с умершим другом, показывает его в разных жизненных ситуациях, глазами разных людей. Эти разрозненные эпизоды сцепляются в единое художественное целое благодаря лирической интонации автора. Надежда

Чернова и в своей прозе остаётся поэтом: «Говорят, Виктор погиб, возвращаясь с экскурсии по памятным местам. Говорят ... Но я не верю... Я вообразила себе, что он просто отстал от своей группы, и ушел странствовать в ракушечные пески полуострова, как странствовали бродячие певцы и пророки Степи, которые жили в известняковых белых пещерах, где молились и слагали стихи» [7, 214].

Известный казахстанский журналист и блестящий литератор Людмила Енисеева-Варшавская создает в своем мемуарном этюде не внешний, а внутренний портрет Виктора Бадикова: «основательный и во всем системный человек», «он был просто вдумчивым, серьезным». «Этакий Дон Кихот Ламанчский, добивающийся правды и справедливости для кого-то незаслуженно обиженного» [7, 217-220].

Поэт Бахыт Каирбеков высказался, как и подобает поэту, стихами. В книгу включены его стихотворения, посвященный В. Бадикову, – «Письмо другу», «Другу».

Краткий обзор раздела «Голоса друзей» из «Книги про себя и про всех» В.В. Бадикова показывает, что большинство собранных в разделе текстов тяготеет к малой мемуарной прозе. Вместе с тем, оказалось возможным выявить несколько жанровых разновидностей изученных нами текстов. Среди них:

1. мемуарно-портретная заметка;
2. портретная зарисовка;
3. беллетризованное воображаемое интервью, реконструированное составителем;
4. некролог;
5. «слово» с элементами мемуарного очерка;
6. литературно-биографический очерк;
7. лирический рассказ;
8. мемуарный этюд;
9. стихотворение.

Богатство жанровых разновидностей на небольшом текстовом пространстве становится подтверждением существования в современной литературе тенденции к диффузии жанров, к жанровым модификациям, к появлению новых – авторских – жанров. Интегрируя сложившиеся каноны жанров, авторы исследованных нами текстов сумели создать их неповторимые формы, в которых запечатлели свое видение личности Виктора Владимировича Бадикова в контексте культурной жизни страны.

Список литературы:

1. Тынянов Ю.Н. О литературной эволюции // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М., 1977. – С. 270-281.

2. Аверинцев С.С. Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации // Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. – М., 1996. – 480 с.
3. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
4. Чернец Л.В. Литературные жанры. – М.: Издательство Московского ун-та, 1982. – 192 с.
5. Лейдерман Н.Л. Теория жанра / Институт филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник» УрО РАО; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2010. – 904 с.
6. Акашева С.С. Русская повесть Казахстана 60-80-х годов XX в. (Вопросы жанра и стиля). – Алматы: Алла прима, 2007. – 50 с.
7. Виктор Бадилов. Книга про себя и про всех / Сост.: Бадилова В., Арцишевский. – Алматы, 2009. – 300 с.

МОТИВ ЧУДА В РАССКАЗАХ Н. ВЕРЁВОЧКИНА

З.Н. Поляк

к.ф.н., доцент КазНПУ им. Абая

Н.С. Ермек

магистрант КазНПУ им. Абая

Аннотация. В статье рассматривается мотивная структура рассказов казахстанского писателя Н. Верёвочкина на примере мотива чуда. Тема чудесного в реалистических рассказах для детей позволяет создавать подтексты, моделировать события сюжета. Мотив чуда выступает здесь как способ характеристики персонажей и оказывается структурообразующим в композиции и жанровой специфике произведения.

Ключевые слова: детская литература, мотив, подтекст, реалистический рассказ.

Түйіндеме.

Мақалада қазақстандық жазушы Н. Веревоочкин әңгімелеріндегі сарындық құрылым ғажайып сарын мысалында қарастырылады. Балаларға арналған реалистік әңгімелердегі ғажайып тақырыбы сөз астарын құруға, сюжет оқиғаларын бейнелеуге мүмкіндік береді. Ғажайып сарыны бұл жерде кейіпкерлерді сипаттау тәсілі ретінде көрініп, шығарманың құрылымы мен жанрлық ерекшелігіндегі құрылымдық түзілісті көрсетеді.

Түйін сөздер: балалар әдебиеті, сарын, сөз астары, реалистік әңгіме.

Abstract. The author considers the motive structure of the stories of the Kazakh writer N. Verevochkin on the example of the motive of the miracle. The theme of miraculous in realistic stories for children allows you to create subtexts, simulate story events. The motif of the miracle acts here as a way of characterizing the characters and turns out to be structure-forming in the composition and genre specificity of the work.

Keywords: children's literature, motive, subtext, realistic story.

Николай Николаевич Верево́чкин (р. 1949) – современный казахстанский писатель. Его произведения публикуют казахстанские и российские литературные журналы, он автор нескольких книг и лауреат престижных литературных конкурсов.

В прозе писателя литературная критика отмечает оригинальные черты его повествовательной манеры: сочетание былей и небылиц, введение фольклорных образов в повествование о современности. При этом сказочные и былинные мотивы пересекаются с шаржем, карикатурой, фельетонной интонацией. А реминисценции из Гоголя и Салтыкова-Щедрина углубляют социальную сатиру обращением к классической традиции [1].

Повести и романы Н. Верёвочкина адресованы, в основном, взрослым. А среди его рассказов много произведений для детей. Некоторые из них вошли в хрестоматии по литературе для казахстанских школьников.

Обратившись к анализу нескольких детских рассказов писателя, попробуем выделить среди их мотивов один важный не только для сюжета, но и для понимания художественного мира автора.

Теоретик литературы В.Е. Хализев отмечал: «Внимание к мотивам, таящимся в литературных произведениях, позволяет понять их полнее и глубже» [2, 267]. Однако мотив как литературоведческое понятие трактуется учёными по-разному. Выделяют несколько типов мотивов: мифологический, мотив-ситуация, мотив-действие, мотив-образ, мотив-характеристика, мотив-пейзаж, пространственный и психологический мотивы.

Наше понимание термина «мотив» восходит к его тематической трактовке у Б.В. Томашевского: «Эпизоды распадаются на еще более мелкие части, описывающие отдельные действия, события и вещи. Темы таких мелких частей произведения, которые уже нельзя более дробить, называются мотивами» [3, 71]. Современный исследователь продолжает применение этого понимания термина: «Наряду с фабулой и сюжетом, тема – ближайшая к мотиву категория» [4, 59].

В литературе для детей писатели воссоздают сложный мир ребёнка, в котором, по мысли Я. Корчака, важны не только познание нового и физическое развитие, но огромное значение имеет сказочный мир мечты.

А мечта неразрывно связана с прекрасным будущим, в котором возможно всё – даже то, что сегодня кажется невозможным и неосуществимым. Так в детскую литературу входит мотив чуда.

Сказочные образы, фантастика – неперенный атрибут жанра литературной сказки. Но и в реалистических рассказах для детей возникает тема чудесного. Посмотрим, как это происходит в рассказах Н.Верёвочкина.

Действие рассказа «Птица» разворачивается в селе зимой. «Птица прилетела утром на крыльях цвета зари, цвета мякоти созревшего арбуза. <...> Это была не просто птица. Это была Птица из сказки, которая словно только что вылетела из рук Иванушки, оставив его с открытым от изумления ртом» [5, 14]. Разноцветное оперение птицы делает её похожей на сказочную Жар-птицу, появление которой на колышке обычной сельской ограды кажется невозможным. Но ведь в этом и суть чуда! Если не учитывать религиозную трактовку этого понятия, то в житейском представлении под чудом понимают событие или явление, противоречащее естественному ходу вещей. Его трудно объяснить, это нечто поразительное, удивляющее своей необычностью.

Именно так воспринимают появление радужной птицы жители села: «боясь резким движением спугнуть таинственную незнакомку», «изумлённо рассказывал о чудесном оперении» [5, 14], «увидела странную, никогда не виданную птицу», «такая необычная, такая чудесная, такая сказочно прекрасная птица» [5, 15].

В художественном пространстве этой прозаической миниатюры (полторы страницы текста) можно выделить два основных локуса – больница и школа. (Термин «локус» используется для обозначения пространственной структуры текста; им принято определять закрытые пространства или конкретные пространственные образы) [6]. Оба вполне реалистических места действия выбраны писателем не случайно: во-первых, это большие здания, заселённые множеством людей – свидетелей случившегося чуда. Во-вторых, каждое из этих помещений вызывает в сознании читателя определённые ассоциации.

Больница – это место временного пребывания людей, страдающих от болезни. Из больницы возможно два выхода – возвращение выздоровевшего человека к обычной жизни или смерть. Такое пограничное положение больницы как пространственного образа создаёт особое художественное напряжение. Среди обитателей больницы более подробно обрисованы только двое – мальчик и старик. Это тоже два полюса человеческой жизни – детство и старость. Мальчуган в восторге от увиденного: он «приплюснул нос к холодному стеклу, в его серых глазах запыхали две розовые птицы» [5, 14].

Понятна восторженность ребёнка: его детский взгляд на мир всегда готов к восприятию чудесного. Гораздо интереснее реакция на

произошедшее безнадежного больного – старика «с волосами белыми, как стерильные бинты, с потухшими глазами» [5, 14]: «<...> старику вдруг захотелось жить. Его изношенное сердце по-молодому вздрогнуло» [5, 15].

Оказывается, чудо, ворвавшееся в обычную жизнь, имеет целительное действие, что тоже само по себе – чудо.

«А птица вспорхнула и полетела к школе» [5, 15].

Школа – пространство, знакомое каждому, и потому – многозначное. Переживания ребенка и взрослеющего подростка, связанные со школой, не всегда бывают радостными. Почти неизменный спутник школьного быта – однообразие и скука на уроке. Именно такой урок ведет учительница «с серыми, словно застиранными волосами, скрученными в старомодную «дульку», и строгими глазами нараспев выговаривала губами, похожими на засушенные яблоки для компота...» [5, 15]. Этот портрет как будто не оставляет сомнений: перед нами человек профессионально и человечески «выгоревший», погруженный в повседневные заботы, не способный к творчеству. И вдруг появление за окном класса необычной птицы вызывает почти волшебное преобразование: «Ах, – сказала учительница. – Что это за чудо!» [5, 15]. Скудный урок прерван, все бросаются к окну. Молодая горячность и восторженность учительницы свидетельствуют о том, что ещё не всё потеряно: она способна радоваться удивительному и восхищаться прекрасным. Вновь внешнее чудо способствует чуду внутреннего преобразования человека, который открывается своим ученикам с непривычной стороны.

В орбиту чуда попадает всё село, ведь «птица летала от дома к дому, от окна к окну» [5, 15], вызывая удивление и радостные улыбки всех, кто её видел. Взгляды сельчан переносятся от птицы к привычному зимнему пейзажу, который благодаря необыкновенному событию видится по-новому, обретает черты чудесного. И люди думают: «Какое всё-таки красивое у нас село!» [5, 15]. Увидеть в обычном прекрасное – это тоже чудо.

В конце рассказа раскрывается секрет волшебной птицы. Оказывается, маленькая девочка заманивает в ловушку сорок, а затем выпускает их на волю, но уже с крыльями, выкрашенными яркими акварельными красками. Чудо оказалось рукотворным. Но это вовсе не сказочное объяснение не умаляет значения произошедших в селе событий. Ведь каково бы ни было происхождение радужной птицы, она сделала своё дело: люди почувствовали счастье любоваться прекрасным, в них просыпается детская способность радоваться жизни и верить в чудеса.

В рассказе «Зелёный петух» Н. Верёвочкин использует точку зрения ребёнка на события из жизни взрослых и на их характеры. Необычный петух с зелёным хвостом привлёк внимание мальчика и кажется ему волшебным. Может быть, учитель рисования Рудольф Васильевич – это добрый волшебник, которого злой волшебник превратил в петуха с

зелёным хвостом? На роль колдуньи вполне подойдёт жена учителя Лидия Александровна – властная женщина с приземлёнными и прагматическими взглядами. Герой рассказа Витька, конечно, не формулирует черты её личности таким образом, но интуитивно их чувствует.

После попытки догнать необычного петуха, заманившего Витьку в лес, мальчик находит в овраге снежную пещеру. Существование этого места стало его личной тайной. Ведь загадочная пещера полна чудес: стоящие в ней разноцветные ледяные скульптуры и расписанные снежные стены внушают мальчику и страх, и восторг. В описании статуй читатель узнает знаменитые произведения мирового искусства: в безрукой женщине мы угадываем копию Венеры Милосской, а поза прозрачного мужчины, «который оперся локтем о колено и положил подбородок на кулак» [5, 32], напоминает скульптуру Огюста Родена «Мыслитель».

Мотив таинственных событий, предметов и превращений насквозь пронизывает сюжет рассказа. Воображение ребёнка разыгралось не на шутку. Всё разъясняется, когда однажды в пещере, где вновь спрятался мальчик, появляются гости.

« – Что это? – спросила Лидия Александровна, как будто сама не видела что. <...>

– Сегодня у тебя день рождения, – невнятно замямлил Рудольф Васильевич, – так вот... Ну, я хотел подарить тебе, гм, кгм... чудо.

– Рудик, я уже давно не ребёнок. Это могло произвести впечатление на нашего Димку. Право же, не стоило убивать время.

Опять долго трещала свеча. Потом Лидия Александровна сказала скучным голосом: «Спасибо, Рудик». И добавила: «Жаль, что это растает». «Как и всё, что я сделал и сделаю», – добавил Рудольф Васильевич» [5, 35-36].

Для читателя этот диалог полон скрытого между строк смысла. В подтексте здесь – не только трагедия непризнанного художника, но и семейная драма человека, который любит женщину, не способную понять его. Оставшись один в пещере, «Витька присоединился к капли»: он плачет потому, что чувствует обиду за художника, и к тому же «что прикажете делать, если ваша тайна начинает таять на глазах?» [5, 36].

И всё-таки чудо, сотворённое талантливым человеком, не пропало даром: «На следующий день в пещеру пришли все, кто поверил в Витькину тайну. У входа стояла в очереди почти вся первая смена» [5, 36]. И как продолжение чуда – подхваченная мальчишкой эстафета: летом на белых стволах берёз стали появляться петухи с зелёными хвостами.

Мотив чуда в рассказе «Зелёный петух» позволяет читателю уловить авторский подтекст и поразмышлять о том, что благодаря таланту и творческой энергии людей происходят настоящие чудеса, способные повлиять на духовную жизнь подростка. Встреча с прекрасным – это, может быть, и есть истинное чудо.

В рассказе Н. Верёвочкина «Лёшка» с героями, казалось бы, не происходит ничего чудесного. Это история дружбы мальчика с собакой, написанная от лица героя. Необычен здесь сам пёс, выросший большим, красивым и умным. Лейтмотивом рассказа становится отношение подростка к своему четвероногому другу – отношение как к человеку. Не случайно имя, полученное собакой, принадлежало утонувшему товарищу героя. Спасая щенка из воды, мальчик как будто воскрешает погибшего друга.

«Когда я вспоминал нашу первую встречу, просто не верилось, что тот пушистый комочек с любопытными глазами, опускающийся на дно в сером кульке, был он – пес из гордой породы волкодавов» [5, 23-24]. Волшебное превращение маленького щенка в рослую сильную собаку – это тоже своеобразное чудо, как и всякое преображение.

Но ещё более глубоким и необычным предстаёт в рассказе «очеловечивание» пса. Писателю удалось, оставаясь в границах реалистического повествования, убедить читателя в необыкновенных возможностях и качествах Лёшки: «Много лет спустя, когда я стал взрослым, на ум пришла нелепая, на первый взгляд, мысль. Лёшка был не только моим другом, он был моим воспитателем. <...> Он обладал чувством собственного достоинства, той мудростью, которая позволяет в самых тяжёлых ситуациях оставаться самим собой. <...> Мне далеко до Лёшки. Но как бы там ни было, с тех пор, как мы встретились с ним, я никогда и ни перед кем не вилял хвостом» [5, 22]. Использование фразеологизма «вилять хвостом» по отношению к человеку (в значении – заискивать, унижаться), зеркально отражает персонификацию собаки в тексте рассказа. Как будто на глазах читателя происходят превращения или даже сращение – собачьего и человеческого.

Одушевление собаки поддержано не только позицией повествователя, но и точкой зрения других персонажей. Диспетчер аэропорта, например, рассуждает о супружеском счастье, глядя на Лёшку и его подругу Альму. А когда пёс начинает заботиться о своих щенках, потерявших мать, «женщины приводили в пример своим непутёвым мужьям моего друга» [5, 26]. Добрая улыбка автора, сопровождающая эти наблюдения, не снимает чувства восхищения необыкновенным волкодавом.

В этом рассказе мотив чуда не так проявлен, но всё же присутствует. Он воплощается в любовном и благодарном взгляде героя-рассказчика на собаку, удивляющую своей необычностью.

Мотивный ряд в рассказах Н. Верёвочкина позволяет создавать подтексты, моделировать события сюжета. Мотив чуда, естественный для детской литературы, выступает здесь как способ характеристики персонажей и пространственных образов, а также оказывается структурообразующим в композиции и жанровой специфике

произведения. Благодаря анализу функций этого мотива углубляется представление о художественном мире писателя.

Список литературы:

1. Теракопян Л. Тектоника разлома. Николай Верёвочкин и его герои // Дружба народов, 2009. – № 6.
2. Хализев В.Е. Теория литературы. – М., 1999. – 240 с.
3. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 333 с.
4. Силантьев И.В. Мотив в системе художественного повествования. Проблемы теории и анализа. Новосибирск, 2001. – 236 с.
5. Верёвочкин Н. Древоград: Повести, рассказы. – Алматы: Балауса, 1994. – 192 с.
6. Прокофьева В.Ю. Категория пространства в художественном преломлении: локусы и топосы // Вестник ОГУ. – 2004. – № 11. – С. 87-91.

МИФОЛОГЕМА ГРЕХОПАДЕНИЯ КАК ОСКОЛОК ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОГО МИФА (А. АЛТАЙ)

Э.Т. Жанысбекова

PhD докторант КазНПУ им. Абая

Аннотация. В статье рассматривается как современные казахстанские писатели в последнее время уделяют пристальное внимание, экстраординарным ситуациям современной жизни, пытаясь интерпретировать их через мифологические составляющие. Авторы повествуют о зловещих поворотах судьбы, которые человек должен преодолеть, касающиеся всех сторон жизни – социальной, физиологической и психологической.

Ключевые слова: мифомотив, фольклор, миф, мифологема, архетип.

Аннотация. Мақала қазіргі заманғы қазақстандық жазушылардың қазіргі өмірдің төтенше жағдайларына назар аударып, оларды мифтік компоненттер арқылы түсіндіруге тырысады. Авторлар өмірдің барлық аспектілеріне – әлеуметтік, физиологиялық және психологиялық тұрғыдан әсер етуі тиіс адам тағдырының қасіретті бұрылыстары туралы айтады.

Түйінді сөздер: мифомотив, фольклор, миф, мифология, архетип.

Annotation. The article considers how modern Kazakhstani writers have paid close attention to the extraordinary situations of modern life, trying to

interpret them through mythological components. The authors tell about sinister twists of fate that a person must overcome, touching all aspects of life – social, physiological and psychological.

Key words: motive, folklore, myth, mythologeme, archetype.

Казахстанские произведения, написанные в период независимости, нередко во главу угла ставят проблему «Другости», маргинальности, того, что находится «на полях», в направлении от периферии к центру. В этом плане пишет и А. Алтай, в произведениях которого синкретичность мифологической структуры вбирает в себя и деструктивные реалии сегодняшнего дня.

Современные казахстанские писатели в последнее время уделяют пристальное внимание экстраординарным ситуациям современной жизни, пытаясь интерпретировать их через мифологические составляющие, так как, по утверждению С.М. Телегина, например, «невозможно интерпретировать сюжет, не установив того, из каких частей, мифомотивов он состоит, в какие связи они вступают между собой, какие элементы мифосознания и при помощи каких законов мифотворчества их образовали» [1, 129].

Произведения А. Алтая трагичны и глубоко психологичны, они описывают глубины как индивидуального, так и коллективного бессознательного, раскрывая истинную мотивацию поступков и мыслей персонажей. По сути, А. Алтай создает вариации сюжетов и мотивов, задаваемые мифом, фольклором, обрядом, но при этом показывает их современное развоплощение как трагическую ненорму. При этом в связи с выходом на арену мировой культуры и искусства неевропейских народов значительно расширился круг мифов и мифологий, на которые современный казахстанский автор может ориентироваться как на сакральный образец, параллельно подключая образы и мотивы своего национального фольклора, сохранившихся обрядов, легенд, притч, поверьев и т.п.

Бесспорно, особое влияние фольклора и мифологизма на современных писателей Казахстана. Объектом их мифологизации являются не только «вечные» темы, такие как любовь, смерть, но и коллизии современной действительности – прежде всего, техногенный мир и отчуждение личности. Согласно В.Е. Хализеву, «одна из важных черт вторичной мифологии – широта ее тематики. Здесь не только бытийные универсалии, природа и далекое историческое прошлое, но и прямое обращение к жизненной конкретике, к близким временам, и, в частности, к современности» [2, 116]. Примером этому могут служить рассказы А. Алтая «Казино», «Шахид», «Лайбаран» и многие другие. Мотивы и герои данных произведений получают универсальное значение, как бы моделируя образ человечества в целом. И в первую очередь

лейтмотивом звучит у А. Алтая социальное отчуждение и утрата нравственности.

Рассказ «Шахид» начинается с описания сна главного героя о самоубийстве «Басын ақ өлімге байлаған» [3, 26]. Шахид – кораническая лексема. В исламском энциклопедическом словаре понятие шахид (мн. шухада) определяется как «свидетель» и применяется в нескольких значениях: 1) свидетель в суде, при торговых сделках, при заключении брака (*шахид*); 2) верующий, принявший мученическую смерть в войне против врагов, сражаясь во имя Аллаха, защищая свою веру, родину, честь, семью (*шахид*) [4, 369].

В рассказе «Шахид» автор показывает, что истинные ценности потеряли свое значение или искажены современными реалиями. Основная идея рассказа заключается в том, что человек XXI в. стал антидуховен, не каждый сегодня готов к истинному самопожертвованию ради настоящего высоких целей. По исламским поверьям, «если человек погиб в сражении не во имя Аллаха, а из-за мирских интересов (славы и т.д.), то он считается «мирским шахидом» – его могут похоронить как шахиду и говорить о нем как о шахиде, но Аллах знает, кто и с каким намерением пошел на войну и погиб; таким людям никакого вознаграждения не будет, и Аллах подвергнет их наказанию» [4, 369].

Следующий рассказ А. Алтая назван «Стакан». Стакан – это символический предмет, с помощью которого осуществляется винопитие, он символизирует зло, путь в пропасть, в обобщенном смысле – проблему алкоголизма в современном обществе, разрушающую человечество.

В основе повествования – судьба молодого человека, который работает в научном учреждении и занимается написанием кандидатской диссертации. Из-за нехватки денежных средств он снимает подвальное помещение. Подвал, аналог хтонического места в мифе, постепенно как бы засасывает человека в пропасть отчуждения, герой все меньше видит солнечного света – символа правильных поступков и добрых мыслей. Из маленького подвального окна он смотрит только на ноги людей, телесный низ. Все начинается с одного как бы безобидного стакана водки, а заканчивается тем, что герой теряет свою жизнь, весь его непосильный научный труд идет прахом, его рукописи сожжены. Жизнь главного героя рассказа катится вниз. Система образов «стакан → стекло → окно» восходит к мифологеме «проводник в мир иной», пограничья двух миров. Эта мифологема все время повторяется в тексте рассказа в разных конфигурациях, приобретая некую мистическую характеристику.

Как правило, в произведениях А. Алтая мифологический и экзистенциальный планы сюжета разворачиваются на фоне бытовой, будничной современности. Главный герой рассказа успешен, занимает высокий пост, но он одинок. «Абажадай үйде алпамсадай боп өзі ғана калыпты...» [3, 26]. Автор изображает основной порок современного

общества – главный герой достигает финансового благополучия, но теряет духовность, человечность, гуманность. В своем произведении автор поднимает универсальную, наверное, для всего современного социума проблему, в котором господствует антигуманность, где живут моральные инвалиды, а дети растут в неполных семьях.

А. Алтай вставляет в текст рассказа и исторические аллюзии, описывает самоубийство сына известного казахского поэта Шакарима: «атақты Шәкәрім қажының ұлы неге өзін-өзі өлімге қиды. Нағыз арлы өлім ғой. Тас түрмеде ет турайтын-ақ бәкімен өз-өзін орып-орып жіберген. Тап бір мал сойғандағыдай...» [3, 26]. Здесь герой рассуждает о смерти сына поэта: «Бірақ... бірақ... әлсіздік пе екен ол... Жо-о-оқ! Бәлкім, ерік пен жігердің шыңы шығар. Шыңға шыққан адам ғана нар тәуекелге бел байламаушы ма еді» [3, 26]. Особое место здесь занимает мотив сна как предопределяющий судьбу главного героя рассказа.

С самого начала и до конца повествования героя сопровождает призрак, который отвечает на все его вопросы, дискутирует с ним, и возможно, именно он и наталкивает, а позднее и доводит его до самоубийства: «Елес сыңарына айналған. Жақын келіп бетпе-бет жүз көрісуге, тіпті тұп-тура түс шайысуға дейін барып жүр. Бұл да елеспен "Ер болсаң – егеске шыда" деген шарт кесімге келген. Енді екеуінің қайсысы шыдарын, қайсысы тұраын бір құдай біледі?!» [3, 27]. В психоанализе черти, дьявол символизируют архетип Тени, негативную сторону личности, которую человек не готов в себе принять, а призраки нередко – это СуперЭго персонажа, отцовский образ, символизирующий закон и порядок.

В рассказе говорится, что призрак стал его спутником с того самого дня, когда он стал расти по карьерной лестнице: «Бұған жұмбақ елес ергелі қашан?! Билік атаулыға келмей тұрып, алғаш мәнсап дәмепіп жүрген күннен бастап жабысты емес пе?!» [3, 29]. И далее автор приводит слова призрака: «Сен менімен өлгенше бірге жүресің... Өйткені билік пен мәнсап – егіз. Мәнсап құдың екен, билікке көн. Айтқанына көнесің, айдағанына жүресің. Хайуаннан айырмашылығың аз болады» [3, 29]. Этот призрак олицетворяет совесть героя, он периодически появляется, когда герой совершает грехи: «Талай шалыс басқан шақтарында пайда бола кететін» [3, 29].

Мифологема шахида в рассказе принимает негативный смысл, коренным образом отличающийся от первоначального значения в исламе. Образные ряды данной мифологемы: шахид → духовность → вера → борьба → муки → страдание → жертва → смерть. Однако ощутима трансформация ее значения от знака «плюс» (мученик во имя веры) до террориста со знаком «минус». Духовно неразвитый человек, на какой бы высокой ступени социальной лестницы он не находился, подвержен зомбированию, гипнозу. Современные коннотации слова «террорист» не случайно ассоциируются со словами «невежество», «зомбирование».

Завершается рассказ тем, что герой умирает от рук своего телохранителя-боксера.

Следующий рассказ называется «Лайбаран» – это авторский неологизм. В примечании автор объясняет значение вводимого слова как «лающий баран», производного от слов «лай» и «баран».

В рассказе говорится о двух одноклассниках, которые начинают жизненный путь вместе, но делают каждый свой выбор. Один из них Сейсен, ставший успешным благодаря упорству, стойкости и целеустремленности. Его друг Әкен – бомж, человек без определенного места жительства, который совсем опустил из-за страсти к алкоголю: «Есіл-дерті екі стақан арақ-шарап еді... Сол жолда бәрін құрбандыққа шалыпты. Тіпті сақал-мұртына шейін бит балалап, тұла бойын күс басып кетсе де жалқаулықты жар көріпті» [3, 37].

Это как бы две ипостаси одной персонажной конструкции, расщепленной на архетип Духа и архетип Тени.

Автор повествует о зловещих поворотах судьбы, которые человек должен преодолеть, вскрывает разъедающее воздействие алкоголизма на человечество, являющееся проблемой всего общества в целом, касающееся всех сторон жизни – социальной, физиологической и психологической. Человек, зависимый от спиртного, принимает деструктивные решения, он склонен к совершению правонарушений, приводящих к фатальному концу. Из-за алкоголизма распадаются семьи, как у главного героя рассказа. «Бәрі де сол студенттік күндерден басталды... Ырың-жырын жүріс, ырду-дырду думан үйріп, қызды көрсе қызыл көрген бұқадай еліріп, қылыл шарап "Талас" пен мөлдіреген түссіз "Водка" құтыртып, аяғы бір курсты бітірместен әскерге кетіп тынған» [3, 36].

Таким образом, человек не только сам падает в пропасть, но и тянет за собой все общество. Рассказ заканчивается трагически, главный герой убивает человека: «Өткір балта итке жақын отырған Иван-кочегарды қақ мандайдан қапысыз шапқан. Жалпақ табанды ауыр балта жүзінің бір ұшы мандай мен кепештік үстін қақ жарып барып, ағаш тақтайлы қабырғаға шаншылды» [3, 44].

Рассказ «Казино» повествует о жизни «золотой» молодежи, которая проводит свое свободное время в казино, где царит разврат, обман и зло. Казино имеет символическое название «Пирамида», оно представляет собой стеклянное здание, построенное по образцу египетских пирамид, которое своим сверканием привлекает молодежь. Главный герой рассказа Жошы проводит все свое свободное время в казино, и из-за своих пристрастий к азартной игре теряет семью, разводится, бросая жену и ребенка. «Мұның құмарын тарқататын, азартын ашатын – казино» [3, 12]. Автор повествует здесь о человеке, который живет в этом ненадежном стеклянном мире, который может разрушиться в одночасье. В рассказ

вставляется диалог главного героя с дьяволом (архетип Тени), шепчущим ему о безбожности этого бренного мира, и о том, что реальна только смерть: «Иә, өте дұрыс айтасың: құдай жоқ, ажал бар... – деді әлдебір дауыс» [3, 13].

Как утверждает В.В. Налимов, «Каждая культура создает свои мифы о личности. Критические моменты истории – это точки возникновения новых мифов. Будучи созданным, миф становится самостоятельной семантической реальностью. Развиваясь, он в своем развитии задает новое направление в эволюции культуры. Большие исторические события – это прежде всего столкновение мифов о личности. И каждый новый миф всегда недостаточно нов: прошлое в той или иной степени всегда содержится в настоящем. Он в то же время нов в том смысле, что через него мы заглядываем в будущее. История развития представлений о личности – это, по существу, история развития культур» [5, 25].

Таким образом, в рассказах «Казино» и «Шахид» изображаются универсальные образы людей, которые занимают высокие посты, но этих людей мучает совесть, они несчастны, их жизни трагически обрываются. В рассказах «Лайбаран» и «Стакан» во главу угла ставится проблема нереализованности, слабохарактерности героев, их жизни искалечены ими же самими из-за страсти к спиртному. Все эти образы и мотивы восходят к мифологеме грехопадения, являющейся составной частью эсхатологических мифов. Автор затрагивает самые злободневные темы общества, обращаясь к религиозной мифологии. Проза Алтая как бы своего рода жизненная притча, так как писателю близка тема устремленности к человечности и моральной стойкости, утраченная или почти утраченная в современности. Отсюда его мифологема пограничья, зыбкой границы между нормой и ненормой, истинным и ложным, праведным и неправедным, в условиях которого находится современный человек, запутавшийся в моральных/аморальных ориентирах.

Список литературы:

1. Телегин С.М. Философия мифа. Введение в метод мифореставрации. – М.: Община, 1994. – 144 с.
2. Хализев В.Е. Теория литературы: Учебник / В.Е. Хализев. – 4-е изд. испр. и доп. – М.: Высш.шк., 2005. – 405 с.
3. Алтай А. Казино. Абсурд элем новелласы. – Алматы: Атамұра, 2008. – 368 бет.
4. Али-заде Айдын Ариф оглы. Исламский энциклопедический словарь. – М.: Издательский дом «Ансар», 2007. – 400 с.
5. Налимов В.В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. – М.: Прометей, 1989. – 287 с.

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ В РАССКАЗЕ И. ОДЕГОВА «ВРАТА РАЯ»

А.М. Афанасьева

студентка КазНПУ им. Абая

А.А. Джундубаева

доктор PhD, ст.пр. КазНПУ им. Абая

Аннотация. В статье представлен анализ рассказа современного казахстанского писателя И. Одегова «Врата Рая» в аспекте мифопоэтики. Исследование позволило выявить в тексте произведения ряд мифологем, определить их роль в раскрытии замысла автора, а также определить семантику и функцию номинаций героев.

Ключевые слова: И. Одегов, «Врата Рая», мифопоэтика, мифологема, номинация.

Түйіндеме. Мақалада қазіргі қазақстандық жазушы И.Одеговтің «Жұмақ қақпасы» әңгімесінің мифопоэтика аспектісінде талдау ұсынылды. Туынды мәтініндегі мифологемдік қатарды айқындауда автордың ішкі ойын ашудағы рөлін, сонымен қатар кейіпкерлер номинациясының семантикасы мен қызметін анықтауға мүмкіндік берді.

Түйін сөздер: И. Одегов, "Жұмақ Қақпасы", мифопоэтика, мифологема, номинация.

Abstract. The article presents an analysis of the story of the modern Kazakh writer I. Odegov "Gates of Paradise" in terms of mythopoetics. The study identified a number of mythologems in the text of the work, determined their role in revealing of the author's idea, as well as determined the semantics and function of the characters' naming.

Keywords: I. Odegov, "Gates of Paradise", mythopoetics, naming.

Влияние различных мифов на мировую литературу уже не раз отмечено во многих научных источниках. В мифологическом словаре читаем: «Мифологические мотивы сыграли большую роль в генезисе литературных сюжетов, мифологические темы, образы, персонажи используются и переосмысливаются в литературе почти на всем протяжении её истории» [1]. Современная литература переживает новый всплеск внимания к мифам, что нашло отражение в явлении неомифологизма. В стороне от этого процесса не осталась и литература Казахстана.

Так, в современной казахстанской прозе обращение к мифам и их ремифологизацию наблюдаем в произведениях И. Одегова, начиная с его

первого романа «Звук, с которым встает Солнце» (2003), затем в рассказе «Пуруша» (2009) и заканчивая одной из последних работ – повестью «Овца» (2014) с прослеживающимся в ней мифологическим мотивом заблудшей овцы.

Исследуемое нами в рамках данной статьи произведение И. Одегова – рассказ «Врата Рая» из цикла «Чужая жизнь» – также содержит ряд мифологем, расширяющих границы его сюжета. Писатель неслучайно дал рассказу название «Врата Рая». Еще до погружения в сам текст произведения мы уже предполагаем, что речь пойдет о событиях, если не фантастических, ирреальных, то, по крайней мере, с элементами мифологии и даже сказки.

Рассказ начинается с описания пейзажа, и уже здесь мы можем заметить первые проявления мифологического контекста: «Места здесь были совсем дикие. Отдельные дома стояли на редких горизонтальных уступах. Их соединяли только узкие тропинки на почти отвесном склоне, и потому по ним приходилось не идти, а карабкаться, цепляясь руками за камни. Между домами, сверху вниз по склону мчалась лавина воды. Широкая речка, которую местные называли Вета, была больше похожа на бесконечный каскад водопадов» [2, 29]. Тот факт, что места эти «дикие», отсылает читателя в некий первозданный мир и наталкивает на мысль, что и события, происходящие здесь, будут связаны с древними представлениями и поверьями, сказочными и мистическими.

Название упомянутой опасной реки Вета созвучно с мифологической рекой Лета, которая находится в царстве мёртвых: «Река служила одним из тех путей, по которому умершие могли прибыть в загробный мир. Обтекая землю мертвых, эта же Река образовывала границу между миром живых и миром мёртвых. Считалось, что душа умершего, перейдя её, уже никогда не сможет возвратиться. В мифологических представлениях древних греков таких рек было несколько, но только воды одной из них – Леты – обладали свойством стирать в памяти испившего его воспоминания о прожитой жизни, о своей личности, привязанностях, способностях и накопленном жизненном опыте» [3]. Поскольку мифическая река Лета находится в царстве мёртвых, то мы полагаем, что с этого момента в произведение включается мифологема загробного мира и сопутствующий ей мотив смерти.

Главный герой рассказа, вокруг которого разворачивается сюжет, – молодой мужчина по имени Марк. Он вместе со своей женой Люцией отправляется в далекую страну, где находятся Врата Рая, путь к которым сопряжен с трудностями. Врата Рая – ключевая мифологема рассказа, тоже сопряженная с мотивом смерти – основным в произведении. Но если в мифе человек достигает их после смерти, то супруги решили найти их при жизни. Они прожили вместе 7 лет, но брак их находится на грани распада. Число 7 выбрано автором неспроста. Общеизвестно, что оно является

сакральным для мифологий и религий многих народов, что отражено в различных представлениях о мироустройстве: семь дней недели, семь цветов радуги, семь нот, семь чудес света и т.д. Но кроме того, цифра 7 связана и с убеждениями о загробной жизни человека. Жрецы Вавилона утверждали, «что люди после смерти, пройдя через семь ворот попадают в подземное царство, окруженное семью стенами» [4].

Ворота, таким образом, являются символом порога между двумя мирами – земным и подземным, между жизнью и смертью, что опять подчеркивает мотив смерти в рассказе И. Одегова. Данный мотив становится сквозным мотивом путешествия Марка и Люции: «Очевидцы утверждали, что путь к Вратам полон опасных испытаний. Марк надеялся, что совместное преодоление этих испытаний либо укрепит его отношения с Люцией, либо окончательно разделит их и позволит каждому двинуться собственным путем» [2, 32-33].

Супруги останавливаются в посёлке, который является перевалочным пунктом на пути к Вратам. Там Марк знакомится с местным мальчишкой Абу и его сестрой Идой, которая спасла Марка, когда он чуть не утонул в реке: «Его тело переворачивало и стучало о камни <...>. Сердце колотилось от отчаянного животного страха, но голова оставалась холодной, равнодушно наблюдая за происходящим, и с этим же безразличием Марк понял, что смерть может наступить внезапно, в любую секунду. <...>. Неожиданно из бушующей пены вынырнула смуглая девчонка, ухватила за ту же веревку и белозубо улыбнулась ему» [2, 32].

Архетип реки – один из древнейших и наиболее распространённых мифологических символов. По мнению К.Г. Юнга, вода является наиболее частым символом бессознательного начала. В языческой картине мира вода/река, как правило, воплощает дихотомические представления о жизни и смерти. И действительно, в приведенном выше фрагменте мы видим пограничную ситуацию героя между жизнью и смертью. Мифологическая коннотация возникает и в связи с образом Иды. Как известно, из морской пены возникает богиня любви Афродита. Но одеговская Афродита – «смуглая девчонка», вынырнувшая «из бушующей пены». Этот образ скорее демонический, нежели божественный. Ида являет собой как бы сниженный образ богини любви, свидетельством чего может служить и ее имя. В нем слышится анаграмма слова «ад» и имени древнегреческого бога загробного мира Аида. «Имя Аид (букв. «безвидный», «невидный», «ужасный») – в греческой мифологии бог-владыка царства мёртвых, а также само царство» [5].

Остюда, образ Иды опять же связан с мотивом смерти, символом которого является ад, а также с мотивом демонизма, проявлением которого становится недопустимая с точки зрения общепризнанной морали физическая связь между Марком и Идой: «В доме, где жила Ида, больше похожем на сарай, не было ничего, кроме соломы, густым слоем

устилавшей пол. <...>. Ида хохотала, падала на солому, а потом, внезапно остановившись, раздвигала бедра и со стоном впускала Марка в себя» [2, 33]. Он проводил у нее все вечера.

За годы совместной жизни Люция начала раздражать Марка, ему не нравилось, что «...от неё постоянно пахло какими-то лекарственными травами и кремами. Этот запах вызывал неприятные ассоциации с больницей, и у него часто пропадало желание даже прикоснуться к жене. Спать он предпочитал в отдельной кровати» [2, 33]. А пятнадцатилетняя Ида пахла «мускусом и цветами». Оппозиция образов Люции и Иды прослеживается на нескольких уровнях. Это и отмеченный уже запах, и цвет кожи (смуглая Ида и белая Люция), и номинации героинь. Имя Люция означает «светлая», а Ида, как мы уже сказали, ассоциируется с чем-то темным, демоническим. И неслучайно Марка больше привлекает Ида, т.к. он и сам является демоническим героем, отражением чего выступает его имя. Марк – ничто иное как анаграмма слова «мрак», что не раз подтвердится в рассказе. Кроме того, различные источники связывают происхождение имени Марк с именем бога войны Марса, что, в свою очередь, подтверждает нашу мысль о демонизме и разрушительной силе главного героя произведения. В связи с этим А. Грувер говорит о «квинтэссенции демоничности» в рассказе «Врата Рая» [6].

Следующий персонаж произведения, в котором мы видим воплощение мифологического бога – это отец Абу и Иды, невысокий, но широкоплечий Маду. Имя Маду имеет египетское происхождение, поэтому в рассказе он, на наш взгляд, – своего рода ипостась древнеегипетского бога Монту. «Монту считается богом воинской доблести, который приносит победу над врагами в битве» [7]. Маду предлагает сопроводить Марка и Люцию к Вратам Рая: «<...> я проводник. Я провожаю людей к Вратам Рая. Это моя работа. Дело моей жизни» [2, 35].

При упоминании слова «проводник» возникает целый ряд ассоциаций с мифологическими образами проводников: это и Анубис – «божество Древнего Египта с головой шакала и телом человека, проводник умерших в загробный мир» [8], и Гермес – «вестник богов, бог красноречия и проводник душ в подземный мир» [9]. Но самая первая, прямая ассоциация с образом проводника – это, безусловно, Харон – «сын бога вечной тьмы Эреба и богини ночи Никты, перевозчик мертвых в загробное царство» [10]. Общая характеристика Харона такова: «Харон в народных песнях изображается как представитель смерти и ада, своими руками забирающий души присужденных ему людей и несущий их в своё подземное царство. Он – сама смерть, представитель неизменного естественного закона, которому подчиняются все живущие на земле» [11].

Все эти ассоциации не случайны. Герои идут к Вратам Рая шесть дней и на седьмой день пути Маду приводит супругов в долину, с озером в центре. Снова возникает число 7. В данном случае, возможно, это связано

с мифологией Древнего Востока: «В шумеро-семитской традиции семь подразделений лунного календаря, семь дней недели. <...> седьмой день становится символом оппозиции к Солнцу, темноты и зла. Так что на седьмой день опасно что-либо предпринимать, и он превращается в день отдыха» [12]. Исходя из этого представления, седьмой день – день темноты и зла, что вполне согласуется с событиями, произошедшими с героями рассказа. Символично, что до нужного места они приходят на закате, т.е. когда солнца уже почти нет, и близка власть ночи с ее мистической, демонической составляющей: «До заката оставалось менее получаса, когда они, наконец, достигли деревьев. Марк увидел, что их ветки покрыты круглыми гнездами, но птиц не было видно» [2, 37].

Автор постепенно раскручивает мотив смерти в финальной части произведения. Сначала это – пустые гнезда птиц, затем деревья, не отражающиеся в воде. Марк замечает странности в природе того места, куда их привел Маду: «Озеро не нравилось ему. Не нравилось неестественное спокойствие его поверхности. Гладкое, как стекло, озеро лежало у их ног. И за то время, пока они стояли, ни одна рыба не плеснулась в нем, ни одна лягушка не подала голос, ни одна птица не пролетела над их головами» [2, 37]. Отсутствие признаков жизни в этом месте предвещает смерть, герой чувствует это и пытается остановить Люцию, решившую окунуться в воду:

«– Не знаю, можно ли, – задумчиво сказал Марк, – в тихом омуте черти водятся. Давай-ка сначала я» [2, 37].

Но проводник возражает и подбадривает Люцию:

«– Да, да, пусть первой пойдет женщина, – радостно закивал Маду, – женщина лучше знает» [2, 37]. Как только Люция коснулась воды, «Озеро зашевелилось, как живое» [2, 37]. Почувствовав угрозу, Марк пытается спасти Люцию, «но озеро всколыхнулось лопающимися белесыми пузырями. В воздухе запахло серой, вода завертелась вокруг Люции, она закричала, и от этого крика с ветвей подступивших уже к самому берегу деревьев взметнулись серые птицы» [2, 38]. Люция исчезла под водой. Маду незаметно для Марка тоже исчез. Удивительным образом в момент смерти женщины само озеро и природа вокруг него оживают, появляются птицы и даже «ИЛ поднимался и плавал в воде, как живой» [2, 38]. Здесь снова возникает мифологический контекст: озеро словно получило свою жертву и ожило, впитав в себя чужую жизнь.

При этом Марк остается жив, несмотря на то, что «озеро поглотило его» [2, 39]. Герой отвергнут озером, не принят в качестве жертвы. Если вспомним из мифов (Исаак) и фольклора (любимая дочь), в жертву всегда приносились лучшие существа, светлые, незапятнанные, ангелоподобные, а Марк не нужен озеру, в котором итак «черти водятся», по выражению самого героя. И, быть может, в рассказе суть именно в том,

что «светлая» Люция находит свои Врата Рая в этом озере, а «темный» Марк остается страдать на земле.

Маду знал, куда ведет героев. Он радовался, предчувствуя итог этого пути. Так он отомстил Марку за свою Иду и, возможно, таким страшным с точки зрения человеческой логики способом спас Люцию от Марка. Герой возвращается в деревню, находит домик Иды, но вместо неё застает там старую женщину: «Приблизив свечу к самому его лицу, она кивнула и открыла дверь шире, чтобы он смог войти. Внутри по-прежнему ничего не было, кроме соломы, густым слоем устилавшей пол.

– Где Ида? – спросил Марк.

– Она плакала, не переставая, с тех пор, как ты ушел, – сказала женщина, – она так плакала, что выплакала глаза. В наших краях для слепых женщин есть только одна работа. Но эта работа не для Иды.

– Где она? – повторил Марк.

Женщина засмеялась. Она поднесла свечу к своему лицу, и Марк увидел ее пустые белые глаза. Он закричал и выбежал из дома» [2, 39-40].

Актуализируется, таким образом, демонический смысл номинации главного героя – имени Марк, о котором мы говорили выше: в результате предпринятого путешествия и своей связи с Идой он погрузил Люцию во мрак озера, во мрак смерти, а ослепшую Иду – в реальный мрак ее жизни. Демонизм Марка прослеживается до конца рассказа: «Высоко подскакивая через каждые несколько шагов в приступе ужаса, он побежал сквозь деревню, переворачивая и *сокрушая то немногое, что ему было по силам разбить*» [2, 40] (курсив наш – А.А., А.Д.). «Сокрушить» и «разбить» – вот в чем разрушительная сущность Марка. Самое большое и главное в своей жизни он уже разрушил – любовь и жизнь двух женщин, и теперь он разрушал «то немногое», что осталось.

В финальной части произведения появляется мотив греха, который до этого лишь пунктирно был намечен. Он связан с библейской мифологемой из слов Иисуса: «Кто из вас без греха, пусть первый бросит в нее камень» (Евангелие от Иоанна (гл. 8, ст. 7)). Жители деревни забрасывают Марка камнями, подтверждая тем самым, что он грешен: «Какой-то мужчина кинул в него камень. Марк взвизгнул от боли, обернулся и увидел лицо мужчины. Это лицо показалось ему знакомым. Марк хотел подбежать к нему, но тут камни посыпались на него со всех сторон, и он, вереща и закрывая голову руками, бросился прочь» [2, 40]. Похоже на изгнание дьявола.

И действительно, Марк, появившись в деревне, нарушает ее покой и гармонию, он – чужероден природе деревни, ее сложившемуся миру, что подтверждается заключительной цитатой: «Когда Марк скрылся среди деревьев и вопли его затихли вдалеке, все, тихо переговариваясь, медленно разошлись. Стало светать, и очнувшиеся от ночных кошмаров рыбаки принялись тушить уже ненужный костер» [2, 40]. Вопли Марка

противопоставлены тихому разговору жителей деревни. Вопли – признак хаоса, тишина – признак гармонии. Важное значение здесь играет темпоральный аспект: «стало светать», рыбаки очнулись «от ночных кошмаров». Как известно, все темные, злые, демонические силы исчезают с рассветом. Так и Марк как воплощение темной, злой стороны скрывается из деревни с появлением солнечного света, и без него в этом маленьком мире восстанавливается гармония.

Таким образом, проведенное исследование подтвердило наше мнение о том, что в рассказе И. Одегова «Врата Рая» ведущую роль играет мифологический контекст. Ремифологизация позволяет писателю расширить и углубить смысл своего произведения, понимание которого возможно только в результате узнавания и развертывания читателем мифологических кодов, заложенных автором в его художественный текст.

Список литературы:

1. Мифологический словарь / Под ред. Мелетинского Е.М. – М.: БРЭ, ЛАДА-МАКОМ, 1992.
2. Одегов И. Любая любовь: Повесть и рассказы /Фонд социально-экономических и интеллектуальных программ. – М.: Фонд СЭИП, 2013. – 248 с.
3. Загробный мир. Река забвения <http://www.a700.ru/underworld/124-zagrobnyj-mir7-reka-zabveniya.html>
4. "Сакральный" смысл чисел в верованиях и учениях. Справка // <https://ria.ru/spravka/20070707/68528028.html>.
5. Аид – Гадес: Греческий пантеон богов: Мифологическая энциклопедия // <http://myfology.info/gods/greece-gods/aid.html>.
6. Грувер А. Точка разборки. Заметки о прозе. Илья Одегов // «Новый Мир». – 2015. – № 12 // http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2015/12/tochka-razborki.html.
7. Бог Монту // Русская историческая библиотека // <http://rushist.com/index.php/mifologiya/3766-bog-montu-drevnij-egiptet>.
8. Архетип Воина. Анубис. Проводник, ведающий тайнами <http://itop.moscow/all-categories/391-postures>
9. Болен Дж. Боги в каждом мужчине // <http://psylib.org.ua/books/bolen02/txt07.htm>.
10. Харон, перевозчик душ мертвых, сын бога тьмы и богини ночи // Древние боги и герои // <https://drevniebogi.ru/haron-perevozchik-dush-mertvyih-syn-boga-tymy-i-bogini-nochi/>
11. Образ Харона // http://studbooks.net/838353/religiovedenie/obraz_harona.
12. Число 7 // http://www.symbolarium.ru/index.php/Число_7.

РОЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В РАССКАЗЕ И. ОДЕГОВА «ЛОВУШКА»

А.А. Джундубаева

доктор PhD, ст.пр. КазНПУ им. Абая

Ж. Аскарбай

магистрант КазНПУ им. Абая

Аннотация. В статье рассматриваются понятие и виды пространства. Актуальность предлагаемого исследования объясняется важностью выявления особенностей категории пространства в рассказах, романах Ильи Одегова и изучения на его примере различных видов пространства.

Ключевые слова: поэтика пространства, виды пространства.

Түйіндеме. Мақалада қаралатын түсініктер: кеңістік поэтика және оның түрлері. Зерттеу жұмысының өзектілігі Илья Одегов романдарын, әңгімелерін зерттеу кезінде кездесетін кеңістік поэтика және оның түрлері.

Түйін сөздер: кеңістік поэтика, кеңістік поэтиканың түрлері.

Abstract. Topic of the article is concept and types of space. The relevance of the article: the study of the poetics of space in the study of novels, the stories of Ilya Odegov.

Keywords: poetics of space, types of space.

Рассказ И. Одегова «Ловушка» является заключительным в цикле рассказов «Пришельцы». Действие в нем начинается с закрытого пространства «Капли стучали *по оцинкованной крыше бунгало*, и от их монотонного перестука Ивану все время хотелось спать. В такие дни все *кафе и магазины наглухо закрывались, пляж пустовал, океан становился шумным и неприветливым*» [1, 76]. Бунгало является вариантом дома, это временное жилище туриста, оно упоминается в тексте 13 раз. Однако в отличие от дома, «Стены бунгало были тонкими, и через них легко проникали звуки обеспокоенных дождем джунглей» [1, 76], а, следовательно, бунгало по сравнению с домом не могло служить полноценной защитой. Кроме того, сочетание «*по оцинкованной крыше*» [1, 76] вызывает ассоциацию с гробом и вводит, таким образом, в рассказ мотив смерти.

Чувство тревоги, поглотившее Ивана, становится основным в его психологическом состоянии: «*Сквозь сон, сквозь мерный шум дождя Иван слышал голоса обитателей этих джунглей*» [1, 76], «*Лежа на кровати, он часто дремал, не проваливаясь в сон глубоко, но и не бодрствуя, и в этом странном состоянии ему мерещилось, что он не человек вовсе, амышь*» [1,

78]. Эти цитаты показывают, что герой рассказа чаще находится в своем ирреальном мире, в онейрическом пространстве, где многое ему видится, не соответствуя реальности.

Доказательством этого становится страх героя от мысли, что в бунгало проникла змея и его сомнения, открывать ли дверь: «*За дверью* внутри бунгало что-то *тяжело* упало на пол» [1, 79], «словно с потолка сбросили веревку, толстый канат, ударившийся о пол всей своей плоскостью не в один миг а волнообразно с отяжкой» [1, 79], «хотел уже *открыть дверь* но остановился» [1, 80], «Иван открыл *дверь...*» [1, с. 80], «Потолок был цел» [1, с. 80], «намереваясь сбросить на пол» [1, с. 81].

И далее размышления Ивана:

«– Но откуда змея в доме? – рассуждал он, затыгиваясь и успокаивая сам себя. – К тому же, что она делала на потолке? *Дверь я всегда держу закрытой. Окно тоже.* Может быть, это просто осыпалась штукатурка?» [34].

«Закрытость» является определяющей чертой Ивана. Он не только держит закрытой дверь (10 упоминаний в тексте), но и окно (3 упоминания), т.е. его связь с внешним миром отсутствует. Этим объясняется смысл названия рассказа. Герой сам для себя создал ловушку в своей душе, он закрыл себя от мира, отгородился от него дверью. И страх змеи – это страх окружающего мира, загнавший его в тупик. Пространственным образом, отражающим внутреннее состояние героя помимо двери выступает и угол (2 упоминания) – пространство абсолютного тупика, невозможности выхода: «*углы потолка потемнели*» [1, с. 78], «По-прежнему в *углах темнели* серые пятна» [1, с. 80].

Темнота пространства соотносится с темнотой в душе героя, отсутствие змеи в бунгало не успокаивает его, а, наоборот, усиливает его страх, превращая беспокойство в панику: «Иван, лишившись оружия, почувствовал себя совсем *беззащитным*. Недолго думая, он снова *выскочил из бунгало* и *захлопнул за собой дверь*. Сердце колотилось, и возвращаться внутрь совершенно не хотелось. Уже *стемнело*. Иван пошагал *по крыльцу туда-сюда* и решил, что нужно где-то перекачаться хотя бы эту ночь. Ощупав карман и убедившись, что сигареты на месте, Иван побрел сквозь дождь и джунгли *в сторону деревни*» [2].

Покажем на рисунке виды пространства, отражающие психологический путь Ивана.

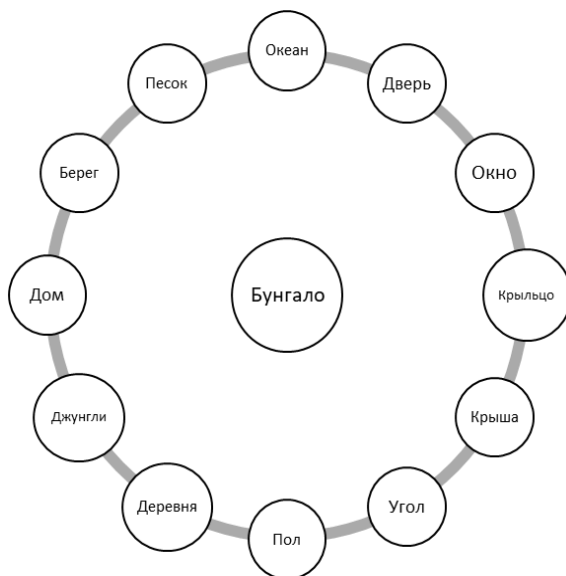

Рисунок 1 – Пространство в рассказе «Ловушка»

Несмотря на свои попутки укрыться где-то, в деревне герой так и не находит ночлега и защиты, не находит «своего дома». И если сначала он сам закрывается от мира, то теперь мир закрывается от него: «В такие дни все *кафе и магазины* наглухо закрывались...» [2].

И неслучайно, что хозяин кафе не пускает Ивана к себе в дом и произносит самую важную мысль произведения:

«– Мой брат умер в том году, – сказал Мун. – Его нет, но он живет вот здесь, – он с силой хлопнул себя по груди. – Если змеи нет, но ты по-прежнему ее боишься, значит змея не в бунгало, а в твоём сердце. Как я могу пустить *в свой дом человека со змеей в сердце*?»

Мун усталился на Ивана, ожидая ответа, но Иван не знал, что ответить.

– Ты меня услышал, – сказал Мун, кивнув, и *закрыв дверь*» [2].

Теперь и внешний мир закрылся от Ивана, отверг его: «И будто повинаясь не собственной воле, а поддаваясь чему-то неотвратимому, Иван побрел обратно к пляжу. Он вышел *на берег* и подошел *к тому краю*, где заканчивалась круглая *галька* и начинался *песок*» [2].

Турист приходит на берег океана, который является пространством, одним из самых важных в произведении (6 упоминаний в тексте): первые три в начале рассказа, остальные три – в конце. В начале: «...*океан* становился шумным и неприветливым...», «...от могучего и *беспощадного*

океана...», «...что в случае цунами океан сожрет их и успокоится» [1, 76], – во всех трех случаях слово «океан» связано с потенциальной угрозой для человека, что подтвердится в финале рассказа.

В последних двух абзацах происходит следующее: «Океан тихо гудел, как гудит электричество в высоковольтных проводах», «Вода в океане казалось густой и плотной, словно покрытой жирной пленкой» [1, с. 83]. В данном случае наблюдается переключка с первым рассказом цикла «Тимур и его лето». Там мальчик видит мир сквозь «жирную пленку» оконного стекла автобуса. Здесь Иван видит океан, покрытый «жирной пленкой» воды. Океан и вода – это аллегория жизни. И если Тимур – мальчик, для которого мир только открывается, и пленка отражает лишь то, что многое в этом мире ему еще неизвестно, то в ситуации с Иваном это уже взрослый человек, знающий мир и жизнь, и именно из-за этого знания отгородившийся от мира, от самой жизни этой пленкой.

Иван не способен жить в реальном мире, он делает свой выбор, и жизнь закрывается для него: «Стараясь не потревожить это неустойчивое равновесие, он медленно опустился сначала на колени, а потом лег на мокрый песок и закрыл глаза. Океан лизнул его пятки, а через мгновение, развеселившись, вздохнул глубоко и с разбегу накрыл Ивана соленой водой» [1, с. 84].

Таков финал рассказа «Ловушка» и цикла «Пришельцы». На вопрос, ощущает ли себя сам Илья Одегов пришельцем, в еще одном своем интервью он отвечает так: «Я родился в России, но живу в Казахстане. Пишу по-русски, но я – современный казахстанский писатель. И люди в нашем мире все время кочуют, они как мировые номады. С одной стороны, идет диалог между нациями, культурами и языками, с другой – все стали друг другу чужими» [3].

В этих словах, пожалуй, кроется и смысл всего цикла «Пришельцы». Автор показал, что человек – это изначально космическое существо, пришедшее из космоса на землю и ставшее земным существом, со всеми его комплексами, страхами, болезнями. Земное начинает возобладать в человеке, отсюда, так много в цикле низкого, земного пространства, и так мало верхнего, небесного. В то же время, человек – не просто часть земли, он часть природы, часть мирового океана, какой стал герой последнего рассказа цикла.

Список литературы:

1. Одегов И. Тимур и его лето: рассказы и повесть / «Пришельцы». Цикл рассказов. – Москва: Текст, 2014. – 158 с.
2. Одегов И. Пришельцы. Цикл рассказов // Дружба народов, № 10. – 2014. // <http://magazines.russ.ru/druzhba/2014/10/5o-pr.html>.

**ТИПОЛОГИЯ КОМПОЗИЦИОННЫХ ФОРМ ПОЭЗИИ
Р.БУРКИТБАЕВОЙ-НУКЕНОВОЙ
В ЛИРИЧЕСКОМ СБОРНИКЕ «ПРИСТАНЬ ГРЕЗ»**

С.Д. Абишева

д.ф.н., проф. КазНПУ имени Абая

М.О. Жексембина

магистр пед. наук КазНПУ им. Абая

Аннотация. Актуальность предпринятого исследования состоит в выявлении и определении типологии композиционных форм поэтических текстов в современной поэзии Казахстана. В статье предложена классификация композиционно-речевых форм зачина и концовки в качестве единиц лирических произведений на примере поэзии Р.Буркитбаевой-Нукеновой.

Ключевые слова: композиция, зачин, концовка, Раушан Буркитбаева-Нукенова, типология, стилистика текста.

Түйіндеме. Жүргізілген зерттеудің өзектілігі – қазіргі заманауи поэзияның лирикалық мәтіндерінде композициялық формаларының типологиясын анықтау. Зерттеу міндеттері: лирикалық шығармаларының бірліктері ретінде қарастырылған бастауы мен оқиғаның шешімін жіктеу, тілдік-композициялық формаларының компоненттерін анықтау, аталған компоненттерінің семантикалық типологияларын құру.

Түйін сөздер: композиция, бастау (зачин), оқиғаның шешімі (концовка), Раушан Буркитбаева-Нукенова, типология, мәтіннің стилистикасы.

Abstract. The urgency of the undertaken research consists in revealing and definition of typology of composite forms of poetic texts in modern poetry of Kazakhstan. The article proposes a classification of compositional-units of lyrical works.

Keywords: composition, beginnings, ending, Raushan Burkitbayeva-Nukenova, tipology, text style.

Обращение литературоведов к изучению композиции лирических стихотворений начинается с 20-х гг. прошлого века. Впервые эта проблема была обозначена и стала разрабатываться сторонниками формального метода В.М. Жирмунским, Б.М. Эйхенбаумом, Б.В. Томашевским. В 60-е годы в теории лирической композиции на первый план выдвигается смысло-содержательный аспект, в 80-е наука в лице В.Е. Холщевникова, Е.Г.Эткинда, М.Л. Гаспарова пришла к необходимости синтезирующего подхода к изучению лирической композиции, сочетающей анализ

формально-стихового и образно-тематического аспектов. Изложенные подходы позволяют рассматривать композицию лирического стихотворения как трехчастную конструкцию (зачин, развитие темы или разработка и концовка). Исходя из положения о трехчастности композиции лирических стихотворений, мы попытались подробно отстоявить на двух композиционных элементах: зачине и концовке стихотворений. Несмотря на то, что разработка является самым крупным композиционным элементом, мы ставим целью своей работы рассмотрение и определение типологии только зачина и концовки в стихотворениях Раушан Буркитбаевой-Нукеновой.

Для исследования композиционных форм нами сформулировано следующее значение зачина: один из важнейших формантов лирического стихотворения, обладающий определенной синтаксической, смысловой и интонационной завершенностью, а также композиционно-фиксированным месторасположением – началом стихотворного текста.

Как отмечает американский исследователь Б. Шерр, «..в художественных произведениях имеется не просто конец, а концовка – нечто, придающее им чувство цельности, завершенности, стабильности» [1, 233]. На основе изучения классических трудов различных исследователей можно сделать вывод, что концовка – это наиболее «ответственная часть», «поэтическое открытие», «ради которого, собственно, стихотворение было создано» [1, 235], основной функцией которой является констатация поэтического итога стихотворения.

Практическим материалом для разработки данной темы послужила книга стихов известного казахстанского поэта « Пристань грез» Раушан Буркитбаевой-Нукеновой, характеризуемые разнообразием композиционных приемов

Лирические стихотворения Р. Буркитбаевой-Нукеновой характеризуются разнообразием композиционных приемов. Довольно распространенным композиционным приемом являются различные виды параллелизмов: формальный, психологический, отрицательный, образный, развернутый и т.д. Особенно часто встречается параллелизм образа природы и чувств:

Луна, жемчужина небес,
На небосклоне всех затмила.
Ты жизнь мою преобразила
Холодный сумрак в ней исчез.
Или:
Река изнывает под тяжестью льда,
Невыносима разлука...
Что стоит тебе позвонить иногда,
Вниманьем побаловать друга [2].

В художественном стиле поэзии Р. Буркитбаевой-Нукуновой важную функцию выполняют средства поэтической изобразительности: символика, эпитеты, сравнения, метафоры, олицетворения.

Анализ зачинов стихотворений Р. Буркитбаевой-Нукуновой позволяет сделать вывод, что подавляющее их большинство – это **ускоренно-повествовательные зачины**, подготавливающие к восприятию новой информации при помощи маленького фрагмента-приступа (чаще всего это одно предложение), после которого следует изложение главных фактов, событий, идей: «Ушел.../ След на сердце остался»; «Весь вечер простоял я на балконе»; «О, как от тебя я далек»; «Холодный взгляд мне душу леденит»; «Проходят дни –/ Так листья клена опадают...»; «Вот и август – пора звездопада».

На втором месте – **динамические** зачины, помещающие читателя в середину повествования. У поэтессы динамические зачины грамматически оформляются по-разному: это могут быть синтаксические конструкции с инверсией подлежащего и сказуемого или предложения-реплики начатого за границами текста диалога либо монолога и др. Но основным при восприятии таковых зачинов является ощущение того, что мы находимся посреди действия либо наблюдаемого явления: «А снег идет сплошной стеною»; «Ты помнишь его до сих пор»; «Садись скорее на коня/ И мчись ко мне на встречу»; «Спешу к тебе я по тропинкам сна».

Как показал анализ стихотворений из сборника Р. Буркитбаевой-Нукуновой «Пристань грез», специфика лирических стихотворений обусловила наименьший процент употребления **повествовательного зачина**.

Более 130 стихотворений сборника дали материал для создания типологической модели, за основу которой была взята композиционно-стилевая форма, образно-речевые конструкции с доминирующими признаками.

При всем своем функциональном разнообразии, различной форме и зачины, и концовки поддаются некоему систематизированию, потому что отчетливо проявляется их повторяемость, структурно-семантическая типичность.

Все зачины и концовки стихотворений поэтессы мы разделили на три большие группы: композиционно-стилевые, образно-речевые, структурно-семантические формы, внутри каждой из которых есть свои варианты. Согласно этой классификации приведем наиболее выразительные образцы и, по мере возможности, постараемся прокомментировать их и сделать небольшие выводы.

1. **Композиционно-стилевые зачины и концовки**

К этой группе относятся такие, которые имеют ярко выраженные композиционно-синтаксические признаки. Это композиционная форма с обращением в начале и конце стихотворения, это стихотворения с

вопросительным зачином, с синтаксическим параллелизмом, с различными видами однородности, с синтаксической антитезой. На эту группу из общего объема 131 исследованных лирических произведений приходится 50 стихотворений, что составляет 38%.

Продуктивная работа формальных признаков, проявляющихся при первоначальном же восприятии текста, быстрее и легче поддается систематизации, чем те формы, которые в большей степени соотносятся с образной системой и смыслом. Приведем по несколько примеров на каждый выделенный случай.

Вопросительные зачины: «Ах, отчего ты перестал мне сниться/ И реже навещаешь среди дня?»; «Капля росы утолит ли жажду?»; «Ах, отчего так холодна постель?».

Вопросительные концовки: «...и бурная весна/ Охватит мир, и кто ее осудит?»; «И жизнь пуста, как белые страницы. / Неужто в ней нет места для меня?»; «Луну и звезды в небе ночном/ Видишь ли ты?».

Обращения в зачине лирического произведения: «Луна, ты затмеваешь собою все светила»; «Ты видел, как цветут весною абрикосы»; «Что, вьюга, злишься ты, который день...»; «Отпускаю тебя, отпускаю».

Обращения в концовке стихотворения: «Тебя, моя душа, неистовей люблю»; «Забуду я боль и Вас»; «Ты обещал, любимый: “Я вернусь!”»; «Не греет шарфик из шифона, что подарил ты, уходя»; «...свет любви дарила/ Тебе, мой друг, в ночи и среди дня».

Синтаксический прием антитезы зачина: «Когда уходишь ты – ко мне приходит осень»; «Ты ушел, а аромат остался»; «Столетия, годы/ Горы, города»; «Река надежды с каждым днем мелеет/ Река разлуки глубже и длинней».

Синтаксический прием антитезы концовки: «Тебя, увы, давно уж рядом нет, / Лишь аромат духов остался...»; «...и все растворялось, / Что ночью хотелось, но не сбылось...».

Синтаксический параллелизм зачина: «Как два конца, / Направо и налево...»; «Спешат домой, прогнозуя, двое, / Неся горячий поцелуй»; «Как два разрозненных крыла, / Судьба на миг с тобой свела»; «Мои дети – мое продолженье. / Два надежных сильных крыла». Синтаксический параллелизм концовки: «Как мимолетен был расцвета срок, / А ты – бездушен и жесток»; «Забылись прошлогодние метели/ Трава и листья ярко зеленели»; «И женщина тоже подобна цветам:/ Где любят и ждут – раскрывается там».

Предложенные вниманию композиционно-стилевые формы дают возможность сделать несколько выводов:

а) для них наиболее показательны, в первую очередь, темы Любви, а также творчества, времени, города: «О сердце, живо вновь любовью/ И вновь люблю, люблю, люблю»; «...Тебе взаимностью отвечу, / Люби меня, / Люби меня...»;

б) они стремятся к лаконизму, к динамичности образной системы, участвующей в создании своеобразного афоризма: «Любя, других не осуждай, / Живи в согласии с душой»; «Разлука, разлука.../ Жестокая мука»;

в) делятся по смыслу на завершённые и незавершённые, с открытым финалом: «И эта ночь тебе дана...»; «О, сон мой быстротечный, / Прошу, не исчезай...»; «Очнулась я однажды и запела»;

г) лидирующее положение среди них принадлежит предложениям с союзом и. Их частотность является показателем единства основной части стихотворения и концовки и сильной концентрации в финале эмоций: «Отсечь ненужное, завить –/И красотой всех удивить»; «И снова жду с тобой свиданья,/ И ты летишь, летишь, летишь...»; «И даль пронзительно светла./ И я безмолвно застываю/ Без рук твоих и глаз тепла», «В городах исчезают скворечни, / И закатан в асфальт тротуар», «Набухла ветвь от липких почек, / И пахнет в воздухе весной».

2. Образно-речевые типы зачинов и концовок

Среди этой группы можно выделить такие, как метафора, эпитет, сравнения, олицетворения, афоризмы, символ, противопоставление, идиома. Это композиционные формы тесно связаны с системой тропов и фигур. 66 примеров зачина перечисленных вариантов составляет 51 % от общего числа стихотворений.

Это группа композиционных форм обладает целым рядом особенностей:

а) они занимают промежуточное положение между композиционно-стилевыми и структурно-семантическими;

б) они участвуют в создании художественной выразительности текста;

в) в силу своей художественной определенности имеют более цельный и концентрированный характер;

д) они в меньшей степени поддаются одновременно стиливой и тематической регламентации.

Примеров оригинальных, «неожиданных, даже неожиданных сравнений» [3, 3] в зачине лирического стихотворения Р. Буркитбаевой-Нукеновой можно привести огромное множество. Как пишет критик Валерий Дударев, «только у нее «луна растущая, одинокая, бессонная, а еще совсем волшебна и нестерпимо – луна гибкая и отравленная». Настоящий художник слова Раушан «постоянно живет в мире чувств и красок» [3, 4]: «Ожерелье волшебных ночей/ Подарю я тебе, мой желанный»; «Печальной луной я стану в ночи/ В окна твои заглядывать»; «Как на луну любуюсь, глядя на тебя»; «Осенний дождь –/ Маэстро строгий»; «Цветущей вишней ты вошла в мой сад»; «Месяц, словно лодка одинокая»; «Намокший от дождя и горьких слез, / Уставший город в снах вновь растворится».

3. Структурно-семантические формы композиции

Это формы с повторяющимся тематическим комплексом. Среди них встречаются группы с философским смыслом; зачины и концовки с теологической тематикой; группы, которые представляют собой отрицание; в форме назидания (сентенции, вывода). На эту группу, состоящую из 15 стихотворений в сборнике «Пристань грез», приходится 11 %: «В руках Всевышнего песчинка»; «Ручей становится рекой»; «...И отбрось свои капризы/ Жизнь подарит нам сюрпризы»; «Вся жизнь – иллюзия, игра / И мир прозрачным, тихим стал»; «Может кто-то не поймет и осудит».

В результате рассмотрения зачинов и концовок на примере поэзии Р.Буркитбаевой-Нукуеновой мы попытались создать некую теоретическую модель таких типов композиционных форм как зачин и концовка. Высокий количественный показатель имеют композиционно-стилевые формы так, как формальные признаки при первичном читательском восприятии здесь играют главенствующую роль. Смысловые концовки и зачины занимают вторую позицию по количеству, т.к. в них сразу же обращает на себя внимание содержательная сторона. Малочисленность образно-речевых концовок связана с тем, что они сложнее по своей сущности: при условии минимальной структурно-семантической регламентированности некую уравниность в них формального и содержательного начала можно расценивать как своеобразный художественный прием.

Исследование такого количества зачинов и концовок стихотворений выдающейся поэтессы Р. Буркитбаевой-Нукуеновой позволило выявить некую в них общую элегическую интонацию, в которой соединяется противоречивость и сложность окружающего мира, «встречается поразительная четкость формы и зрелость композиционного начала, а еще юность порыва» [4]. В этих композиционных формах ее стихи «роднит общее содержание, направление, единый стержень. И все это выражается одним единственным словом, столь часто употребляемым, столь спорным, но и в тоже время, столь прекрасным и правдивым, если оно искренне. Слово это – Любовь», – убежден Атанас Ванчев де Трейси (Париж) [4].

Сборник «Пристань грез» являет собой одно большое произведение, разделенное на 5 глав, объединяющих в единое целое циклы определенной тематики: «Ожерелье ночей» – дарит нам неповторимое полнолуние, вторая глава – «Облаков лепестки» кружит нас в легком вихре цветущего сада, глава «В прибрежных тугаях» поведала нам о сокровенных желаниях любящего сердца, «Симфония зимы» дарит надежду разбитому сердцу, а «Пристань грез», представляя собой концовку всей книги, напоминает опять концовкой стихотворений о любви: «Продлись же, чудное мгновенье!».

Изучение зачинов и концовок в поэзии Р. Буркитбаевой-Нукуеновой позволяет сделать еще один важный общетеоретический вывод, связанный

с анализом поэтического текста, поэтического творчества, которые на современном этапе требуют новых исследовательских подходов. Интерпретация текста через описание особенностей концовок является продуктивным способом постижения целого (произведения, творчества). Перефразировав Ю.М. Лотмана, можно сказать, что выделение семантической «отдельности» таких элементов композиции, как зачин и концовка, приводит к «пониманию связанности всех элементов в поэтическом тексте» [5, 113].

Список литературы:

1. Шерр Б. Строфика, метрика и «чувство концовки» в стихах Льва Лосева // Славянский стих. Лингвистическая и прикладная поэтика. Материалы международной конференции. – М., 1998.
2. Буркитбаева-Нукенова Р. Пристань грез. – М.: 2006.
3. Дударев В.Ф. «Пристань грез. Р. Буркитбаева-Нукенова». – М.: 2006.
4. Атанас Ванчев де Трейси. Поэт из Казахстана презентует книгу в Лондоне <http://litart.kzhttp://www.centrasia.ru//>.
5. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. – М.: Просвещение, 1972.

ҚАЗІРГІ ЖАСТАР ПОЭЗИЯСЫНЫҢ ЖАҢАШЫЛДЫҚ ӨРІСІ

Г.Б. Бейсен

Алматы қаласы

Қазақ өлеңінің бастауы қара өлең болғанмен, жыраулар жырымен есейіп, өзге ұлт әдебиетімен қанаттанған Абай және Абайдан кейінгі озық ойлы ақындар легінің поэзиямызды ғарышқа көтергенін мақтаныш етеміз. Қазақ әдебиетінің додалы дүбірінде бір-бірімен үзеңгілесе, аузынан ақ көбік бұрқап, ентелей шапқан дүлдүлдер тобы көп болды. Алды тізгін ұстатса, арты қарадан қалысқан жоқ. Осылайша оңымыздан айымыз жарқырап, солымыздан жұлдызымыз туды. Бүгінгі жастар жырына үнілсек, оның өсу барысын көп тұстарынан байқауға болады.

Бүгінгі жастар шығармашылығының бір легі деп шығыстық үлгімен қалам тартқан ақындарды атап өтуге болады. Шығыстық үлгінің негізі бізге ислам діні арқылы кірді. Тіпті исламға кірердің алды-артындағы буддизм мен шамандық діндер таласындай мұсылмандықты жоққа шығарушылық пен күмән және сықақ жырлары да кеңінен тарала бастаған еді. Сөйтіп исламды негіз еткен мұсылман халықтарынан көптеген ақындар шықты. Айталық, Рудаки, Фердауси, Омар Хайям, Физули, Сағди,

Жәлелден Руми, Хафиз, Дехлеви...Осы топтың басындағы есімі алдымен аталатындар болды. Тіпті Гете, Пушкин, Лермонтов, Есенин, Блоктарда бұл жолды соқпай өте алмады. Көп ақындар шығыстық осы үлгіні «софылық ілім» төңірегінен қарастырады.

Бұл дәстүр біздің әдебиетімізде Ахмет Иассауи, Машһұр Жүсіп Көпеев, Абай, Шәкерім, Ақыт жырларынан да көрініс берді. Жалғыз «Мың бір түннің» өзі қазақтың талай ақынының дастан-поэмаларына арқау болды.

Бүгінгі әдебиетке көз салар болсақ шығыстың желіне бетін берген бір ақын жұрттан өзгешелеу көзге түседі. Оңаша күйсеп, оңаша жусап, жартастың иығына шығып, тұмсығын көтерген сол «кер бұғының» есімі Мұрат Шаймаранұлы.

О, менің шығысым – әсерлі шырайым,
Аңыздай айтылып тұратын күн– айы.
Есімді білгеннен ертегіңді емдім мен,
Еліктеп келдім мен елесіңе ұдайы.

Сен жақтан атпаған таң бүгін – қара таң,
Өзімде мекен бар, сөзімде жоқ отан.
Түсімде самұрық мініп ап, (о, Тәңірі!)
Күн туар тұстарға зымырап баратам. [1, 115]

Бұл ақынның жүрек сөзі. Өлеңнің өзі айтып тұрғандай Мұраттың «шығысқа ғашықтығы» осылай басталған.

Ол «Хафизге шағыну» өлеңінде:
Жамау-жамау болсада шекпеніңнің өңірі,
Еліктейді бір саған тәкаппарлау өмірім .
Сұлуларға іңкәрмін қайың – балтыр, гүл – ерін,
Сол ерінде бояу боп тұрған менің жүрегім...

Қабактары болғасын қиылған бір ай мүсін,
Мен нұрлы айды жырлаймын,
Жырлаймын һам қайғысын.
Әсемдіктің әсері қуат беріп соңғы шақ,
Бақыт екен шайырға асқақ жүру сен құсап ..., – [1, 65]

деп өзінің шығыс шайырларын пір тұтқанын жасырмайды. Және де ақын өзі ұстанған осы жолды бүгінгі поэзиямен қабыстырып, ары қарай дамытып ешкімге ұқсамайтын жаңа бір бағытқа қарай бет бұрады. Бұл бағыт шығыс шайырларын үлгі етіп басталды десекте, өзі еліктеген тұлғалардың құшағына құлай кететін жалаң табынушылықтан мүлдемге аулақ. Ендігі жерде Мұрат болып қана жыр толғайды.

«Түңілу» атты өлеңінде:

Бәрі солай болатынын ұқтырып,
Қаңтар өтті, көзқарасы сұп-суық.
Жалғыз шырақ –
(жана-жана білтедей)
Бітті үміт.

Ақпан келер – асыққан бір жолаушы,
Сақа – көңіл, түспейсің-ау сен алшы.
Көбелек – қар, көз алдымда көлбемей,
Жоғалшы!

Тұман – жолдар,
Күмән – жолдар,
Түл өңір,
Ақын – жүрек, жыла, жыла, жүде бір.
Аққа бояп сен әуре болғанмен,
Кір өмір.

Жауһазын боп құлақтары қалқайған,
Көктем келер, жаның жанып өрт ойдан.
Көктем бе бұл,
Көктемнің де көктиын!
Гүлдің бәрі қартайған.

Тамыр түгіл, тасты ерітіп жылуы,
Сосын тағы жаз келеді бір ұлы...
Мені мұңға шақырады ақшамда,
Шегірткенің шырылы.

Уақыт берген уағдасына сенерміз,
Сенерміз де уатылып, семерміз.
...бәрі солай болатынын ұқтырып,
Келер күз...

Кеміреді кеудемді бір батыл – ән,
Кемерге ұрған толқынымды сапырам.
«Өмір – жалған!» соны біле тұрсам да,
Қиялмаймын, аһ ұрам...[2, 126]

Міне осылайша ақын ендігі жерде өмірді ғана қия алмай тұрған жок. Өмірді жырлаған өзіндей ақынды, өлеңді қимай тұр. Күндердің

күнінде өтіп кететіні, «өмірдің жалғандығы» жәй ғана айтылмайды, жыр өзегінде бүгінгі күннің қайғысы, заманының ащы запыраны жатыр. Ал бейнелеу жағында қарапайым, жасандылықтан, зорланудан ада. Еркін төгілген.

Мұрат жырының тағы бір ерекшелігі әр өлеңінде өзінің жарқыраған тана-моншағы бар. Жұрт жауыр қылған сөз емес, тереңнен сүзіп алған інжудей таза жолдар жиі кезігіп отырады. Ана тілінің қаймағын қалқып, қажетінше көсіледі.

Сен биледің, Айдың уыз сәулесі
Тұрды жамап иығыңның жыртығын...

Ал, адамдар сенің әсемдігіңді
Көздерімен шешіндіре бастады... [2, 87].

«Сол бір ескі әуендерге...» атты өлеңінде көше бойында ән салып тұрған қайыршының міскін күйін шерте келіп, өлеңін:

Бізді қойшы, Алматының өзі де,
Қолын жайып көктен қайыр сұрайды.

Тағы бір қуанарлығы ақын алғашқы өлеңдерінде «Хафизге ілесіп» «шарапхана» мен «сұлуларды» көп төңіректеген болса, кейінгі өлеңдерінде «Аллах» есімін қайталап, шынайы ақиқатқа бет бұрады. Оны «АЛЛАһ-тың суреті», «Ақын өлімі» өлеңдерінен байқауға болады.

Кейде бір өлеңіндегі сөздердің екінші өлеңінде қайталануы оның ақындығына көлеңке түсіре алмайды. Айталық бір өлеңінде «Көздерімен шешіндіре бастады» десе («Балғын тәнің ескі көйлек ішінде»), екінші өлеңінде «Көзімен сан сұлуды шешіндіріп» дейді. («Бейістің жасыл сирақ әсем құсы»).

Демек, Мұраттың ақындық асау шабыттың арғымағын тақымына баса білген танымал ақындардың біріне айналғанын мойындау керек. Жас жағынан қарағанда «жас ақын» болмағанымен поэзияға өзіндік бетпен келіп, «шығысқа қайта тіл бітірген», ғазалдарды жаңғырықтырып, жастарды қанаттандырып жүрген Мұрат ақынды аттап өту мүмкін емес.

Бүгінгі күнде көп айтатынымыз және көп ақындарымыз бет бұрған бағыттың бірі батыстық үлгі. Батыстық үлгінің әдебиетіміздегі бастауын Абай мен Шәкерімнің аударма жырларынан қарастырсақ қателесе қоймаспыз. Осы арада батыс әдебиетінің өкілдік үлгісі саналатын модернизм жайында айта кетудің де артықтығы болмас.

Модернизм (Modernism) әдебиеті ХҮІІІ ғасырдың ортасында – романтизм, реализм секілді байырғы әдебиеттік үлгілерге қарсы немесе оның басқаша бейнелену әдісімен кемелденген түрі негізінде қалыптасқан

ағым. Ол жаңаша түрленіп, постмодернизм (postmodernism) деп аталған. Қарапайым сөзбен айтар болсақ постмодернизм әдебиеті модернизм әдебиетінің дәстүрлі әдебиетпен отаспайтын тәсілдеріне мұрагерлік ете отырып, оны ең жоғары өреге көтеріп қана қалмай, ары қарай дамыған түрде, модернизм әдебиетінің түрліше тәсілінен де өзгеше, өзіне ғана тән бейнелеу әдістерін қалыптастыру негізінде туған.

Ағылшын тіліндегі «post» сөзінің уақыт жаңалығына емес, сапаға қаратылғанын ескерсек постмодернизм деген атауды ортаға қоюшы оны жаңа әдеби қозғалыс ретінде пайдаланған. Постмодернизм әсілінде модернизм әдебиетінің нәзіктігі мен сырға толы жұмбақтығын түзетіп, жай оқырмандар жеңіл қабылдайтын жаңа әдісті жаратуды мақсат етсе де іс мұның керісінше болған. Англиялық сыншы Давид Лож: «Модернизм әдебиет – көркемөнері бейнелеу жағында жаңалыққа бой ұрамын деп қанша күрделесіп кетсе де бірақ оқырмандардың шығарманың маңызы мен мақсатын түсіну мүмкіндігі бар еді... Постмодернизмдік шығармаларды оқығанда оқырмандардың қиыншылығы әрқашан олардың түсініксіздігі емес қайта құбылмалылығында болса керек. Бұның өзі постмодернизмнің өзіне ғана тән қасиеті» – деген екен.[3, 29] Ендеше біздер осы бүгінгі «нәзіктігі мен сырға толы жұмбақтығы» басым, «түсініксіз» «құбылмалы» «шеңбердің сыртындағы» дүниелерге қалай қараймыз? – деген сұрақ туады. Жаңалыққа үрке қарау, үрке қарай отырып оған бойымызды үйрету, қабылдау ежелгі әдетіміз. Олай болса әлемдегі әдебиеттік озық үлгілеріне еліктеу және оның қазақы болмысын жасау – жаңа ағымшыл жастарымыздың ғана емес әдебиетіміздің де мұрат-мақсатының бірі, кімде кім қашып құтыла алмайтын замана ағымындай әдебиеттің таптауырынсыз парақтары. Қуанарлығы бүгінгі қазақ поэзиясы осы сауалға өлеңмен жауап іздеп, әр ақын шамасынша іздену үстінде екен. Әсіресе, жастар легі тіптен солай.

Ал жаттанды теорияшылдардың постмодернизмдік үлгісінде келетін, оқырманның да сұранысына жауап бере алатын қанашама қаламгерлер бар. Қазақ әдебиетіндегі Мұхтарларды, А. Сүлейменовты, О.Бөкеевті жаңа заман әдебиетінен жат деп кім айта алады. Әрине, оларға деген әдебиеттің де бағасы биік, оқырманы да сүйіп оқиды.

Жаңа буын ақындардан Есенғали Раушан, Тынштықбек Әбдікәкім, Гүлнар Салықбай, Сұраған Рахмет жырын қай қазаққа түсініксіз деп айта аламыз. Демек, бұдан жаңаны жатырқама, көнені көзге ілмей қой ма, көнені жаңа үшін, жаңаны көне үшін қызмет еттір, әдебиеттің биік шоқтығына таласа алатын, халықтың да қажетін қанағаттандыра алатын ортақ ойлы шығарма жаз деген сөз келіп шықпай ма? Және де әлемдік әдебиеттің өріне өзге біреу емес, қазақ болып шығуды түсіндірмей ме! Біз елге қарап емес, ел бізге қарап еліктейтіндей жақсы әдебиеттің үлгісін неге жасамаймыз?

Осы жағынан қарағанда жастар поэзиясында Ақберен Елгезек, Ерлан Жүніс, Ардақ Нұрғазы, Тоқтарәлі Таңжарық, Ұларбек Нұрғалым, Қуаныш Дәлей, Гүлманат Әуелхан, Ықылас Ожай, Ырысбек Дәбей, Серік Боқан, Азамат Тасқараұлы сияқты ізденіс үстіндегі бір топ жас ақын сол бір соны соқпақтарға түрен салғысы келетіндігімен қуантады.

Сөз – шығарманың негізгі материалы. Сұлу сөз тіл көркемдігімен сөз сұлулығы, сөздің табиғилығымен қарапайымдылығында. Ахмет Байтұрсынов өзінің бір кітабында "Сөз өнері адам санасының жетілуінде. Көңілге тірелетіндігін айта келіп, тілдің міндеті арқылы аңдауын аңдағанынша, қиялдың меңзеуін меңзегенінше, көңілдің түюін түйгенінше жарату", – деп айтқан болатын.

Пайдаланған әдебиеттер тізімі:

1. Әлім. А. Поэзия! Поэзия! Поэзия! // Қазақ әдебиеті. – 2000. 30-маусым. – № 29.
2. Шаймаранұлы М. Еркін аспан өлеңі. – Алматы: Ата-жұрт. – 2009.
3. Жылқыбекұлы Б. Өлеңнің өзегі // Қазақ тілі мен әдебиеті. – 1996. – № 2.
4. Жұмалиев Қ. Қазақ әдебиеті тарихының мәселелері және Абай поэзиясының тілі. – Алматы: Қазақтың мемлекеттік көркем әдебиет баспасы, 1960.
5. Ысмайылов Е. Ақындар. – Алматы: Жазушы, 1956. – 190 б.
6. Ахметов З. Өлең сөздің теориясы. – Алматы: Мектеп, 1973. – 127 б.
7. Майтанов Б. Сөз сыны. – Алматы: Жазушы, 2006. – 230 б.
8. Ысқақ Қ. Жас қаламгерлер жайлы бірер сөз // Қазақ әдебиеті. – 2002. – № 6.
9. Жайлыбай Ғ. Қазіргі жастар поэзиясы // Қазақ әдебиеті. – 2003. – № 19.
10. Нұрдыхан Е. Талбесік. – Алматы: Ақбота-Ш. 2002. – 210 б.
11. Алтай А. Жас буын әдебиеті жайында бірер сөз // Қазақ әдебиеті. 1996. 2-қараша. – № 64.
12. Шәкенұлы Ж. Жастар шығармашылығында поэзия биік, ал проза... // Қазақ әдебиеті. – 2007. 2-ақпан. – № 6.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

РОЛЬ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В МЕТОДИКЕ ОБУЧЕНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Г. Жумағали

магистрант КазНПУ им. Абая

Аннотация. В данной статье рассматривается внедрение и особенность мультимедийных технологий в методике обучения младших школьников. Также рассмотрены и приведены примеры основным аспектам информационных и коммуникационных технологий в начальном образовательном процессе. Одним из приоритетных направлений процесса информатизации современного общества является информатизация образования, представляющую собой систему методов, процессов и программно-технических средств, интегрированных с целью сбора, обработки, хранения, распространения и использования информации в интересах ее потребителей. Мы выяснили основные цели, задачи и направления мультимедийных уроков в младших классах. Методическая сила мультимедиа как раз и состоит в том, что ученика легче заинтересовать и обучить, когда он воспринимает согласованный поток звуковых и зрительных образов, причем на него оказывается не только информационное, но и эмоциональное воздействие.

Ключевые слова: Мультимедийные технологии, обучение младших школьников, модернизация образования, образовательный процесс, мультимедийные презентации, применение информационных технологий.

Түйіндеме. Мақалада негізінен бастауыш сынып оқушыларын оқытудағы мультимедиялық технологияларды енгізу мен оқытудың ерекшеліктері қарастырылады. Мультимедиа технологиялары оқушыны дайын оқу материалының тек қана меңгерушісі емес, сонымен қоса оны құрудың, қалыптасуының, жедел қолдануының қатысушысы ретінде шығаруға мүмкіндік береді. Сондай – ақ бастапқы оқу процесіндегі ақпараттық және коммуникациялық технологиялардың негізгі аспектілеріне жан-жақты қарастырылып, мысалдармен дәлелденген. Қоғамдағы ақпарат көлемінің барған сайын өсуі – білім беру мазмұнын жаңартуды, оқытудың оңтайлы тәсілдері мен жаңаша оқыту технологиясын енгізуді, дәстүрлі оқыту үрдісін жаңа жағдайға бейімдеп, жинақталған тәжірибенің негізінде білім беру сапасын көтеруді талап етеді. Біз бастауыш білім беру жүйесіндегі мультимедиялық бағыттың басты мақсатын, дидактикалық міндеттері мен бағыттарын анықтадық.

Түйін сөздер: Мультимедиялық технологиялар, бастауыш сынып оқушыларын оқыту, білім беруді жаңғырту, оқу үрдісі, мультимедиялық презентациялар, ақпараттық технологияларды қолдану.

Abstract. This article deals with the introduction and feature of multimedia technologies in the methodology of teaching younger schoolchildren. Examples of the main aspects of information and communication technologies in the initial educational process are also examined and given. One of the priority directions in the process of informatization of modern society is the informatization of education, which is a system of methods, processes and software and hardware integrated with the purpose of collecting, processing, storing, distributing and using information in the interests of its consumers. We found out the main goals, objectives and directions of multimedia lessons in the lower grades. The methodical power of multimedia is precisely that the learner is more interested in and educated when he perceives a coherent stream of sound and visual images, and not only informational, but also emotional impact on it.

Keywords: Multimedia technologies, training of junior schoolchildren, modernization of education, educational process, multimedia presentations, application of information technologies.

Одним из основных путей развития Казахстанского образования в нынешнем периоде совершенствования является его информатизация, поэтому важно и необходимо вести целенаправленную работу по внедрению и применению информационных и коммуникационных технологий в учебном процессе. Всемирная практика утверждает высокоинтенсивное вступление в деятельность человеческого общества. Сегодня государством предпринимаются все меры для того, чтобы каждый учащийся получил образование, конкурентоспособное на мировом рынке. Ежегодно растёт объём финансирования для образования. Разрабатываются и внедряются новые интересные идеи по информационно-коммуникационным технологиям. Все это, в конечном счете, создаёт новые условия для формирования личности, способной работать в условиях открытого информационного общества, где существенным является доля интеллектуальной сферы и современных технологий.

В начале XXI века в мировой системе образования наблюдаются качественные изменения. Наряду с глобализацией образования, включая его гуманизацию и демократизацию, к ним можно отнести ориентацию на применение новых компьютерных технологий. Это наблюдается на всех уровнях образовательного процесса, включая систему базовой и послевузовской подготовки профессионально – технических кадров, а в конечном итоге, преследует цели формирования интеллектуального

потенциала современных государств. Сегодня практически во всех странах мира понимают значение и роль инновационных технологий в формировании конкурентоспособности образования, экономики и культуры. «Инновационная деятельность – деятельность, направленная на внедрение новых идей, научных знаний, технологий и видов продукции в различные области производства и сферы управления обществом, результаты которой используются для экономического роста и конкурентоспособности». Основным звеном национальной инновационной политики Казахстана предлагается рассматривать формирование инновационной системы образования, которая должна обеспечить качественную подготовку новой генерации квалифицированных специалистов, восприимчивых к инновациям, готовых создавать и реализовывать инновационные проекты.

Введение информационно-коммуникационных технологий в работу учителя начальных классов способствует достижению основной цели модернизации образования – улучшению качества обучения, увеличению доступности образования, обеспечению гармоничного развития личности, ориентирующейся в информационном пространстве, приобщенной к информационно-коммуникационным возможностям современных технологий. Использование информационных технологий в учебном процессе начальной школы позволяет не только модернизировать его, повысить эффективность, мотивировать учащихся, но и дифференцировать процесс с учётом индивидуальных особенностей каждого ученика.

Применение информационных технологий в процессе обучения в начальной школе дает возможность активизировать познавательную и мыслительную деятельность учащихся. Новая грамотность предполагает овладение умением ориентироваться в информационных потоках, в среде мультимедиа, создавать гипермедиа объекты.

В нынешнем мире информационные технологии стали играть главенствующую роль практически во всех сферах деятельности человека. Это привело к переосмыслению многих привычных технологий и в образовании. В условиях интеграции информационных и педагогических технологий у педагогов расширяется спектр возможностей, появляются продуктивные механизмы управления самостоятельной познавательной деятельностью школьников. Если раньше работа преподавателя ассоциировалась с доской, столом и мелом, то теперь на смену таким ассоциациям пришли понятия проектор, мультимедийная доска, маркер [1].

Применение мультимедийных технологий в учебно-воспитательном процессе в дошкольных образовательных учреждениях – это одна из самых новых и значительных проблем в дошкольной педагогике нашей республики. Особенность введения персонального компьютера в процесс

воспитания дошкольников в нашей стране состоит в том, что компьютеры сначала используются в семье, далее в детском саду – в условиях коллективного воспитания. Использование компьютера как средства воспитания и развития творческих способностей ребенка, формирования его личности, обогащения интеллектуальной сферы дошкольника позволяет расширить возможности педагога, создает базу для приобщения детей к компьютерным обучающим программам.

Компьютер является одним из современных средств обучения, обладающим уникальными возможностями. Он сочетает в себе возможности телевизора, видеомэгнитофона, книги, калькулятора, являясь универсальной игрушкой, способной имитировать другие игрушки и самые различные игры. Использование компьютеров в учебной и неучебной деятельности школы выглядит очень естественно с точки зрения ребенка и является одним из эффективных способов повышения мотивации и индивидуализации его учения, развития творческих способностей и создания благополучного эмоционального фона.

Главной составляющей нынешних информационных технологий, используемых в образовании, стали электронные интерактивные доски. С развитием технологий, методические разработки с использованием интерактивной доски приходят и в начальную школу, что вызывает не только интерес учеников к обучению, но и влияет на получение и усвоение знаний, преподаваемых в школе. Важно учитывать эти факторы в начальной школе, когда бывшему дошкольнику достаточно сложно самоорганизоваться на уроках, переступить порог от детского сада к школьной парте и усваивать огромное количество информации. В этом случае, – использование интерактивных досок на уроках в начальной школе становится для педагога неотъемлемым помощником в борьбе за усидчивость, интерес к предмету и в организации коллективной работы класса.

Работа с интерактивной доской в начальной школе становится продолжением игры, сопровождаемой звуковыми и видеоэффектами. Ведь использование различных магнитных ручек, лазерных указок, «волшебных» палочек развивает не только логику, творческое мышление, моторику и координацию ребенка, но и его познавательную активность.

Применение мультимедийной презентации на уроке происходит следующим образом:

- 1) последовательная демонстрация страниц мультимедийной презентации с одновременным изложением учебного материала на протяжении всего урока;

- 2) проведение мультимедийной презентации с эпизодическим представлением наглядной информации, подготовленной на слайдах.

Мультимедийные технологии создают широкие возможности для реализации дидактического принципа наглядности: демонстрация художе-

ственных образов, моделирование процессов, оформление текстовой информации в виде графиков, логических схем, таблиц, формул и др.

Быстрый переход внутри системы слайдов мультимедийной презентации (например, при помощи гиперссылок) позволяет обращение к различным, в том числе ранее использовавшимся фрагментам материала. Существует возможность подготовки слайдов с различным дополнительным материалом, который может предъявляться учащимся при необходимости, осуществляя дифференцированный подход в обучении. Такой материал формируется исходя из опыта учителя. Он может включать фрагменты для актуализации опорных знаний, необходимых для усвоения темы (повторение); данные других смежных тем [2].

Предварительная подготовка информации, которая традиционно оформляется учителем на доске в виде схем, чертежей, формул, таблиц, позволяет выполнить этот фрагмент процесса обучения на более высоком методическом уровне. Четкая структура урока, определяемая порядком слайдов, повышает системность, логичность изложения материала. Текст, представленный на экране для учащихся, в то же время является опорным конспектом для самого учителя.

Интерес – форма проявления познавательной потребности, обеспечивающая направленность личности на осознание целей деятельности и тем самым способствующая ориентировке, ознакомлению с новыми фактами, более полному и глубокому отображению действительности. Например, на уроках по предмету «Охрана окружающего мира», дети в ходе урока удовлетворяют свой интерес к происходящему вокруг. Но это, – не ведёт к его угасанию, а вызывает новый интерес отвечающий более высокому уровню познавательной деятельности. Интерес, – влияет на учебный процесс, наблюдения младших школьников в процессе обучения всем предметам, а так же на достижение успехов. Поэтому применение мультимедиа – технологий для организации обучения, направленного на личность каждого ребёнка, позволяет повысить эффективность учебного процесса, уровень информированности и подготовки учащихся, систематизировать знания, индивидуализировать обучение.

Личностно-ориентированное обучение – это такое обучение, где на первое место ставится личность ребенка, ее самоопределение, самооценку, субъектный опыт каждого сначала раскрывается, а затем согласовывается с содержанием образования в обществе.

Кроме того, чтобы все педагогические цели были достигнуты, необходимо воссоединять те требования и потребности учащихся, которые стоят перед ними. Урок был и остается основным элементом образовательного процесса, но в системе личностно-ориентированного обучения существенно меняется его функция, форма организации. В этом

случае урок подчиняется не сообщению и проверке знаний, хотя и такие уроки тоже нужны, а выявлению опыта учеников по отношению к излагаемому учителем содержанию. Для этого учитель, работая с классом, выделяет различные индивидуальные мыслительные операции, которым и пользуются ученики, работая с учебным материалом, где помощником и служат мультимедиа технологии [3].

Младший школьный возраст является периодом интенсивного развития умственных способностей, временем, когда закладывается фундамент для дальнейшего интеллектуального развития. В связи с этим, компьютер в обучении младшего школьника должен стать обогащающим и преобразующим элементом в его развитии. Значительная часть учащихся младших классов имеет недостаточную для обучения зрелость вследствие гиперопеки родителей. Это снижает актуальную готовность к умственной деятельности. Работа с компьютером помогает получить опыт самостоятельных действий, самоконтроля в ситуации выбора, повысить самооценку. Наверное, невозможно себе представить современное развитие общества и производства без информационно – коммуникационных технологий. Бесспорно, что владеть компьютером должен каждый образованный человек. ПК быстро входит в жизнь нашего ребенка. Практически все родители, развивая и обучая малыша, приобретают компьютерные программы.

Сначала – это милые «клавиатурные барабанилки» для самых маленьких, которые любят барабанить по клавиатуре, но ещё не умеют пользоваться мышкой, затем – огромное многообразие компьютерных игр. Компьютер – мощное средство обучения и саморазвития малыша! Способность компьютера воспроизводить информацию одновременно в виде текста, графического изображения, звука, речи, видео, запоминать и с огромной скоростью обрабатывать данные позволяет специалистам создавать для детей мультимедийные презентации, электронные детские книги и энциклопедии.

Возможности в обучении дошколят, которые таят в себе мультимедийные презентации, велики. В отличие от обычных средств обучения медиатехнологии значительно расширяют возможности родителей в сфере раннего развития, способствуют успешной реализации интеллектуальных и творческих способностей ребенка; позволяют не только насытить его большим количеством готовых, строго отобранных, соответствующим образом организованных знаний, но и, что очень актуально в раннем детстве – учат самостоятельно приобретать новые знания.

В условиях компьютеризации учебного процесса особенно важно сохранить положительное отношение учащихся к жизни, чувство радости от каждого прожитого дня, удовлетворение результатами своей учебной, трудовой и общественной деятельности. «Очень важно, – писал

В.А.Сухомлинский, – чтобы изумительный мир природы, игры, красоты, музыки, фантазии, творчества, окружавший детей до школы, не закрылся перед ребенком классной дверью». Особую значимость приобретает создание обстановки, позволяющей учащемуся пережить чувство успеха в достижении учебных целей.

Мультимедиа – это представление объектов и процессов не традиционным текстовым описанием, а с помощью фото, видео, графики, анимации, звука. Учеников младших классов привлекает новизна проведения мультимедийных уроков. В классе во время таких уроков создается обстановка реального общения, при которой ученики стремятся выразить мысли «своими словами», они с желанием выполняют задания, проявляют интерес к изучаемому материалу. Применяя компьютер на занятиях необходимо, – помнить о том, чтобы использовались предметно-ориентированные программно-методические комплексы, соответствующие содержанию и логике изучения учебного предмета. Благодаря этому будет реализована дидактическая роль компьютера как инструмента познания. Мультимедийная презентация – обучающий мультимедиа, это электронная звуковая книжка с красивыми картинками, это отличное пособие для учителей младших классов на уроках. В основе любой презентации лежит набор слайдов, на которых размещаются текст, графики, рисунки. Мультимедийные презентации позволяют представить обучающий и развивающий материал как систему ярких опорных образов.

Применение мультимедийной презентации несет в себе образный тип информации, понятный младшим школьникам, формирует у них познавательную активность, интерес к обучению. Основные приемы, способствующие развитию познавательной активности младших школьников на уроках информатики: широкое применение игровых форм занятий, высокая автономность работы ученика за компьютером, активное использование мультимедийных средств, создание дружелюбной и соревновательной психологической атмосферы. На смену традиционным технологиям обучения должны прийти новые информационные развивающие педагогические технологии. С их помощью на уроках должны реализоваться такие педагогические ситуации, деятельность учителя и учащихся в которых основана на использовании современных информационных технологий, и носит исследовательский, эвристический характер.

У младшего школьника лучше развито непроизвольное внимание, которое становится особенно концентрированным, когда ему интересно, учебный материал отличается наглядностью, яркостью, вызывает у школьника положительные эмоции.

Еще о специфике начальной школы: в соотношении текст/картинка последнее преобладает. Текст – выводы, даты, ключевые слова. Самое главное, – то, что могут прочитать все. И вот тут – анимация, чтобы

буковки притягивали внимание и всем, даже самым слабым ученикам, хотелось бы их прочитать.

Коммуникационные уроки помогают решить следующие дидактические задачи:

- усвоить базовые знания по предмету;
- систематизировать усвоенные навыки;
- сформировать навыки самоконтроля;
- сформировать мотивацию к учению в целом;
- оказать учебно-методическую помощь учащимся в самостоятельной работе над учебным материалом.

При использовании на уроке в начальной школе мультимедийных технологий структура урока принципиально не изменяется. В нем по-прежнему сохраняются все основные этапы, изменяются только их временные характеристики [4].

Мультимедийная презентация, таким образом, наиболее оптимально и эффективно соответствует триединой дидактической цели урока:

- образовательный аспект: восприятие учащимися учебного материала, осмысление связей и отношений в объектах изучения;
- развивающий аспект: развитие познавательного интереса у учащихся, умения обобщать, анализировать, сравнивать, активизация творческой деятельности учащихся;
- воспитательный аспект: воспитание научного мировоззрения, умения четко организовать самостоятельную и групповую работу, воспитание чувства товарищества, взаимопомощи.

Можно выделить следующие особенности данной технологии:

1. качество изображения, выполняемого мелом на доске, не выдерживает никакого сравнения с аккуратным, ярким, четким и цветным изображением на экране;

2. с помощью доски и мела трудно объяснять работу с различными инструментами;

3. во время презентации, даже с применением проектора, рабочее место учащегося достаточно хорошо освещено;

4. повышение уровня использования наглядности на уроке;

5. повышение производительности урока;

6. установление межпредметных связей;

7. преподаватель, создающий или использующий информационные технологии, вынужден обращать внимание на логику подачи учебного материала, что положительным образом сказывается на уровне знаний учащихся;

8. изменяется отношение к ПК – : ребята начинают воспринимать его в качестве универсального инструмента для работы в любой области человеческой деятельности, а не как инструмент для игр.

Таким образом, появление в школе средств обучения нового поколения естественно и оправдано. Современные интерактивные технологии открывают учащимся доступ к нетрадиционным источникам информации, повышают эффективность самостоятельной работы, дают совершенно новые возможности для творчества, обретения и закрепления различных навыков, позволяют реализовать принципиально новые формы и методы обучения, что благоприятно влияет на развитие познавательной активности учащихся.

В настоящее время созданы мультимедийные энциклопедии по многим школьным дисциплинам и образовательным направлениям. Разработаны игровые ситуационные тренажеры и мультимедийные обучающие системы, позволяющие организовать учебный процесс с использованием новых методов обучения.

Многосредийные технологии могут использоваться в контексте самых разнообразных стилей обучения и восприниматься самыми различными людьми: некоторые предпочитают учиться посредством чтения, другие – посредством восприятия на слух, третьи – посредством просмотра видео и т.д.

Применение мультимедийных технологий позволяет сделать процесс обучения гибким по отношению к социальным и культурным различиям между школьниками, их индивидуальным стилям. Таким образом, мультимедийные технологии обогащают процесс обучения, позволяют сделать обучение его более эффективным, а так же способствуют формированию познавательного интереса у учащихся [5].

Список литературы:

1. Половина Г.Б. Интеграция мультимедийных технологий с традиционными учебными дисциплинами в системе повышения квалификации учителей-предметников // Информатика и образование. – 2009. – № 5. – С. 11-12.
2. Захарова К.Г. Информационные технологии в образовании: Учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений. – М.: Издательский центр «Академия». – 2003.
3. Башмаков М.И., Поздняков С.И., Резник Н.А. Классификация обучающихся сред. // Школьные технологии. – 2000. – № 3. – С. 8-10.
4. Афонина Р.Н. Информационные коммуникационные технологии как перспективное направление школьного естественнонаучного образования // Информатизация образования. – 2007. – № 12. – С. 5-6.
5. Роберт И.В. Современные информационные технологии в образовании. – М.: Школа-Пресс, 1999. – 224 с.
6. Желдаков М.И. Внедрения информационных технологий в учебный процесс. – Мн. Новое знание. – 2003. – 152 с.

РАЗВИТИЕ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Ш.Т. Кожакеева

к.п.н., проф. КазНПУ им.Абая

М.Н. Мамыт

магистрант КазНПУ им.Абая

Аннотация. Данная статья посвящена особенностям применения технологии развития критического мышления на уроках русской литературы в школах с нерусским языком обучения и выявлению наиболее эффективных методов и приемов данной технологии. Цель статьи: объяснить значение критического мышления, обосновать возможность и необходимость применения технологии развития критического мышления в процессе преподавания русской литературы.

Ключевые слова: технология, развитие критического мышления, стадия вызова, стадия осмысление, рефлексия, кластер, синквейн.

Түйіндеме. Бұл мақала орыс тілінде оқытатын мектептердегі орыс әдебиеті сабақтарында сыни ойлауды дамыту технологиясын қолдану ерекшеліктерімен мәмілелер және осы технологиядағы барынша тиімді әдістері мен тәсілдерін анықтау үшін арналған. Бап мүмкіндігін және орыс әдебиетін оқыту технологиялар сыни ойлау дағдыларын дамыту қажеттігін ақтау үшін, сын тұрғысынан ойлау маңыздылығын түсіндіруге бағытталған.

Түйін сөздер: технология, сыни ойлауды дамыту, қоңырау кезеңі, ұғыну кезеңі, рефлексия, кластер, синквейн.

Abstract. This article is devoted to the peculiarities of applying the technology of development of critical thinking in the lessons of Russian literature in schools with non-Russian language of instruction and to identify the most effective methods and techniques of this technology. The purpose of the article: to explain the importance of critical thinking, to substantiate the possibility and necessity of applying the technology of development of critical thinking in the process of teaching Russian literature.

Keywords: technology, development of critical thinking, stage of challenge, stage of comprehension, reflection, cluster, syncvein.

Перед современным учителем всегда возникают вопросы: как сделать процесс обучения более результативным, как, используя возможности уроков литературы, развивать такие важные качества личности, как умение анализировать и делать самостоятельные выводы, прогнозировать последствия своих решений и отвечать за них и т.д. Это и

привело нас к исследованию, а затем и применению на уроках литературы приемов развития критического мышления.

Чтобы шире раскрыть понятие критического мышления остановимся на его характеристиках, которые дает Д. Клустер:

- критическое мышление есть мышление самостоятельное: «мышление может быть критическим только тогда, когда оно носит индивидуальный характер. Ученики должны иметь достаточно свободы, чтобы думать собственной головой и самостоятельно решать даже самые сложные вопросы»;

- информация является отправным, но отнюдь не конечным пунктом критического мышления: «знание создает мотивировку, без которой человек не может мыслить критически»;

- критическое мышление начинается с постановки вопросов и уяснения проблем, которые нужно решить;

- критическое мышление стремится к убедительной аргументации;

- критическое мышление есть мышление социальное: всякая мысль проверяется и оттачивается, когда ею делятся с другими» [1, 7-11].

Как мы видим, критическое мышление предполагает овладение целым комплексом навыков и умений, которые формируются постепенно, в ходе развития и обучения учащихся. И формируется оно быстрее, если на уроках учащиеся являются не пассивными слушателями, а постоянно активно ищут информацию, соотносят то, что они усвоили с собственным практическим опытом, сравнивают полученное знание с другими работами в данной области и других сферах знания. Кроме того, учащиеся должны научиться (а педагоги должны помочь им в этом) подвергать сомнению достоверность и авторитетность информации, проверять логику доказательств, делать выводы, конструировать новые примеры для использования теоретического знания, принимать решения, изучать причины и последствия различных явлений и т.д. Систематическое включение критического мышления в учебный процесс должно формировать особый склад мышления и познавательной деятельности. Таким образом, использование технологии развития критического мышления способствует стимулированию самостоятельной поисковой творческой деятельности, запуску механизмов самообразования и самоорганизации [2, 327].

Структура данной технологии представляет трехступенчатую базовую модель "Вызов – Осмысление – Рефлексия", которая выстроена с учетом психологии познавательной деятельности. С. И. Заир-Бек представил структуру технологии в виде таблицы [3, 11]. Урок по технологии критического мышления композиционно предполагает 3 этапа: вызов, осмысление содержания, рефлексия. Исследователи утверждают, что такая структура соответствует этапам человеческого восприятия:

сначала надо настроиться, вспомнить, что тебе известно по этой теме, затем познакомиться с новой информацией, потом подумать, для чего понадобятся полученные знания и как их применить.

Первая стадия – вызов – позволяет актуализировать и обобщить имеющиеся у учащихся знания по проблеме, вызвать устойчивый интерес к изучаемой теме, побудить ученика к активной работе на уроке и дома. В процессе реализации стадии вызова учащиеся могут высказывать свою точку зрения по поводу изучаемой темы, причем делая это свободно, без боязни ошибиться и быть исправленным преподавателем. Важно, чтобы высказывания фиксировались, любое из них будет важным для дальнейшей работы. При этом на данном этапе нет «правильных» или «неправильных» высказываний. Целесообразно сочетание индивидуальной и групповой работы. Индивидуальная работа позволит каждому ученику актуализировать свои знания и опыт. Групповая работа позволяет услышать другие мнения, изложить свою точку зрения без риска ошибиться. Обмен мнениями может способствовать и выработке новых идей, которые часто являются неожиданными и продуктивными. Обмен мнениями может способствовать и появлению интересных вопросов, поиск ответов на которые будет побуждать к изучению нового материала. Кроме того, часто некоторые учащиеся боятся излагать свое мнение учителю или сразу в большой аудитории. Работая в небольших группах, учащиеся будут чувствовать себя более комфортно, что позволит учащимся увидеть собранную информацию, а структурирование высказанных идей выявит противоречия, неясные моменты, которые и определяют направления дальнейшего поиска информации.

Наиболее часто используемые приемы на стадии вызова: кластеры, ключевые слова, «корзина идей», «верные – неверные утверждения» и др. Приведем пример использования приема «корзина идей»:

- объявляется тема урока.
- индивидуальная работа. Каждый ученик записывает в тетради все, что ему известно по теме.
- работа в парах или в группах. Учащиеся обмениваются информацией, выясняя, в чем совпали их мнения, а в чем возникли разногласия.
- работа с классом. На этом этапе каждая группа высказывает свое мнение по теме, приводит свои знания или высказывает идеи по данному вопросу. Причем ответы не должны повторяться. Все высказывания учитель кратко записывает на доске.

В "корзину" скидывается все, что имеет отношение к теме урока, что позволит учащимся увидеть собранную информацию, а структурирование высказанных идей выявит противоречия, неясные моменты, которые и определяют направления дальнейшего поиска информации.

Вторая стадия технологии критического мышления – осмысление содержания – позволяет получить новую информацию, осмыслить ее, соотнести с уже имеющимися знаниями. Организация работы на данном этапе может быть различной. Это может быть рассказ, лекция, индивидуальное, парное или групповое чтение или просмотр видеоматериала. В любом случае это будет индивидуальное принятие и отслеживание информации. В процессе работы ученика с новой информацией используются следующие приемы – чтение текста с остановками, маркировка текста символами, составление таблиц, ведение дневника и др.

Для организации работы с текстом учитель предлагает различные приемы для вдумчивого чтения и размышления о прочитанном. Наиболее популярным на этой стадии является прием «Инсерт». Прием осуществляется в несколько этапов. Знакомясь с новым материалом, учащиеся читают текст и маркируют его: «V» – уже знал, «+» – новое, «думал иначе», «?» – есть вопросы. Приведем фрагмент урока по роману «Евгений Онегин» А.С. Пушкина:

Как вы воспринимаете монолог Онегина?

Текст можно промаркировать с позиции:

+ Я согласен с героем. Это соотносится с моими нравственными убеждениями. Онегин очень искренен, способен оценить «души доверчивой признанья».

– Я не согласен с героем. Это противоречит моим убеждениям. У меня было другое решение. Онегин ошибается, когда говорит: «Но я не создан для блаженства; // Ему чужда душа моя...» Он обрекает себя на одиночество, отказываясь от любви.

? Мне трудно определиться в этом вопросе.

Онегин вызывает у меня двойственные чувства. Мне нравится его откровенность, благородность души, но мне трудно понять, почему человек, не познавший любви, учит Татьяну «властвовать собою».

В процессе работы обсуждается система образов произведения, осуществляется анализ их душевного состояния, выявляются закономерности их поступков, подводится итог осмысления образа главного героя, находящегося в непримиримом конфликте с окружающей действительностью.

Авторы педагогической технологии развития критического мышления отмечают, что в процессе реализации смысловой стадии главная задача состоит в том, чтобы «поддерживать активность учащихся,

их интерес и инерцию движения, созданную во время фазы вызова. В этом смысле важное значение имеет качество отобранного материала» [4, 37].

Таким образом, на стадии осмысления содержания осуществляется контакт с новой информацией, учащиеся пытаются сопоставить эту информацию с уже имеющимися знаниями и опытом, акцентируя свое внимание на поиске ответов на возникшие ранее вопросы и затруднения. Готовясь к анализу и обсуждению услышанного или прочитанного, учащиеся стремятся отследить сам процесс знакомства с новой информацией, обратить внимание на то, что именно привлекает их внимание, какие аспекты менее интересны и почему.

Третья стадия – размышления или рефлексии. Эта стадия позволяет осмыслить всю полученную информацию и формирует личное мнение ученика, отношение к изучаемому материалу исправляет предшествующие представления, собранные на стадии вызова, он получает новую информацию и определяет дальнейшие перспективы в изучении темы. Рефлексия направлена на систематизацию информации, выработку новых идей, решение поставленных ранее целей. На данной стадии возможно проведение дискуссии, написание сочинения, эссе, фиксация рассмотренного материала в виде собственных выводов, записей в тетради, составления схемы.

В методической литературе синквейн характеризуется как эффективный метод развития образной речи, который позволяет быстро получить результат. Но в то же время нельзя не согласиться с тем, что синквейн «формирует способность резюмировать информацию, важное умение излагать сложные идеи, чувства и представления в нескольких словах. Он требует вдумчивой рефлексии, основанной на богатом понятийном запасе» [5, 22].

Схема составления синквейна выглядит следующим образом: в первой строке заявляется тема или предмет (одно существительное); во второй дается описание предмета (два прилагательных или причастия); в третьей, состоящей из трех глаголов, характеризуются действия предмета; в четвертой строке приводится фраза обычно из четырех значимых слов, выражающая отношение автора к предмету; в пятой строке – синоним, обобщающий или расширяющий смысл темы или предмета (одно слово или словосочетание).

Приведем примеры синквейнов, написанных учениками по роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин».

1. Онегин.
2. Скучающий, «лишний».
3. Отвергает, убивает, влюбляется.
4. Онегин отвергает любовь Татьяны.
5. Пессимист.

1. Татьяна.
2. Скромная, влюблённая.
3. Любит, страдает, мечтает.
4. Выходит замуж за нелюбимого человека.
5. Идеал (поэта).

Учитель с помощью пятистрочного стихотворения, составленного учащимися, легко может сделать вывод о качестве усвоения материала, глубине понимания проблемы, степени развития образного мышления и пробелах в знаниях, которые есть у школьника.

Таким образом, технология развития критического мышления учащихся располагает огромным арсеналом приемов и стратегий, на каждой стадии учитель предлагает соответствующие методы и приемы работы, реализуя задачи каждой стадии. Не объем знаний или количество информации является целью образования, а то, как ученик умеет управлять этой информацией: искать, наилучшим способом присваивать, находить в ней смысл, применять в жизни.

Список литературы:

1. Клустер Д. Что такое критическое мышление / Дэвид Клустер. Критическое мышление и новые виды грамотности. – М., 2005.
2. Гершунский Б.С. Философия образования XXI века. – М., 1998.
3. Заир-Бек С.И. Развитие критического мышления на уроке: Пособие для учителя. – М., 2004.
4. Загашев И. О., Заир-Бек С. И. Критическое мышление: технология развития. – СПб: Альянс-Дельта, 2003.
5. Павлова А.И. О технологии развития критического мышления учащихся на уроках русского языка. Русский язык в школе. – 2009.

РОЛЬ ШКОЛЬНОГО УЧЕБНИКА ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ В ФОРМИРОВАНИИ ГУМАНИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ УЧАЩИХСЯ

М.Ш. Мусатаева

д.ф.н., проф. КазНПУ им. Абая

А.С. Нусупбекова

докторант КазНПУ им. Абая

Аннотация. Исходя из тезиса о том, что гуманитарная культура включает в себе ценностно-ориентационные, норма-ориентирующие, культурно-идентификационные, социально-консолидирующие и индивидуализирующие ресурсы, становится очевидной необходимость ее

формирования с первых лет обучения в школе. В этом большую роль играют учебники, поэтому в данной статье анализируются изданные по обновленной программе учебники русского языка и литературы для 1, 2, 5 и 7 классов казахской школы, способствующие формированию и развитию духовно-нравственных и морально-этических ценностей в сознании обучающихся.

Ключевые слова: учебник, гуманитарная культура, духовно-нравственные ценности, аксиология, русский язык и литература, когнитивная семантика, систематизация, система заданий и упражнений.

Түйіндеме. Гуманитарлық мәдени құндылықтарды, норма-бағдарлауды, мәдени-сәйкестікті, әлеуметтік консолидациялауды және ресурстарды жекешелендіруді қамтитын тезисті негізге ала отырып, білім берудің алғашқы жылдарынан бастап оны қалыптастыру қажеттілігін айқын көрсетеді. Осыған байланысты оқулықтар маңызды рөл атқарады, сондықтан осы мақалада жаңартылған бағдарламада жарияланған қазақ мектебінің бірінші, екінші, бесінші және жетінші сыныптары үшін шығарылған орыс тілі мен әдебиеті оқулықтары талданады, олар оқушылардың санасына рухани, адамгершілік және этикалық құндылықтарды қалыптастыруға және дамытуға ықпал етеді.

Түйін сөздер. оқулық, гуманитарлық мәдениет, рухани және адамгершілік құндылықтар, аксиология, орыс тілі мен әдебиеті, танымдық семантика, жүйелеу, тапсырмалар мен жаттығулар жүйесі.

Abstract. Proceeding from the thesis that the humanitarian culture includes value-orientation, norm-oriented, cultural-identity, socially-consolidating and individualizing resources, it becomes obvious that it needs to be formed from the first years of schooling. Textbooks play an important role in this, therefore, textbooks of the Russian language and literature published for the first, second, fifth and seventh grades of the Kazakh school published in the updated program are analyzed in this article. They contribute to the formation and development of spiritual, moral and ethical values in the minds of students.

Keywords: textbook, humanitarian culture, spiritual and moral values, axiology, Russian language and literature, cognitive semantics, systematization, the system of tasks and exercises.

Гуманитарная культура как первостепенный компонент бытования человека в обществе является объектом исследования множества гуманитарных наук, которые изучают этот феномен с различных подходов: *аксиологический* – в философии, теологии, искусствоведении и др., *онтологический* – культурологии, лингвистике, фольклористике, этнолингвистике и др., *праксиологический* – политологии, социологии, педагогике, психологии и др., *художественный* – литературоведении,

искусствоведении и др. Все эти подходы объединяет попытка объяснить механизмы познания человеком мира. Как видно, существует тесная взаимосвязь между предметными областями гуманитарной культуры и её потенциалами воздействия на личность и социум. Так, *аксиологический* аспект включает в себе ценностные и социально-консолидирующие ориентиры, *праксиологический* – нормативные, культурно-идентификационные, индивидуализирующие и т.д. Поскольку все эти ориентиры жизненно важны и необходимы человеку для гармоничного бытия в обществе, гуманитарную культуру нужно прививать детям с первых дней их обучения в школе ресурсами всех без исключения изучаемых дисциплин. Особое место отводится предметам филологического цикла: русскому языку и литературе, казахскому языку и литературе, иностранным языкам. Однако ограниченность рамками типовых программ, в соответствии с которыми составляются учебники и материалы, которые к ним прилагаются, делают эту работу несколько затруднительной. В связи с этим, эта задача имплицитно возлагается на учебники, в которых через тексты, выполнение учениками заданий и упражнений, использование учителями различных методик и инновационных технологий достигается эта цель.

Форма и содержание, структура и принципы составления учебника как произведения, отражающего содержание каждого отдельно взятого учебного предмета, всегда были объектом пристального внимания учебниковедов и лингводидактов. Об этом позволяет судить наличие множества дефиниций понятия *учебник*. Приведем несколько определений:

✓ учебник – это книга, содержащая в себе научное, последовательное, доступное для учащихся изложение содержания учебного предмета, соответствующее программе и требованиям дидактики [1, 247];

✓ учебник – форма фиксации содержания, проекция целостной деятельности обучения, в которой запрограммирована деятельность учителя и учащихся [2, 39];

✓ учебник – массовая учебная книга, излагающая предметное содержание образования и определяющая виды деятельности, предназначенные школьной программой для обязательного усвоения учащимися с учетом их возрастных или иных особенностей [3, 12];

✓ учебник – комплексная информационная модель, отображающая четыре элемента педагогической системы – цели обучения, содержание обучения, дидактические процессы, определенные организационные формы обучения, – и позволяющая воспроизвести их на практике [4, 26].

✓ учебник – средство усвоения содержания образования [5, 82];

✓ учебник – проектируемая цель обучения [6, с. 46];

✓ учебник – развернутая во времени и пространстве содержательная программа деятельности обучения, построенная как последовательное приближение к реализации целей учебного предмета с помощью дидактических средств управления познавательной деятельностью учащихся и организацией процесса усвоения [7, 31] и т. д.

Считаем возможным внести некоторые коррективы, предлагая наше определение учебника как полифункциональную психодидактическую систему, отражающую содержание изучаемого предмета, составленную с учетом психофизиологических особенностей обучающихся и направленную на формирование духовно-нравственных и морально-этических ценностей, а тем самым – на расширение знаний о мире.

Прежде чем перейти к мониторингу школьных учебников русского языка и литературы для казахских школ по обновленной программе следует оговорить, что на сегодняшний день по обновленной программе изданы учебники «Русский язык» для первого и второго классов и «Русский язык и литература» для учащихся пятых и седьмых классов. Как известно, переход на изучение этих предметов по обновленным учебникам для третьего, шестого и восьмого классов планируется в 2018-2019 учебном году, а для четвертого, девятого, десятого и одиннадцатого классов – в 2019-2020.

В соответствии с целью нашей статьи проанализируем изданные и введенные в учебный процесс учебники для начального (1 и 2 классы) и среднего (5 и 7 классы) звеньев казахской школы. Безусловно, отсутствие новых учебников для 3,4,6 классов затрудняет выявление общей картины принципа преемственности. Тем не менее, анализ изданных учебников в определенной степени позволяет судить об аксиологическом компоненте, содержащемся в них.

Перейдем к анализу вышеуказанных учебников на предмет реализованных в них ресурсов формирования гуманитарной культуры.

Учебники разработаны в соответствии с Типовыми учебными программами по общеобразовательным предметам, которые в свою очередь соответствует Государственному общеобязательному стандарту начального, основного среднего, общего среднего образования [8, 5]. Авторами учебников для 1-2 классов являются Т.М. Калашникова, Р.Х. Беспалова, а для 5-го и 7-го – У.А. Жанпейс и Н.А. Озекбаева. Содержание учебной программы в учебниках организовано по разделам обучения, включающим такие виды речевой деятельности, как слушание, говорение, чтение и письмо, а также использование языковых единиц, т.е. грамматических форм слов и синтаксических конструкций.

Известно, что учебник предусматривает реализацию трех педагогических функций: общеобразовательной, развивающей и воспитывающей. Если первые два предполагают вооружение школьников теоретическими знаниями о предмете, развитие учебно-познавательной

деятельности, то последняя направлена на формирование мировоззрения обучающихся, воспитание в них общечеловеческих ценностей. Так, воспитание этических представлений и взглядов, уважение к старшим, взаимоуважение и тактичность начинается с первых страниц учебника для 1-го класса и продолжается на протяжении всего года. Например, тема «Приветствие», являясь первой, учит учащихся правилам приветствия (Урок № 1, упр. 1-3, стр. 6). На уроке по теме «День в школе» школьники узнают о правилах поведения в школе (Урок № 16, упр. 1, стр. 38). Тема «Поход в магазин за покупками» прививает навыки их общения с окружающими (Урок № 29, упр. 1-2, стр. 68) и т.д.

Учебник 2-го класса также начинается с приветственных слов «Здравствуй, второй класс!», обозначенного темой урока. На втором уроке по теме «Слова, которые творят чудеса» учащиеся работают над текстом «Для чего говорят «спасибо»? Сказанное в нем дедушкой слова благодарности ручью, сначала вызвало недоумение у мальчика: *Зачем вы сказали «спасибо»? Ведь он не живой, не услышит ваших слов.* Однако объяснение дедушки заставило задуматься: *если бы напился волк, он бы «спасибо» не сказал. А мы не волки, мы – люди. Подумай, кому нужно это слово.* (Урок № 2, упр. 1, стр. 8).

В учебниках для 1 – 2 классов по русскому языку в соответствии с обновленной программой в той или иной форме реализованы задания, формирующие такие базовые ценности, как «казахстанский патриотизм и гражданская ответственность», «уважение», «сотрудничество», «труд и творчество», «открытость», «образование в течение всей жизни» [8, 3]. В анализируемых нами учебниках эти ценности передаются как посредством отдельных лексических единиц, так и через адаптированные тексты. Рассмотрим некоторые из них. Так, при изучении в 1-ом классе темы «Мои друзья» Правила дружбы представлены словами *помогать, быть честным, не грубить, не жадничать* (урок №23, упр. 2, стр. 55). На следующем уроке, при отработке понятия *друг* вводятся такие определения как *преданный, надёжный, добрый, честный*.

Расширение данной темы можно заметить в учебнике 2-го класса. Здесь, наряду с повторением слов *помогать, не жадничать, не грубить, быть честным*, вводятся новые понятия *уступать, дружба* (урок № 15, упр. 4, стр. 37). Вместе с тем, тема «Мои друзья» представлены в рассказах «Друзья» (урок № 14, упр. 3, стр. 35) и «Истории о друзьях» (урок № 15, упр. 1, стр. 36), в стихотворении «Давайте дружно будем жить» (урок № 14, упр. 5, стр. 35). Так, в рассказе «Друзья» говорится о дружбе мальчика Марата и собаки Рекса, а в «Истории о друзьях» речь идёт о том, как мальчик Вова подружился с уткой. Рассказы эти учат детей не только преданности и честности, но воспитывают бережное отношение к природе. По окончании данного задания предлагается самостоятельно рассказать свою историю о друге (упр. 2, стр. 36). Историей дружбы

можно назвать и Письмо нового друга из России (упр. 3, стр. 37), из которого учащиеся учатся не только «правилам дружбы», но и постигают азы эпистолярного жанра. Представляет интерес обыгрывание речевой ситуации «На дне рождения у Санату», где, отвечая на вопрос *Какие слова сказали друзья Санату*, необходимо использовать опорные слова *дружба, здоровье, друзья, крепкое, настоящая, хорошие* (Урок № 14, упр. 2, стр. 34). Итог данной темы подводится через рассуждение над пословицей *Друзей много не бывает* (урок № 15, упр. 5, стр. 37).

Воспитание казахстанского патриотизма и гражданской ответственности в учебнике 1-го класса представлены темой «Моя страна – Казахстан», изучение которой начинается со знакомства с символикой государства. Далее вводится понятие *родины*, с которым приведены следующий ряд слов: *мама, папа, дом, мой друг, Байтерек, мой аул* (Урок № 31, упр. 3, стр. 73), то есть *родина* – это не только страна, в котором они живут, но и родители, друзья, дом и «малая родина», а её символом является Байтерек. Следующий урок по данной теме начинается с ключевого высказывания *Главное богатство Казахстана – это дружба людей разных национальностей*. (Урок №32, упр. 1, стр. 74). Несмотря на то, что Казахстан богат *углём, нефтью, рудой, пшеницей* (упр. 3, стр. 74), главным богатством является братство и равенство народов, проживающих на территории страны: *Все народы, как братья равны, Всем народам – любовь и почёт!* В следующем задании при описании Казахстана вводятся такие определения как *гостеприимный, любимый*, которые используются при работе над стихотворным текстом *Казахстан – моя земля* (упр. 4, стр. 75). Аналогичную тему «Моя Родина – Казахстан» мы встречаем на уроках №№47-48, что на наш взгляд, не оправдано. Тем более, они даются не сразу, а по истечении определенного времени. Слова *друзья, народ, едины, семья, непобедимы* даются на этих уроках как ключевые, хотя могли бы быть использованы и при первоначальном представлении темы. Исключение составляет лишь лексический ряд, вводимый при стихотворении «Родной язык», в котором он представлен как *сила, свобода, честь и совесть* (Урок №47, упр. 4, стр. 109).

В анализируемых нами учебниках формирование гуманитарной культуры учащихся передаются как посредством отдельных лексических единиц, так и через адаптированные тексты. Рассмотрим некоторые из них. Так, при изучении в 1-ом классе темы «Мои друзья» Правила дружбы представлены словами *помогать, быть честным, не грубить, не жадничать* (урок №23, упр. 2, стр. 55). На следующем уроке, при отработке понятия *друг* вводятся такие определения как *преданный, надёжный, добрый, честный*.

Расширение данной темы можно заметить в учебнике 2-го класса. Здесь, наряду с повторением слов *помогать, не жадничать, не грубить, быть честным*, вводятся новые понятия *уступать, дружба* (урок № 15,

упр. 4, стр. 37). Вместе с тем, тема «Мои друзья» представлены в рассказах «Друзья» (урок № 14, упр. 3, стр. 35) и «Истории о друзьях» (урок № 15, упр. 1, стр. 36), в стихотворении «Давайте дружно будем жить» (урок № 14, упр. 5, стр. 35). Так, в рассказе «Друзья» говорится о дружбе мальчика Марата и собаки Рекса, а в «Истории о друзьях» речь идёт о том, как мальчик Вова подружился с уткой. Рассказы эти учат детей не только преданности и честности, но воспитывают бережное отношение к природе. По окончании данного задания предлагается самостоятельно рассказать свою историю о друге (упр. 2, стр. 36). Историей дружбы можно назвать и Письмо нового друга из России (упр. 3, стр. 37), из которого учащиеся учатся не только «правилам дружбы», но и постигают азы эпистолярного жанра. Представляет интерес обыгрывание речевой ситуации «На дне рождения у Саната», где, отвечая на вопрос *Какие слова сказали друзья Санату*, необходимо использовать опорные слова *дружба, здоровье, друзья, крепкое, настоящая, хорошие* (Урок № 14, упр. 2, стр. 34). Итог данной темы подводится через рассуждение над пословицей *Друзей много не бывает* (урок № 15, упр. 5, стр. 37).

Следующим изданным учебником русского языка и литературы для казахских школ по обновленной программе являются учебники для 5 и 7 классов.

Темой «Здравствуй, сентябрь!» начинается учебник для 5-го класса, где учащимся предлагается составить кластер со словом *сентябрь* (Урок №1, упр. 1, стр. 5). При изучении же темы «Обращение» учащиеся, работая в парах, составляют диалоги с использованием не только обращений, но и слов: *здравствуйте, пожалуйста, спасибо, доброе утро, добрый день, спокойной ночи* и др. (Урок №87 – 88, упр. 525, 531, стр. 104).

Необычно подаётся тема *приветствия* в учебнике для 7-го класса. Так, при изучении темы «Стили речи» учащимся предлагается диалог, в котором нужно к выделенным словам подобрать синонимы: *Привет! Как жизнь? – Привет! Давно не виделась! – Я скинул тебе сообщение, но ты не ответил. – Сорри, дел по горло. – Ну, пока, позвони!* (Урок №6, упр. 29, стр. 21). В ходе выполнения данного задания учащиеся обращают внимание на отличие использования слов *приветствия* в различных стилях речи.

В учебнике для 5-го класса лексический минимум представлен отдельно как в виде переводов слов внутри темы, так и в виде Словариков синонимов и антонимов в конце учебника, слова в которых даны в алфавитном порядке. Так, Словарик синонимов содержит 127 синонимичных рядов, из них более 30-ти содержат аксиологический компонент: *аккуратный, опрятный, чистоплотный; беспокоиться, волноваться, тревожиться; верный, преданный, надежный; гостеприимный, радушный; добрый, душевный, сердечный; дорогой,*

милый, родной (край, отчизна, страна, столица, город, сад, парк); друг, товарищ, приятель; заботливый, внимательный и т.д. Словарик антонимов представлен 158 антонимичными парами, из которых 32 можно отнести к нравственно-духовным ценностям: вежливый – грубый, гордость – скромность, гордиться – стыдиться, добро – зло, добрый – злой, друг – враг, дружба – вражда, мириться – ссориться, положительный – отрицательный, прилежный – ленивый, честный – нечестный и др.

Важную роль в формировании гуманитарной культуры учащихся играют работы над представленными в учебниках текстами. Так, в учебнике для 5-го класса встречаются такие тексты: *монолог из поэмы Н.А. Некрасова «Дедушка Мазай и зайцы»* (Тема №9 упр. 56, стр. 30), *отрывок из рассказа «Родник» Д. Досжанова* (Тема № 14, упр. 104, стр. 51), *текст «Надо ли знать природу?»* (Тема № 16, упр. 114, стр. 55), *рассказ «Об одинокой звездочке»* (Тема № 17, упр. 125, стр. 63), *«Нужда заставила»* (Тема №18, упр. 128, стр. 65), *сказка «Сердце матери»* (Тема № 19, упр. 134, стр. 67), *стихотворение Ю. Белоусовой «Дружба – это дар»* (Тема № 26, упр. 194, стр. 94) и др.

В учебнике для 7-го класса также приведено достаточное количество текстов, в ходе работы над которыми отрабатываются не только те или иные грамматические темы, но и особое внимание уделяется на познание универсальных, культурно-маркированных ценностей. Так, при изучении темы «Публицистический стиль» по тексту «Что значит быть воспитанным?» предлагается выполнить следующие задания: *Прочитайте текст. Почему его можно отнести к публицистическому стилю? Какова задача автора: 1) сообщить информацию; 2) воздействовать на массы; 3) сформировать определенное отношение к общественной жизни, гражданскую позицию? А что значит для вас быть воспитанным?* В итоге учащиеся приходят к выводу, что *воспитанность* – это не только хорошие манеры, но нечто глубокое в человеке. Это значит *быть внимательным к другим, деликатным, тактичным, скромным* (Тема 37, упр. 37, стр. 25). При изучении темы «Рассказ», авторы учебника предлагают работу над рассказом И.С. Тургенева «Воробей», в котором повествуется о случае, произошедшем на охоте. Здесь автор стал свидетелем того, как *старый воробей*, несмотря на опасность, кинулся на помощь *молодому воробью*. Он резюмирует: *Я благоговел перед той маленькой героической птицей, перед любовным её порывом. Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь»* (Тема № 17, упр. 99, стр. 64).

Очень важно помнить, что в школьной педагогике учебники по изучению любого языка и литературы занимают центральное место как в формировании словарного состава и языкового чутья, так и в формировании гуманитарной культуры подрастающего поколения

Список литературы:

1. Каиров И.А. Педагогика. 2-е изд. – М.: Педагогика, 1948. – 464 с.
2. Краевский В.В. Дидактические основания определения содержания учебника Текст. /В.В. Краевский / Проблемы школьного учебника. – Вып. 8. – М., 1980. – С. 34-48.
3. Зуев Д. Д. Школьный учебник. – М.: Педагогика, 1983. – 246 с.
4. Беспалько, В.П. Теория учебника: Дидактический аспект Текст. / В.П. Беспалько. – М.: Педагогика, 1988. – 160 с.
5. Лернер И. Я. Роль учебника в руководстве учебно-познавательной деятельностью учащихся // Каким быть учебнику: Дидактические принципы построения / Под ред. И. Я. Лернера, Н. М. Шахмаева. Ч. 2. – М.: Изд-во РАО, 1992. – С. 80-128.
6. Товпинец И. П. Дидактические функции учебника // Каким быть учебнику: Дидактические принципы построения / Под ред. И. Я. Лернера, Н. М. Шахмаева. Ч. 2. – М.: Изд-во РАО, 1992. – С. 46-79.
7. Журавлёв И.К. О некоторых дидактических требованиях к конструированию школьного учебника Текст. / И.К. Журавлёв // Проблемы школьного учебника. – Вып. 12. – М.: Просвещение, 1983. – С. 22-38.
8. Об особенностях организации образовательного процесса в общеобразовательных школах Республики Казахстан в 2017-2018 учебном году: Инструктивно-методическое письмо. – Астана: Национальная академия образования им. И. Алтынсарина, 2017. – 370 с.
9. Калашникова Т.М., Беспалова Р.Х. Русский язык: Учебник для 1 кл. общеобразоват. шк. с каз. яз. обучения. – Алматы: Алматыкітап баспасы, 2016. – 156 с.
10. Калашникова Т.М., Беспалова Р.Х. Русский язык: Учебник для 2 кл. общеобразоват.шк. с каз. яз. обучения. В 2-х частях. – Алматы: Алматыкітап баспасы, 2017.
11. Жанпейс У.А., Озекбаева Н.А. Русский язык и литература: Учебник для 5 кл. общеобразоват. шк. с казахским языком обучения. В 2-х частях. – Алматы: «Атамұра», 2017.
12. Жанпейс У.А., Озекбаева Н.А. Русский язык и литература: Учебник для 7 кл. общеобразоват. шк. с казахским языком обучения. В 2-х частях. – Алматы: «Атамұра», 2017. – 288 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ

Ш.Т. Кожакеева

к.п.н., проф. КазНПУ им. Абая

С. Нурғалиева-Бердалина

магистрант КазНПУ им. Абая

Аннотация: в данной статье речь идет о проблеме совершенствования читательской деятельности студентов-филологов, т.к. данный тип деятельности является одним из ведущих при изучении литературоведческих дисциплин, следовательно, определение путей его совершенствования окажет влияние на весь процесс литературного образования обучающегося.

Ключевые слова: литературоведческие дисциплины, читательские интересы, читательская активность, интерактивные методы, интерактивная деятельность.

Түйіндеме: мақалада филология факультеті студенттерінің оқуға деген ынта-жігерін арттыру жайлы сөз болады. Себебі қызметтің бұл түрі оқыту жүйесінде әдебиетке баулу мен тәрбиелеуге, оны оқытуды жетілдіру жолдарына тікелей ықпал етеді.

Түйін сөздер: әдеби тәрбие, оқырманның мүддесі, оқырман белсенділігі, интерактивті тәсілдер, интерактивті қызмет.

Abstract: in this article we are talking about the problem of improving the reading activity of students-philologists, since this type of activity is one of the leading studies in literary disciplines, therefore, determining ways of improving it will have an impact on the whole process of literary education of a learner.

Keywords: literary disciplines, reader interests, reading practice, interactive methods, interactive activities.

Сегодня читательская культура личности высоко оценивается мировым сообществом: 2003–2013 годы объявлены ООН десятилетием грамотности. Однако в Казахстане, как и во многих странах мира, наблюдается снижение уровня читательской культуры населения; в связи с развитием компьютерных и других информационных технологий происходит падение интереса к литературе.

Отсутствие интереса к чтению является зачастую главной проблемой подрастающего поколения, проблемой, которую обучающемуся не решить в одиночку.

Возродить традиции семейного чтения, создать условия, в которых формируется интерес к чтению вообще и к конкретным книгам через выявление актуального, значимого для каждого – желаемые результаты в работе над развитием читательского интереса молодежи.

Проблема формирования читательских интересов имеет не только богатую историю развития, но и характеризуется множественностью подходов к ее теоретическому осмыслению и практическому решению. В процессе преподавания литературоведческих дисциплин сложились как определенные методики изучения читательских интересов, так и основные направления в формировании круга чтения.

Активизация читательского интереса, поиски активных форм и методов обучения, стимулирующих читательскую активность были актуальны для преподавателей и методистов разных поколений.

Например, известные методисты 19 века В.Я. Стоюнин, В.П.Острогорский, К.Д. Ушинский уделяли большое внимание личностному подходу в обучении. Они считали, что, изучая художественное произведение, читатель познает жизнь, все то, что происходит в мире, в обществе. Читатель ищет в литературных произведениях, прежде всего, не факты, а отношение личности к жизни.

Актуально и сегодня высказывание Владимира Яковлевича Стоюнина о трех задачах, которые стоят перед преподавателем литературы: «Каждый преподаватель должен найти в своем учебном предмете три живые силы, которые бы благотворно действовали на учащихся: он должен сообщать им истинные познания, касающиеся природы и человека, развивать их и приучать к труду. Материал, передача и восприятие его и разумная работа над ним – вот те три силы, которые должны соединяться в преподавании, чтобы дать ему педагогическое или воспитательное значение. Разъединять их или выделять одну из прочих, значит не понимать настоящей цели преподавания» [1, 2].

Вместе с тем эти три задачи должны быть, по мнению Стоюнина, органически связаны. Сообщать истинные познания – значит раскрывать перед учащимися идеи, заключенные в произведениях; развивать – значит заботиться о том, чтобы эти идеалы были усвоены ими; приучать к труду – значит вырабатывать навык сознательного восприятия идеалов и практического пользования ими.

Таким образом, активизация читательского интереса, поиски активных форм и методов обучения, стимулирующих читательскую активность были целесообразны для преподавателей и методистов разных времен.

Опыт прошлого, осмысленный в данном аспекте, подтверждает логику движения современной методической мысли.

Приобщение к художественному наследию требует от читателя самостоятельного творческого мышления, особого читательского таланта.

В то же время, очевидно, что навыки творческого чтения надо прививать человеку, их надо развивать, вырабатывать, культивировать.

Педагогические пути формирования читательских интересов студентов рассматривает методологические основы педагогических подходов с учетом мотивационных факторов, направленных на развитие интереса к чтению студентов-филологов. «Современное образование нужно строить как систему, создающую условия для самопроектирования, важнейший итог – компетентность, инициатива, творчество, саморегуляция, уникальность обучающейся личности» [2, 22].

Сверхзадача преподавателей литературоведческих дисциплин стимулировать и ориентировать процесс чтения, формировать читательскую культуру, показать огромную роль, которую играет книга в жизни общества и в сознании человека, то есть заложить прочные основы полноценной читательской деятельности.

Читательская активность напрямую зависит от уровня преподавания литературы. Своими установками и действиями преподаватель может стимулировать чтение учащихся, но может и тормозить его примитивными разборами произведений, стереотипными заданиями, схоластическим, формальным характером учета читательских интересов обучающихся. Опыт преподавания и методические исследования показывают, что стимулирующее влияние на читательскую активность могут оказывать все этапы, средства и методы преподавания литературы.

Интерактивные методы обучения являются одним из важнейших средств совершенствования читательской деятельности студентов в высшем учебном заведении. Преподавателю теперь недостаточно быть просто компетентным в области своей дисциплины, давая теоретические знания в аудитории. Необходимо несколько иначе подходить к современному учебному процессу. Интерактивная деятельность на занятиях предполагает организацию и развитие диалогового общения, которое ведет к взаимопониманию, взаимодействию, к совместному решению общих, но значимых для каждого участника задач. В ходе диалогового обучения студенты учатся критически мыслить, решать сложные проблемы на основе анализа обстоятельств и соответствующей информации, взвешивать альтернативные мнения, принимать продуманные решения, участвовать в дискуссиях, общаться с другими людьми. Для этого на занятиях организуются индивидуальная, парная и групповая работа, применяются исследовательские проекты, ролевые игры, идет работа с документами и различными источниками информации, используются творческие работы. Место преподавателя в интерактивных занятиях сводится к направлению деятельности учащихся на достижение целей занятия. Главной отличительной чертой интерактивных методов обучения является инициативность студентов в образовательном процессе, которую стимулирует педагог из позиции партнера-помощника.

Современная педагогика богата целым арсеналом интерактивных методов, среди которых можно выделить следующие:

- творческие задания, работа в малых группах;
- обучающие игры (ролевые игры, имитации, деловые игры);
- использование общественных ресурсов (приглашение специалиста, экскурсии);
- социальные проекты;
- интерактивная лекция, работа с наглядными пособиями, видео– и аудиоматериалами, «студент в роли преподавателя», «каждый учит каждого», мозаика (ажурная пила), использование вопросов, Сократический диалог);
- обсуждение сложных и дискуссионных вопросов и проблем («Займи позицию (шкала мнений)», ПОПС-формула, проективные техники, «Один – вдвоем – все вместе», «Смени позицию», «Карусель», «Дискуссия в стиле телевизионного ток-шоу», дебаты, симпозиум, круглый стол);
- разрешение проблем, case-study – анализ определенных ситуаций («Дерево решений», «Мозговой штурм», «Брейнсторм», «Анализ казусов», «Переговоры и медиация», «Лестницы и змейки»).

Такого рода приемы и методы необходимы как для развития активизации читательской деятельности студентов-филологов, так и для дальнейшего применения ими в своей будущей профессии – учителя литературы в системе школьного образования.

Нами было проведено анкетирование преподавателей кафедры русского языка и литературы КазНПУ им. Абая с целью выявления наиболее эффективных методов и приемов, стимулирующих читательскую активность студентов-филологов в процессе чтения литературоведческих дисциплин.

По мнению преподавателей, правильное построение учебного процесса, разнообразные формы работы на лекциях, семинарах, семинарах-исследованиях с элементами тренинга, семинарах-беседах, семинарах-практикумах и др. является главными моментами в формировании позитивного отношения к чтению студентов-филологов. А для этого необходимо использовать различные методические приемы и техники. Цель которых, дальнейшее развитие интереса к чтению и, как следствие, формирование читательского интереса в целом; совершенствование качества чтения, как основы глубокого и полноценного восприятия художественного текста; развитие речи через формирование правильного литературного языка и умений выражать свои мысли и чувства в разных формах устной и письменной речи; освоение студентами нравственных ценностей, содержащихся в художественном произведении,

осмысление нравственных понятий, формирование нравственных качеств личности на примере литературных героев.

Остановимся на наиболее эффективных интерактивных методах, используемых преподавателями в процессе чтения литературоведческих дисциплин.

Кейс-метод (case-study) – это интерактивный метод обучения, использующий описание реальных проблемных ситуаций. При работе с кейсом обучающиеся осуществляют поиск, анализ дополнительной информации из различных областей знаний, в том числе связанных с будущей профессией. В качестве задания обучающемуся или группе студентов можно предложить подготовить доклад или проект, презентацию. При применении данного метода при изучении литературоведческих дисциплин, обязательно необходимо знание того или иного художественного текста, авторов литературных произведений. Данный метод пользуется позитивным отношением со стороны студентов, для них это своеобразная игра, которая обеспечивает освоение теоретических знаний и практическое использование материала. При работе с кейсом у обучающихся формируются следующие компоненты ключевых компетенций: умения решать проблемы, общаться, применять предметные знания на практике, умение вести переговоры, брать на себя ответственность, толерантность, рефлексивные умения.

Метод – Дискуссии. Литературные дискуссии – эта открытая, публичная форма общения, которая позволяет поднимать и обсуждать с разных точек зрения актуальные темы, тем самым способствуя развитию диалога. В литературных дискуссиях могут принимать участие студенты, преподаватели, приглашенные специалисты в области литературоведения, методисты, писатели, поэты, литературные критики.

Этот интерактивный метод целесообразно использовать при проведении проблемных учебных конференций, симпозиумов, в обсуждении проблем, имеющих комплексный междисциплинарный характер. Содержание докладов, сообщений может быть связано с изучаемым материалом, но может и выходить за рамки программы, в том числе иметь профессиональную направленность.

Дискуссия делает возможным использовать элементы педагогического сотрудничества по типу «студент – преподаватель» и «преподаватель – студент», в которой стираются противоположности между позициями обучающего и обучающихся, а кругозор участников образовательного процесса становится общим достоянием.

Игровые методики также неотъемлемая часть интерактивных форм активизирующих читательский интерес. Например, интерактивный метод «Интервью». Термин «интервью» происходит от английского interview, т.е. беседа. Интервью делятся на группы: Документальные интервью – изучение событий прошлого, уточнение фактов и интервью мнений, цель

которых – выявление оценок, взглядов, суждений и т.п. Интервью мнений – самая распространенная форма интервью. Цель такого интервью – узнать мнение респондента по конкретному вопросу. Их цель в том, чтобы интервьюируемый получил возможность высказать свою точку зрения. Интервью «пресс-конференция» – в этих условиях сложно получить полноценное интервью. Обычно это выступление по определенной теме, где интервьюер может получить комментарий по какому-либо событию. Задача данного метода совершенствование способов поиска, обработки и предоставления новой информации; развитие коммуникативных навыков; актуализация изучаемого содержания на лекции.

Вопросы для интервьюирования формулируются разными способами: При прослушивании нового содержания по теме лекции. До лекции по ее теме, при изучении источников.

Субъектом интервью может выступать как лектор, так и студенты, подготовившие информацию по заданной теме. Вопросы задаются разными схемами: преподавателю на протяжении всей лекции, тогда лекция переходит в форму лекции – консультации, в начале и служат для актуализации рассматриваемого нового содержания, с места студентами по очереди, в письменном виде в «записочках».

«Вопрос-суждение» задается по следующей схеме: сначала пространное рассуждение, а потом сам вопрос. Отвечающий реагирует сначала на суждение и сразу же попадает в положение оправдывающегося. Он вынужден тратить время на объяснения, а потом только кратко ответит на поставленный вопрос, что в целом выглядит крайне не убедительно. При этом задавший такой вопрос занимает позицию судьи.

«Ответы-суждения». В этом случае сначала высказывается суждение о проблеме или о том, кто задал вопрос, или о характере самого вопроса, а потом уже коротко на него отвечают. Этот прием применяется тогда, когда задан неудобный вопрос и ответ на него явно будет невыигрышным. Предлагается заслушать экспертные суждения из аудитории по содержанию полученной информации. Преподаватель подводит окончательные итоги, учитывая экспертные суждения, объем освещенного материала, качество задаваемых вопросов.

Практика подтвердила эффективность применения игровых методик на завершающем этапе (по завершении изучения темы, раздела, курса) обучения литературоведческих дисциплин, являющейся общеобразовательной дисциплиной. При этом происходит освоение участниками игры нового опыта, новых ролей, формируются коммуникативные умения, способности применять приобретенные знания в различных областях, умения решать проблемы, толерантность, ответственность.

«Как известно, чтение – основное средство получения знаний в вузе. Одна из основных целей, которая стоит перед вузами –

формирование, на основе устойчивого интереса к чтению сознательного читателя, владеющего приемами культуры чтения («рациональное чтение»), приемами краткой рациональной записи (скоростное конспектирование), основами библиотечно-библиографической грамотности. Предполагается, что формирование мотивации чтения происходит непрерывно во время учебной деятельности» [3].

Таким образом, литературоведческие дисциплины, основанные на современных и инновационных методах, будут способствовать развитию читательского интереса, что в итоге окажет положительное влияние на дальнейшее развитие и успешное обучение студентов. Изучение лучших произведений классической и современной отечественной, зарубежной литературы будет способствовать формированию читательского вкуса, повышение мотивации к чтению, станет ступенью к возникновению устойчивого интереса к чтению.

Использование новых образовательных технологий в рамках реализации личностно-ориентированного подхода будет способствовать развитию самостоятельного мышления студентов, более глубокому проникновению в выраженные в литературе чувства, мысли, переживания. В процессе приобщения студентов к чтению художественной литературы речь должна идти не только о формировании умений, но и о переносе их в сферу самостоятельного чтения, о приобретении читательского опыта, определенного уровня читательской культуры, который делает возможной полноценную читательскую деятельность. «Необходимо в системе читательских качеств выделить установку и способность видеть в книге источник саморазвития и самосовершенствования, который заключается не только в приобретении знаний, но и крупниц нравственного, эстетического опыта человечества» [4, 77].

Список литературы:

1. Стоюнин В.Я. «О преподавании русской литературы» – С.-Петербург, 1998 // http://elib.gnpbu.ru/text/stoyunin_o-prepodavanii-russkoy-literatury_1898/go,0;fs,1/ стоюнин (дата обращения: 02.02.18).
2. Сомова Л.А. Методика обучения литературе: особенности художественной коммуникации: электронное учеб. пособие. – Тольятти: Изд-во ТГУ. – 2014. – С. 247.
3. Макарова Т.К. Развитие читательских интересов студентов технического вуза как педагогическая инновация: тезисы докл. Респуб. науч.– прак. конф. – Пенза, 1993.
4. Технологии и методики обучения литературе: учеб. Пособие / под ред. В.А.Кохановой. – М.: Флинта: Изд-во Наука, 2011. – С. 248.

ЖАҢАРТЫЛҒАН БІЛІМ БЕРУ НЕГІЗІНДЕ ҚАЗАҚ ТІЛІ МЕН ӘДЕБИЕТІ ПӘНІНЕН ОҚУШЫЛАРДЫҢ ШЫҒАРМАШЫЛЫҚ ҚАБІЛЕТТЕРІН АРТТЫРУ

А.З. Карипова

*ҚАУ жанындағы мектептің қазақ
тілі мен әдебиеті пәні мұғалімі*

*«Бұған дейін жасалғандардың бәрін одан да
жақсырақ етіп жасауға болады».*

Генри Форт

Мемлекет болашағының кепілі – жастарға білім мен тәрбие беру мәселесінен өткір мәселе жоқ екені белгілі. Қазақтың кемел талантты ұлы ұстазы Ахмет Байтұрсынов: «Елді түзетуді бала оқыту ісін түзетуден бастау керек», – деген.

Қазақстан Республикасының білім беру реформаларының негізгі мақсаты – білім беру жүйесін жаңа экономикалық ортаға бейімдеу. Бұл тұрғыда ел Президенті Н.Ә. Назарбаев еліміздің әлемдегі бәсекеге қабілетті 50 елдің қатарына қосылуы туралы міндет қойғаны мәлім. Білім беру жүйесін жетілдіру осы мақсатқа қол жеткізуде маңызды рөл атқарады. Болашақта өркениетті, дамыған елдер қатарына ену үшін заман талабына сай білім қажет.

Елбасымыз Н.Ә. Назарбаевтың «Қазақстандық жол – 2050: Бір мақсат, бір мүдде, бір болашақ» атты Жолдауында еліміз дамуының барлық стратегиялық бағыттарын жүзеге асыратын міндеттер қойылған. Республика болашағына бағдар беретін бұл Жолдауда «XXI ғасырдағы дамыған ел дегеніміз – белсенді, білімді және денсаулығы мықты азаматтар», – деген.

Қазақстан 2030 стратегиялық бағдарламасы білім берудің ұлттық моделінің қалыптасуымен және Қазақстанның білім беру жүйесін әлемдік білім беру кеңестігіне кіріктірумен сипатталады. Қазіргі таңда қазақ тілі – мемлекеттік тіл, қарым-қатынас тілі – орыс тілі және ағылшын тілі – әлемдік кеңістікті тану тілін оқытуда жаңа идеяларды әр сабақта жан-жақты қолданып, жаңаша оқытудың тиімді жолдарын тауып, жүйелі түрде қолдану – заман талабы болып отыр.

Оқытудың парадигмасы өзгерді. Білім берудің мазмұны жаңарып, жаңаша көзқарас пайда болды. Осыған байланысты ұстаздар алдында оқытудың әдіс-тәсілдерін үнемі жаңартып отыру және технологияларды меңгеру, оны тиімді қолдана білу міндеті тұр.

Мемлекетіміздің білім беру үдерісіне енген жаңартылған білім беру бағдарламасы – заман талабына сай келешек ұрпақтың сұранысын қанағаттандыратын тың бағдарлама.

Білім беру бағдарламасының негізгі мақсаты – білім мазмұнының жаңаруымен қатар, критериалды бағалау жүйесін енгізу және оқытудың әдіс-тәсілдері мен әртүрлі құралдарын қолданудың тиімділігін арттыруды талап етеді.

Қазақ тілі мен әдебиеті пәндеріне арналған оқу бағдарламаларындағы оқу мақсаттары оқушылардан шынайы проблемаларды анықтап, зерттей білуді талап етеді. Негізінен жаңартылған білім жүйесі құзыреттілікке және сапаға бағытталған бағдарлама. Жаңартылған білім берудің маңыздылығы – оқушы тұлғасының үйлесімді қолайлы білім беру ортасын құра отырып, сын тұрғысынан ойлау, зерттеу жұмыстарын жүргізу, тәжірибе жасау, АҚТ –ны қолдану, коммуникативті қарым-қатынасқа түсу, жеке, жұппен, топта жұмыс жасай білу, функционалды сауаттылықты, шығармашылықты қолдана білуді және оны тиімді жүзеге асыру үшін қажетті тиімді оқыту әдіс-тәсілдерді (бірлескен оқу, модельдеу, бағалау жүйесі, бағалаудың тиімді стратегиялары). Жаңартылған білім беру бағдарламасының ерекшелігі шиыршық қағидатпен берілуі.

Бағалау жүйесі де түбегейлі өзгеріске ұшырап, критериялық бағалау жүйесіне өтеді. Критериалды бағалау кезінде оқушылардың үлгерімі алдын ала белгіленген критерийлердің нақты жиынтығымен өлшенеді. Оқушылардың пән бойынша үлгерімі екі тәсілмен бағаланады: қалыптастырушы бағалау және жиынтық бағалау. Баланың жан-жақты ізденуін ынталандырады. Критериялық бағалау жүйесі Филиппин, Сингапур, Жапония, Франция, Финляндия сынды дамыған елдерде пайдаланылады. Бұл бағалау жүйесінің артықшылығы – баланың ойлау қабілетін дамытып, ғылыммен айналысуына ықыласын туғызады.

Қалыптастырушы бағалау күнделікті оқыту мен оқу үдерісінің ажырамас бөлігі болып табылады және тоқсан бойы жүйелі түрде өткізіледі. Қалыптастырушы бағалау үздіксіз жүргізіле отырып, оқушылар мен мұғалім арасындағы кері байланысты қамтамасыз етеді және балл не баға қоймастан оқу үдерісін түзетіп отыруға мүмкіндік береді. Жиынтық бағалау оқу бағдарламасынның бөлімдерін (ортақ тақырыптарын және белгілі бір оқу кезеңін (тоқсан, оқу жылы, орта білім деңгейі) аяқтаған оқушының үлгерімі туралы ақпарат алу мақсатында балл және баға қою арқылы өткізіледі. Қалыптастырушы бағалау және жиынтық бағалау барлық пәндер бойынша қолданылады.

Оқушы білімін бағалау жаңа білім беру мазмұнында бес баллдық бағалау емес, критериалды бағалау арқылы бағалануы – оқушылардың оқу жетістіктерін нақты айқындалған, бірге даярланған, оқу үдерісінің барлық қатысушыларына алдын ала белгілі, білім берудің мақсаттары мен мазмұнына сай критерийлермен салыстыруға негізделген бағалау үдерісі. Критериалды бағалау оқыту, тәлім-тәрбие беру және бағалаудың өзара байланысына негізделген. Бұл бағалау жүйесінің оқушы үшін ерекше екендігін тәжірибе барысында байқауға болады.

- Қалыптастырушы бағалау шынайылыққа бағытталады.
- Оқушының өз бетімен жұмыс жасап, тұжырым жасауына ықпал етеді.

- Мұғалім үшін қай оқушының қандай деңгейде екендігін байқауға мүмкіндік береді.

- Оқушының өзара бір-бірін бағалауын қалыптастырады.
- Ата-ана өз баласының қай оқу мақсатынан төмендігіне көз жеткізіп, сол бойынша жұмыс жасауға мүмкіндік жасап отырады.

- Әр мұғалім қалыптастырушы бағалау тапсырмаларын жасау арқылы өздерінің кәсіби бағытта дамуына қол жеткізеді.

Шығармашылық – бұл адам іс-әрекетінің түрі, бұл адамның өмір шындығында өзін-өзі тануға ұмтылуы, ізденуі. Өмірде дұрыс жол табу үшін адам дұрыс ой түйіп, өздігінен сапалы, дәлелді шешімдерді дер кезінде қабылдай білуге үйренуі керек. Тек шығармашылық қана адамға өмірдің мәнін түсінуге, бақытын сезінуге мүмкіндік әпереді. Мұндай күрделі мәселені шешуде үздіксіз білім беру ісінің алғашқы сатыларының бірі болып табылатын бастауыш мектептің алатын орны ерекше, өйткені бастауыш мектеп:

1. Оқушылардың интеллектуалдық, рухани, табиғи нышандарын дамытуға өзінің қызығушылықтарымен бейімділіктерін іске қосуға жағдай жасайды.

2. Жеке адамдық сенімдерін қалыптастыруға жағдай жасайды.

3. Ұжымдық және жеке іс-әрекеттер тәсілдеріне үйретеді.

Баланың еркін шығармашылықпен ойлауына, оның барлық қабілеттерін дамытуға, өз күшіне деген сенімінің болуына жағдай жасайды. Кіші жастағы баланың оқуға, оқу арқылы қабілеттерінің дамуына көп мүмкіндіктер бар.

Ұстаз үшін ең маңызды мақсат – әр сабағын түсінікті, тартымды, тиімді өткізу. Оны жүзеге асырудың бір жолы – оқушыларға білім беру, тәрбиелеу барысында кеңінен қолданылып келген, оқушылардың білім сапасын көтеруге жағдай жасайтын, сабақты тиімді ұйымдастыруға, сабақ уақытын ұтымды пайдалануға, оқушылардың ойлау қабілеттерін дамытуға көп көмегін тигізетін әдіс – эссеі қолдана білу. Қазақ тілі пәнінде эссе жазу жұмысы жиі қолданылады, себебі эссе жазу арқылы оқушылардың өзіндік шығармашылық ойлау және сол ойды жазбаша бере білу дағдылары дамиды.

Эссе – жеке көзқарасты білдіретін шағын көлемдегі, еркін композициялық прозалық шығарма. Эссе жазудың нақты мақсаты:

- Белгілі мәселе бойынша өз пікірін айту және дәлелдеу;
- Сұрақ бойынша өзінің түсінігін, ойын айту;
- Оқырмандарды ақпараттандыру;
- Мәселені талқылау және шындықты табуға тырысу;

- Өзінің және оқырманның көңілін толтыру, рақатқа бөлеу;
- Көңіл-күйінді білдіру және оқырман көңілін аудару, эмоция тудыру;
- Іс-әрекетке түрткі болу.

Әссе жаза отырып, оқушылар басқа адамның көзқарасын білуге, іскерлік қарым-қатынас жасауға, қоғамдық ойға пікір білдіруге, өз жаңалығын жүзеге асыруға, табысқа қол жеткізуге мүмкіндік алады. Қазіргі кезде әссе жазуға оқушылар төселіп келеді.

Қазақ тілі сабағында жаңа сабақты проблемалық ой тудыра отырып хабарлау – оқушыны жаңа сабаққа ерте еніп, ұмтылып жауап іздеуіне көмектеседі, олардың білімге деген қызығушылығын арттырады. Үнемі сұрақ қою жүйесімен жұмыс жасау – білімді меңгерту барысында оқушы деңгейін шығармашылық сатыға көтереді. Бұл – сабаққа жан бітіріп, шығармашылық серпіліс тудырады. Оқушылардың шығармашылық қабілеттерін арттыру үшін қосымша әдебиеттерді шығармашылығы дамитындай етіп пайдаланып отырған дұрыс.

Оқушылардың шығармашылық қабілетін арттырып, ынталандыру үшін сабақтарды мынадай жолдармен өткізуге болады:

1. Сабақта АКТ-ны тиімді пайдалану;
2. Сабақты түрлендіріп өткізу;
3. Сабақта оқушылар өздері жасаған суреттер, кестелер мен сызбаларды пайдалану;
4. Сабаққа қатысты бейнетаспаларды, фильмдерді көрсету.

Оқушылардың шығармашылық қабілетін арттыруда мынадай нәтижеге жетуге болады:

1. Өз бетімен оқуға, жұмыстануға дағдыланады.
2. Шығармашылық ізденіске жетелейді.
3. Өз ісіне деген сенім пайда болады.
4. Әр нәрсеге сын көзбен қарауға үйренеді.
5. Салыстыруға, қорытынды жасауға үйренеді.
6. Шығармашылық белсенділік артады.

Осылардың нәтижесінде дарынды, қабілетті жеке тұлға қалыптасады. Жаңартылған білім беру бағдарламасында қазақ тілі пәнінің берілу жайы да өзгеше. Бағдарлама оқушының төрт тілдік дағдысын: тыңдалым, айтылым, оқылым, жазылым жетілдіруге бағытталған. Бұл төрт дағды оқу жоспарында «Шиыршық әдісімен» орналастырылған және бір-бірімен тығыз байланысты. Яғни, жыл бойына бірнеше рет қайталанып отырады және сынып өскен сайын тілдік мақсат та күрделене түседі.

Қазіргі күні оқу процесінде «ең бірінші тыңдаймыз» деп, оқушылардың тыңдалымға дағдылануына баса назар аударып, оқушының өз бетімен тыңдау дағдысын қалыптастыруға үлкен мән берілуде. Күнделікті сабақ басталмас бұрын, бүгінгі сабақтың мақсатын

таныстыру оқушының өз алдына мақсат қоя білуіне, сабақ соңында сол мақсатқа қол жеткізгендіктеріне қайта шолу жасау арқылы өз нәтижесіне саралау жасауға мүмкіндік беру – бұл да жаңа білім беру мазмұнының жаңа бір қыры деп айтуға болады.

Қорыта айтқанда, аталмыш бағдарламаның мәні, баланың оқу сауаттылығын қалыптастыру. Оқушы өзінің мектеп қабырғасында алған білімін өмірінде қажетке асыра білуі керек. Сол үшін де бұл бағдарламаның негізі «Өмірмен байланыс» ұғымына құрылған. Ұстаздарға үлкен жауапкершілік міндеттелді. Оқушылардың бойына ХХІ ғасырда өмірдің барлық салаларында табысты болу үшін, қажетті дағдыларды дарыту үшін, мұғалімдер тынымсыз еңбектену керек.

Шәкірттерді бәсекеге қабілетті жеке тұлға дәрежесіне жеткізе білу әр ұстаздың міндеті. Сондықтан заман талабына сай болып жатқан өзгерістерден қауіптенбей, мақсатқа сай нәтиже аламыз деп сенемін.

Көркем әдебиет:

1. Мұғалімге арналған нұсқаулық 2017 ж.
2. ҚР орта білім мазмұнын жаңарту еңберінде қазақ тілінде оқытатын мектептердегі бастауыш сынып пәндері бойынша педагогика кадрларының біліктілігін арттыру курсының білім беру бағдарламасы. – 2016 ж.
3. «Тәжірибедегі рефлексия» жалпы білім беретін мектептердегі педагогика кадрларының кәсіби даму бағдарламасы Тренерге арналған нұсқаулық. – 2016 ж.

ҚАЗАҚ ТІЛІН ДЕНГЕЙГЕ БӨЛІП ОҚЫТУДА ЖАҢА ТЕХНОЛОГИЯЛЫҚ ӘДІС-ТӘСІЛДЕРДІ ПАЙДАЛАНУ ЖӘНЕ БАҒАЛАУ ЖҮЙЕСІ

Г.Б. Асқарова

Қазақ-Америка университеті

Аннотация. В данной статье рассмотрено применение приемов, методов и новых технологий в образовательном процессе на уроках.

Аңдатпа. Бұл мақалада білім беру саласында қолданылған түрлі әдіс-тәсілдер мен жаңа технологияны сабақ үдерісінде пайдалану қарастырылған.

Annotation. This article discusses the methodologies and new technologies of teaching in the Republic of Kazakhstan's teaching sphere.

Заман талабына сай білімді, бірнеше тілді меңгерген жастарға қазақ тілін оқытып, үйрету жаңа ізденісті, оқыту кезеңінде жаңа технологиялық әдіс– тәсілдерді енгізуді қажет етеді. Жаңа технологияларды пайдаланудың ерекшелігі – тек стандартта берілген білімді меңгерту емес, тұлғаның танымдық қабілеттерін танымдық жағдайлар арқылы қалыптастыруға, шығармашылық қажеттіліктерін толықтыруға, белсенді сөздік қорын (ауызша және жазба тілінде) дамытуға, т.б. бағытталуы. Ал негізгі қағидалары: оқушыларға ізгілік тұрғысынан қарау, оқыту мен тәрбиенің бірлігі, оқушының танымдық күшін қалыптастыру және дамыту, оқушының өз бетімен әрекеттену әдістерін меңгерту, оқушының танымдық және шығармашылық икемділігін дамыту, әр оқушыны оның қабілеті мен мүмкіндік деңгейіне орай оқыту, оқушылардың жан – жақты дамуы үшін жүйелі жұмыс істеу, оқу үрдісін оқушының сезінуі болып табылады.

Жақсы нәтижелерге қол жеткізіп жүрген ұстаздар қауымының пікірі бойынша, педагогикалық технологиялар қатарындағы дамыта оқыту (Л.Занков, Д.Эльконин, В.Давыдов, В.Репкин, В.Левин), оза отырып оқыту (С. Лысенкова), тірек және тірек конспектілері арқылы оқыту (В.Шаталов), топпен оқыту (В.Дьяченко, В.Монахов), ірі блокпен оқыту (Ж.Көбдікова), сатылай комплексті талдау (Н.Оразақынова), конструкциялы жобалау (Қ.Бітібаева), деңгейлік оқыту, т.б. технологиялар теориялық, тәжірибелік тұрғыдан дәлелденген.

Әрбір технология өзінің жаңа әдіс – тәсілдерімен, қол жеткізер мақсаттарымен ерекшеленеді. Мысалы, деңгейлеп оқыту технологиясында оқушы өз деңгейіне сай қабілеті мен икемін бекіте түсіп, сенімсіздіктен арылып, белсенділігі арта түседі. Тілді меңгерудің анықталған деңгейлері бойынша оқушы өзінің тілдік құзыреттілігін сөйлесім әрекетінің тыңдалым, айтылым және жазылым түрлері арқылы тексере алады.

Қазақ – Америка университетінде тілді деңгейге бөліп оқыту тәжірибесінен мысал келтіре кетейін.

Қазақ тілін өзге тілді дәрісханада деңгейге бөліп оқыту үшін оқушылардың осы күнге дейін алып келген білімі мен дағдысы түрлі бақылау жұмыстары (тест алу, әңгімелесу, оқылым, жазбаша жұмыс алу) бойынша анықталады.

Бастапқы деңгейде алған білімін орта, ортадан жоғары, жоғары, дамытушы деңгейлерде дамытып, кеңейте оқиды, деңгей ішіндегі әр тапсырма пайызбен бағаланады. Деңгей бойынша оқыған студенттің білім дәрежесінің сипаттамасы:

Бастапқы деңгей: Қазақ тілін оқымаған бөгде тілді студенттердің тілді меңгеру деңгейі бірдей болады. Бұл деңгейде студент оқытушының

көмегімен білімін, танымын дамытады. Оқытушы мен студент арасында:

- мақсат қою;
- қадағалау;
- бағалау;
- орындау және өзара тексеру сияты қызмет түрлері сақталады.

Студент дыбыстар жүйесінен бастап, ауызекі сөйлеуге, сұрақтарды түсініп, оған жауап беруге үйренеді яғни күнделікті жағдаяттарда қарапайым тілдік дағдыларды өз мүмкіндігінше пайдаланып, қазақ тілінде қатысымға түседі.

Орта деңгей: Бастапқы деңгейге қарағанда студенттің білім дәрежесі анағұрлым жоғары, күрделі тапсырманы өз бетімен орындай алатын, өзін – өзі дамыта алуға дағдыланған жеке тұлға ретінде қарастырылып, жұмыстар жүргізіледі. Бұл деңгейдің оқушысы өз бетімен қоғамдық орындарда жазылған нұсқауларды оқып, түсіну дәрежесіне жетеді, тілдік бірліктерді дұрыс пайдаланады, жазбаша сауаттылығы артады.

Ортадан жоғары: Студент өз пікірін, дүниетанымын көпшілік алдында жеке тұлға ретінде дәлелдей алатын дәрежеге жетеді. Мысалы: мәтінді оқып, оны талқылауда өз пікірін айту, әртүрлі жағдаяттарға байланысты әңгімеге араласу, өз қатарластары арасындағы талқылау барысында әдеби тілде сөйлеу, жазба жұмыстарды жүйелі сипаттау.

Жоғары: Бұл – үзіліссіз білім берудің нәтижелі сатысы. Студент белгілі бір шығармашылық тақырыпты ашуда шеберлік көрсетумен қатар өзін – өзі бағалай білу шеберлігін меңгереді. Кез келген жағдайда сауаттылығын баяндама, шығарма, жарыссөздерде, қоғамдық ортада, әр түрлі әлеуметтік жағдайларда өз көзқарасын білдіріп, оны қысқаша дәлелдеп, қазақша тілдік қатынасты жан-жақты игереді.

Дамытушы: Деңгейге бөліп оқытудың ең жоғары – шарықтау шегі болып саналады. Бұл деңгейдегі студент қазақ тілін жақсы меңгерген, тілдік қоры бай, сауатты болып келеді, жүргізілетін жұмыс тақырыбы бойынша өз бетімен жоспар құру, оны құжаттармен қамтамасыз ету дәрежесіне жетеді.

Сонымен, қарым – қатынастық біліктерді меңгерту үшін қазақ тілін қоршаған ортамен, шет тілімен, өнермен, тарихпен т. б. байланыстыра оқыту қажет, өйткені қарым – қатынастық білік тек белгілі бір тілге ғана байланысты қалыптаспайды. Оқылым, жазылым, тыңдалым, сөйленім, лексикалық, грамматикалық материалдарды дұрыс қолданып, дұрыс айта алу дағдыларын тиімді, өнімді түрде меңгерту үшін өзге ұлт өкілдеріне тілді деңгейге бөліп оқытудың нәтижесін іс жүзінде көріп отырмыз. Заман талабына сай тұлғаның тіл үйрену барысында деңгеймен берілген тапсырмаларды ауқымды көлемде зерделей игеруінде теңдесі жоқ, қолайлы тәсіл.

Қазіргі ақпараттық қоғамда өндірістің дамуының негізгі құралы болып ақпараттық ресурстардың қажеттілігі көрінеді. Сондықтан білім беру саласы да өзінің дамуы үшін жаңа қадамдарға баруда. Осыған байланысты адамға ақпараттар кеңістігінде дұрыс бағытты таңдауға мүмкіндік жасай алатын оқытудың жаңа технологиялары пайда болуда. Әлем ақпараттық қоғамға аяқ басқан қазіргі заманда ақпараттық мәдениет деңгейі кез келген мемлекеттің дамуының басты дәлелі болып отыр.

Біздің еліміз үшін де басты міндетердің бірі – білім беру жүйесін ақпараттандыру. Халқымыздың рухани көсемі Ахмет Байтұрсынұлы “Мұғалім әдісті көп білуге тырысу керек. Оны өзіне сүйеніш, қолғабыс нәрсе есебінде қолдану керек” дегендей, оқу-тәрбие үрдісіндегі ұйымдастыру істерінде нәтижелі болатын әдістерді сұрыптап пайдаланған жөн. Жаңалықты қабылдау әр ұстаздың ізденісіне байланысты. Дамыған елдердегі білім беру жүйесінде ерекше маңызды болып табылатын мәселелердің бірі – оқытуды ақпараттандыру, яғни оқу, тәрбие үрдісінде ақпараттық технологияларды пайдалану болып табылады.

Ақпараттық қатынастық технология құралдарын оқу, тәрбие үдерісіне қолдану әдістері сан алуан. Осы әдістерді жіктеп көрсетудің мәні зор. Жіктеп көрсетуде, біріншіден, оқушыға берілетін білімнің сапасы артады, екіншіден, оқушымен жүргізілетін жұмыстың дәлдігі артады, үшіншіден, компьютерлік технологияны пайдаланып оқытуда мұғалімнің атқаратын қызметі жеңілдейді. Білім мен дағдының өзара бірігуі арқылы мұғалім теориялық және практикалық әдістерді саралап пайдалануға жаттығады. Соның нәтижесінде ақпараттық қатынастық технология құралдарын қолдану арқылы оқыту әдістері жүйеленіп берілсе, білім берудің сапасы артады. Оқушыларға алтын уақытыңды орынды пайдаланып, оларға тың мағлұмат, тың дүние беру – ақпараттық қатынастық технологиялардың жетістігі. Сабақтарда аталған технологияларды қолдану аясы шексіз және және мұғалімнің арнайы дайындығын қажет етеді. Мысалы, ақын-жазушылардың өмірі мен шығармашылығын оқытуда мультимедиа бағдарламасы тыңдау арқылы мәнерлеп оқытуды, эстетикалық тәрбиені қалыптастырып қана қоймай, шығармашылық қабілеттерінің дамуына да молынан әсерін тигізеді. Сабақ барысында өтілген тақырып бойынша шығарманы талдау барысында өз ойларын ғана білдіріп қана қоймай, эссе, шығарма т.б жазуға дағдыландыру да барынша оқушылардың шығармашылық қабілетін дамытады.

Электрондық оқулықты яғни ақпараттық технологияны оқу үдерісіне белсенді пайдалану – білім сапасын анағұрлым көтереді, әрі тиімді. Power Point, электрондық оқулық, қазақ тілі пәні бойынша жазылған «Цифрлық білім ресурстары» (ЦОР) сияқты ақпараттық технологиямен сабақ өткізу өз нәтижесін көрсетуде. Мысалы, электрондық оқулықпен оқытудың тиімділігін қарастырайық. Электрондық оқулықта

қызығушылықты туғызудың негізгі әдістері ретінде көрнекілік әдісі (аудиолық көрнекілік, визуалдық көрнекілік), анимация, интерактивті жаттығулар алынған.

Лексикалық, грамматикалық ұғымдарды меңгертуде, грамматикалық дағдылар мен біліктерді қалыптастырып, дамытуда көрнекілік әдісінің (түрлі графикалық көрнекіліктер, анимациялық кестелер, сызбалардың) алар орны ерекше.

Қазақ тілінен электрондық оқулықпен интерактив тақтада жаттығуларды орындау оқушылардың қызығушылығын арттырады.

Мультимедиялық бағдарламамен жұмыс жасау барысындағы (өз бетінше жаңа білімді меңгерудегі, бекітудегі, бақылау-бағалаудағы) оқушы мен компьютердің, оқытушы мен оқушының өзара әрекетін ұйымдастыруға негізделген оқытудың интерактивті әдістері оқушының танымдық қызметін ұйымдастыруда, қызығушылығын туғызуда, сөйлесім әрекетінің тыңдалым, айтылым, оқылым, жазылым түрлерін меңгертуде, сөйлесім мен тілдесім әрекеттері үшін қажетті тілдік және коммуникативтік дағдыларды қалыптастыруда өте маңызды қызмет атқарады.

Тілдерді оқытудың оқылым, жазылым, сөйлесім, тыңдалым бағыттары электрондық оқулықтың барлық модульдарында қамтылған. Сөздік, оқылым, грамматика, нәтижені тексеру сияқты бөлімдері тілдерді оқытудың төрт бағытына сараланған.

«Сөздік» бөлімін ашып тыңдаймыз, оқимыз, жазамыз, сөйлейміз бағыттары бойынша жаңа сөздерді меңгерген соң, «Оқылым» бөліміндегі тапсырмаларды орындап, «Тыңдалымдағы» диктордың айтқандарын есте сақтау керек. Сөйлемдегі сөздерді дұрыс орналастыру, оқушының жылдам, әрі сапалы жұмыс істеуіне мүмкіндік береді.

«Грамматика» бөлімі бойынша грамматикалық тақырып түсіндіріледі.

Ережені диктордың айтумен қатар, жазбаша түрі де көрсетілген. Жаңа сабақ лексикалық тақырыпқа, грамматикаға қатысты сұрақтар мен жаттығулар арқылы түсіндірілсе, осы сабақты меңгеру дәрежесін анықтауға және бекітуге «Нәтижені тексеру» бөлімі өте қолайлы. Тыңдауға, оқуға берілген тестпен қатар лексика-грамматикалық тест те бар. Бұл бөлімде лексика, грамматика бойынша өткен материалға қатысты сұрақтар қамтылған.

Ақпараттық компьютерлік технологияны пайдалану арқылы білім бере отырып, электрондық оқулықтармен оқыту жүйесінің, «Сандық білім беру ресурсының» пән сапасын арттырумен қатар басқа да тиімді жақтарын айқын көруге болады:

– сабақ барысында компьютерлік мүмкіндіктерді пайдаланып, слайдқа түсіру;

- интерактивті тақтамен жұмыс жүргізу;
 - сөздік жұмыстарын компьютерге микрофон арқылы жаздырып, тыңдалым қабілеттерін арттыру;
 - мәнерлеп оқу дискілерін пайдалана отырып, диктор даусымен өлеңдерді тыңдату;
 - арнайы дайындалған электронды оқулықтар арқылы өтілетін тақырып төңірегінде оқушыға жан-жақты білім беру;
 - сабақ үстіндегі оқытушы мен оқушы арасындағы қарым-қатынас оқушының іс-әрекетіндегі эмоционалдық көңіл-күйі арқылы пайда болады;
 - мұғалімнің эмоционалдық көңіл-күйі оқушылардың эмоционалдық көңіл-күйін құруда үлкен рөл атқарады.
- Әр оқушының зейіні,есі,қиялы, ойы мен тіл байлығы артып, шығармашылық қабілеттерінің дамуына ықпалын молынан тигізеді:
- әр түрлі тест тапсырмалары мен басқа да компьютерлік нұсқадағы тапсырмаларды өз бетінше ойлана отырып, шешімін табуға мүмкіндік береді;
 - оқу материалдарын жиі қайталау мүмкіндігі өсумен қатар шығармашылық шеберлігінің артуына жағдай туғызады;
 - көрнекті түрде тапсырмаларды орындай алады;
 - ғылыми-зерттеу жұмыстарымен айналысуға көмектеседі;
 - уақытты үнемдейді;
 - қайталау мүмкіндігін кеңейтеді;
 - теориялық білімді өз бетімен оқып үйренуге дағдыланады.

Бүгінгі таңда алынған білім сапасы үшін басты бағыт-ақпараттарды тек білу ғана емес, оны дұрыс қолдана білу.Осы тақырыпта мұғалімдер арасында аудандық ,қалалық семинарларда өз тәжірибемізбен бөлісеміз. Оқушылардың таным белсенділігін арттырып,ой-өрісін дамытуға, қатесіз жазуға үйретіп және мәтінді түсіне оқу арқылы оқу қарқының жетілдіру үшін көптеген жұмыстар ұйымдастырамыз. Электронды оқулықтардағы ойындар арқылы оқушылардың жылдамдығы артады. Жаңа ақпараттық технологиялар мен электронды оқулықтарды қолданудағы қызықты тапсырмаларды орындау арқылы оқушылардың негізгі пәндердегі қиын тақырыптарын меңгеруге қызығушылықтары оянып,белсенділіктері жоғары болды. «Жүз рет естігенше,бір рет көрген артық» дегендей бала оқиды, әрі бейнетаспадан көрінісін тамашалап отырады.

Бұл технологияны қажеттілігі ата-анамен ынтымақтаса жұмыс жасаудағы зерттеу жұмыстарын жүргізуде ерекше орны бар. Ата-аналарды,оқушының өздігінен оқып үйренуге және өзіндік жұмыс жасау қабілетін дамытуға. Мұғалімнің оқушылардың үлгерімін есепке алуда мониторинг жүргізіп,сараптама жасауына мүмкіндік береді. Балалардың танымдық қабілеттерін дамытуға тиімді технологияның бірі-зерттеу

арқылы оқыту. Осы әдіс баланың жаңаша қабылдау қабілетін қалыптастырады.

Дарынды оқушылар арасында құрылған ғылыми ізденіс, зерттеушілік жұмыс оқушылардың білім дағдыларын қалыптастырады, белгілі бір ғылым саласында өз білімдерін жетілдіре, толықтыра түсуіне үлкен ықпал етеді. Осы ақпараттық технология көмегі арқасында оқушылар өздерінің ғылыми-зерттеу жұмыстарын жүргізуде үлкен жетістіктерге жетеді. Ұлттық және жалпы адамзаттық құндылықтар, ғылым мен практика жетістіктері негізінде жеке адамды қалыптастыруға және білім алу үшін қажетті жағдайлар жасау, оқытудың жаңа технологияларын енгізу, білім беруді ақпараттандыруды дамыту міндеттері көзделді. Сондықтан да ұстаздық жол-қиындығы мен қызығы қатар жүретін, өз еңбегінің жемісін, алдындағы шәкірттерінен көрінетін парасаты мен пайымы ұшан-теңіз мамандық.

Қорыта келе осы әдіс-тәсілдерді қолдану нәтижесі:

- Оқушы тұлғасының танымдық қабілеттерін дамытуға;
- оқуға жағымды қызығушылық қалыптастыруға;
- белсенді сөздік қорын арттырып, ауызша және жазбаша тілін ұстартуға;
- тұлғаның қиындықтарға даяр болуы және оны білуін, қарым – қатынас, ойын, танымдық, өзін-өзі бекіту қажеттіліктерін қанағаттандыруға ықпал етеді.

Қолданылған әдебиеттер:

1. Қуанышбаева Ж.А. «Оқу-тәрбие үдерісіндегі ақпараттық-қатынастық технология». – Қазақ тілі. Әдістеме. Республикалық ғылыми-әдістемелік журнал. – № 2. – 2011.
2. Ақитбаев Е.Т. «Жеке тұлғаның шығармашылық дарындылығын қалыптастыру». – «Қазақстан мектебі» журналы. – № 5.
3. Бақыбекова. НТ. «Саралап деңгейлеп, оқыту технологиясы арқылы оқушылардың білім деңгейін арттыру». – А: Қазақ тілі, № 4. – 2010.

НАШИ ЮБИЛЕИ

Международная конференция филологов

24-26 мая 2018 года в Институте филологии и полиязычного образования КазНПУ им. Абая проходила Международная научно-теоретическая конференция «Проблемы поэтики и стиховедения VIII, посвященная 90-летию КазНПУ им. Абая».

Эта конференция, организованная кафедрой русского языка и литературы, – традиционная, она проходит в нашем университете с 2003 года уже восьмой раз. Один раз в три года приезжают гости – ученые-филологи из разных стран. На этот раз география участников особенно обширная. Больше всего докладов представили филологи из России (25). Среди них – 11 учёных из лучших вузов и научных учреждений Москвы (МГУ, Институт русского языка им. В.В. Виноградова, Высшая школа экономики и др.) и 3 филолога из Санкт-Петербурга. Среди российских городов, представленных в программе конференции, встречаются Орёл, Челябинск, Пенза, Владимир, Саранск, Оренбург, Якутск. Вторая страна по представительству на конференции – Польша (6 участников). По два доклада присланы из Италии, Японии, Турции и Египта. По одному – из США, КНР, Швейцарии, Эстонии, Финляндии и Германии.

Кроме ученых из Алматы в конференции участвуют лучшие лингвисты и литературоведы из разных городов Казахстана: из Астаны (12 участников), Караганды (5), Шымкента, Павлодара, Кокшетау (по 2), Актау, Атырау, Кызыл-Орды, Усть-Каменогорска, Курчума, Каратау (по 1).

На первом пленарном заседании с приветственным словом к участникам конференции обратился ректор КазНПУ им. Абая профессор Такир Балыкбаев. Консул Генерального консульства Российской Федерации Ирина Переверзева поздравила собравшихся с началом конференции в режиме он-лайн.

Модератор пленарного заседания директор Института филологии и полиязычного Балтабай Абдигазиулы предоставил слово докладчикам, участникам тематической секции «Филологические науки в КазНПУ имени Абая: традиции и современность»: проректору Поморской академии г. Слупска (Польша) профессору Дануте Герчиньской, директору Института литературы и искусства им. М.Ауэзова академику АН РК Уалихану Калижанову, профессору Карлыгаш Кабдуловой.

С докладом об истории кафедры русского языка и литературы выступила профессор Лариса Эглит.

Среди приехавших на научный форум гостей присутствовали известные литературоведы России, авторы многочисленных монографий и учебников, с которыми знакомы наши студенты-филологи. Это профессор МГУ имени М.В. Ломоносова Лилия Валентиновна Чернец, доцент РГПУ им. А. Герцена Марина Сергеевна Костюхина. Из Финляндии приехала

ассоциированный профессор Екатерина Власова, из Италии – профессор Евгений Казарцев.

Известные казахстанские ученые Галина Мучник, Нагима Сагандыкова, Алия Кулумбетова – постоянные участники конференции «Проблемы поэтики и стиховедения» – выступили на втором пленарном заседании.

Второй день конференции был насыщен научным общением участников в четырёх тематических секциях: «Актуальные проблемы поэтики и современного литературоведения», «Поэтический текст и традиции стиховедения», «Современная лингвистика: теоретические и прикладные аспекты», «Научно-методические вопросы преподавания филологических дисциплин в школе и вузе». В ходе работы каждой секции с докладами выступили от семи до восемнадцати учёных. О степени заинтересованности присутствующих филологов докладами своих коллег свидетельствовали многочисленные вопросы и горячее обсуждение поднятых проблем.

Третий день конференции начался заключительным пленарным заседанием, на котором собравшихся приветствовала проректор КазНПУ им. Абая по научной работе и международным связям Актолкын Кулсариева. От имени руководства университета она пригласила всех казахстанских и зарубежных участников конференции на юбилейные торжества в честь 90-летия нашего университета, которые состоятся в октябре 2018 г.

На этом заседании прозвучало много тёплых слов в адрес нашего университета и организатора конференции – кафедры русского языка и литературы. Заведующая кафедрой профессор Сауле Абишева поблагодарила руководство университета, членов своей кафедры и всех участников конференции за возможность встретиться на таком прекрасном научном празднике.

Продолжая размышлять о плодотворности таких встреч, интересную идею высказала гостя из Санкт-Петербурга Марина Костюхина. Она предложила в рамках научного проекта организовать международную студенческую конференцию, которую можно будет провести последовательно в разных странах – в России (Санкт-Петербург), Польше (Слупск) и Казахстане (Алматы). Такие молодёжные научные контакты будут способствовать не только совершенствованию и апробации исследований молодых ученых, но и положат начало дружеским и научным связям юных филологов разных стран.

Эта тема и многие другие стали предметом обсуждения гостей и хозяев конференции в неформальной обстановке – во время прогулок по городу и экскурсии на Медео. Участники научного форума увезут с собой не только толстый том материалов конференции и сертификат, но и тёплые воспоминания о встречах с коллегами, о спорах и обсуждениях, без которых невозможно научное творчество.

ПОСЛЕСЛОВИЕ ОТ РЕДАКЦИИ

Представляя этот альманах, кафедра русского языка и литературы КазНПУ им. Абая возобновляет традицию издания периодического кафедрального научного сборника. В наше время нет недостатка в печатных и электронных изданиях и, конечно, доктора и кандидаты наук нашей кафедры активно публикуются на страницах казахстанских изданий, а также в журналах и сборниках ближнего и дальнего зарубежья. Но кафедра решила, что было бы неплохо иметь свою профессиональную визитную карточку в виде небольшого издания, которое представит актуальное научное содружество авторитетных и начинающих филологов в Казахстане.

Прочитав альманах, можно понять, что не все материалы равноценны и оригинальны в научном плане. Но альманах нацелен на перспективу и преследует также воспитательные и образовательные цели. Мы надеемся, что требовательность авторов к себе будет расти, и следующие публикации будут серьезнее, глубже, будут содержать новые и смелые научные идеи и гипотезы.

Альманах выходит в печатном и электронном виде. Электронная версия альманаха будет размещена на сайте КазНПУ им. Абая.

В январе 2019 года начинается набор статей в третий выпуск альманаха. Прилагаем **требования для публикации** в нашем сборнике.

Текстовый редактор – Microsoft Word. *Формат* – А 4. *Поля* – 2 см со всех сторон. *Шрифт* – Times New Roman. *Размер шрифта* – 10. *Межстрочный интервал* – 1. *Абзацный отступ* – 1. *Ориентация* – книжная, без простановки страниц, без переносов, без постраничных сносок. *Графики, таблицы и рисунки* – черно-белые, без цветной заливки, все элементы должны быть скреплены в единый макет, без подвижных частей.

По центру, без отступа: *название статьи* – прописными буквами, жирным шрифтом.

Двойной интервал.

По правому краю: первая строка – *и.о. фамилия автора* – жирным шрифтом, курсивом, строчными буквами; вторая и третья строки – *ученая степень, звание, должность, название представляемой организации* (для каждого автора отдельно, в том же порядке).

Двойной интервал.

Аннотация – жирным шрифтом. Аннотация статьи на русском, казахском и английском языках содержит характеристику основной темы, цели работы и ее результаты. *Объем аннотации* – не более 50 слов. *Ключевые слова* – 5 слов на русском, казахском и английском языках.

Двойной интервал.

Текст статьи – выравнивание по ширине. В конце статьи обязательно делаются выводы.

Двойной интервал.

Список литературы приводится в порядке цитирования по тексту в конце статьи в виде нумерованного списка. Библиографические ссылки в тексте берутся в квадратные скобки. Цифры в скобках разделяются запятой [3, 21] (первая цифра – номер источника в списке литературы, вторая – номер страницы в цитируемом источнике). В предложении точка ставится после скобок.

Оплата за публикацию и один экземпляр номера журнала – **4000 тенге**. Плата вносится лаборанту кафедры русского языка и литературы одновременно с предоставлением статьи к рассмотрению для публикации. Редакция оставляет за собой право отбора материалов для публикации. В случае отклонения статьи рецензентами оплата за публикацию возвращается автору.

Материалы высылать по адресу alla_1376@mail.ru. Объем статьи – 4-6 страниц. В названии файла обязательно указывать – Фамилия автора_Альманах_2019, например: <Абаева_Альманах_2019>. Телефон для справок: 8 (727) 385-87-84.

С призывом к сотрудничеству,
редакция альманаха **LingvLit**

LingvLit

Научный альманах

Под ред. С.Д. Абишевой

Подписано в печать 27.05.2018 г.

Формат 60x84 1/16. Бумага SvetoCopy

Объем 15,81 усл. п.л. Тираж 100 экз. Заказ 305

Компьютерная верстка – А.А. Джундубаева

Отпечатано в ТОО «КОПИТЕК»

г. Алматы, ул. Толе би, 65.

Тел.: +7 (727) 261 46 30